ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

I

ОГИЗ – СОЦЭКГИЗ
1935

НАПЕЧАТАНО ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПРЕЗИДИУМА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

19 ноября 1935 г.

Вр. Зам. Председателя Президиума ЛОКА
В. Ундревич

Редакционная комиссия: С. С. Бантке (ответственный редактор), М. С. Годес, С. М. Дубровский, З. Б. Лозинский и Н. Г. Попов

Ответственный секретарь редакционной комиссии Э. А. Корольчук.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ПРИ ЦИК СССР

ТРУДЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ, ВЫПУСК I
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

I

ОГИЗ—СОЦЭКГИЗ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1935

Настоящий сборник составлен из работ научных сотрудников Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии, представляющих собой в большинстве случаев извлечения из подготовляющихся научно-исследовательских монографий. Сборник предназначен для научного работника, преподавателя высшей школы, аспиранта, партийного пропагандиста и может служить пособием при прохождении курса гражданской истории в высшей школе.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
2	23 сверху	июля	июня
5	2 снизу	стр. 322	стр. 323
80	4 снизу	№ 31	№ 54
81	1 и 3 снизу	Freiden	Frieden
139	6 снизу	Шмита	Смита
269	8 снизу	Том Манн	Томзс Манн
272	7—8 снизу	войной	войне

ОТ ПРЕЗИДИУМА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Победа социализма в СССР создала исключительные условия для расцвета науки, литературы и искусства. У пролетариев, колхозников и трудящихся нашей великой родины появилась огромная тяга к знаниям.

Каждый сознательный пролетарий и трудящийся СССР стремится повысить свои знания, чтобы при их помощи максимально ускорить строительство социализма. Но теоретический фронт, как это неоднократно подчеркивал тов. Сталин, резко отстает от практики социалистического строительства и колоссально возросших запросов со стороны масс. Преподаватель высшей советской школы, аспирант, молодой научный работник и партийный пропагандист требуют более быстрого и широкого ознакомления с теми научными работами, какие ведутся иногда в течение продолжительного времени в научных учреждениях.

Идя навстречу этим запросам, Ленинградское отделение Коммунистической академии приступает к изданию непериодических сборников «Труды Ленинградского отделения Коммунистической академии». В них будут публиковаться: научно-исследовательские статьи, представляющие извлечения из научных монографий, подготовляемых отдельными институтами ЛОКА, научные доклады и дискуссии, а также критика и библиография новой литературы.

Являясь непериодическим изданием, «Труды» будут выходить по мере накопления научно-исследовательских материалов в отдельных институтах Ленинградского отделения Коммунистической академии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» имеет исключительное значение не только для коммунистического воспитания молодого поколения нашей страны, но и для всего исторического фронта.

Суровая большевистская критика, какой была подвергнута в этом решении постановка исторического образования в СССР, целиком и полностью относится и ко всему историческому фронту. Если в средней школе советский учитель преподносил учащемуся «абстрактные определения общественных-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»[1], то не малая доля вины за это ложится на тех советских историков, которые, пренебрегая конкретной историей, не сумели как следует помочь советскому учителю и добиться того, чтобы он при изложении исторических событий соблюдал историко-хронологическую последовательность и давал живой, конкретный доходчивый рассказ об исторических деятелях и исторических фактах.

Советские историки имеют за собой значительные достижения в области разоблачения буржуазных и мелко-буржуазных исторических концепций, они провели успешную борьбу против меньшевистских, троцкистских и националистических установок в исторической науке, но советскими историками очень мало было сделано для конкретной разработки в духе марксизма-ленинизма не только всеобщей истории, новой истории колониальных и зависимых стран, но даже и гражданской истории СССР.

Миллионные массы ранее угнетенных народов, пробужденные Великой пролетарской революцией к политической жизни, и активно участвующие в строительстве социализма пролетарии и колхозники нашей великой страны хотят знать свою историю. Они хотят черпать в ней вдохновение для борьбы за создание нового бесклассового социалистического общества. Вот почему Всесоюзная коммунистическая партия большевиков и в особенности тов. Сталин уделяют такое исключительное внимание вопросам гражданской истории. По инициативе тов. Сталина принято постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Тов. Сталиным с величайшей тщательностью были просмотрены представленные советскими историками конспекты учебников для начальной и средней школы и сделаны многочисленные замечания и указания. Являясь боевой программой действий для советских историков, эти указания поставили перед историческим фронтом необходимость самой срочной разработки целого ряда вопросов и освещения тех областей гражданской истории, какие сознательно игнорировала буржуазная историческая наука, в особенности новая история колониальных и зависимых стран.

Блестящим образцом для советских историков и для всех членов партии является также работа главной редакции «Истории гражданской войны», возглавляемой тов. Сталиным, над текстом I тома «Истории гражданской войны».

Это конкретное руководство тов. Сталиным историческим участком теоретиче-

---

[1] О преподавании гражданской истории в школах СССР. „Правда" от 16 мая 1934 г.

ского фронта, его исключительное внимание к нему — вдохновляют и воодушевляют всех советских историков на дело выполнения решений большевистской партии и советского правительства по вопросам гражданской истории, дело, за которое мы, советские историки, несем ответственность перед всей страной.

Выход первого тома монументальной «Истории гражданской войны», создание учебников для начальной и средней школы показывают, что советская историческая наука начинает делать свои первые шаги в деле реализации задач, выдвинутых партией и правительством перед историческим фронтом. Но это только первые и далеко не решающие шаги. Работы у советских историков еще непочатый край, и наша задача заключается в том, чтобы с разных сторон подойти к разрешению вопросов, стоящих перед советской исторической наукой.

Выпуская настоящий сборник научно-исследовательских статей и материалов — «Вопросы гражданской истории» — Институт истории Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР ставит перед собой следующие задачи:

Продолжать боевые традиции советской исторической науки и вести неустанную и беспощадную борьбу против малейших отклонений от марксизма-ленинизма и «систематически разоблачать идеологов и остатки идеологии враждебных ленинизму течений» (Сталин).

Разрабатывать в духе марксизма-ленинизма конкретные вопросы гражданской истории, обращая особое внимание на изучение истории Великой пролетарской революции в октябре 1917 года в России, новой истории СССР, истории революционной борьбы международного пролетариата и новой истории колониальных и зависимых стран.

Поднимать и доводить до сведения советского историка (научного работника и преподавателя) новые архивные документы и материалы.

Знакомить советского историка с новой литературой, выходящей по вопросам гражданской истории.

Облегчить научным исследованием отдельных вопросов гражданской истории работу преподавателя высшей советской школы, молодого научного работника, аспиранта специальных исторических учебных заведений и партийного пропагандиста.

Сплотить советских историков города Ленинграда и Ленинградской области и мобилизовать их на конкретное осуществление решений партии большевиков и Советского правительства в области гражданской истории.

Выпуская настоящий сборник в серии — «Труды Ленинградского отделения Коммунистической академии» — Институт истории надеется, что все советские историки СССР и в особенности советские историки города Ленинграда и Ленинградской области поддержат это начинание.

М. Илюкович

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО И НАРОДНИЧЕСТВО 60—70-х ГОДОВ

1

При изучении утопического социализма в России Маркс — Энгельс — Ленин всегда отмечали три основные и характерные его черты. Прежде всего утопический социализм в России носил крестьянский характер. Ни в одной капиталистической стране второй половины прошлого века не стоял так остро крестьянский вопрос, как именно в России. Борьба крестьянских масс против феодально-крепостнических отношений, в условиях слабости общественной диференциации и недостаточной развитости рабочего класса, облекалась разночинной мелкобуржуазной интеллигенцией в социалистические одежды. На демократические требования наклеивались, по выражению К. Маркса, социалистические этикетки. Меньшевики, воюя против гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и игнорируя революционную роль крестьянства, доктринерски просмотрели эту сторону в русском утопическом социализме. Характерным для всей меньшевистской историографии было изображение утопического социализма, как только движения разночинной интеллигенции, совершенно оторванной от классовой базы. Между тем, как Н. Г. Чернышевский, наиболее типичный представитель революционного просветительства, так и народники 60 — 70-х годов являлись идейными выразителями интересов крестьянской демократии и отражали борьбу крестьянства против феодально-крепостнических отношений. В условиях растущей классовой борьбы и назревания крестьянской революции в стране, Чернышевский выступил как вождь этой крестьянской революции, направленной против крепостничества и самодержавия.

Второй отличительной чертой русского утопического социализма было слияние, переплетение его с демократизмом. В. И. Ленин в своей работе «Что такое друзья народа» прямо говорит, что в эпоху революционного просветительства и народничества 60—70-х годов «...демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое...».[1]

[1] В. Ленин, Соч., т. I, стр. 170.

И третьей особенностью русского утопического социализма является постепенное вырождение и превращение его во враждебную марксизму силу, в злейшего его врага. Вырождение это прогрессирует по мере роста пролетарского движения и распространения марксизма в России.

Утопический социализм в России прошел, по мнению В. И. Ленина, три основные стадии развития. Первый этап охватывает приблизительно 40—50-е годы и начало 60-х годов, второй этап — вторую половину 60-х годов и 70-е годы. Третий период падает на 80—90-е годы. Первый этап — этап революционного просветительства; второй — народничества 60 — 70-х годов; третий — либерального народничества или «мещанского социализма». В XX в. народовольчество и либеральное народничество выродилось в эсерство, «революционный авантюризм» и кондратьевщину, кулацкую контрреволюционную партию.

Народническое движение выступило на арену исторической деятельности в момент превращения России феодальной в Россию капиталистическую, в период складывания и развития российского рабочего класса. Отражая объективно борьбу крестьянства против помещичьего землевладения и абсолютизма, народничество в то же время выступало злейшим врагом пролетарского движения и марксизма в России. Постановление ЦК ВКП(б) о пропагандистской работе от 14 июля 1935 г. прямо указывает, что марксизм в России завоевал господствующее положение в самой ожесточенной борьбе с народнической идеологией, народническими методами борьбы, принципами организации партии и т. д. Тов. Жданов в своем докладе об итогах июньского пленума ЦК ВКП(б) говорил, «что марксизм в дореволюционной России вырос, закалился и окреп в беспощадной борьбе с народничеством на основе разгрома его идеологии, тактики борьбы, с его методами индивидуального террора, разделением общества на «героев» и «толпу», «критически мыслящих» личностей и благодетельствуемую ими массу. Только в борьбе с народничеством пролетариат дореволюционной России получил в свои руки верное оружие марксизма для свержения эксплоататоров». [1]

Защита народниками нереволюционной теории, [2] отрицающей классы и классовую борьбу, отрицание в России капитализма и тем самым отрицание развития рабочего класса, стремление повернуть общественное развитие назад и окольным путем, минуя капитализм, прийти через русскую общину и артель к социализму, реакционная защита докапиталистических отношений, деление общества на «героев» и «толпу», отрыв от массового движения и ставка на горстку революционной интеллигенции, понимание политической борьбы в духе узкого заговорщичества и отсюда проповедь узко-интеллигентского терроризма, — все это превращало народничество во враждебную марксизму и пролетарскому движению силу.

---

[1] «Ленинградская Правда» № 141, 1935 г.
[2] См. В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 133 и 464.

С первых шагов своего развития рабочее движение в народничестве встретило своего врага. История развития рабочего класса в России есть история мучительного преодоления народничества и ожесточенной борьбы с ним. Только разбив народническую идеологию, методы борьбы, организационные принципы, мог восторжествовать революционный марксизм в России, подлинно-пролетарская революционная идеология. «Марксизм, — говорит тов. Сталин, — есть научное выражение коренных интересов рабочего класса».[1] Народничество же является идеологией, системой взглядов мелкобуржуазного утопического и реакционного социализма, который являлся злейшим врагом научного социализма.

В нашу задачу не входит изложение истории конкретной борьбы рабочего движения с народнической идеологией. Освещение этой проблемы, в высшей степени актуальной в настоящее время, должно стать предметом специального исследования. Укажем только, что создание в 70-х гг. первых рабочих организаций — «Южно-российский рабочий союз» и «Северно-русский рабочий союз» — являлось показателем того, что рабочий класс уже выходит на политическую арену, превращается в движущую и определяющую силу исторического процесса. Но эти первые рабочие организации, борясь с народниками, враждебно относившимися к самостоятельной роли рабочего класса, все же находились в известной мере под их идеологическим влиянием. Программы «союзов» ярко иллюстрируют отравляющее воздействие народнической идеологии на пролетарское движение. Первые организации рабочего класса выросли и окрепли в борьбе с народничеством. Тем не менее преодолеть народничество они не могли, так как они не были еще марксистскими организациями. К тому еще в этот период народническое движение достигало в своем развитии кульминационного пункта. Вся дальнейшая история рабочего класса, как неоднократно указывал В. И. Ленин, «Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелко-буржуазным народническим социализмом».[2] Попытки Теодоровича и Невского видеть в народничестве не злейшего врага марксизма, а зародыш большевизма, идут в разрез с ленинизмом, являются прямым и неприкрытым извращением истории большевизма. Стремление Теодоровича найти в партии «Народная воля» в первоначальном виде основные элементы большевизма,[3] как идею диктатуры пролетариата, идею советов, переходного периода, нэпа и т. д., является не чем иным, как вымыслом, подкрашиванием, идеализацией идеологии мелкой буржуазии, попыткой растворить научный марксизм в мелкобуржуазной идеологии, стереть между ними качественную грань. Точка зрения Теодоровича является враждебной ленинизму, она извращает историю нашей партии и в вопросах практики социалистического строительства, переделки мелкого крестьян-

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 597.
[2] В. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 360.
[3] Дискуссия о «Народной воле», изд. Коммунистической академии, 1930, стр. 50.

ского хозяйства ведет к право-оппортунистическим выводам, играет на руку классового врага.

Точка зрения Невского от точки зрения Теодоровича принципиально ничем не отличается. Разница между ними только та, что если Теодорович особое пристрастие питает к народовольцам и в них видит зародыш большевизма, то Невский в противоположность Теодоровичу зародыш ленинизма находит в партии «Черный передел». «Чернопередельчество, — пишет Невский, — это — народничество, а именно народничество в течение всех 80-х годов и переживало ту эволюцию, которая в конце концов и привела к социал-демократии. Изучение истории чернопередельческих организаций имеет исключительное значение при решении вопроса огромной важности о двух путях проникновения теории марксизма в Россию: одном — через группу «Освобождение труда» и другом, как это мы пытались впервые доказать, — самостоятельном, начиная с 70-х годов, от социал-демократов-лавристов через народнические, чернопередельческие группы». [1]

Концепции Невского и Теодоровича не являются сколько-нибудь новой постановкой вопроса. Задолго до них по линии приближения народничества к марксизму, как мы покажем дальше, не раз подвизались меньшевики, в особенности П. Аксельрод, а также эсеры вроде Иванова-Разумника, которые, отвергая марксизм, считали народнический социализм научным социализмом.

2

Ведя самую суровую и беспощадную борьбу с народническим социализмом, как злейшим врагом марксизма и пролетарского движения, В. И. Ленин указывал в то же время, что народники, как выразители мелкобуржуазного демократизма, отражали борьбу крестьянства против феодально-крепостнических пережитков. Объективно борьба народников и просветителей означала борьбу за «американский путь» развития капитализма в России. Являясь продуктом одной и той же социальной базы, крестьянской демократии, революционное просветительство 60—70-х годов окрашивало свои различные идейные и теоретические позиции в социалистические цвета. Как Чернышевский, так и Бакунин, Лавров, Ткачев были представителями утопического социализма, но группа Н. Г. Чернышевского стояла в теоретическом отношении несравненно выше идеологов народничества. Вот почему В. И. Ленин в своих работах о народничестве, в частности в работе «От какого наследства мы отказываемся», определял революционное просветительство, главным образом группу Н. Г. Чернышевского, как особую ступень утопического крестьянского социализма, отличную во многом по своим теоретическим основам от народнического социализма, идеологами которого были Бакунин, Лавров и Ткачев.

[1] В. Невский, От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда», стр. 182.

В настоящей статье мы и ставим себе задачу показать, с одной стороны, на конкретном историческом материале ленинский анализ революционного просветительства и народничества и, с другой стороны, проследить эволюцию утопического социализма в сторону вырождения, превращения его в злейшего врага марксизма. До сего времени богатейшие высказывания В. И. Ленина по данному вопросу не были использованы историками русской общественной мысли. Работа В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся», направленная против главы либеральных народников Михайловского, который считал, что они являются продолжателями идейного наследства Чернышевского, работа, имеющая огромнейшую методологическую ценность, не получила еще должной оценки. Ряд историков русской общественной мысли и в настоящее время по традиции пытается поставить знак равенства между идейными взглядами революционного просветительства Чернышевского и народничества 70-х гг. Между тем, Маркс — Энгельс — Ленин очень далеки были от такой постановки вопроса.

Между революционным просветительством и народничеством В. И. Ленин проводит водораздел. В своей работе «От какого наследства мы отказываемся» он характеризует революционное просветительство, возглавляемое Н. Г. Чернышевским, тремя основными и главными признаками: 1) глубокая ненависть к крепостному режиму и ко всем крепостническим отношениям вообще; 2) защита всесторонней европеизации России, и 3) искренняя защита интересов трудящихся. «Эти три черты, — указывает дальше Ленин, — и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет*»[1] (курсив Ленина). Направляя удар против либеральных народников, пытавшихся установить идейную преемственность между народничеством и революционным просветительством, В. И. Ленин указывает, что «...по существу воззрений между ними нет общего, они ставят разные вопросы».[2] В противовес революционным просветителям В. И. Ленин для народничества считает характерными другие черты: 1) признание капитализма в России упадком, регрессом; 2) признание самобытности русского экономического строя вообще, и крестьянства с его общиной, артелью и т. д. — в частности, и 3) игнорирование связи интеллигенции и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов. Дав классическую характеристику народничества, В. И. Ленин опять подчеркивает, что учение народников о самобытности находится в «...полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией».[3]

Все буржуазные и мелкобуржуазные историки не понимали этой разницы между мировоззрением Чернышевского, между тем, что́ Ле-

---

[1] В. Ленин, Соч., т. II, стр. 314.
[2] Там же, стр. 322.
[3] Там же, стр. 325.

нин называл «наследством 60-х годов», и народничеством. В. В. Святловский, Иванов-Разумник, Богучарский и Струве ставили полный знак равенства между идейным содержанием того и другого. В. И. Ленин вел решительную борьбу против такой вульгаризации.

В чем же В. И. Ленин и основоположники научного социализма, Маркс и Энгельс, видели разницу между Н. Г. Чернышевским и народниками? Прежде всего — в различном уровне теоретической мысли. Идейными источниками мировоззрения Чернышевского были гегелевская философия, фейербахианский материализм, классическая политическая экономия и социализм великих утопистов. Чернышевский стоял на самом высоком уровне революционной мысли домарксова периода. С начала 60-х годов обнаруживается резкий спад революционной мысли в России. Этот спад подметили впервые Маркс и Энгельс. Как известно, Маркс и Энгельс очень высоко ценили Н. Г. Чернышевского и Добролюбова. Маркс в послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» назвал Н. Г. Чернышевского «великим русским ученым и критиком», «глубоким мыслителем». В письме Маркс сообщает Николаю—ону, что он хочет «напечатать что-нибудь о жизни и деятельности Чернышевского, чтобы вызвать сочувствие к нему в Западной Европе».[1] А Энгельс в статье «Эмигрантская литература» назвал Чернышевского и Добролюбова социалистическими Лессингами.[2] Высокую оценку Добролюбову давал и Маркс: в письме к тому же Николаю — ону он ставит его в ряды таких писателей, как Лессинг и Дидро.[3]

Что же касается идеологов народничества — Бакунина, Лаврова и Ткачева, то основоположники научного социализма расценивали их теоретические взгляды отрицательно. Философию Лаврова Энгельс в упомянутой нами статье называет сугубо эклектической. «По своей философии, — пишет Энгельс, — друг Петр является эклектиком, который старается из самых различных систем и теорий выбрать наилучшее...».[4] А Ткачева Энгельс охарактеризовал как «на редкость незрелого гимназиста, как своего рода Карлхен Мисника русской революционной молодежи».[5] Убийственную характеристику теоретических взглядов Бакунина дает К. Маркс в письме к Больте. Маркс пишет, что Бакунин — «...человек без всяких теоретических знаний»... «Его программа — это понадерганная отовсюду мешанина»... его доктрина — «белиберда, составленная по кусочкам из прудоновских, сенсимонистских и других теорий»... «Бакунин в теоретическом смысле нуль».[6]

В. И. Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, тоже очень высоко оценивал теоретические взгляды Н. Г. Чернышевского, определяя его

---

[1] «Летописи марксизма», II, 1930, стр. 53.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 235.
[3] «Летописи марксизма», II, 1930, стр. 42.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 231.
[5] Там же, стр. 235.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, под ред. Адоратского, 1931, стр. 267, 268.

как «русского великого социалиста до-марксова периода»,[1] как «величайшего представителя утопического социализма в России»[2] и, наконец, как «великого русского гегельянца и материалиста».[3] Народничество же, указывает В. И. Ленин, как в области философии, так и в области социально-экономических взглядов было движением назад, отходом от идейного наследства революционного просветительства. «В философии Михайловский, — пишет Ленин, — сделал *шаг назад* от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные «позитивисты» (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами. И до сих пор среди учеников Михайловского, даже самых «левых» народников (вроде г. Чернова), царят эти реакционные философские взгляды».[4] Ленинская оценка философских взглядов либерального народничества целиком относится и к философскому багажу народников 60—70-х годов.

Спад теоретического уровня русской революционной мысли после Н. Г. Чернышевского прежде всего резко выразился в вопросах философии. Известно, что в 40—50-х годах гегелевская философия была в России очень популярна. Гегеля даже в шутку называли Егором Федоровичем. Последователями философских взглядов Гегеля были не только революционные просветители, но и просветители либерального направления типа Грановского, Кавелина, Соловьева, Чичерина и др., которые в отличие от революционных просветителей заимствовали у Гегеля только теорию развития, понимая ее в смысле плоской буржуазной эволюции, и закономерность исторического процесса. Диалектику же Гегеля правые просветители абсолютно игнорировали. Только Чернышевский и другие революционные крестьянские демократы поняли революционную сущность диалектического метода. Они, говорит В. И. Ленин, поняли, что диалектика Гегеля представляет из себя «алгебру революции».[5] Гегелевскую диалектику Герцен и Чернышевский ставили необычайно высоко. Н. Г. Чернышевский, выступая против вульгарных экономистов, указывал, что «человек, не имеющий понятия о таком важном факте, как например гегелева философия, не может считаться просвещенным человеком и становится смешон, когда принимается рассуждать об ученых предметах».[6] Статья Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного землевладения» является образцом применения идеалистической диалектики Гегеля к конкретной действительности. Недаром В. И. Ленин назвал Чернышевского «великим русским гегельянцем».

Заслуга Н. Г. Чернышевского заключалась еще и в том, что он

[1] В. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 212.
[2] Там же, т. XVII, стр. 224.
[3] Там же, т. XIII, стр. 293.
[4] Там же, т. XVII, стр. 224. Курсив В. И. Ленина. — *М. И.*
[5] Там же, т. XV, стр. 464.
[6] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VI, стр. 37.

уже осознавал историческую ограниченность гегелевской философии и ее «устарелость». «Время той философии, — писал наш автор в «Очерках гоголевского периода русской литературы», — последним и величайшим представителем которой был Гегель, прошло для Германии. При помощи результатов, выбранных ею, наука сделала, как мы сказали, шаг вперед, но новая наука эта явилась только как дальнейшее развитие гегелевой системы, которая навсегда сохраняет историческое значение, как переход от отвлеченной науки к науке жизни».[1] Под «наукой жизни», как известно, «великий русский гегельянец» понимал философию Людвига Фейербаха, последователем которого он и оставался до конца своей жизни. «Из всех книг, какие читывал я, только у Людвига Фейербаха не находил я глупостей»,[2] вспоминал Чернышевский, заточенный в Сибири.

Чернышевский пытался соединить диалектику Гегеля с материализмом Фейербаха, но потерпел неудачу. У Чернышевского материализм остался механистическим, а диалектика Гегеля идеалистической. Между диалектикой и материализмом существовал разрыв. В силу отсталости российской действительности Чернышевский, — говорит Ленин, — не мог подняться до уровня диалектического материализма Маркса — Энгельса,[3] он только вплотную подошел к нему и остановился перед историческим материализмом.

Несмотря на все недостатки философского мировоззрения Чернышевского, на его механицизм, антропологизм, элементы идеализма, все же материализм Чернышевского был в России самым передовым учением для своего времени и играл положительную революционную роль в борьбе со старой феодальной идеологией.

Чернышевский был не просто материалистом, он был воинствующим материалистом. Его материализм был тараном, который сокрушал всякую феодальную идеологию, поповщину, идеализм, религию и т. д. Чернышевский, будучи в Сибири, вел беспощадную борьбу с неокантианцами, позитивистами. Объективно эта борьба была направлена также и против философии народников, которые, как мы покажем, были последователями позитивизма и неокантианства.

Гегельянцами в области метода и вместе с тем материалистами революционные просветители оставались и в тот период, когда народническая молодежь 60 — 70-х годов издевалась над Гегелем и делала шаг назад от материализма Фейербаха либо к вульгарному материализму Фогта, Молешота, Бюхнера, либо к позитивизму Конта, либо к неокантианству.

В историко-социологических вопросах Чернышевский оставался идеалистом, на исторический процесс он смотрел глазами просветителя, придерживался точки зрения французских материалистов и великих социалистов-утопистов, которые полагали, что «мнения правят миром». В основе социалистических и исторических взглядов

[1] Н. Г. Чернышевский, Избр. собр. соч., т. IV, стр. 236.
[2] «Чернышевский в Сибири», 1912, вып. I, стр. 83.
[3] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 295.

Чернышевского, как и всех социалистов-утопистов, лежало идеалистическое представление о развитии общества. Чернышевский точно так же, как и остальные утописты, не мог понять и вскрыть законы общественного развития. Его историческое мировоззрение не выходило из рамок идеалистического понимания развития общества. Фейербахианец, материалист «снизу», Чернышевский во всех социологических вопросах оставался идеалистом «сверху». В своих исторических взглядах Чернышевский не отличался от остальных социалистов-утопистов, но в рамках идеалистического понимания истории он несравненно глубже понимал общественное развитие, нежели идеологи народничества.

3

С начала 60-х годов, после смерти Добролюбова и ссылки Н. Г. Чернышевского, начинается в развитии философской мысли крутое попятное движение. Относительно стройное философское мировоззрение революционных просветителей сменилось поверхностным эклектическим мировоззрением идеологов народничества — Бакунина, Лаврова и Ткачева.

Первым, резко выступившим против философии Гегеля, был Писарев, самый крупный популяризатор вульгарного материализма и исторических взглядов Огюста Конта. В своей знаменитой статье «Наша университетская наука» он писал, что «о философии Гегеля распространяться нечего. Всякий читатель знает по наслышке, что это штука хитрая, и что понимать ее мудрено и кроме того бесполезно».[1] Издеваясь над философией Гегеля, Писарев считал Огюста Конта одним «из величайших мыслителей нашего века».[2] Писарев не был народником, он являлся революционным демократом, выражавшим интересы городской мелкой буржуазии,[3] но, несмотря на это, он оказал большое влияние на философское мировоззрение народников. У Писарева с народниками наметился единый фронт против философии Гегеля. В унисон с талантливым популяризатором вульгарного материализма против гегелевской диалектики боролся Петр Ткачев. Давая рецензию в журнале «Дело» на книгу Гегеля «Философия природы», он выразил свое отношение к философии великого немецкого идеалиста, которое и сохранял на протяжении всей своей деятельности. «Для большинства нашей читающей публики, — писал Ткачев в этой рецензии, — книги Гегеля навсегда останутся неразрезанными книгами, и мы совершенно согласны с одним московским публицистом, что мы не имеем и не можем иметь ни малейшего разумного основания, ни малейшей действительной причины заниматься гегелевской философией. Философия эта не имеет никакого другого значения, кроме чисто исторического».[4] Точно такое же отношение

[1] Писарев, Собр. соч., т. III, изд. 1894 г., стр. 28.
[2] Писарев, Исторические идеи О. Конта, Собр. соч., т. V. стр. 313.
[3] В. Кирпотин, Радикальный разночинец Д. И. Писарев, 1929, стр. 245.
[4] Рецензия Ткачева на книгу Гегеля «Философия природы», «Дело», 1868, № 5.

к гегелевской философии мы наблюдаем и у Лаврова. Русский неокантианец не понял революционного значения гегелевской диалектики, он в философии Гегеля увидел только одну сторону — «обоготворение государства», [1] но так как основное народническое направление было анархическим, в том числе и лавристское, то, естественно, Лавров в лице Гегеля-государственника увидел своего противника. Аналогичный подход к диалектике Гегеля был и у Бакунина. «Апостол всемирного разрушения» считал, что философия Гегеля ведет более к «верноподданническому послушанию, чем к бунту». [2]

Общим философским направлением для всех течений народничества был позитивизм. Упор на факты, статистический подход к ним, отказ от установления общих законов развития, эмпиризм, разграничение статики и динамики, механицизм, агностицизм, смесь субъективизма с волюнтаризмом — все это составляло учение Огюста Конта и в то же время стало общим философским достоянием всего народничества 60—70-х годов.

Народничеству 60—70-х годов, точно так же как и либеральному народничеству, был свойственен эклектизм, специфическая черта мелкобуржуазной идеологии. Так например, кроме О. Конта, на Ткачева имел влияние материализм Фейербаха, [3] вульгарный материализм Фогта, Молешота и Бюхнера, [4] французские материалисты, [5] глава органической школы общества Спенсер, [6] а также идейный вождь утилитаризма Бентам и его популяризатор Д. С. Милль. [7] Кроме этого русский бланкист не был свободен и от влияния Маркса. Ткачев выступил на арену революционной деятельности в то время, когда в Россию начали проникать идеи диалектического и исторического материализма, что конечно не могло не сказаться на взглядах Ткачева. Петр Ткачев уже в 1866 г. заявил, что «все явления юридические и политические представляют не более как прямые юридические последствия явлений жизни экономической; эта жизнь юридическая и политическая есть, так сказать, только зеркало, в котором отражается экономический быт народа». [8] На основании этой цитаты и других подобных мест некоторые историки, как например Козьмин, считают Ткачева ранним представителем теории экономического материализма, отождествляя последний с марксизмом. Во-первых, Ткачев никогда не был экономическим материалистом. Теория экономического материализма, в противовес теории исторического материализма, была создана позже ревизионистами эпохи второго Интернационала; во-вторых, издатель «Набата» понимал экономический материализм в дарвинистском духе, как борьбу за существование, за

[1] П. Л. Лавров, Исторические письма, 1906, стр. 232.
[2] См. «Государственность и анархия», изд. Балашова, стр. 159—165.
[3] П. Ткачев, Избр. соч., 1932, т. II, стр. 177.
[4] Там же, т. III, стр. 309.
[5] «Проблемы марксизма», 1933, № 7, стр. 120.
[6] Рецензия на книгу Льюиса и Милля «О. Конт и положительная философия», «Дело», 1867, № 9.
[7] Б. Козьмин, П. Н. Ткачев; см. гл. «Эстетические взгляды Ткачева».
[8] П. Ткачев, Избр. соч., т. I, 1932, стр. 69.

личный интерес и личную пользу. Кроме того, ссылки Ткачева на экономический фактор не являются системой взглядов, это только случайные высказывания, вытекающие из его эклектического мировоззрения. Таковы идейные источники философско-социалистических взглядов Ткачева.

Позиция П. Ткачева по отношению к марксизму была явно враждебной, об этом свидетельствует хотя бы его «Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу», написанное в 1874 г., в котором он самоуверенно заявляет, что «по меньшей мере с той фракцией, во главе которой стоят господа Маркс и Энгельс», мы «никогда солидарны не будем и быть не должны».[1] Зачислять Ткачева в родоначальники марксизма можно только или по теоретической наивности или по стремлению ревизовать марксизм-ленинизм.

Философию Бакунина тоже характеризует позитивизм. Бакунин, третируя Маркса и Гегеля, весьма положительно относился к автору «Курса положительной философии». «Объединение всех положительных наук в единое человеческое знание, — писал Бакунин, — образует позитивную философию или всеобщую науку. Преемница и в то же время абсолютное отрицание религии и метафизики, эта философия, предугаданная и задолго подготовленная всеми благородными умами, была впервые возведена в законченную систему великим французским мыслителем Огюстом Контом, который набросал ее первый план ученой и смелой рукой».[2] Бакунин не был в состоянии отличить материализм Маркса от материализма Бюхнера.[3] «Капитал» Маркса, который он собирался переводить на русский язык, Бакунин называл в письме к Огареву «экономической метафизикой».[4]

Позитивную философию и вульгарный материализм Бакунин сдабривал волюнтаризмом Фихте, Лассаля и теорией насилия Евг. Дюринга. Штудируя самым тщательным образом книгу Бакунина «Государственность и анархия», Маркс писал, что Бакунин «абсолютно ничего не смыслит в социальной революции, знает о ней только политические фразы. Ее экономические условия для него не существуют... *Воля*, а не экономические условия, является основой его социальной революции».[5]

Влияние Лассаля на народников было огромно. Как известно, в области философии Лассаль, не покидая позиций левого гегельянца, совершил поворот к Фихте, поворот к «активизации субъекта», пытаясь возвратом к философии Фихте обосновать активную роль личности в историческом процессе. При незнании законов общественного развития «активизация субъекта» приводила Лассаля к волюнтаризму. Теория волюнтаризма была как раз на руку Бакунину, Ткачеву и Лаврову. Не имея никакого понятия о законах развития общества, игнорируя конкретный, действительный ход русского исто-

[1] П. Ткачев, Избр., соч., 1933, т. III, стр. 89.
[2] Цитировано по Стеклову, Бакунин, т. III, стр. 143.
[3] См. «Государственность и анархия», стр. 160—161.
[4] Письма М. Бакунина к Герцену и Огареву. СПБ. 1906, стр. 358.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 188.

рического процесса, народники стремились преодолеть ненавистную им русскую действительность сверхчеловеческими, «героическими» усилиями, субъективистски. С этой стороны влияние Лассаля не только на Бакунина, но и на других идеологов народничества было велико.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что народники не имели революционной теории, которая позволила бы им вскрыть конкретную историческую действительность и связать свое движение с борьбой классов.[1] Их теория была утопической, мелкобуржуазной, она неизбежно вела к отрыву от массового движения и переходу к индивидуальному терроризму. Субъективный метод в социологии по существу являлся теоретическим обоснованием индивидуальных методов борьбы.

Позитивная философия, в то время весьма модная, влияла и на мировоззрение Лаврова. Петр Лавров и Н. К. Михайловский, глава либерального народничества, очень резко выступали против материализма, считая его устарелым. Близкий знакомый Лаврова, известный позитивист Вл. Лесевич, застал однажды Лаврова за чтением только что вышедшей «Истории материализма» Ланге. «Жестоко досталось материалистам в этой книге, — сказал Лавров Лесевичу, — и поделом».[2] В основном Лавров был неокантианцем, представителем фрейбургской школы, во главе которой стояли такие неокантианцы, как Виндельбанд, Риккерт, Мюнстенберг и другие. Он вслед за Кантом отрицал объективные критерии истины. Пора установить мыслящим личностям, писал он в «Исторических письмах», «что различия важного и неважного, благодетельного и вредного, хорошего и дурного суть различия, существующие лишь для человека, а вовсе чуждые природе и вещам самим по себе». Вне человека, по мнению Лаврова, существует только одновременное и последовательное сцепление фактов. Прогресс истории есть понятие субъективное, вносимое исследователями в хаос фактической истории. Лавров явился основоположником в России субъективного метода в социологии, который впоследствии развивал и защищал в борьбе против марксизма «властитель дум» Михайловский. У Михайловского неокантианство еще в более сильной степени, чем у Лаврова, было окрашено в позитивистские цвета. «Сущность вещей, — любил выражаться вождь «мещанского социализма», — вечная тьма».

Итак, если революционное просветительство, воспринявшее диалектику Гегеля и материализм Фейербаха, стояло на уровне теоретической мысли эпохи, то народничество 60—70-х годов сделало шаг назад к позитивизму Огюста Конта, сдобренному неокантианством, лассальянством, дюрингианством, органической теорией общества и другими модными в то время философскими направлениями.

Философские взгляды народников являлись теоретическим обоснованием их организационных и тактических принципов. Все народнические направления (лавристы, бланкисты и даже бакунисты) отводили

---

[1] Ленин, Соч., т. IV, стр. 133, 464.
[2] Сборн. статей «На славном посту», ч. II, стр. 155.

разночинной интеллигенции решающую роль в революции. Субъект, личность — вот кто двигает историю по мнению народников. И совершить социальную революцию способна только «критически мыслящая личность». Как известно, народники очень много говорили о народе, подразумевая под ним в основном крестьянство, они идеализировали его, считая, что русский крестьянин является по инстинкту и по традиции коммунистом и революционером. Тем не менее они, на известном этапе, не верили в крестьянство, как движущую силу революции. Ткачев, предшественник «Народной воли», не раз в «Набате» писал, что русский народ, т. е. крестьянство, может стать движущей силой революционных преобразований только после совершения революции. Начнет и совершит же революцию одна интеллигенция, активное меньшинство. Отсюда — организационные принципы построения партии, как партии, совершенно изолированной от масс. Обе организации народников — «Земля и воля» и «Народная воля» — представляли собой узко-конспиративные, изолированные, оторванные от масс партии. Отрыв от масс, неверие в них, апология личности неизбежно приводили народническое движение к волюнтаризму, который в условиях 70-х годов вылился в интеллигентский терроризм. Бунтарская тактика бакунистов постепенно сменялась индивидуальным террором народовольцев. С традициями террора и после распада «Народной воли» пришлось вести исключительно жестокую борьбу. В. И. Ленин много раз указывал, что индивидуальный террор является дезорганизующей силой в революционном движении. Тактические и организационные принципы народников были враждебны партии большевиков, которая возглавляла массовое пролетарское движение.

4

Спад теоретического уровня у народников шел и по линии политической экономии. В XIX в., до появления в России научного социализма, Н. Г. Чернышевский был самым выдающимся и глубоким русским экономистом. Им дана «замечательно глубокая критика капитализма» (Ленин). Маркс, ознакомившись с экономическими работами Чернышевского, в частности с «Примечаниями к Миллю», назвал Чернышевского «великим русским ученым и критиком». Лично знакомый с Марксом Лопатин передает следующими словами глубокое уважение основоположника научного социализма к русскому просветителю. Прочитав экономические работы Чернышевского, пишет Лопатин, «Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственное из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения». [1]

[1] Сборник «Г. А. Лопатин», Гиз, 1922, стр. 71

В основном, в области политической экономии Н. Г. Чернышевский был последователем Адама Смита и Давида Рикардо: он был глубоким знатоком и последователем классической политической экономии. Адам Смит, по его мнению, был «основателем новой науки», а Рикардо одним из «великих людей политической экономии». Заслуга нашего просветителя состоит не столько в том, что он стоял на вершине буржуазной экономической науки, сколько в попытке преодолеть ограниченность буржуазной политической экономии, во-первых, и в беспощадной борьбе с вульгарными экономистами типа Бастиа, Сэ и других — во-вторых. С 40-х годов, в связи с развитием капитализма в России, в русскую литературу широко проникли учения вульгарных экономистов, популяризаторами которых были Иваны Горловы, Бабсты и многие другие. Над вульгарными экономистами Н. Г. Чернышевский издевался самым беспощадным образом, называя их «рутинными политэкономами». В статье «Капитал и труд», написанной в 1859 г., положительно отзываясь об английских классиках, Чернышевский с сарказмом вопрошал представителей вульгарных экономистов, «какое открытие в науке сделал Мишель Шевалье, или Бастиа, или Воловский, или Рошер, или Рау, или хотя бы даже сам Жан-Батист Сэ?». [1] И отвечал, что они ровно ничего не сделали для развития науки. «Бастиа писал памфлеты против протекционистов и коммунистов, и памфлеты очень бойкие, но в них он только рабски развивал отдельные фразы из своих учителей». [2]

Пытаясь преодолеть буржуазную ограниченность классической политической экономии, Чернышевский критиковал Смита и Рикардо за их раздвоенность, непоследовательность, а самое главное — за «равнодушное отношение к положению пролетариата». Крупнейшим недостатком виднейших представителей буржуазной экономической науки, по его мнению, было то, что они ограничивались исключительно анализом капиталистического строя, что выводы у них «сделаны только в применении к быту, основанному на трехчленном делении продукта». [3] К изучению политической экономии Чернышевский подходил как социалист-утопист с точки зрения должного и желательного. Исходя из учения Смита и Рикардо о ценности, капитале и труде, он пытался обосновать свою теорию социализма. Раз, рассуждал он, только труд создает ценность, то, следовательно, рабочему, который создает эти ценности, должен принадлежать весь продукт. «Принцип наивыгоднейшего распределения дан словами Адама Смита, — писал Чернышевский, — что всякая ценность есть исключительное произведение труда, и правилом здравого смысла, что произведение должно принадлежать тому, кто произвел его. Задача состоит только в том, чтобы открыть способы экономического устройства, при которых исполнялось бы это требование здравого смысла». [4] Такой формой экономического устройства, по мнению автора «Приме-

[1] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VI, стр. 17.
[2] Там же.
[3] Ю. Стеклов, Чернышевский, т. I, 1928, стр. 510.
[4] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VI, стр. 33.

чаний к Миллю», являются «товарищества трудящихся», т. е. социализм. Идея социализма пронизывала все экономические работы Н. Г. Чернышевского.

С теорией Маркса Чернышевский знаком не был, он критиковал буржуазную классическую политическую экономию с позиций утопического социализма. Оставаясь идеалистом в истории, он применил к экономическим явлениям так называемый гипотетический метод. Идеализмом и утопизмом Чернышевского объясняется и тот факт, что он доверчиво отнесся к Миллю и не мог в своих «Примечаниях» подвергнуть его концепцию последовательно-научной критике, как это сделал Эккариус в 1866 г.[1] Но связь политической экономии с социализмом, проводимая Н. Г. Чернышевским, была большим шагом вперед.

Народники положительно оценивали экономические взгляды Чернышевского. Показателем этого служит напечатанное предисловие Ткачева к роману «Что делать» в бланкистской газете «Ni dieu, ni maître» № 2, 21 ноября 1880 г., где он указывал, что Чернышевский, вооруженный солидной эрудицией и непоколебимой логикой, «поражал все софизмы буржуазной политической экономии».[2] Но это отнюдь не означало, что народники восприняли экономическое наследство Чернышевского. Важно здесь отметить, что у народников был крайне слабый интерес к экономическим наукам. Например Лавров, несмотря на свою редкую эрудицию, почти совсем не интересовался политической экономией, его больше всего занимали мораль, философия, история мысли, естественные науки и т. д. Бакунин не написал ни одной статьи, специально посвященной экономическим вопросам; отвергая буржуазную политическую экономию, он в то же время отрицательно относился и к экономической системе Маркса, называя «Капитал» «экономической метафизикой». Ткачев тоже большее внимание уделял вопросам литературной критики, философии, истории, нежели экономическим проблемам. Индиферентное отношение народников к специально экономическим проблемам однако не дает повода отрицать у них какие бы то ни было экономические взгляды. Бакунин, Лавров и Ткачев были последователями экономической доктрины Прудона и Сисмонди, которые, сделав большой шаг вперед в деле критики капиталистических отношений, стояли по своему теоретическому уровню ниже экономистов-классиков, но эти взгляды у идеологов народничества не были приведены еще в цельную систему. Только либеральные народники, Воронцов и Николай—он, в 80-х годах разработали экономическую теорию народничества.[3]

5

В вопросах социализма революционных просветителей отличало от народников то, что первые были последователями учения великих

[1] Эккариус был членом Генерального совета I Интернационала. Книга его «Eines Arbeiters Widerlegung der National-oekonomischen Aussichten John Stuart Mills» была частью напечатана в 1880 г. в журнале «Слово».

[2] П. Ткачев, Избр. соч., т. IV, 1932, стр. 413.

[3] В. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 283.

социалистов-утопистов — Сен-Симона, Фурье, Оуэна, — тогда как народники являлись ярыми поклонниками мелкобуржуазного утопического социализма типа Прудона.

Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин проводили принципиальную грань между социализмом великих утопистов и мелкобуржуазным социализмом. В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс отделяют друг от друга эти два типа утопического социализма. Типичным представителем мелкобуржуазного социализма для Маркса являлся Сисмонди, социализм которого желает восстановить «старые имущественные отношения и старое общество, или желает современные средства производства и сношения насильственно втиснуть опять в рамки старых имущественных отношений, которые ими уже были разрушены, должны были быть разрушены. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен. Цеховой строй в мануфактуре и патриархальное сельское хозяйство — вот его последнее слово».[1] Социализм великих утопистов Маркс трактует в отдельной главе, называя его «критически-утопическим социализмом и коммунизмом». Социальные системы великих утопистов выражали не идеологию мелкой буржуазии, а незрелую идеологию пролетариата, они появились «...в первый неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией».[2] Точно такую же оценку великих утопистов мы находим и у В. И. Ленина. Их социализм, говорит он, «был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную положить конец капитализму».[3] В то же время Маркс и Ленин всегда подчеркивали, что прудонизм, анархизм, бланкизм выражали «точку зрения мелкого буржуа, а не пролетария».[4]

Социализм великих утопистов и социализм Н. Г. Чернышевского стояли на столбовой дороге общественного развития. Народнический же социализм, как вид мелкобуржуазного социализма, пытался в обход, наперекор общественному развитию, осуществить свои реакционные социалистические идеалы. Замечательную сравнительную характеристику взглядов великих утопистов и мелкобуржуазных социалистов и в равной мере революционных просветителей и народников дал В. И. Ленин в своей работе «К характеристике экономического романтизма». «Различие, — пишет Ленин, — между Сисмонди и этими писателями (Оуэном, Фурье. — *М. И.*) лежит гораздо глубже — вовсе не в том, что одни шли дальше, другие были робки, а в том, что *самый характер* реформ представлялся им с двух *диаметрально противоположных* точек зрения... Указанные писатели предвосхищали будущее, гениально угадывали тенденции той «ломки», которую проделывала на их глазах прежняя машинная индустрия. Они смотрели в ту же сторону, куда шло и действительное развитие; они действительно *опережали* это развитие. Сисмонди же поворачивался к этому

[1] «Манифест Коммунистической партии», 1933, стр. 38.
[2] Там же, стр. 43.
[3] В. Ленин, «Две утопии», Соч., т. XVI, стр. 165.
[4] В. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 360.

развитию *задом;* его утопия не предвосхищала будущее, а реставрировала прошлое; он смотрел не вперед, а назад, мечтая «прекратить ломку» — ту самую «ломку», *из которой* выводили свои утопии указанные писатели. Вот почему утопия Сисмонди признается — совершенно справедливо — реакционной».[1] Это ленинское, в высшей степени ценное методологическое положение целиком и полностью применимо к Чернышевскому и к народничеству. Первый смотрел вперед, вторые назад. Первый смотрел в ту сторону, куда шло общественное развитие, вторые поворачивались к этому развитию задом. Чернышевский, как мы покажем дальше, понимал значение индустрии и тот характер «ломки», которую она несла с собой, народники же не поняли ни того, ни другого.

Этим и объясняется, почему социализм великих утопистов явился одним из источников научного социализма, «ибо путь к научному социализму идет через Сен-Симона...».[2] Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что их социализм «...стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, трех людей, которые при всей фантастичности и всем утопизме своих учений принадлежат к величайшим умам всех времен...».[3]

Но это не значит, что научный социализм Маркса—Энгельса явился простым продолжением социалистических идей великих утопистов. Пролетарский социализм является мировоззрением совершенно новым, качественно отличным от всех предшествовавших ему социалистических систем. Учение Маркса и Энгельса было гениальным завершением трех главных идейных течений XIX в. — классической английской политической экономии, классической немецкой философии и французского утопического социализма. Тем не менее Маркс и Энгельс всегда подчеркивали, что оно было создано в результате органической переработки, а не простого арифметического сложения указанных идейных направлений.

Что же касается мелкобуржуазного социализма, то последний являлся преградой, барьером на пути развития научного социализма. Полное господство пролетарского социализма упрочилось не сразу, а «лишь после долгой борьбы со всякими отсталыми учениями, с мелкобуржуазным социализмом, с анархизмом и т. п.».[4] Так было в Европе, так было и в России. Народничество по отношению к марксизму было враждебной идеологией, и марксизму в России, для того чтобы завоевать господствующее положение, утвердиться, надо было нанести сокрушительный удар мелкобуржуазной идеологии, народничеству. Марксизм, как это неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, развивался в самой ожесточенной борьбе с народничеством. Но из этого вовсе не следует делать вывод, что революционное просветительство вошло составной частью в ленинизм в такой же степени и в том же смысле, в каком

---

[1] В. Ленин, Соч., т. II, стр. 98—99. Курсив В. И. Ленина. — *М. И.*
[2] В. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 275.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 142.
[4] В. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 360.

западно-европейский социализм великих утопистов стал одним из источников развития научного социализма. Во-первых, революционные просветители выступали как представители крестьянской демократии, а не как предвестники пролетариата, а во-вторых, идеологи российского рабочего класса могли непосредственно учиться у Маркса и Энгельса. Однако, в литературе по истории русской общественной мысли, в частности в известных работах Стеклова, имеется тенденция считать Чернышевского родоначальником научного социализма в России. Эта точка зрения не нова. Эсеры тоже пытались представить Чернышевского не утопистом, правда, по другой линии и по другим соображениям,— сошлемся хотя бы на известного эсеровского историка русской общественной мысли Иванова-Разумника.[1] Трактовка тактических взглядов Чернышевского Стекловым тоже заимствована из старого арсенала эсеровской историографии. Ю. Стеклов вслед за эсером Русановым утверждал, что Чернышевский в области тактических взглядов был довольно близок к бланкизму.

Ленин был чужд идеализации взглядов Чернышевского, он его нигде не называет предшественником научного социализма, наоборот, везде и всюду подчеркивает утопизм Чернышевского. Но авторитет В. И. Ленина для Стеклова не имеет значения. Стеклов считает, что «специально вопросом о Чернышевском Ленин не занимался; иначе, мы не сомневаемся, он пришел бы к другому выводу об утопизме Чернышевского».[2] Такая характеристика Ленина достойна уст профессора-филистера. Материалы, опубликованные в XXV «Ленинском сборнике», отдельные замечания, которыми изобилуют работы Ленина, указания в воспоминаниях Крупской — говорят об огромном интересе Ленина к Чернышевскому.

Мы уже указывали и для нас не представляет, конечно, сомнений, насколько велика научная ценность многочисленных высказываний Ленина о Чернышевском.

В последние годы двурушник-контрреволюционер Л. Каменев занялся широкой пропагандой меньшевистских идей в области истории русской общественной мысли и истории большевизма. В своих работах о Герцене и Чернышевском Каменев в тонкой и завуалированной форме проповедывал свои контрреволюционные идеи о ленинизме, как о продолжении, в лучшем случае — завершении, идей революционных просветителей.

Контрреволюционер Каменев никогда не понимал большевизм как партию пролетарской революции, он всегда понимал его как партию буржуазно-демократического переворота. Отсюда стремление его изобразить ленинизм как продолжение идей революционной демократии. Свою книгу «Чернышевский» Каменев заканчивает такими словами: «Когда в Саратове 17 октября 1889 г. умирал Чернышевский, в Самаре девятнадцатилетний Владимир Ульянов уже работал

---

[1] См. Иванов-Разумник, История общественной мысли, т. II, изд. 2. стр. 8.

[2] Ю. Стеклов, Чернышевский, т. I, стр. 583.

над организацией революции, осуществившей мечты и надежды великого мыслителя и борца».[1]

На протяжении всей своей вредительской книжки Каменев пытается на разные лады доказать, что В. И. Ленин «вскрыл, развернул до конца, наполнил конкретным содержанием гениальные намеки и догадки Чернышевского». По мнению Каменева Чернышевский был родоначальником стратегии и тактики большевизма. «Нельзя не придти к заключению, — пишет он, — что в лице Чернышевского мы имеем законченные черты тактика того же типа, которого в гениальном, всемирно-историческом масштабе увидел мир в лице Ленина».[2] Отношение большевиков к кадетам было продолжением отношения Чернышевского к либералам. «Без всякого преувеличения можно сказать, что отношение Чернышевского к либерализму послужило прототипом отношения большевиков к кадетам».[3]

Каменев, как известно, отрицал социалистический характер Октябрьской революции. Фальсифицируя ленинизм, Каменев стремится извратить подлинную роль большевизма как партии социалистической революции. Ленин для него и здесь только продолжатель идей Чернышевского. Ленинизм, по его мнению, продолжил программу Чернышевского, освободив ее от утопических черт. Борьба Чернышевского явилась предварительным условием победы Октябрьской революции. «Путь от него (Чернышевского. — *М. И.)* лежал только к Октябрю».[4]

Низводя ленинизм до уровня революционной демократии, Каменев всячески подкрашивает идейно-теоретические взгляды Чернышевского, пытаясь изобразить его предшественником большевизма и в области философии. «Борьба за материализм в русской революции была продолжением дела, которое блестяще делал Чернышевский», его материализм «прошел через школу Гегеля и потому сильно приближался к материализму диалектическому».[5]

Книжка Каменева о Чернышевском и его работы о Герцене были попыткой в замаскированной форме открыть атаку на партию, продолжить свою прежнюю борьбу с нашей партией по коренным вопросам ленинизма.

6

Н. Г. Чернышевский, будучи последователем великих утопистов, как мы уже сказали, выступил не как идеолог незрелой идеологии пролетариата, а как идеолог крестьянства. Чернышевский был революционным демократом, идеологом крестьянской революции, борцом за «американский путь» развития капитализма в России. Чернышевский, являясь выразителем интересов крестьянства, отрицательно относился

[1] Л. Каменев, Чернышевский, 1933, стр. 187.
[2] Там же, стр. 69.
[3] Там же, стр. 68.
[4] Там же, стр. 7.
[5] Там же, стр. 85.

к мелкобуржуазным социалистическим системам. «Луи Блан, — писал он, — человек вовсе не из тех первоклассных мыслителей, каковы были Сен-Симон, Фурье и Роберт Оуэн».[1] У Чернышевского мы встречаем резкую характеристику Прудона. «Кто он такой, — писал Чернышевский в «Примечаниях к Миллю», — социалист или не социалист, коммунист или не коммунист, — этого никто из континентальных политико-экономов не умеет разобрать, да и сам Прудон, быть может, не знал определенно».[2] Некоторое время спустя, когда Прудон среди народников пользовался самой широкой популярностью, Н. Г. Чернышевский в письме из Вилюйска от 24 ноября 1873 г. высказал самое отрицательное отношение к Прудону. «Один из прогрессивных глупцов, — писал он, — имевших очень сильное влияние на всех глупцов без различия, был Прудон. Быть может, и даровитый от природы; быть может, и бескорыстный... Но каков бы ни был он от природы, он был невежда и нахал, кричавший без разбора всякую чепуху, какая забредет ему в голову из какой газеты ли, идиотской ли книжонки, умной ли книги, — этого различать он не мог по недостатку образования. И теперь — он один из оракулов людей всяческих мнений».[3]

Отвергая мелкобуржуазный социализм Луи Блана, Прудона и других, выше всех великих утопистов «великий демократ» ставил социалистические взгляды Роберта Оуэна. «После Оуэна, — писал он, — коммунизм не находил значительных представителей».[4] А в романе «Что делать» он назвал его «святым стариком». Добролюбов тоже весьма высоко ценил английского социалиста. В статье, посвященной Оуэну, Добролюбов писал: «Оуэн представляет собой бесспорно одно из самых благородных и симпатичных явлений нашего столетия».[5] Революционные просветители смотрели на социализм и на все вопросы общественного развития так же, как и великие утописты, с точки зрения идеализма. Чернышевский, как и Сен-Симон, Фурье, Оуэн, не понимал закономерностей исторического развития, не понимал значения классовой борьбы. Он, разделяя взгляды великих социалистов-утопистов, рисовал себе идеальный общественный строй вне времени и пространства, годный для всех времен и всех народов.

Народники тоже строили свои социалистические взгляды на абстрактной идее. Но понимание Чернышевским характера будущего общества резко отличается от представлений народников. Революционное просветительство отличалось от народничества прежде всего своим отношением к Западу, самобытности России и совершенно иным пониманием «ломки» старых общественных отношений. Чернышевский был последовательным западником, он вел самую решительную борьбу со славянофильскими теориями самобытности России. «У славянофилов, — писал он, — зрение такого особого устройства, что на какую

[1] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VII, стр. 640.
[2] Там же, стр. 630.
[3] Н. Чернышевский в Сибири, 1912, вып. I, стр. 82.
[4] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VI, стр. 29.
[5] Добролюбов, Собр. соч., т. VII, изд. «Деятель», стр. 322.

у нас дрянь ни посмотрят они, всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживления умирающей Европы».[1] Если народники в лице Бакунина и Ткачева заявляли, что у Европы России учиться нечему, что Россия раньше Европы, благодаря общине, придет к социализму, то Чернышевский далек был от таких «оптимистических» взглядов. Он был проникнут глубокой верой в западно-европейскую «цивилизацию». Чернышевский также высоко ставил взгляды Фурье, который считал, что «цивилизация создала средства для осуществления будущего строя ассоциации: она создала крупное производство, науки и искусства».[2] Чернышевский прекрасно сознавал превосходство индустриального развития над докапиталистическими общественными формами. К развитию промышленности он, в противовес народникам, относился положительно. «В наше время, — писал он, — главная движущая сила жизни — промышленное направление... Из него выходит и некоторое содействие просвещению, потому что для промышленности нужна наука и умственная развитость; из него выходит и некоторая забота о законности и правосудии, потому что промышленности нужна безопасность; из него выходит и некоторая забота о просторе для личности, потому что для промышленности нужно беспрепятственное обращение капиталов и людей... Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен. С этой точки мы преимущественно и радуемся усилению промышленного движения у нас».[3] Индустриализм великих социалистов-утопистов К. Маркс ставил им в заслугу. Оуэн, — пишет Маркс, — «в своих опытах не только фактически исходил *из фабричной системы*, но и теоретически провозгласил ее исходным пунктом социальной революции».[4] Здесь между Оуэном и Чернышевским полное совпадение. Последний далек был от народнического самохвальства о преимуществах России перед Западом. Будущий строй, по мнению Чернышевского, подготовляется «развитием цивилизации», т. е. индустриализмом, «а не бесплодным хвастовством остатками исчезающего давно-прошедшего».[5] Напомним, что эти строки писались нашим автором в период наибольшего увлечения русской общиной: они написаны в 1855 г.

Народники по сути дела идеализировали мелкого производителя. Чернышевский же был противником мелкого производства. Программа его сводилась не к восстановлению мелкого ремесла и индивидуального крестьянского хозяйства, а к планомерной организации производства на началах коллективизма. Великие утописты видели вытеснение мелкого производства крупным — ремесла мануфактурой и машинной индустрией — и преимущества последнего над первым. Чернышевский целиком и полностью стоит за крупное производство, которое «имеет очень хорошие средства к успешному ведению дела, имеет лучшие орудия, имеет экономное распределение земли. В малом хозяйстве

[1] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VIII, стр. 173.
[2] Цитировано по Стеклову, Чернышевский, т. I, стр. 573.
[3] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. III, стр. 561—562.
[4] К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XIII, стр. 560.
[5] Н. Чернышевский, Собр. соч., т. I, стр. 430.

значительная пропорция земли пропадает, нельзя так удобно расположить разных полей и угодий».[1]

Народники, эпигоны народничества, ревизионисты из II Интернационала противопоставляли законы развития капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве. Н. Г. Чернышевский чужд этого противопоставления. Он, понимая специфические условия развития сельского хозяйства, считал, что скоро «исчезнут причины различия между земледелием и фабричной промышленностью по отношению к выгодности производства в большом размере».[2] Земледелие, по его мнению, стоит перед коренной реформой, «вроде той, какая произведена в мануфактурном деле открытиями конца прошлого и начала нынешнего столетий».[3] Чернышевский имеет в виду, как мы видим, промышленный переворот. Можно было бы увеличить количество ссылок, для показа индустриализма Чернышевского, но и приведенных достаточно, чтобы увидеть, какая резкая грань лежала между Чернышевским и народниками, которые идеализировали отсталые докапиталистические общественные формы.

Ближе всего Чернышевского роднило с народниками отношение к общине. Но и здесь подход к русской общине у «великого социалиста» был отличным от народнической интерпретации общины. Эту разницу подмечали даже некоторые из эпигонов революционного народничества. Так например известный статистик, один из редакторов народнического журнала «Русское богатство» Н. Ф. Анненский в своей статье «Сорок лет назад» подчеркивал, что Чернышевский «совершенно не склонен был к идеализации тех или иных бытовых форм народной жизни, отличавшей позднейших народников».[4] Прежде всего, Чернышевский был сторонником повсеместного существования общины, присущего всем народам, находящимся на определенных ступенях общественного развития. Его взгляды на общину находились в тесной связи с исторической наукой на Западе. Как известно, в середине XIX века среди западно-европейских историков наблюдается огромный интерес к проблемам первобытной собственности и в частности к общине. В 1847 г. Гакстгаузен выпускает известную книгу о русской общине. Спустя шесть лет, в 1853 г., появляется труд Маурера «Введение к истории общинного, подворного, сельского и городского устройства». В 1862 г. тот же Маурер выпускает по этим же вопросам четырехтомную работу. Через 15 лет выходит знаменитая книга Моргана «Первобытное общество». А в 1879 г. появляется труд русского ученого М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины и ход его разложения».

Естественно, работы Гакстгаузена и работы Маурера не могли остаться без влияния на «великого русского гегельянца». Чернышевский увлекся русской общиной, пытаясь найти в ней основу для осуществления своих социалистических убеждений. Характерной особен-

[1] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VII, стр. 210.
[2] Там же, стр. 209.
[3] Там же.
[4] Сборник статей «На славном посту», ч. II. стр. 449.

ностью социализма Чернышевского было то, что он, как идеолог крестьянской революции, пытался сочетать социализм великих утопистов Запада с конкретной русской действительностью, в частности с общиной. Чернышевский полагал, что русская община, не успевшая в силу отсталости России разложиться, послужит базой для будущего строя, она облегчит путь России в переходе к социализму. Для него община воспитывает и поддерживает дух коллективизма, тем самым она подготовляет переход к будущему строю, который Чернышевский не мыслил иначе, как в форме ассоциации. Увлечение его русской общиной было недолгим, после 1858 г. скептическое отношение к общине, как к исходному началу социализма, начало сильно возрастать.

В нашу задачу не входит всесторонний и полный анализ взглядов «великого ученого и критика». Наша цель только показать, что социализм Н. Г. Чернышевского отличался от социализма народников, хотя Чернышевский объективно был борцом за демократические преобразования России, за «американский путь» развития капитализма. Чернышевский был последователем учения великих утопистов, его социализм, так же как и социализм великих утопистов, не был реакционным. Он вместе со своими учителями предвосхищал, как говорит Ленин, будущее, гениально угадывая тенденции той «ломки», которую проделывала машинная индустрия. Объективно и субъективно Чернышевский смотрел в ту сторону, куда действительно шло историческое развитие России, хотя этого Чернышевский и не мог научно доказать, так как все его социалистические идеалы были насквозь утопичны.

7

Народники явились уже представителями реакционных социалистических взглядов. К историческому развитию они повернулись спиной. Идеи великих социалистов-утопистов не оказали решительно никакого влияния на народников, за исключением Берви-Флеровского, автора известной книги «Положение рабочего класса в России», получившей очень хороший отзыв от Маркса. Еще Сисмонди в своих «Началах» указывал, что между мелкобуржуазным социализмом и великими утопистами «нет ничего общего».[1] Народнические идеологи не только отрицательно, но даже иногда и весьма враждебно относились к Сен-Симону, Ткачев прямо издевался над Фурье и Сен-Симоном. «И Спиноза забыт, — пишет он, — Монтескье давно брошен под стол, а Фурье — не совсем без основания — прослыл за сумасшедшего».[2] Сен-Симона он называл «мистиком».[3] Умами революционных народников уже владели не великие утописты, а западно-европейские мелкобуржуазные социалисты. Помимо мелкобуржуазного социалиста Сисмонди на народников решающее влияние оказали Прудон, Лассаль, Луи Блан, Бланки и другие. Наибольшей популярностью в России

[1] Ж. Симонде-Сисмонди, Новые начала политической экономии, изд. Солдатонкова, 1897, стр. 240—241.

[2] П. Ткачев, Избр. соч., II, стр. 92.

[3] П. Ткачев, Избр. соч., т. I, стр. 72.

60—70-х годов пользовался Прудон, который, по выражению Ленина, «*срамит* социализм».[1] Народнической молодежью личность Прудона была вознесена на самый высокий пьедестал науки, народники считали его самым крупным мыслителем. Поэт Д. Минаев писал, что «в кружках читают Молешота, Прудона чтут, а Ахшарумова и Грота не признают».[2]

Народничество идейно являлось видом прудонизма. Господствующим направлением народнической мысли был бакунизм. «Бакунин, — пишет Маркс, — всего-навсего перевел прудоновскую анархию на дикое татарское наречие».[3] Такую же характеристику мировоззрения Бакунина дал и Ф. Энгельс. «Штирнер остался простым курьезом, — говорит он, — даже после того, как Бакунин амальгамировал его с Прудоном и окрестил эту амальгаму «*анархизмом*».[4] Бакунин придал мелкобуржуазной социалистической утопии Прудона бунтарско-революционный характер. Мы, конечно, далеки от той мысли, что мировоззрение Бакунина состоит лишь из переложения мирной анархии французского реформатора с его кредитом, обменом, банками, конституированной ценностью на бунтарский лад. Идеология «апостола всемирного разрушения» была, как мы уже неоднократно указывали, эклектической. На него, кроме Прудона и Штирнера, оказали большое влияние повидимому Дежак, Кэрдеруа и другие,[5] но доминирующим в бакунизме бесспорно был прудонизм. Даже Ткачев, будучи рьяным поклонником Огюста Бланки, признавая политическую борьбу и отрицая анархию, иногда одобрительно отзывался о Прудоне, называя его лучшим представителем «экономической теории и практики нашего века».[6] Народники заимствовали у Прудона отношение к государству, к политической борьбе, критику капитализма, защиту мелкого производителя. Социально-экономические условия в пореформенный период создавали благоприятную почву для анархических идей.

Нужно отметить, что Прудон имел влияние в России не только среди народнической молодежи. Л. Н. Толстой находился под прямым идейным воздействием Прудона.[7] Отрицательное отношение Прудона к коммунизму и к западно-европейским демократиям нашло сочувствие и среди русских полукрепостников-помещиков. Так, редактор «Вести» Скарятин и борзописец из «Русского вестника» Г. де-Молинари печатали одобрительные статьи по адресу Прудона. А Михаил Погодин, известный казенный историк и теоретик «официальной народности», в 1863 г. обратился к Прудону с письмом, в котором умолял его оказать содействие в финансировании Европой русского железнодорожного строительства.[8] Вел переписку с Прудоном и Ю. Самарин.[9]

---

[1] В. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 33.
[2] Д. Минаев, Сборник стихотворений «Думы и песни», Спб. 1864.
[3] «Летописи марксизма», 1926, II, стр. 96.
[4] К. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 661.
[5] См. Стеклов, Бакунин, т. III, ч. II, гл. I. Стр. 135.
[6] П. Ткачев, Избр., соч., т. I, стр. 76.
[7] См. Б. Эйхенбаум, Лев Толстой, кн. I, стр. 389 и след.
[8] Письма опубликовано в сб. «Утро», М. 1866, изд. М. Погодина.
[9] См. письмо Прудона к Самарину, «Русь», 1883, № 2.

Русская периодическая печать, как «Северная пчела», «Время», «Отечественные записки» и другие, уделяла с той или иной стороны большое внимание Прудону. Имя французского анархиста мы встречаем даже в романах Тургенева.

Помимо Прудона на народничество 60—70-х годов огромное влияние оказал Лассаль. «Отрицает Лассаля, — писал с раздражением Михайловский, — лишь мелюзга, притворяющаяся ученой».[1] О популярности Лассаля говорят и современники революционного народничества. Самой распространенной книгой наряду с «Историческими письмами» Лаврова и сочинениями Милля был первый том Лассаля, который вышел на русском языке в 1863 г. «Из Лассаля черпали аргументы,— вспоминает Дебогорий-Мокриевич, — в защиту наших народнических воззрений, несмотря на то, что Лассаль, как известно, в своих сочинениях и речах имел в виду фабричный пролетариат, а ничуть не крестьян, на которых он прямо указывает даже, как на реакционный элемент. Этим существенным разноречием мы тогда игнорировали, и все то, что Лассаль говорил о фабричных рабочих, переносили на наше крестьянство».[2] То же самое говорит и другой современник, О. Аптекман.[3] На Ткачева и на партию «Народная воля», которая находилась в полном идеологическом плену у Ткачева, оказал решающее влияние О. Бланки.

Народнический социализм был социализмом мелкобуржуазным. В. И. Ленин много раз подчеркивал, что народничество по своим социалистическим взглядам реакционно, ибо народники, как и Сисмонди и Прудон и другие представители мелкобуржуазного социализма, не понимали прогрессивного значения той «ломки» общественных отношений, которую повлекло за собой развитие крупной машинной индустрии. Они осуждали развитие крупной машинной индустрии, пытаясь найти спасение в старых производственных отношениях. Народники, как и все мелкобуржуазные социалисты, стремились повернуть колесо истории назад. В этом коренное отличие народнического социализма от социализма революционных просветителей. Разница между революционным просветительством и народничеством 60 — 70-х гг. точно такая же, как между социализмом великих утопистов и мелкобуржуазным социализмом типа Прудона. В своих многочисленных высказываниях о Чернышевском В. И. Ленин нигде и никогда не называет социализм революционных просветителей *реакционным*. Социализм Чернышевского, выражавшего интересы крестьянства, как и социализм великих утопистов, выражавших незрелую идеологию пролетариата, был симптомом, выражением действительного хода исторического развития, преломляющегося, в силу неразвитости общественных отношений, через призму утопизма. Чернышевский не был представителем научного социализма, марксизма в России. Его социализм стоит на уровне до-марксова социализма, но в то же время отличен от социализма народников.

[1] Н. Михайловский, Собр. соч., т. IV, стр. 888.
[2] Дебогорий-Мокриевич, Воспоминания, изд. 3, стр. 77.
[3] См. его мемуары «Общество «Земля и воля».

Этого положения Теодорович не понял. При классификации утопических социалистических систем он отнес великих социалистов-утопистов на самый правый фланг. Весь до-марксов социализм Теодорович разбивает на три основные группы: правые, центр, левые. К правым он причисляет Фурье, Оуэна, Луи Блана, Герцена, Лаврова; к центру — Прудона; к левым — Жака Ру, Бабефа, Ткачева, Бакунина с землевольцами, Нечаева и народовольцев.[1] Целью Теодоровича было обосновать свою правооппортунистическую концепцию, доказать, что революционное народничество в лице партии «Народной воли» являлось идейным предшественником марксизма-ленинизма в России.

Точка зрения Теодоровича не нова. Еще задолго до него она высказывалась крупнейшими представителями меньшевизма. Русские социал-демократы, «еще прежде, чем они усвоили теоретические взгляды марксизма, — писал патриарх меньшевизма Павел Аксельрод, — уже в теоретических рамках бакунизма стали чуть не на три четверти социал-демократами».[2] Позже эту меньшевистскую теорию защищал в своих работах Ю. Стеклов, сближавший теории Бакунина «с современным коммунизмом, и в частности с советской республикой, которая в этом пункте (речь идет о союзе пролетариата с крестьянством. — *М. И.*) применила политику, весьма близкую к намеченной Бакуниным».[3] Не будем вдаваться в критику этих меньшевистских концепций, укажем только, что они идут прямо в разрез с ленинизмом. В. И. Ленин указывал, что большевизм, идеология пролетариата выросла и сложилась в самой ожесточенной идейной борьбе со всякого рода мелкобуржуазными теориями и прежде всего с народничеством.

8

Отличая идейный уровень революционных просветителей от народников 60—70-х годов, В. И. Ленин в то же время видит и общее между ними. Чернышевского прежде всего сближало с народниками то, что он был объективно идеологом крестьянской революции, борцом за американский путь развития капитализма в России. Далее — как просветители, так и народники питали исключительную ненависть к крепостничеству и самодержавию. Кроме этого, у Чернышевского с народниками было много общих черт и по линии взглядов на общину, хотя Чернышевский и был весьма далек от народнической идеализации общинного быта в России. В его мировоззрении были в известной мере народнические черты, но на основании их считать Чернышевского идеологом народничества противоречило бы ленинским установкам.

Конечно, мы нисколько не склонны отрицать того бесспорного положения, что некоторые стороны учения Н. Г. Чернышевского вошли в идейный багаж народников, что Чернышевский с этой стороны явился родоначальником народничества, но мы утверждаем, что те стороны мировоззрения, которые вошли в инвентарь народнических

[1] «Каторга и ссылка», 1929, № 8—9.
[2] П. Аксельрод, Послесловие к брошюре «Об агитации», стр. 34.
[3] Ю. Стеклов, «Бакунин», т. III, стр. 282.

идейных взглядов, были слабыми сторонами Чернышевского и не были для него типичными.

Высокая оценка теоретических взглядов Н. Г. Чернышевского не должна давать нам повода к идеализации революционных просветителей. Чернышевский, стоя на более высоких теоретических позициях, чем идеологи народничества — Бакунин, Лавров, Ткачев, — все же оставался социалистом-утопистом, идеалистом. Социальная база его была та же, что и у народников, — крестьянская демократия. С другой стороны, рассматривая народничество как отход от теоретического наследства революционных просветителей, нельзя игнорировать их демократизм, отражавший борьбу крестьянства против феодально-крепостнических остатков, за буржуазную Россию. Отрицать это значило бы скатиться к меньшевистской трактовке народничества, против чего В. И. Ленин вел решительную борьбу.

Народническая социалистическая доктрина начала выкристаллизовываться только в 60-х годах прошлого столетия. Исходным моментом формирования народнического социализма были реформа 1861 г. и спад революционной ситуации, наметившийся с начала 60-х годов. Еще до ареста Н. Г. Чернышевского между ним и народническим историком А. П. Щаповым наметились принципиальные разногласия. Взгляды Щапова на историческую роль русского государства, на раскол и на революционные движения «сельской Руси» подтверждали убеждения русских анархистов о том, что русский крестьянин обладает «прирожденными» антигосударственными и коммунистическими стремлениями. Историографы рассказывают, что на масленице 1862 г. Чернышевский вел со Щаповым «продолжительный и горячий спор» о коренных воззрениях на русскую историческую жизнь и современное состояние народов. «Моментом разногласия, — пишет Шахназаров, специально исследовавший данный вопрос, — являлась прежде всего та идеализация русской старины, которой проникнута земско-областная концепция Щапова».[1] Щапов считал журнал «Современник» искусственным и не пригодным для русского народа.

Эволюция общественной мысли после реформы 1861 г. идет очень быстрыми темпами в сторону народнической социалистическо-утопической, реакционной доктрины. Эта эволюция сказалась и на самом «Современнике». Спустя 2—3 года после ареста Чернышевского и смерти Добролюбова «Современник» начинает итти в ногу с народническими настроениями революционной молодежи. Проповедником народнических идей на страницах «Современника» стал Елисеев. «Англия, — писал он в 1864 г., — по некоторым исторически неправильно наросшим и потом окаменевшим условиям своего быта стоит в десять раз ниже России».[2] Тот же Елисеев в другой статье указывал, что «наш народ и наше общество доселе живут, большею частью, обычаем, сложившимся исторически, и следовательно на основании воззрений, не имеющих часто ничего общего с воззрениями современного

[1] И. Д. Шахназаров, Русское революционное просветительство в борьбе с буржуазно-дворянской историографией, 1934, стр. 32.

[2] «Современник», 1864, № 3, стр. 109.

европейского общества... Мы представляем собою величины, часто совершенно неизмеримые с Европою».[1] В статьях Елисеева и молодого тогда экономиста Жуковского и других наблюдается ясно выраженная тенденция идеализации общины, крестьянских устоев и т. д.

Эта эволюция от просветительства в сторону народнической идеологии сказалась и на Некрасове. Поэт «музы печали» в 1864 г. выпустил первую свою крестьянскую поэму «Мороз красный нос», где воспел «в монументальных стихах небывало величавую, трудовую, гармонически прекрасную жизнь великорусской деревни». В это же время Некрасов принялся за другую поэму — «Кому на Руси жить хорошо», которая потом стала поэтическим манифестом народников.

В бытность Н. Г. Чернышевского руководителем журнала мы ничего подобного не могли бы найти на страницах «Современника». «Великий русский социалист» был очень далек от идеализации русской общины, крестьянских «устоев». Это видно хотя бы на примере его отношения к творчеству Николая Успенского, помещавшего с 1858 г. в «Современнике» свои рассказы «Хорошее житье», «Обоз», «Змей» и ряд других. Успенский отрицательно относился к общине, не питая по отношению к ней никаких надежд, и развенчивал пресловутую крестьянскую народную мудрость. Когда рассказы его вышли отдельной книжкой, Чернышевский дал блестящий отзыв: «Если бы г. Успенский написал только эти три-четыре страницы о народе, мы и тогда должны были бы назвать его человеком, которому удалось так глубоко заглянуть в народную жизнь и так ярко выставить перед нами коренную причину ее тяжелого хода, как никому из других беллетристов».[2] Спустя четыре года при втором издании рассказов Николая Успенского на страницах журнала «Современник» в 1864 г. была напечатана рецензия некоего Ап. Головачева. «В его отношениях к народу, — пишет Головачев, — слышится не равнодушие или беспристрастие, а какая-то смесь высокомерия и презрения, напоминающая старого зажиточного барского бурмистра».[3]

«Современник», имея в прошлом огромные революционные традиции, стал к середине 60-х годов терять свое влияние. В 1863 г. «Современник» имеет $6^1/_2$ тыс. подписчиков, а в 1866 г. всего лишь 2100. В том же году журнал был закрыт. Главными проводниками народнических идей в легальной прессе стали «Отечественные записки», возглавляемые Некрасовым.

9

Чем объяснить высокий теоретический уровень мировоззрения революционных просветителей, возглавляемых Н. Г. Чернышевским, и спад революционной мысли после реформы 1861 г.? Общественная мысль всегда находится под могущественным воздействием классовой

[1] «Современник», 1864, № 10, стр. 219.
[2] Н. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VIII, стр. 354.
[3] «Современник», 1864, № 5, стр. 38.

борьбы. Разница в мировоззрении революционных просветителей и революционных народников на наш взгляд обусловлена социально-экономической обстановкой соответствующих периодов истории России.

Оформление мировоззрения революционных просветителей, выражавших борьбу крестьянских масс, падает на период борьбы крестьянства против феодально-крепостного строя в России, на период нарастания крестьянской революции. Царствование Николая I ознаменовалось непрерывным ростом крестьянских движений. По далеко не полным данным И. Игнатович с 1826 по 1834 г. было 148 крестьянских волнений; с 1835 по 1844 г. уже 216; с 1845 по 1854 г. — 348; с 1855 по 1861 г. — 474 крестьянских волнения.[1] Карл Маркс, внимательно следя за нарастанием крестьянской революции в России, которую он рассматривал как резерв пролетарской революции на Западе, в январе 1861 г. писал Энгельсу следующие строки: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время, — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Джона Брауна, с другой стороны — движение рабов в России».[2] Действительно, в России надвигалась крестьянская революция. В. И. Ленин в статье «Крах II Интернационала» указывал, что в России в 1859—61 гг. была налицо революционная ситуация.[3] Россия, по выражению третьего отделения, стояла перед «пугачевщиной». Нарастание крестьянской революции в условиях общего кризиса крепостнической системы обусловливало общий подъем в стране. В этот период мы наблюдаем нарастание революционного движения среди разночинной интеллигенции, городской мелкой буржуазии и других слоев населения, враждебных феодализму. Н. Г. Чернышевский, глава революционных просветителей, и выступил в условиях общественного подъема и резкого обострения конфликта производительных сил с производственными отношениями, идеологом-вождем крестьянской революции в России.

Н. Г. Чернышевский, выступая вождем аграрной революции, выражал интересы феодального крестьянства. Капитализм проникал в крестьянское хозяйство крайне медленно. Крестьянская масса не была еще втянута в процесс товарного хозяйства. Хотя процессы дифференциации и имели место в русской деревне, все же база для роста мелкой буржуазии, а тем более мелкобуржуазной идеологии, во времена Чернышевского была крайне ничтожна. Революционным подъемом и крайне слабым и незначительным ростом мелкой буржуазии на наш взгляд и объясняется, почему революционное просветительство, выражавшее борьбу крестьянских масс против феодализма, заимствовало с Запада не мелкобуржуазные социалистические системы Западной Европы, а стало в уровень с великими социалистами-утопистами типа Сен-Симона, Фурье и Роберта Оуэна. Борьба рево-

[1] И. Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, изд. 3, стр. 331.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 474.
[3] В. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 244.

люционных просветителей за «американский путь» развития капитализма в России в условиях слабости классовой диференциации общества и незначительной численности пролетариата была окрашена в идейные цвета великих утопистов.

Народническая же идеология начала развиваться и оформляться в несколько иной исторической обстановке, чем идеология революционных просветителей. Прежде всего, реформа 1861 г. открыла клапан для развития капитализма. Крестьянин уже страдал не только от феодализма, но и от капитализма. Процессы диференциации деревни после реформы пошли несравненно быстрее, чем это было раньше. Русский крестьянин вступил в стадию превращения из мелкого производителя в товаропроизводителя, т. е. мелкого буржуа. Тем самым создавалась экономическая база для мелкобуржуазной идеологии. Народничество 60—70-х гг., в отличие от либерального народничества, выражая интересы крестьянина, не успевшего еще стать мелким товаропроизводителем, все же *в тенденции* отражало мелкобуржуазную идеологию. В этом смысле В. И. Ленин и называл социализм этих народников мелкобуржуазным социализмом.

Демократизм народников, направленный на борьбу с феодально-крепостническими отношениями в обстановке развивающегося капитализма и вступления крестьянства в стадию превращения в мелких товаропроизводителей, облекся в мелкобуржуазные социалистические системы. Этому еще способствовал расцвет в это время различных направлений мелкобуржуазного утопического социализма в Западной Европе.

Кроме того, огромную роль в спаде русской революционной мысли сыграл упадок революционного движения в России. Как известно, революционная ситуация 1859—61 гг. не вылилась в крестьянскую революцию. Не было, говорит Ленин, класса, способного возглавить крестьянство и привести его к победе. В итоге крестьянство потерпело поражение. Крепостники-помещики раздавили крестьянскую революцию. И после 1861 г. волна крестьянских движений заметно стала итти по нисходящей линии, хотя до 1863 г. она держалась еще на довольно высоком уровне. В 1863 г. царизм разгромил и национально-освободительное движение в Польше. Эпоха подъема сменяется эпохой упадка, «общий тон общественного настроения понижается», [1] а после выстрела Каракозова в Александра II 1866 г. наступает эпоха реакции.

Материалы третьего отделения о крестьянских движениях, опубликованные в двух книгах, дают полную картину снижения крестьянских волнений после 1861 г. Для подтверждения своих положений приведем таблицу спада крестьянского движения в 60-х гг. [2]

Аналогичную картину наблюдаем мы и в рабочем движении. После 1861 г. идет значительное снижение количества стачек. В 1860 г. было 18 стачек; в 1861 г. — 27; в 1862 г. — 4;

[1] Сборник «На славном посту», стр. 433.

[2] Таблица составлена на основании книги «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», изд. Центрархива, 1931.

Годы	Всего бунтов	Случаи вызова войск	Приговорено к тюрьме	Сослано в Сибирь	Наказано	
					розгами	шпицрутенами
1861	1176	337	480	147	1807	117
1862	400	193	510	47	1546	27
1863	386	128	223	26	1280	—
1864	75	31	126	32	230	—
1865	95	42	80	—	262	—
1866	70	20	100	44	340	—
1868	54	16	78	62	48	—
1869	53	8	16	—	60	—

в 1863 г. — 8; в 1864 г. — 3; в 1865 г. — 6; в 1866 г. — 4; в 1867 г. — 2; в 1868 г. — 1; в 1869 г. — 2.

Итак, революционное просветительство и народничество 60—70-х гг. объективно отражали борьбу крестьянских масс против крепостических отношений, которая вследствие отсталости России облекалась в социалистические формы. Само по себе крестьянство не было способно выработать эту социалистическую идеологию. Она крестьянству привносилась извне разночинной интеллигенцией.

Таким образом, народничество 60—70-х годов было во всех отношениях шагом назад от революционного просветительства. Эволюция от революционного просветительства к народничеству, которая совершается в середине 60-х годов прошлого столетия, означает уже начало вырождения утопического социализма в России и превращения его в силу, враждебную марксизму. Вначале на международной арене, а затем, с развитием пролетарского движения в России, внутри страны — народничество, как разновидность мелкобуржуазного утопического реакционного социализма, выступает злейшим врагом научного социализма. В конце 60-х годов Маркс и Энгельс ведут самую беспощадную борьбу с Бакуниным, идейным вдохновителем народничества в России и анархизма на международной арене. В начале 70-х годов Энгельс выступает и против Ткачева. Все это показывает, что народническая идеология оказывала свое враждебное действие и на западно-европейское рабочее движение. Марксизм на Западе вырос, окреп и закалился в борьбе с мелкобуржуазным социализмом типа Прудона, Бакунина, Лассаля, Дюринга, Бланки и других. Народничество было, как неоднократно указывалось, специфической разновидностью этого мелкобуржуазного реакционного социализма, которое было враждебным пролетарскому движению. И по мере развития рабочего класса, пролетарского движения, выработки пролетарской идеологии, революционного марксизма, народничество становилось злейшим врагом марксизма и в России. Вот почему В. И. Ленин говорит, что последняя четверть прошлого столетия заполнена борьбой марксизма с народничеством.

В задачу данной статьи не входит анализ этой борьбы. Мы только попытались опровергнуть устоявшуюся традицию, идущую в разрез с ленинским анализом революционного просветительства и народничества, которая ставила знак равенства между Чернышевским и народничеством. Анализ произведений В. И. Ленина и работ просветителей и народников дает нам право заявить, что просветительство и народничество — различные ступени утопического социализма в России. Эволюция от просветительства к народничеству означала вырождение утопического социализма и превращение его во врага пролетарского социализма.

Ф. Головачев

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И БРЕСТСКИЙ МИР

Отношением к Брестскому миру — важнейшему вопросу Великой пролетарской революции — германская социал-демократия вписала в свою историю позорную страницу предательства социалистической революции. Социал-демократия Германии показала себя в дни Бреста преданным агентом отечественного империализма, помогла ему вести интервенцию против неокрепшей Советской России, помогла продиктовать с оружием в руках разбойничий мир. Контрреволюционная расправа немецкого офицерства в оккупированных окраинах России была бы невозможна без содействия германских социал-предателей. В период Бреста германский империализм являлся ближайшим, наиболее опасным врагом, смертельной угрозой для безоружного еще и молодого советского государства. В дни Бреста германский империализм поставил Советскую Россию в «необычайно трудное и тяжелое положение» (*Ленин*). Ребром был поставлен вопрос о самом существовании диктатуры пролетариата, и вызван острейший внутрипартийный кризис в нашей партии. Почти безоружное пролетарское государство в своем стремлении ко всеобщему демократическому миру столкнулось с вооруженным до зубов германским хищником, обладавшим, по словам немецкого генерала Гофмана, «самой мощной армией, которую когда-либо знала мировая история».[1]

На VII съезде РКП(б) Ленин, характеризуя этапы развития Октябрьской революции, оценивал Брест как переломный момент революции. «От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов советской власти нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения...»[2]

На IV чрезвычайном всероссийском съезде Советов Ленин, в докладе о ратификации мирного договора, также указывал на наступление периода тягчайших поражений и испытаний, сменившего период

---

[1] М. Гофман, Записки и дневники, 1914—1918, стр. 143.
[2] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 318.

«победного триумфального шествия диктатуры пролетариата и Советской власти».[1]

В этот труднейший период Великой пролетарской революции пролетариат России был предан германской социал-демократией. Германская социал-демократия, изолируя германский пролетариат от революционизирующего влияния Октября, предала январскую стачку солидарности германского пролетариата с мирной политикой советского правительства, поддерживала и укрепляла интервенционистскую политику делегации Четверного союза в Бресте и в первую очередь германской делегации. Свое предательство она прикрыла гнусной версией добровольного соглашения большевиков с германским империализмом. В критический момент разрыва брестских переговоров шейдемановцы повели бешеную травлю большевизма, идеологически подготовляя немецкую интервенцию — февральское «зверское» (*Ленин*) наступление. Шейдемановцы ликовали по поводу легких побед германской армии, беспрепятственно продвигавшейся к Петрограду — революционной столице Советской России, а также по поводу огромных трофеев, доставшихся немцам. Германские социал-предатели безоговорочно приняли сепаратный мир со свергнутой Украинской Радой и поддержали призыв последней о военном походе германской армии на Украину для удушения большевизма, выступив тем самым соучастниками украинской контрреволюции и германской интервенции на Украине. При соучастии и поддержке шейдемановцев германский империализм душил революцию в оккупированных областях — Прибалтике, Литве, Польше и Финляндии. Шейдемановец Август Винниг, один из гамбургских вождей профсоюзов, нынешний фашист, по поручению германского правительства организовал в Латвии «железную дивизию» для борьбы с большевизмом.[2] Носке оказывал полную поддержку фон-дер-Гольцу — палачу финляндской революции и душителю революции в Латвии и Эстонии — и неоднократно приезжал в Ригу для смотра его войск. Тот же Носке, как «народный уполномоченный» по военным делам в правительстве Эберта — Шейдемана, полностью поддерживал в конце 1918 г. и в начале 1919 г. Розенберга, нынешнего вдохновителя похода фашистской Германии на Восток, организатора в 1918—1919 гг. балтийской контрреволюции и псковского монархического корпуса, созданного для борьбы с Красной армией и удушения советской власти в Прибалтике. Об этом достаточно подробно рассказывает Бермонт-Авалов в своих мемуарах.[3] Германские социал-предатели идейно и путем прямого сотрудничества с правительством (тот же Винниг) работали по «ассимиляции» оккупированных областей, превращая их фактически в германские полуколонии.

На мир с Советской Россией германские социал-империалисты,

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 390.

[2] August Winnig, Am Ausgang der deutschen Ostpolitik, persönliche Erlebnisse und Erinnerungen, Berlin 1921.

[3] Бермонт-Авалов, В борьбе с большевизмом, изд. Августина, Гамбург 1925.

как скрытые, так и открытые аннексионисты, смотрели через очки германского военного командования, т. е. в первую очередь как на сепаратный мир, обещавший возможность быстрой и решительной победы на западном фронте. На XI Пленуме ИККИ т. Мануильский, характеризуя брестский этап деятельности германской социал-демократии, говорил: «Германская социал-демократия предает русский пролетариат в самый критический момент, всемерно поддерживая поход германской империалистической армии против приостановивших войну русских рабочих и крестьян, поддерживая оккупацию кайзеровскими генералами территории революционных народов бывшей царской империи (Украины, Дона, Латвии, Польши), навязывая самый позорный, более подлый, чем Версальский, Брестский мир русской революции».[1]

В брестский период германская социал-демократия была вернейшим оруженосцем внутренней и внешней политики германской империалистической буржуазии, ее агентом в рабочем классе. Позиция шейдемановцев, будучи отражением программы и тактики германского империализма, свелась на деле к активной поддержке и помощи юнкерско-буржуазному правительству в проведении этой программы. Поэтому, прежде чем перейти к исследованию политики германской социал-демократии в период Бреста, надо предварительно хотя бы кратко осветить основы программы и тактики германской буржуазии.

I

К моменту Октябрьской революции германское правительство и верховное командование в основном уже определили программу аннексионистского империалистического мира на Востоке. Наличие такой программы совмещалось с неоднократными попытками со стороны Германии склонить к сепаратному миру как царское, так и Временное правительство. Хозяйственно-политическое и военно-стратегическое тяготение германского империализма к Прибалтике, Литве и Польше, стремление к закреплению за Германией русского рынка путем выгодного торгового договора с Россией, нашли свое выражение в конкретной программе территориальных захватов. Еще 8 ноября 1916 г. германское правительство, кайзер и верховное командование установили завоевательную программу на Востоке: 1) признание «самостоятельности» королевства Польского; 2) аннексия всей территории Курляндии и Литвы таким образом, чтобы, включая сюда и королевство Польское, образовалась благоприятная, идущая с севера на юг, граница с Россией. Это тот самый пресловутый довод об «исправлении границы», которым оперировал в Бресте представитель германского верховного командования генерал Гофман. И, наконец, 3) торговый договор с Россией, с закреплением экономических преимуществ за Германией. Заседание коронного совета в Крейцнахе в августе 1917 г. и в Бельвю в сентябре 1917 г. подтвердило завоевательную

[1] Д. Мануильский, Компартии и кризис капитализма, 1931, стр. 66.

программу на Востоке. Была зафиксирована обязательность аннексии Курляндии и Литвы под персональной унией Гогенцоллернов. Вильгельм II должен был стать великим князем Литвы и герцогом Курляндии. Было решено экономическое присоединение к Германии и Польши. Эти решения реализовали программу аннексий на Востоке, рекомендованную правительству 20 мая 1915 г. в меморандуме шести хозяйственных объединений германских промышленников. Намеченная программа германских аннексий в Прибалтике являлась завершением колонизационной восточной политики германского империализма, начатой еще до мировой войны блоком аграриев и магнатов тяжелой промышленности и усиленно проводившейся в период войны германскими оккупантами. Юнкерско-буржуазный блок Германии замаскировал свои империалистические аппетиты измышлениями о социально-экономическом и национальном родстве Прибалтики с Пруссией. Латифундии немецко-балтийского дворянства, предварительно укрепленные специально подобранными германским правительством и переселенными в Прибалтику немцами-колонистами, должны были стать опорой германского империализма на берегах Балтийского моря, реализовать идею империалистического «Drang nach Osten». Так, еще в 1911 г. Отто Таннеберг в книге «Велико-Германия» выдвигал проект аграрного переселения немцев в Прибалтику, вместе с подробным проектом будущей немецкой аграрной политики в Курляндии, Литве и даже Белоруссии. Немецко-балтийский дворянин Бредерих предлагал например колонизировать Прибалтику немецкими колонистами из Поволжья.[1] Упомянутый выше бывший видный германский социал-демократ Август Винниг, работавший по поручению германского правительства над германизацией оккупированной Прибалтики, указывает, что во время мировой войны гамбургские и бременские капиталисты, с одной стороны, и немецко-балтийское дворянство, с другой, активно разрабатывали план немецкой колонизации Прибалтики.[2] Верховный главнокомандующий Гинденбург, выражая полное удовлетворение брестскими аннексиями в Прибалтике, рассматривал их как средство колонизации этих областей.[3]

17 июня 1918 г. Гинденбург, закрепляя результаты брестских аннексий, издал распоряжение о продаже колонизационному комитету «Курляндия» прибалтийскими помещиками, владеющими землей в количестве не менее 310 гектаров, по цене 1914 г. $^1/_3$ своих земель.[4]

К моменту начала брестских мирных переговоров германский империализм фактически вполне подготовился к аннексиям оккупированных областей Прибалтики, Литвы и Польши. Германское правительство собиралось выдать в Бресте аннексию революционных областей бывшей царской России за свободное решение народов оккупированных областей об отделении их от бывшей России и присоединении

[1] М. Г. Бах, 10 лет капиталистического окружения СССР, М. 1928, стр. 6.
[2] August Winnig, Am Ausgang der deutschen Ostpolitik, persönliche Erlebnisse und Erinnerungen, Berlin 1921.
[3] Гинденбург, Воспоминания, стр. 3.
[4] М. Г. Бах, 10 лет капиталистического окружения СССР, М. 1928, стр. 6.

к Германии. Германский империализм подготовил аннексионистский мир под ширмой «права народов на самоопределение».

Германские оккупационные власти провели в оккупированных областях Прибалтики, Польши и Литвы в условиях военной диктатуры решения местного дворянства и буржуазии об отделении от России, вопреки протесту широких трудящихся масс. Созванные наскоро средневековые сословные ландтаги вынесли решение о присоединении к Германии: специальная делегация просила Вильгельма II принять корону герцога курляндского. На созванных немецким командованием ландратах ни разу не присутствовали латвийские, литовские и эстонские делегаты с мандатами от избирателей. В Эстонии оккупационные власти насильно заставляли волостных старост принимать участие в заседаниях ландратов. [1]

Яркую картину действий оккупационных властей в Литве нарисовал во время мирных переговоров в Бресте представитель комиссариата по литовским делам Мицкевич-Капсукас. Решение об отделении от России было принято 11 декабря 1917 г. литовским ландратом, состоявшим из двух человек, избранных на виленской конференции. Последняя была созвана самозванным бюро при отсутствии демократических выборов, при подавлении свободы слова и собраний. Литовское крестьянство, протестуя против оккупационного режима, требовало специального созыва учредительного собрания для решения вопроса о самоопределении Литвы. Оккупационные власти не разрешали издавать ни одной газеты на литовском языке; собрания были запрещены, рабочие организации разгромлены, происходили массовые аресты и обыски. Много жителей было увезено в Германию на принудительные работы. Протестуя против выдачи этого режима за свободное самоопределение, Мицкевич-Капсукас заявил в своей декларации в Бресте: «При таких условиях нет возможности говорить о самоопределении населения Литвы». [2]

«Самоопределение» оккупированной германскими войсками Польши было проведено при еще большем разгуле военной диктатуры, чем в Прибалтике и Литве. Член советской делегации в Бресте, представитель социал-демократии Польши Станислав Бобинский в своем выступлении 7 февраля 1918 г. в брестской политической комиссии нарисовал картину оккупационного режима в Польше: оккупационные власти даже не интересовались мнением польского населения о будущей государственно-политической судьбе Польши; сотни тысяч рабочих оккупированной Польши увезены в Германию, уничтожена свобода слова, печати, собраний, вожди рабочего класса вывезены в Германию в концентрационные лагери, рабочие демонстрации разгонялись вооруженной силой. Лодзинский полицеймейстер угрожал смертной казнью за забастовки. [3]

---

[1] М. Г. Бах, 10 лет капиталистического окружения СССР, М. 1928, стр. 10, 7.

[2] Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. I, Пленарные заседания политической комиссии, М. 1920, стр. 255—256

[3] Там же, стр. 171—175.

Закончив это бутафорское «самоопределение» оккупированных областей, германское правительство подготовило почву для двойной игры. Можно было на словах принять советскую формулу всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, на основе права народов на самоопределение, чтобы в удобный момент объявить о том, что народы оккупированных областей уже реализовали предоставленное им право на самоопределение, и тем выдать грабительский мир за свободное и добровольное самоопределение. Были и другие причины, заставлявшие германское правительство принять мирное предложение советского правительства. Начавшееся с 1916 г. нарастание революционного подъема в Германии особенно усиливается под влиянием Октябрьской революции. Революционное движение во флоте, большевизация солдатских масс, крайнее хозяйственное истощение, угроза голода, особенно в Австрии,[1] — требовали от германского правительства согласия на советское мирное предложение. Уже на февральскую революцию в России германский пролетариат ответил в апреле 1917 г. массовой политической стачкой рабочих Берлина и Лейпцига. В Берлине бастовало 125 000 рабочих-металлистов, работавших на оборону. Придавленный сапогом военной диктатуры Гинденбурга — Людендорфа германский пролетариат пришел в движение, требуя демократизации Германии, общего мира и улучшения продовольственного положения. Стачка была задушена объединенными усилиями правительства и шейдемановцев.

Осенью 1917 г. морской министр Капелле сообщил рейхстагу о широко разветвленных организациях революционных матросов в вильгельмсгафенском флоте. Под влиянием русской революции матросская организация приняла политический характер, охватив от 5 до 10 тысяч человек во главе с матросами Рейхпитш, Кебис, Заксе и др. Выступления революционных матросов в августе, политические демонстрации, грозившие перейти в восстание, закончились подавлением движения, арестом и казнью Рейхпитша и Кебиса.

Революционное брожение охватило и германскую армию. В войсковых частях образовались ячейки, ждавшие сигнала, чтобы объявить войну войне, распространялась нелегальная литература. Братание не проходило бесследно: на русском фронте началось разложение германской армии, большевистский «яд» проникал в немецкие войска. Даже Людендорф не может отрицать это. По его признанию, германские части, переброшенные в начале 1918 г. с русского фронта на западный для последнего и решительного наступления на Антанту, разложились и большевизировались, втыкали штыки в землю, не хотели итти в наступление, называя солдат, шедших в бой, штрейкбрехерами.[2]

Волна революционного подъема, энтузиазма и решительного одобрения, которым встретил германский пролетариат декрет о мире

[1] О. Чернин, В дни мировой войны, 1923, стр. 255—257.
[2] Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., 1923.

II Съезда советов и мирную политику Октября, заставляла германское правительство принять советское предложение о демократическом мире. Рихард Мюллер, говоря о массовом движении за мир, под влиянием советского декрета о мире и первого предложения мира советским правительством, писал: «Народ поверил в близость мира. Радость и ликование овладели массами, и улицы украсились флагами».[1] В ноябре 1917 г. в крупнейших городах Германии (Берлин, Дрезден) происходят массовые рабочие собрания, на которых принимаются резолюции, одобряющие мирную политику советского правительства, даются обещания помочь «русским братьям по классу в разрешении предстоящих трудных задач», а от германского правительства решительно требуется безоговорочное и недвусмысленное согласие на советское мирное предложение.

18 ноября 1917 г. происходил массовый митинг солидарности с мирной политикой Октябрьской революции в городском зале г. Эльберфельда. Зал вместил только 2000 человек, остальная масса оставалась вокруг здания. В тот же день состоялся подобный митинг в городском цирке Дрездена, где присутствовало 6—7 тыс. участников. Эберт, Шейдеман и Герман Мюллер были вынуждены выступать на этих собраниях и проводить резолюции одобрения мирной политики Советской России и требования к германскому правительству безоговорочного согласия с мирными предложениями Совета народных комиссаров.[2]

Несомненно, германское правительство и военное командование стремились к максимальной концентрации германских сил на западном фронте для решительного и последнего наступления весной 1918 г. Мемуары Людендорфа, Гофмана, Чернина и германского кронпринца единодушно говорят о таком военно-стратегическом плане германского верховного командования.

Идя на мир с Советской Россией, германский империализм хотел использовать ее и экономически для продолжения борьбы с Антантой, превратив в продовольственно-сырьевую базу и рынок сбыта. Так, председатель экономической комиссии в Бресте Кернер упорно предлагал включить в торговый договор пункт, фактически означавший соглашение Советской России с Германией о совместной экономической войне против союзников.[3]

Согласие германского правительства на мирное предложение Советской России было выражено в форме, которая скрывала под признанием советских предложений программу сугубо империалистического, грабительского мира. В этом духе была построена программная речь от 30 ноября 1917 г. рейхсканцлера Гертлинга, объявившего о принципиальном согласии германского правительства на заключение

---

[1] Р. Мюллер, Мировая война и германская революция, 1924, стр. 94.

[2] «Russland und die deutsche Sozialdemokratie, «Vorwärts», № 318, 19 November 1917.

[3] Брест-литовская конференция, изд. Наркоминдела, 1923, стр. 41—42.

перемирия с целью заключения демократического мира без аннексий и контрибуций, с признанием права народов на самоопределение.[1]

25 декабря 1917 г. делегация Четверного союза в Бресте в согласии с Гертлингом декларативно заявила, что кладет в основу переговоров советское мирное предложение, указав, что «в планы и намерения союзных держав не входит насильственное присоединение захваченных во время войны территорий».[2] Последняя формулировка содержала лазейку, так как театральное «самоопределение» оккупированных областей не являлось, по ее толкованию, насильственным присоединением. 27 декабря 1917 г. делегация Четверного союза предложила проект мирного договора, раскрывший двойную игру германского правительства. Вторая статья мирного проекта союзнической делегации Четверного союза предлагала Советской России признать «выделение народов Польши, Литвы, Курляндии и части Эстляндии и Лифляндии из Советской федерации как выражение народной воли».[3]

Подписав 9 февраля 1918 г. сепаратный мир с делегацией свергнутой Украинской Рады, германский империализм продиктовал советской делегации новую границу, отвергнув советское предложение референдума в оккупированных областях с предварительным отводом германских войск. Германский империализм и контрреволюционная Рада сошлись на взаимных компенсациях: Германия получила в лице Украины продовольственно-сырьевую базу на основе возобновленного и ухудшенного для Украины русско-германского торгового договора 1904 г. Украинской же Раде германский империализм бросил кость в виде отторгаемой от Польши Холмщины и, главное, обещание военной помощи в борьбе с большевизмом на Украине.

10 февраля происходит разрыв мирных переговоров после внесения советской делегацией заявления об окончании войны без подписания мира и при полной демобилизации русской армии. 13 февраля совещание в Гамбурге кайзера, правительства и верховного командования решает возобновить германское наступление по всему русскому фронту. 17 февраля германская и австрийская армия, перейдя в решительное наступление до истечения 7-дневного срока, указанного в договоре о перемирии, беспрепятственно продвигалась на Украину и к Петрограду, взяв Двинск, Могилев, Псков, почти всю Белоруссию, бо́льшую часть Украины и захватив огромное военное имущество в виде военных трофеев. Создалось критическое положение, нависла смертельная угроза над революцией, возникла опасность раскола нашей партии со стороны «левых» коммунистов, тащившихся на поводу у Троцкого, который сорвал дело мира вопреки прямым указаниям Ленина и Сталина и поставил революцию на край пропасти. В борьбе против авантюристской тактики Троцкого и мелкобуржуазной фразеологии о «революционной войне» «левых» коммунистов, исходивших, как и Троцкий, из неверия в победу социализма в одной

[1] «Vorwärts», № 328, 30 November 1917.
[2] Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. I, стр. 10.
[3] Там же, стр. 29.

стране, Ленин доказывал еще в январе 1918 г. необходимость немедленного заключения сепаратного мира с Германией хотя бы на тех тяжелых условиях, которые Германия предлагала, для возможной нейтрализации германского империализма, висевшего страшной угрозой над революцией, для передышки с целью спасения революции, укрепления диктатуры пролетариата и дальнейшей борьбы за социализм.

Германские условия мира, предъявленные после недельного наступления германской армии, коренным образом отличались от прежних. Это было прямым результатом губительной, авантюристской тактики Троцкого и «левых» коммунистов, сорвавших заключение мира. Германия потребовала, чтобы за нею была оставлена впредь до окончания войны захваченная ею огромная территория, чтобы советские войска немедленно очистили Финляндию и Украину и заключили мир с их белогвардейскими правительствами, демобилизовали всю армию, в том числе и Красную гвардию, отдали Турции ряд важных политических и стратегических пунктов: Батум, Карс, Ардаган.

Новые германские условия были приняты по категорическому требованию Ленина, которого целиком и полностью поддержал тов. Сталин. 3 марта советская делегация подписала в Бресте «похабный» архитяжкий мир. Этот «похабный» мир был результатом авантюристической тактики Троцкого и «левых» коммунистов, выступавших во главе с Бухариным против партии.

Тов. Сталин в ноябре 1924 г. говорил, что Троцкий «в период Бреста, в период временных неудач революции», пошел «по стопам левых эсеров».

По существу с левыми эсерами и меньшевиками сомкнулись и «левые» коммунисты, которые, как говорил тов. Сталин, «. . .мешали партии получить передышку для организации и укрепления Советской власти, помогали эсерам и меньшевикам, стоявшим тогда против Брестского мира, облегчали дело империализма, стремившегося задушить Советскую власть в самом ее зародыше».[1]

Своевременное заключение мира с Германией на основе первых германских условий было настоятельно необходимо и для самой Германии: даже открыто реакционные монархические круги Германии (Людендорф, Гинденбург, Гофман), предпочитавшие военный разгром Советской России и искоренение большевизма сепаратному миру, вынуждены были итти на мир с большевиками. Верховное командование, принципиально выдвигая план разгрома большевизма, шло на сепаратный мир с Советской Россией, надеясь использовать его для более выполнимой задачи — разгрома Антанты с помощью освободившихся войск восточного фронта. Но были более существенные причины, срывавшие этот идеальный план: германский пролетариат приветствовал демократический мир с Советской Россиией, поддержав ее массовой политической стачкой в январе 1918 г., Советская Россия защищалась, германское командование, сознавая недостаток сил для

[1] И. Сталин, Об оппозиции, 1928, стр. 449.

широкой интервенции, в то же время боялось разложения и большевизации германских армий по мере их продвижения вглубь революционной России. Министр иностранных дел Австрии граф Чернин, ехавший в Брест с намерением, в виду угрожающего положения в Австрии, заключить мир с большевиками во что бы то ни стало, признаёт, что отклонение мира с большевиками, широкая интервенция, будучи принципиально наиболее правильными, были невыполнимы. Чернин писал в момент начала брестских переговоров:

«Русский большевизм является европейской опасностью, и будь мы в состоянии привести нужную страну не только к заключению мира, но и к введению законного порядка, было бы правильно не вступать с этими людьми в переговоры, а просто итти на Петербург и восстановлять там порядок. *Но такой силы у нас нет, потому то для нашего спасения необходимо возможно скорей достигнуть мира*». [1]

II

Аннексионистский мир на Востоке германский империализм готовил при поддержке и соучастии германских социал-империалистов. Еще в 1916 г. Шейдеман говорил в рейхстаге о необходимости «передвижения пограничных камней, поставленных сгнившими дипломатами» и «освобождения порабощенной Польши», санкционируя тем от имени социал-демократической фракции правительственную программу аннексий на Востоке. Вплоть до Февральской революции в России шейдемановцы прикрывали свои империалистические аппетиты ширмой «освободительной» и «оборонительной» войны против русского царизма, для спасения которого шейдемановцы между прочим положили достаточно усилий путем склонения России к сепаратному миру с Германией. Особенно подвизался на этом поприще орган Парвуса «Die Glocke» и его «специалист» по внешней политике, законченный социал-империалист Янсон.

Другой лидер шейдемановцев, Давид, составил в августе 1915 г. для социал-демократической фракции рейхстага и ЦК партии тезисы о мире, в которых имелся такой пункт: «Образование из завоеванных районов русской Польши особого самостоятельного государства, союзного с Германией и Австро-Венгрией». Понятно, что после февральской революции аннексионистские цели шейдемановцев не выражались уже в такой грубой форме: они встречали отпор снизу (апрельская стачка германского пролетариата 1917 г.) и могли повредить желанному сепаратному миру с «демократической» Россией для достижения «всеобщего мира», т. е. решительной и окончательной победы Германии на западном фронте. Необходимо подчеркнуть, что упорное стремление шейдемановцев и независимцев склонить Временное правительство Керенского к сепаратному миру, помимо ближайшей и непосредственной цели содействовать победе Германии над Антантой, могло явиться и временным средством спасения русских

[1] О. Чернин, В дни мировой войны, 1923, стр. 236. Курсив мой. — *Ф. Г.*

шейдемановцев от надвигавшейся пролетарской революции. Мирную политику Великой пролетарской революции шейдемановцы встретили вынужденным официальным сочувствием, определявшимся в первую очередь натиском рабочих масс, требовавших от германского правительства быстрого и недвусмысленного согласия на советское предложение перемирия и мира. Выше, в другой связи, уже отмечалась волна массовых рабочих собраний, происходивших в Германии в ноябре 1917 г., на которых выносились решительные резолюции классовой солидарности германского пролетариата с победившим пролетариатом России, приветствовалась мирная политика Октябрьской революции, давались обещания помочь в разрешении трудных задач, вставших перед русским пролетариатом.[1] Лидеры шейдемановцев возглавили эту волну солидарности и дали ей соответствующую отдушину. 18 ноября Эберт выступал на массовом собрании в Эльберфельде, Шейдеман — в городском цирке Дрездена, Герман Мюллер — на собрании функционеров и слушателей партийной школы в Берлине; Эберт, подлаживаясь под революционное настроение слушателей, рекомендовал правительству дать утвердительный ответ на декрет Совнаркома о мире. Шейдеман, признав в своей речи огромную важность происходящих в России событий, предложил резолюцию, говорящую о том, какими гнусно-лживыми фразами шейдемановцы должны были прикрывать свою подготовку к соучастию в разбойничьем мире.

В заключительной части этой резолюции говорилось:

«Собрание приветствует достижения русских рабочих в революции и желает им дальнейших успехов в разрешении тяжелых задач. Оно заверяет русских товарищей по классу в своей солидарности и поддерживает требование немедленного перемирия и подготовки демократического мира, который как для Германии, так и для других стран обеспечивает свободное хозяйственное развитие».[2]

Шейдемановская пресса и лидеры социал-империалистов всюду официально приветствовали формулу демократического мира Октября, мира без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение, и вместе с этим отрицали и скрывали хорошо им известные завоевательные планы Германии, с одной стороны, и клеветнически извращали национальную политику большевиков, с другой, а именно: шейдемановская пресса сразу же после Октябрьской революции стала писать о безразличном отношении большевиков к судьбе окраинных народов прежней России. Смысл этих клеветнических измышлений ясен: они стремились свалить ответственность за подготовляемый грабительский мир на большевиков и скрыть от масс свое соучастие в этом мире. Особо ярко высказала это редакция «Vorwärts'а» в примечании к статье Григорианца «Революция большевиков»:

«В тот самый момент, когда германская социал-демократия решительно борется против опасности завоевательной политики на Востоке, в России к власти пришла партия, которая ценит мир выше, чем со-

[1] Russland und die deutsche Sozialdemokratie, «Vorwärts», № 318, 19 November 1917.

[2] «Vorwärts», № 318, 19 November 1917.

хранение прежних областей русского государства... Тем самым приблизилась возможность решения, которое нам всегда казалось идеальным: Россия и центральные державы могут согласиться на признание права на самоопределение для населения русских западных провинций и предоставление им права самим решать свою судьбу».[1]

«Vorwärts» наметил здесь, еще до предложения Советской России о перемирии и мире, линию поведения социал-империалистов: выступать за мир без аннексий, распространять версию о безразличии большевиков к судьбе народов западных областей и готовности большевиков на соглашение с германским правительством, отвлекать внимание масс от подготовки империалистического мира правительством путем отрицания наличия завоевательных планов у последнего, признавать право народов западных областей бывшей России на самоопределение, с надеждой выдать состоявшееся под охраной немецких штыков бутафорское «самоопределение» за действительно народное решение.

Для лидеров социал-империалистов Эберта и Шейдемана не была секретом игра правительства, начавшаяся сразу по получении советского предложения о перемирии. Эберт и Шейдеман, призывая массы верить в «честность» обещаний правительства, предлагали видеть в заявлениях рейхсканцлера Гертлинга о согласии правительства на мирные предложения Совнаркома «выданные правительством гарантии» и клялись от имени социал-демократической фракции в бесконечной благодарности правительству, а Эберт заявил о своей готовности сотрудничать с любой партией «прогресса», в том числе и с консерваторами.[2]

30 ноября 1917 г. рейхсканцлер Гертлинг произнес в рейхстаге программную речь о согласии германского правительства на советское предложение о мире без аннексий с правом наций на самоопределение. «Мы ничего больше не хотим, — сказал Гертлинг, — как только вернуться к старым добрососедским отношениям с Россией, особенно в хозяйственном отношении. Мы уважаем право на самоопределение народов Польши, Литвы и Курляндии, некогда подчиненных скипетру царя».[3]

Социал-империалисты были в восторге от дипломатической речи Гертлинга. Шейдеман в своем выступлении, последовавшем после речи рейхсканцлера, выразил от имени своей партии полное одобрение «новому парламентскому правительству Гертлинга» и прежде всего «сердечную благодарность войскам, несущим бесконечные тяготы и, вероятно, обреченным еще долго их нести».[4] В заключение Шейдеман разразился демагогическими тирадами, прикрывавшими истинные цели правительства и приукрасившими дипломатически-лицемерную речь Гертлинга. «Немецкий народ борется, — сказал Шейдеман, — не за польскую королевскую корону и курляндскую герцогскую шапку и не

[1] «Vorwärts», № 308, 9 November 1917.
[2] «Vorwärts», № 328, 30 November 1917.
[3] Там же.
[4] Там же.

за империалистические завоевания. Будущее Бельгии, Курляндии, Польши, Литвы — их собственное дело, а не наше. Хорошо, что рейхсканцлер... необычайно ярко подчеркнул право наций на самоопределение. За это мы ему благодарны... Германия вела борьбу за существование в подлинном смысле слова, и это теперь показано еще ясней, чем прежде, перед всем миром». [1]

Под такой дымовой завесой патентованного социалиста его величества германское правительство могло уверенно продолжать взятый курс двойной игры. Шейдеман и К° создавали правительству возможность выдать решение подставных средневековых ландтагов немецко-балтийского дворянства Прибалтики и помещичье-буржуазных сеймиков Литвы и Польши за свободное народное решение населения оккупированных Германией областей.

В унисон с Шейдеманом в заседании рейхстага от 1 декабря выступили Эберт и Давид, заявившие о готовности с.-д. фракции голосовать за новые очередные военные кредиты в размере 15 миллиардов марок, так как, «несмотря на предложение Советской России о перемирии, война еще продолжается». Эберт и Давид выразили также правительству благодарность за якобы выданные в речи Гертлинга «гарантии» на проведение демократического мира. [2]

Послушный вождям «Vorwärts», комментируя указанные выступления Эберта и Шейдемана, предлагал в передовице от 30 ноября удовлетвориться заявлением правительства, отрицал всякую возможность превращения германским правительством права наций на самоопределение в фикцию и рекомендовал ждать от совместных совещаний мирных делегаций в Бресте понимания советской формулы мира. Руководство с.-д. партии (большинства) и ее центрального органа в начальный период мирных переговоров с Советской Россией таким образом обманывало широкие массы трудящихся и рабочих относительно целей германского империализма. Призывая доверять «честности» германского правительства, оно развязывало руки последнему и, распространяя версию о том, что большевики бросили на произвол судьбы народы бывших русских окраин, подготовляло оправдание своего предательства.

Одновременно с этим шейдемановцы работали над изоляцией германского пролетариата от революционизирующих идей, заключавшихся в обращениях советского правительства, призывавшего воюющие народы к миру путем революционного выхода из мировой бойни. Шейдемановцы при этом не останавливались перед мелким политическим мошенничеством. 1 декабря «Vorwärts» напечатал искромсанную им радиотелеграмму Совнаркома — обращение «К народам воюющих стран», выбросив те места, где русский пролетариат через Совнарком обращался непосредственно к рабочему классу Германии и остальных воюющих стран.

---

[1] «Vorwärts», № 328, 30 November 1917.
[2] Там же.

Редакция «Vorwärts'а» вычеркнула из обращения Совета народных комиссаров следующие «опасные» строки:

«Мы, Совет народных комиссаров, обращаемся к рабочим массам Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии. Мир, который мы предложили, должен быть миром народов. Он должен быть честным соглашением, обеспечивающим каждому народу свободу экономического и культурного развития. Такой мир может быть заключен только при условии прямой и мужественной борьбы революционных масс против всех империалистических планов и захватных стремлений...

«Солдаты, рабочие и крестьяне Франции, Англии, Италии, Соединенных Штатов, Бельгии, Сербии. 1-го декабря открываются мирные переговоры. Мы ждем ваших представителей. Действуйте. Не теряйте ни одного часа». [1]

Этот прием был объяснен «Vorwärts'ом» атмосферными затруднениями передачи. Германская социал-демократия встала барьером на пути движения германского пролетариата в защиту Советской России.

Правительство не собирало рейхстага во время мирных переговоров, желая создать возможно более келейную обстановку для работ германской делегации в Бресте и не допустить возможности связи трибуны рейхстага с широкими рабочими массами и Брестом.

Социал-империалисты спокойно примирились с этим. Они лишь «сожалели», что рейхстаг не собирается, и возлагали все надежды на дипломатическое искусство Кюльмана и «честность» правительства. «Vorwärts» усыплял революционную бдительность германского пролетариата лицемерным восхвалением его заслуг перед «отечеством» у Танненберга, Мазурских болот, тем, что «спасение германского государства от страшной опасности в первый год войны было бы невозможно без поддержки германского пролетариата». Это должно было означать, что массы должны спокойно ждать исхода мирных переговоров, что дело мира находится в надежных руках с.-д. фракции и правления партии. «Vorwärts» не скупился на усыпительную лицемерную фразеологию в эти дни. 17 декабря 1917 г. в «Vorwärts'е» было напечатано:

«Мы должны знать, за что мы боролись. Безумием было бы думать, что мы боролись для того, чтобы кусок Литвы передать под высокую руку Пруссии. Нет, мы защищали свою страну от опустошения и завоевания царизма, мы боролись за то, чтобы положить основание длительному миру народов. Теперь мы требуем платы за пролитую кровь». [2]

Советское правительство спугало все карты шейдемановцев. Оказалось, что большевики не намерены помочь германскому империализму разгромить Антанту путем переброски войск с освобождающегося восточного фронта на западный. Ленин говорил 5 декабря 1917 г. на 1-м всероссийском съезде военного флота: «Когда немцы

[1] «Vorwärts», 1 November 1917. — Декреты Октября, 1933, т. I, 99.
[2] «Vorwärts», № 345, 17 Dezember 1917.

на наше требование не перебрасывать войска на западный и итальянский фронты ответили уклончиво, мы прервали после этого переговоры и возобновим их некоторое время спустя».[1]

Вопреки утверждениям шейдемановцев, большевики не бросили на произвол судьбы народы окраин. Советское правительство категорически отказалось признать германские аннексии, разоблачило империалистический характер проведенного германскими оккупантами «самоопределения», отвергло жульническую уловку германского правительства и германской дипломатии, рассчитанную на трудность положения советского правительства, и потребовало референдума в оккупированных областях с предварительной эвакуацией из них германских войск. Выдать империалистические аннексии за народное самоопределение не удалось. И вот тут-то шейдемановцы вновь показали себя. Они высказались против предложенного большевиками референдума, мотивируя свое пособничество германскому империализму возможностью «фиктивного решения» (Scheinbeschlusse). Шейдемановцы боялись свободного народного голосования в оккупированных областях, понимая, что оно будет явно не в пользу Германии. Решения баронских ландратов, вынесенные под заботливой охраной германских штыков, были куда надежнее.

Показателем отношения социал-империалистов к советскому предложению о референдуме может служить статья в «Vorwärts'е» от 30 декабря 1917 г. «Будущее западно-русских провинций».[2]

Проведя предварительно лицемерную аналогию между действиями царской России в оккупированной Галиции и режимом германских оккупационных властей в Прибалтике и Польше, «Vorwärts» предлагал признать «трудность положения, в котором находятся центральные державы» как оккупанты.

«Существует опасность, что в занятых областях может быть принято фиктивное решение... Как быть, если референдум не будет соответствовать желаниям центральных держав или, еще хуже, если совершится фиктивный референдум, против которого потом поднимется буря негодования действительно народного большинства».[3]

Не всегда шейдемановцам удавалось скрыть и свои империалистические стремления к использованию сепаратного мира на Востоке для решительной и окончательной победы на западном фронте. 21 декабря «Vorwärts» в передовице «Перемирие на Востоке», оценивая перемирие прежде всего с военно-стратегической точки зрения, приходит к следующему выводу о возможности «окончательной развязки войны»:

«Наши верные и дорогие союзники Австрия и Болгария вольются в немецкую армию. Успехи Англии в Азии дела не решают. Исход войны решится на полях Франции и Фландрии. Помощь американцев, которые не могут дать в ближайшее время более 500 000 человек, не может компенсировать многомиллионной русской армии. Ясно, что до тех пор, пока еще значительные немецкие силы связаны на Востоке,

[1] В. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 102.
[2] «Vorwärts», № 357, 30 Dezember 1917.
[3] Там же.

пока остается перемирие, до тех пор не наступит окончательная развязка войны». [1]

III

Второй период брестских мирных переговоров, продолжавшийся с 9 января по 10 февраля 1918 г. и закончившийся отказом советской делегации подписать грабительский мир, доставил шейдемановцам наибольшие трудности. Контрреволюционному социал-демократическому руководству нужно было внести разложение в ряды германского пролетариата и сорвать грандиозную январскую стачку 1918 г., являвшуюся ярким показателем влияния Октябрьской революции на рабочий класс Германии, показателем его готовности действенно защищать Советскую Россию. Октябрьская революция ускорила назревание революционного кризиса в самой Германии и положила начало между народной пролетарской революции.

«Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, — говорит тов. Сталин, — что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания». [2]

Затянувшиеся переговоры в Бресте все более разрывали дымовую завесу шейдемановцев, за которой скрывались подготовленный германским правительством империалистический мир на Востоке и новое усиление войны на Западе.

28 января 1918 г. 400 000 рабочих заводов военного снаряжения в Берлине прекратили работу. Стачка быстро перебросилась на ряд крупнейших городов Германии — Данциг, Гамбург, Мюнхен, Лейпциг и другие. Забастовка сразу приняла ярко выраженный политический характер, развертываясь под знаком солидарности с политикой мира Советской России. Первое требование 414 представителей бастующих рабочих гласило:

1. Быстрейшее заключение мира без аннексий и контрибуций, на основе права народов на самоопределение, согласно формулировке русских уполномоченных в Брест-Литовске.

2. Привлечение к мирным переговорам представителей от рабочих всех стран. [3]

К этому присоединились требования снятия осадного положения, отмены цензуры, восстановления свободы собраний и стачек, освобождения политических заключенных, установления республики. Правительство решило подавить стачку с помощью войск, социал-демократы — по методу: возглавить, чтоб обезглавить, разложить и предать. В Берлине и в окрестностях были введены осадное положение и чрезвычайные военные суды, 3-й, 4-й и 5-й армейские корпуса

[1] «Vorwärts», № 349, 21 Dezember 1917.
[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., 1934, стр. 101.
[3] Р. Мюллер, Германская революция, 1924, т. I, стр. 252.

находились в боевой готовности, был разработан план окружения Берлина войсками, железным дорогам отдано распоряжение о подготовке вагонов для переброски войск к Берлину. Правительство дало понять, что оно готово устроить кровавую баню бастующим рабочим, срывающим грабительский капиталистический мир германского империализма. Результат: в одном Берлине 50 000 рабочих забастовщиков были взяты в армию и отправлены на фронт.

Центральное правление германских профсоюзов выпустило обращение к рабочим с протестом против прекращения работ, осудив «самым резким образом стремления, вредящие благу народа».[1] Эберту, Шейдеману и Отто Брауну удалось пробраться в «Комитет действия» забастовщиков. Войдя туда с целью сорвать стачку, они деморализовали бастующих, запугивали их губительными последствиями военного поражения и ужасами гражданской войны, пытались перевести стачку в организованное и законное выступление за хлеб и картошку, обещали, что правительство пойдет на уступки, если забастовщики окажут доверие шейдемановскому руководству и их посредничеству между рабочими и правительством. О целях вступления членов президиума социал-демократической партии в забастовочный комитет Шейдеман писал: «Нам было важно удержать движение в организованных рамках и как можно скорее прекратить его, переговорив с правительством».[2]

В 1924 г., во время магдебургского процесса о «государственной измене» социал-демократии. Эберт, доказывая свои заслуги перед отечеством в срыве январской стачки, заявил на допросе: «Я вступил в стачечный комитет с определенной целью привести стачку к скорейшему окончанию и воспрепятствовать ей причинить вред стране».

Предав январскую стачку, шейдемановцы пресмыкались перед правительством, успокаивая его уверениями, что между Октябрьской революцией в России и январской стачкой нет никакой связи, что германский пролетариат не сочувствует большевизму, а потому-де можно не опасаться возможности разговора рабочих с правительством по-русски, можно не останавливаться перед тем, чтобы продиктовать России мир, нужный германскому империализму. Так, на заседании рейхстага 28 февраля, т. е. в разгар возобновившегося наступления германской армии на Советскую Россию, видный лидер шейдемановцев Лансберг поучал статс-секретаря внутренних дел Вальраффа: «Государственный секретарь Вальрафф говорил о большевистском влиянии. Большевики действительно верят, господин государственный секретарь, что забастовка произошла под их влиянием и что германские рабочие предприняли будто бы шаги к тому, чтобы вступить с ними в связь. Большевизм — чисто русское явление. Только под гнетом царской деспотии могло развиться такое движение».[3]

Как реагировали германские социал-империалисты на сепаратный мир центральных держав с украинской контрреволюцией?

[1] Р. Мюллер, Германская революция, 1924, т. I, стр. 251.
[2] Ф. Шейдеман, Крушение Германской империи, 1923, стр. 106.
[3] Речь Лансберга в рейхстаге, «Vorwärts», 1 März 1918.

Они сразу заявили, что оправдывают и поддерживают этот мир, что Германия имеет и юридическое право на заключение мира с Украиной, так как последняя стала самостоятельным государством, и вся вина ложится на большевиков, так как они довели-де Россию до распада своей политикой «самоопределения вплоть до отделения», а теперь путем гражданской войны стараются централизовать Россию, против чего законно протестуют Украина и Финляндия. Свое согласие на ратификацию мира с контрреволюционной Украинской Радой шейдемановцы прикрыли гнусной ссылкой на извращение большевиками социалистической национальной политики.

А. Григорианц писал в «Vorwärts'е» от 10 февраля 1918 г., в статье «Украина Республика», о том, что отложение Украины вызвано «вступлением русской революции в фарватер большевизма, роспуском учредительного собрания».

«Хлебный мир» с Украиной встретил у шейдемановцев живейший отклик. Вслед за военным командованием и финансово-промышленной и торговой буржуазией сырьевыми продовольственными богатствами Украины восхищались и социал-империалисты. Украину шейдемановская пресса оценивала как русскую житницу и кочегарку и видела в ней продовольственно-сырьевую базу для Германии, продолжающей войну на западном фронте. «Vorwärts» поместил статью, в которой с восхищением указывал количество производимого на Украине хлеба, сахару, табаку, размеры ее животноводства, запасов руды, угля. Газета сожалела лишь о том, что пройдет еще много времени, прежде чем эти богатства могут быть использованы центральными державами, так как этому мешают неопределенность территориально-политических границ Украины, неумиротворенность страны, наконец — огромные транспортные трудности. [1]

11 февраля «Vorwärts» вновь восхищается миром с Украиной, «самостоятельность которой нисколько не нарушена мирным договором».

После 10 февраля в поведении шейдемановцев обнаруживаются некоторые новые черты: скрывавшаяся ранее враждебность к большевизму бурно прорывается наружу, переходя в открыто интервенционистскую травлю. С идейным оружием белогвардейщины шейдемановцы приступают к моральной подготовке наступления германских армий на безоружную Советскую Россию, одновременно они клеветнически изображают ее в своей прессе страной кровавой диктатуры, насилия и анархии и стремятся предотвратить возможность повторения январской стачки в момент этого похода.

13 февраля на военном совещании в Гамбурге Вильгельм отдал приказ о возобновлении наступления германской армии, а 15 февраля член президиума правления социал-демократической партии Отто Браун поместил в «Vorwärts'е» погромную передовицу «Большевики и мы», целью которой была подготовка масс к поддержке контрреволюционного похода германской армии против Советской России. Отто

[1] Der Brotfrieden mit der Ukraine, «Vorwärts», № 41, 10 Februar 1918.

Браун писал о «безумии надежд большевиков на скорую насильственную революцию в Германии», о том, что «длительный и прочный социализм может быть обеспечен не насилием, а демократическим путем», что в России нет хозяйственных и социальных предпосылок для социализма. Всячески клеветали на Красную гвардию, измышлялись инсинуации о красном терроре, предсказывалось скорое падение советской власти. В заключение маститый социал-интервент, предатель январской стачки германского пролетариата, идейно растлевая массы, готовя поход против Советской России, писал: «То, что творят большевики в России, — это не социализм, не демократия, а насильственная анархия. Поэтому мы должны провести между большевизмом и нами жирную разделительную черту».[1]

Статьей Брауна дело не ограничилось. Социал-предателям необходимо было замаскировать свое соучастие в военном наступлении на Советскую Россию, выйти чистыми из воды, для чего они вслед за правительством пустили в оборот версию о том, что германская армия перешла в наступление и захватывает советские города по просьбе «народов» Украины и Прибалтики, чтобы защитить их государственную самостоятельность от большевиков. Шейдемановцы шли здесь в ногу с прусской военщиной и правительством, выставлявшим те же мотивы для оправдания военного похода и оккупации германской армией Прибалтики и Украины. После 17 февраля канцлер Гертлинг заявил в рейхстаге, что германская армия, продвигаясь вглубь Советской России, выполняет лишь горячую и настойчивую просьбу «населения» западных областей о «спасении его от большевизма». Перед наступлением германской армии нужно было показать, что такие просьбы действительно имели место. Случай представился, и социал-предатели немедленно ухватились за него:

Делегация Украинской Рады официально обратилась к «германскому народу», т. е. к германскому правительству и германскому юнкерству и буржуазии, с просьбой «навести порядок» на Украине, оказать военную помощь Раде для удушения большевизма на Украине.

И «Vorwärts» напечатал 17 февраля этот контрреволюционный призыв Рады — в самый канун возобновления германского наступления против Советской России. Редакция «Vorwärts'а» не только не протестовала против открытого призыва украинской контрреволюции удушить социалистическую революцию на Украине руками германских пролетариев в солдатских шинелях, но, больше того, напечатав этот контрреволюционный документ, дала ему позорный заголовок: «Крик о помощи» (Notschrei).

Между статьей Брауна от 15 февраля и напечатанным в «Vorwärts'е» 17 февраля обращением Рады была последовательная преемственность. Это — отдельные звенья подготовки интервенции против Советской России. С каждым днем контакт между шейдемановцами и украинской контрреволюцией становился теснее. В клевете на Октябрьскую революцию и большевизм шейдемановцы стали прибегать к использова-

[1] Bolschewiki und wir, «Vorwärts», № 46, 15 Februar 1918.

нию «знатоков» положения в России — вождей украинской контрреволюции, которые должны были идейно обезоружить германский пролетариат в февральско-мартовские дни германского наступления на Советскую Россию.

Так, 19 февраля 1918 г. «Vorwärts» поместил большое интервью консультанта делегации Украинской Рады в Бресте профессора Остапенко под заглавием: «Представитель Украины о социализме и большевизме». Повторив указанное выше обращение Рады, профессор заверил представителя «Vorwärts'а» в том, что «украинская идея» враждебна большевизму, что украинские социалисты смотрят на большевизм глазами германской социал-демократии, а потому украинская делегация и обратилась к Германии с призывом о военной помощи.

Так смыкались шейдемановцы с украинской буржуазно-помещичьей контрреволюцией и украинскими меньшевиками.

Неистовствовал орган Парвуса. После возобновления германского наступления он призывал к продвижению вглубь Советской России, изображая его как единственное верное средство к достижению нужного Германии мира. Пауль Ленш писал: «Чистой утопией и ограниченным доктринерством является надежда на возможность выхода из положения простым очищением взятых областей и передачей их вновь России. Может быть, это раньше было бы еще возможно. России, которой хотят «вернуть», — больше не существует. Но для немецких интересов такая политика была бы просто катастрофической. Существует только одна возможность: двигаться дальше по проложенному пути; он приведет, наконец, нас быстрее к общему миру на Востоке». [1]

Это было написано в дни, когда германская армия широкой волной почти беспрепятственно захватывала Украину и двигалась к Петрограду, неся смертельную угрозу революционной столице. Социал-империалист Ленш призывал мечом прокладывать путь к быстрому аннексионистскому, насильственному миру с Советской Россией.

Сам издатель «Die Glocke» Парвус не отставал от своего сотрудника Ленша. Статьи Парвуса первых месяцев после Октябрьской революции полны враждебного злопыхательства и контрреволюционной критики первых декретов Октября. В дни начавшейся с 18 февраля немецкой интервенции Парвус усилил контрреволюционную клевету, оплевывал Красную гвардию, которая была единственной, хотя еще и недостаточной силой, оказывавшей некоторое сопротивление безостановочному продвижению германских полчищ вглубь Советской России. [2]

Германские социал-предатели буквально ликовали по поводу этого быстрого и почти беспрепятственного продвижения. Ликование их вызывала и огромная добыча, доставшаяся германским интервентам и предназначавшаяся для использования на западном фронте в подготовляемом Людендорфом новом решительном наступлении на Антан-

[1] P. Lensch, Die östliche Fragen, «Die Glocke», 47 Heft, 23 Februar 1918, стр. 741.

[2] Parwus, Das soziale Programm der Bolschewiki, «Die Glocke», 48 Heft, 2 März 1918, S. 763, 765—767.

ту. 23 февраля «Vorwärts» в информации «Наступление на Востоке» восторженно-патриотически сообщал о «славных» победах германской армии над большевистской Красной гвардией, о «захваченных запасах, превышающих всякие ожидания».[1]

Орган германских профсоюзов «Internationale Korrespondenz» писал в дни февральской интервенции Германии против Советской России: «С молниеносной быстротой проникают германские войска на Восток после возобновления военных действий. Предсказание, что русские армии стали совершенно неспособны к сопротивлению, подтверждается в полной мере. Почти без боя нам достаются тысячи орудий и в огромном количестве другие военные припасы, которые военное командование с пользой может применить на западном фронте».

В момент разгара этого наступления германское правительство ставит в рейхстаге вопрос о ратификации мирного договора с Украиной. Договор был ратифицирован 22 февраля 1918 г. Социал-демократическая фракция голосовала за ратификацию, официально санкционируя тем самым свое соучастие в интервенции. Германия обязалась помогать украинской контрреволюции, дабы Рада могла выполнить свои обязательства по отношению к Германии. Чрезвычайно показательна для тактики социал-интервентов речь Шейдемана, произнесенная им в рейхстаге от имени социал-демократической фракции.

«Социал-демократическая фракция, — сказал Шейдеман, — уже в первом чтении мирного договора с Украиной отметила, как велико ее опасение по поводу установления границ между Польшей и Украиной (присоединение Холмщины к Украине. — *Ф. Г.*). Несмотря на это, социал-демократическая фракция будет голосовать за мирный договор в уверенности, что всякое заключение мира усиливает волю народов к общему миру, стремление их к мирным переговорам, и должно подрывать позиции продолжателей войны во всех странах. Социал-демократическая фракция выражает надежду, что за этим договором скоро последуют другие, что наступит конец бойне народов и начнется действительно культурная работа в интересах длительного мира с пользой для всех народов».[2]

Итак, мир есть мир, хотя бы он и был заключен с несуществующим правительством Рады, бежавшим под натиском революционных войск, хотя бы он и разрывал на куски территорию Советской России, связывал официальными обязательствами германский империализм с украинской контрреволюцией. Голосование шейдемановцев за ратификацию мира Германии с Украиной было уже само по себе актом участия в империалистическом расчленении неспособной к сопротивлению Советской России, совершенным в обстановке «дикого, зверского» *(Ленин)* наступления германских войск. Шейдемановцы руководствовались следующими соображениями. Они стремились:

1) использовать мир с Украиной для прикрытия своего соучастия в интервенции и удушения большевизма на Украине под предлогом

[1] Der Vormarsch im Osten, «Vorwärts», № 54, 23 Februar 1918.
[2] Речь Шейдемана на заседании рейхстага, «Vorwärts», № 54, 23 Februar 1918.

защиты дружественной страны, настойчиво просящей помощи (обращение Рады к «германскому народу»);

2) прикрыть свой отказ от мира без аннексий ссылкой на распад России в силу неправильной национальной политики большевиков. Распад единой России вынуждает якобы Германию договариваться и заключать мир отдельно с Украиной, Прибалтикой и Центральной Россией;

3) превратить Украину в продовольственную сырьевую базу германского империализма, обезвредив тем английскую голодную блокаду, устоявшую против беспощадной подводной войны, смягчить систему «гениально организованного голода» (*Ленин*). Использовать украинский хлеб для борьбы с нарастающим революционным кризисом в Германии, увеличить шансы на скорую и окончательную победу на западном фронте.

Наступление германских войск вынуждает советское правительство согласиться на «архитяжкий» мир. Радиотелеграмму, посланную Совнаркомом германскому правительству о согласии на германские условия, предложенные в Бресте, радиотелеграмму протеста против германского наступления, с напоминанием об отсутствии поддержки со стороны германского пролетариата, — шейдемановцы обращают в орудие новых нападок на советское правительство. 21 февраля «Vorwärts» так комментировал эту радиотелеграмму: Совнарком-де не хочет мира честно, а считает мир вынужденным и хочет оставить за собою свободу действий на будущее время.

После согласия советского правительства на германский ультиматум шейдемановцы начинают усиленно готовиться к тому, чтобы, не мешая правительству диктовать ультимативный империалистический договор, вместе с тем выйти сухими из воды. Способ для этого шейдемановцы изобрели уже в первые дни после Октября. Социал-империалисты объявили большевиков политиками, вступившими в соглашение с германским империализмом, обвинили внешнюю и национальную политику большевиков в содействии аннексионистским планам германского империализма, пустили в оборот фантастическую версию о срыве большевиками борьбы германской социал-демократии, которую она якобы неуклонно вела против аннексионистского мира германских империалистов. Назначение этой циничной демагогии состояло в том, чтобы объявить большевиков виновниками Брестского мира и скрыть от рабочего класса Германии свое пособничество правительству. Шейдемановцы убеждали германский пролетариат, что большевики подготовили такой мир своей политикой и по их вине якобы германская демократия была бессильна помешать этому. Наиболее открыто выразили эту установку редактор «Vorwärts'а» Штампфер и лидер партии Шейдеман. Штампфер напечатал 24 февраля в «Vorwärts'е» поразительной низости передовицу «Большевизм», в которой тактические принципы шейдемановцев отлились в кристально-прозрачной форме. [1]

[1] «Vorwärts», № 55, 24 Februar 1918.

25 февраля рейхсканцлер Гертлинг произнес в рейхстаге речь по вопросу о мире с Россией. В речи этой он подготовлял депутатов к германскому ультиматуму Советской России, оглашенному в рейхстаге на следующий день, и назвал германскую интервенцию вынужденным наступлением.

Шейдемановцы молчаливо и позорно солидаризировались с интервенционистской речью канцлера Гертлинга, которому германский империализм вручил политическое руководство вооруженным вымогательством разбойничьего мира. Да и что могли ответить Гертлингу шейдемановцы? Разве не они в своем центральном органе назвали призыв украинской контрреволюции о вооруженном вмешательстве Германии в гражданскую войну на Украине «криком о помощи», разве не они предлагали мечом разрубить восточный узел, вели моральную подготовку интервенции и ликовали от ее легких побед и богатейшей добычи?

26 февраля представитель министерства иностранных дел объявил в рейхстаге под оживленные аплодисменты юнкерско-буржуазных партий и при молчании шейдемановцев [1] ультиматум германского правительства Советской России, и Шейдеман ответил от имени с.-д. фракции большинства на объявленный ультиматум и речь Гертлинга 25 февраля. Этот виртуоз предательства и лицемерия произнес речь, в которой поставил все точки над i, заявив, что социал-демократия возлагает вину за империалистический мир на большевиков. Вместе с тем Шейдеман заверил правительство в едином фронте германского империализма и социал-империалистов, указав на то, что у германской социал-демократии есть еще враг на западном фронте, от которого она не может ждать снисхождения. Если бы германская социал-демократия призвала революционным путем «спасти Россию», уверял Шейдеман правительственные партии, она разложила бы германскую армию и отдалась на милость западного победителя, как это сделали большевики. Шейдеман заявил в своем выступлении к удовольствию буржуазных партий:

«Если в восточной политике не осуществились наши взгляды, если против нашего совета был избран путь, который, по нашему убеждению, не ведет наш народ к счастью, то в этом есть доля, вложенная *русским большевизмом*.

«Он совершенно разоружил Россию после того, как царизм проиграл свои битвы, и в первое время не проявил ни малейшего интереса к сохранению единства русского государства. Тем самым он прямо-таки сыграл на руку всяким планам разделения. Если он теперь требует, чтобы мы путем революции вновь попытались исправить принесенный им вред, то он требует от нас слишком многого. Мы находимся в состоянии войны еще и на Западе, и большевистский рецепт не оказался настолько пригодным, чтобы его применение рекомендовать Германии. Если бы немецкие рабочие сделали теперь попытку спасти Россию, и если бы Германия очутилась в положении,

[1] «Vorwärts», № 58, 27 Februar 1918.

подобном России, смели ли бы мы тогда надеяться, что англичане и французы попытаются спасти Германию?

«Нужно иметь очень сильную веру, чтобы на это полагаться... Мы не желаем прийти к власти при обстоятельствах, которые принуждают нас к тому, чтобы заключить с Антантой мир так, как его теперь большевики заключают с Четверным союзом. В зале не найдется никого, кто этого желал бы». [1]

Лидер социал-предателей заверил в своей речи правительство в том, что шейдемановцы не допустят повторения январской стачки и что социал-империалисты готовы продолжать бойню на Западе после заключения мира на Востоке.

27 февраля «Vorwärts», поместив германский ультиматум советскому правительству и комментируя его, облегченно заключает: «Как последствие этого мирного договора можно предвидеть падение правительства большевиков». [2]

Все было готово. Первый этап предательства германской социал-демократии, соучастия ее в разбойничьем мире и интервенции, был завершен. В социал-демократической фракции был проголосован вопрос о брестском договоре. 25 человек высказались за ратификацию, 29 воздержались от голосования и всего 12 человек голосовали за отклонение. В конце концов выход был найден наиболее приемлемый: не мешать правительству и оставить лазейку для оправдания на будущее время. Руководствуясь подобными тактическими соображениями, фракция социал-демократов большинства решила воздержаться от голосования при ратификации брестского договора рейхстагом 18 марта 1918 г.

IV

Выше частично уже был затронут вопрос о том, почему германское наступление остановилось 3 марта, германские войска не взяли Петрограда, не покончили с Советской Россией, а Германия ограничилась навязанным «архитяжким» миром. Всестороннее изучение этого большого и огромной политической важности вопроса выходит за рамки данной работы. Мы ставили целью выяснить и исследовать ту роль, которую играла германская социал-демократия в этом походе германского империализма против Советской России. Была ли германская социал-демократия одним из слагаемых в сумме причин, обусловивших срыв германской интервенции, остановку германского наступления 3 марта на Пскове? Предыдущий анализ конкретного исторического материала говорит, что нет. Наоборот, она была слагаемым в комплексе враждебных интервенционистских сил, выступавших против Октябрьской революции. О чрезвычайной опасности, грозившей Советской России от германской интервенции, излишне говорить: интервенция происходила в то время, когда у молодого

[1] Scheideman über Frieden und Streik, «Vorwärts», № 58, 27 Februar 1918.
[2] Там же.

государства пролетарской диктатуры было мало вооруженных сил. Эта интервенция оживила надежды русской контрреволюции, с нетерпением ожидавшей взятия германскими войсками Петрограда. Ленин в борьбе с «левыми» коммунистами указывал на ликование буржуазии таких городов, как Минск, Псков, занимаемых немцами, ликование, с которым она встречала германские каски, видя в них могильщиков диктатуры пролетариата. Русская буржуазия быстро превратила прусского фельдфебеля из врага в друга и спасителя. Небесполезно напомнить и свидетельство врага по этому вопросу. Генерал П. Бермонт-Авалов, командовавший в 1919 г. русскими и немецкими монархическими отрядами, составлявшими основное ядро баронской контрреволюции в Прибалтике, в своих мемуарах «В борьбе с большевизмом» приводит богатейший материал, подтверждающий, что русские монархисты, организаторы (вместе с германским командованием 8-й армии) псковского монархического корпуса, жестоко упрекали германскую военщину в том, что она допустила «историческую ошибку», остановив германское наступление и не свергнув советскую власть в России в 1918 г. Суммируя надежды русской контрреволюции февраля — марта 1918 г., Бермонт-Авалов пишет: «Кто был в эти дни в Петербурге, тот наверное помнит, с каким лихорадочным вниманием все следили за движением немцев и как радовались, когда узнавали об их приближении к столице. Германские каски на Невском проспекте были бы восторженно приветствованы, если бы они принесли избавление от власти большевиков». [1]

Русские и германские монархисты взваливают на германскую социал-демократию совершенно не заслуженное ею обвинение в срыве германской интервенции, остановке германского наступления и спасении советской власти в марте 1918 г. Обвинение это германской социал-демократии предъявляют как Бермонт-Авалов, [2] так и представители германских военных кругов. Фон-Розенберг, правая рука Гитлера, руководитель внешней политик фашистской Германии, будучи в 1918 г. организатором псковского монархического добровольческого корпуса — основного ядра северо-западной контрреволюции, в разговоре с германским офицером Э. Гауптманом в германском консульстве в Петрограде (лето 1918 г.) указал, что немцы сделали «историческую ошибку», остановив свое наступление, начатое после разрыва переговоров в Бресте 10 февраля. На этот упрек Гауптман ответил:

«Вначале у германцев действительно было определенное намерение занять Петербург и покончить с большевиками, но этому помешали, с одной стороны, осложнения на западном фронте, потребовавшие новых подкреплений и переброски туда войск, а с другой стороны, — *угрожающие протесты германских социалистов, настаивавших на прекращении военных действий против большевиков*. Вот эти две причины изменили наше первоначальное решение, и конечно, это было большим несчастьем для Германии и для России». [3]

[1] П. Бермонт-Авалов, стр. 35.
[2] Там же, стр. 32.
[3] Там же, стр. 59 (курсив мой. — *Ф. Г.*).

Никаких «угрожающих протестов» и настойчивых требований о прекращении военных действий против безоружной страны Советов со стороны шейдемановцев не было. Наоборот, они идейно подготовляли наступление, предлагали действовать решительно, ликовали по поводу успехов германского наступления. Причины приостановки германского наступления лежат в совершенно иной плоскости. Не германская социал-демократия помешала кайзеровской Германии сыграть роль, аналогичную роли крепостной России Николая Палкина в революции 1848 г. Мы здесь пока не говорим о том, что при содействии и поддержке германской социал-демократии Германия стала палачом рабочей революции в Финляндии, душителем большевизма в Прибалтике и на Украине.

Ответ на вопрос о причине неудачи германской интервенции дал Ленин. Он указал, что острота борьбы двух империалистических блоков, борьбы центральных держав против Антанты, ослабляла мощь Германии, отвлекая ее силы на борьбу с англо-французским и американским империализмом. Тов. Сталин вслед за Лениным указывал: «. . .Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил». [1]

В этом решающая причина срыва германской интервенции. Добиться победы на западном фронте через мир с Советской Россией — эта задача подчиняла себе планы германского военного командования, хотя, как известно, Гофман занимал другую позицию: был за решительный поход и взятие Петрограда. Шейдемановцы тоже воодушевлялись воинственными планами верховного командования, выдвинувшего победу на западном фронте как первоочередную задачу, выполнение которой облегчал мир с большевиками. Надежда на кратковременность прихода большевиков к власти и на неизбежное падение их после заключения мира сдерживала решимость покончить с большевизмом в России путем интервенции. «Vorwärts» 27 февраля 1918 г. возлагал надежды на ультимативный мир, как на средство неизбежного «падения правительства большевиков», а Пауль Ленш в эти дни предсказывал в «Die Glocke» неизбежность падения большевиков после заключения мира с Германией; в последнем и состояла якобы их единственная историческая миссия. [2] Шейдемановцы возлагали надежды на Брест как на могилу большевизма, не подозревая того, что Брест сломает хребет монархии Гогенцоллернов.

Второй причиной приостановки германского наступления являлось, без сомнения, опасение повторения январских событий в случае за-

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма. 10-е изд., 1934, стр. 75.
[2] P. Lensch, Erwartingen und Zweifel. «Die Glocke», 33 Heft, 17 November 1917, S. 243.

тяжки интервенционистского похода и продвижения германских войск вглубь Советской России, тем более что взятием Петрограда вопрос еще не решался. Германское правительство и социал-империалисты не могли игнорировать также и готовности советского правительства принять военно-техническую помощь «антантовских разбойников» для борьбы с германскими интервентами. Германскому империализму угрожало восстановление большевиками восточного фронта. «Vorwärts», например, заботливо предостерегал германское правительство от возможности соглашения большевиков с Антантой для отпора Германии.

Недостаток военных сил, связанный с переброской германских частей на западный фронт для подготовляемого там большого наступления, тормозил возможность доведения германской интервенции до конца. Эту причину остановки германского наступления указывал участник переговоров в Бресте, министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин, когда писал, что «для нашего спасения необходимо возможно скорей достигнуть мира; он немыслим без взятия Парижа».[1]

Одна из причин задержки наступления и срыва интервенции заключалась в том, что германское правительство и верховное командование боялись неизбежного разложения наступающих германских войск по мере их продвижения вглубь революционной России и по мере их приближения к революционной столице. Германские империалисты не могли не учитывать и той роли, которую сыграют в армии 50 000 берлинских забастовщиков-металлистов, отправленных на фронт после разгрома январской стачки, сигнализировавшей солидарность германского пролетариата с мирной политикой Октябрьской революции. Это подчеркнул в своей книге английский посол в Париже лорд Берти. Он пишет: «Из боязни заразить свои войска большевизмом германское командование не осмелится проникнуть вглубь севера России, где эта болезнь свирепствует».[2] Людендорф также признаёт, что германские части, побывавшие в революционной России, разложились и, будучи отправлены на западный фронт, срывали наступление.

Итак, конкретный исторический материал полностью подтверждает вывод, сделанный т. Мануильским на XI пленуме ИККИ о предательской роли германской социал-демократии по отношению к пролетариату Советской России в период Брестского мира.

V

Германская социал-демократия, будучи на определенном историческом этапе буржуазной агентурой внутри рабочего класса, естественно отразила в своей позиции и высказываниях по вопросам Брестского мира и те оттенки мнений, которые имели место в этом вопросе в лаге-

[1] Чернин, В дни мировой войны, стр. 236.
[2] Лорд Берти, За кулисами Антанты, 1927, стр. 171.

ре ее хозяина — среди господствующих классов юнкерско-буржуазной Германии. Выше говорилось преимущественно о позиции официального руководящего ядра социал-демократии, группировавшегося вокруг правления партии во главе с «Форвертсом». Эта группа определяла в конечном счете линию шейдемановцев как по вопросу о Брестском мире, так и общую линию в вопросах внешней политики.

Наряду с официальным ядром выступала вторая группа — наиболее открыто империалистическая, не связанная официальным положением в партии. Ее органом и центром был «Die Glocke» Парвуса, начавший выходить с 1916 г. Ленин еще в 1916 г., после выхода первых шести номеров этого журнала, охарактеризовал его как рупор германского империализма, как орган «грязного лакейства», а его издателя Парвуса — как социал-империалиста, дошедшего до «последней черты».[1]

Именно из парвусовской группы вышли такие организаторы вооруженной борьбы с большевизмом, как Август Винниг — организатор контрреволюции в Прибалтике, или пособники удушения рабочей революции в Финляндии Ленш, Янсон и другие.

Третья группа — представители так называемой «восточной ориентации» — «востокофилы» — группировались вокруг «Sozialistische Monatshefte». Позиции представителей этой группы в вопросах Бреста наиболее типично выражали Макс Коген и Людвиг Квессель. Эта группа «востокофилов» может на первый взгляд ввести в некоторое заблуждение своими умеренно-либеральными предложениями, своим несогласием с аннексионистским миром, предложением мирного экономического сотрудничества с Россией. На самом же деле эта разновидность шейдемановцев отразила лишь позицию некоторых групп германской буржуазии, наиболее изголодавшихся по русскому рынку.

Крайний правый фланг шейдемановцев, группировавшихся вокруг «Die Glocke», открыто предлагал (особенно после мира с Украиной) военный поход в Россию, как способ добиться выгодного для Германии мира (Пауль Ленш). Представители этой группировки, в отличие от официальной, издевались над советской формулой демократического мира, открыто вели травлю большевизма, резко критиковали его экономическую и военную политику в дни февральско-мартовского германского наступления. Эта открыто империалистическая группа шейдемановцев не скрывала, что в мире с большевиками они видят средство победы над Антантой путем разгрузки восточного фронта. Представители ее категорически предлагали с.-д. фракции голосовать за ратификацию брестского договора и осудили и высмеяли с.-д. фракцию, воздержавшуюся от голосования.

Ленш в статье за 16 марта «Заключение мира и военные кредиты» с сожалением констатировал отсутствие «твердой и реальной политики» у части социал-демократии, выразившееся в воздержании от голосования брестского договора, который нужно было принимать безоговорочно. «Мир должен был разбить иллюзию формулы мира

[1] Ленин, У последней черты, Соч., т. XVIII, стр. 319—320.

без аннексий и контрибуций, — писал Ленш, — и позолоту многозначительной фразы — самоопределение народов, под которой каждый может понимать, что ему угодно».[1]

Социал-демократия, по Леншу, потеряла голову и в такой исторический момент не смогла сказать ни да, ни нет. Она придумывала схематические исторические конструкции и заговорила по аналогии с 1871 годом о возможности реванша со стороны России. Но социал-демократия ошибается, поучал Ленш официальное руководство шейдемановцев, так как «русская народная душа неспособна к реваншу и мести», да этого русские и при всем желании сделать не могут, так как их прежние союзники стали их врагами, и они могут думать только в союзе с Японией».[2]

Отпор со стороны представителей парвусовской группы встречали колебания отдельных «критиков» вроде Венделя, пытавшегося осудить поддержку правительства с.-д. фракцией. Ленш предлагал держаться «реальной и твердой политики, так как война — не сестра милосердия».

Необходимость аннексирования Германией Польши, Литвы и Прибалтики эта группа мотивировала культурно-национальным родством этих областей с Германией (Ленш, Винниг, Габуберт).

Ленш не считал нужным скрывать свои империалистические интервенционистские проекты, связанные с брестским договором. В статье «Заключение мира» Ленш предвидел ближайшим результатом Бреста мир и союз Германии с Румынией и Финляндией. Мир Германии с Румынией позволяет образовать федерацию государств дунайской дельты под верховенством Германии. В эту федерацию, по плану Ленша, должна войти и Украина, включенная в сферу германских интересов. Кроме того, брестский договор обеспечит продвижение Германии в Азию. Мир Германии с Финляндией сделает из последней, после вывода из нее советских войск, согласно брестскому договору, дружественного и надежного соседа, «расположившегося у самых ворот большевистской столицы».[3]

Здесь Ленш по существу начал уже втравливать германский империализм в финляндскую интервенцию, что германская остзейская армия палача фон-дер-Гольца и выполнила в апреле — мае 1918 г.

Ближайшие последствия Бреста парвусовцы увидели в возможности решительной победы на западном фронте вследствие усиления германской армии освободившимися восточными дивизиями. В статье «Мировой поворот» («Die Glocke» от 6 апреля 1918 г.) Ленш, констатируя успешное начало германского наступления на западном

---

[1] P. Lensch, Friedensschluss und Kriegskredite, «Die Glocke», 50 Heft, 16 März 1918, S. 839.

[2] P. Lensch, Friedenswerk und Diplomatenkunst, «Die Glocke», 52 Heft, 30 März 1918, S. 898.

[3] P. Lensch, Friedensschluss und Kriegskredite, «Die Glocke», 50 Heft, 16 März 1918, S. 840.

фронте, его частичный прорыв германскими армиями, ставит эти успехи Германии в прямую и непосредственную связь с Брестским миром.

«Только теперь стали ясными, — писал Ленш, — широкий характер Брестского мира и его огромное значение для Германии».[1]

Прогноз Ленша: Брестский мир помог Германии, наконец, повести войну за действительные цели, в Англии неизбежна революция, которая, как и русская, будет результатом немецкой победы, и в конечном счете «Германия осуществит свое призвание — сломить двойное ярмо столетиями господствовавшего над Европой англо-русского деспотизма, к свержению которого Маркс неоднократно призывал общественное сознание Европы».[2]

Итак, Брестский мир должен принести на победоносных германских штыках революцию в Англию, сломить окончательно английскую гегемонию и превратить Германию в державу «превыше всех».

В мае 1918 г. «Die Glocke», продолжая мысль Ленша, писал о том, что германские армии в войне с Россией играют такую же освободительную роль, как в свое время армии Конвента в феодальной Европе. Большевики же, по мнению того же Ленша, обречены на гибель.

В политике мира Октябрьской революции и Брестском мире, в частности, эта группа усматривала одновременно и колыбель и могилу большевизма, что являлось логическим выводом из оценки ими Октябрьской революции как буржуазной, а большевиков — как случайных людей. «Большевики — орудие исторического развития. Их задача — привести Россию к миру. Если они эту задачу выполнят, то они погибнут, как некоторые виды бабочек, которые одновременно с рождением потомства умирают».[3]

Аннексионистский зуд этой группы был неудержим: Брестский мир и углубление германского похода на Украину были для нее средством для создания величайшей германской державы, простирающейся от Северного моря через Украину и Кавказ к границам Индии.[4]

Сторонники «восточной ориентации» группировались вокруг журнала «Sozialistische Monatshefte». Остановимся на высказываниях Макса Когена и Людвига Квесселя, наиболее ярких представителей этой группировки, вступившей в семейную перебранку с официальным направлением шейдемановцев. Перебранка продолжалась как в период брестских переговоров, так и в течение лета 1918 г., вплоть до военного краха Германии и ноябрьской революции. Официальный курс восточной политики шейдемановцев защищал в этой дискуссии главным образом Давид, отвечавший на страницах «Neue Zeit» Когену и Квес-

---

[1] P. Lensch, Weltenwende, «Die Glocke», 1 Heft, 6 April 1918, S. 1.
[2] Там же
[3] P. Lensch, Revolution des Dogmas und Revolution der Verachtung, «Die Glocke», 29 Dezember 1917, S. 483.
[4] Там же.

селю. «Востокофилы», как окрестил их Давид, пытались по существу взять на себя роль более дальновидных консультантов германского империализма во внешней политике вообще и в восточной в частности. Их взгляды в вопросе Брестского мира сводились к следующему:

Аннексионистский Брестский мир, расчленяющий Россию, невыгоден Германии и экономически и политически, как с точки зрения текущих задач Германии, так и в смысле дальнейших перспектив. Центральной задачей внешней политики Германии является уничтожение английской колониальной, морской и мировой гегемонии вообще, а это можно сделать, лишь находясь в дружественных взаимоотношениях с Россией. Германия должна стать величайшей колониальной державой, ей крайне необходимы источники сырья всех видов, она крайне остро нуждается в этом сырье сейчас, а в послевоенное время эта потребность еще увеличится. Мы всюду сталкиваемся с господством «англо-саксонской» расы — с Англией и США. Выход у Германии один: дружественный континентальный союз Германии, России и Японии должен стать средством борьбы с англо-саксонской супрематией, средством восстановления европейского равновесия и превращения Германии в величайшую колониальную державу. Англия страшна Германии только до тех пор, пока Россия не с Германией. Восточная политика германского правительства и германской с.-д. неправильна. Расчленение России — искусственно. Россия все равно неизбежно возродится и воссоединится: воссоединение «единой, неделимой» демократической России совершенно неизбежно. Русский народ никогда не согласится с брестским ампутированием России, на это не пойдет ни одна партия, кроме большевиков, являющихся случайным, временным правительством радикализма, неизбежным для всякой революции на этапе ее высшего подъема. Германии нужно, не удовлетворяясь согласием большевиков на любой мир, иметь в виду устойчивые жизненные интересы «русского народа». Экономическое сотрудничество с Россией необходимо для Германии: германская промышленность без русского рынка никогда не сможет загрузить свой производственный аппарат, а это понизит ее способность к конкуренции. Германия не может обойтись без русского сырья, нужно вновь отвоевать у Англии и США русский рынок, захваченный ими во время войны.

В таком кругу «идей» вращались сторонники «восточной ориентации». Размер статьи позволяет лишь кратко остановиться на высказываниях этой группы. 8 января 1918 г. Коген выступил со статьей «Необходимость положительной политики», в которой пытался обосновать необходимость русско-германского соглашения, как средства обезвреживания Англии и превращения Германии в великую державу. Коген писал: «Исход войны должен дать Германии большое колониальное государство в Африке, простирающееся от океана на западе до океана на востоке... Германский народ нуждается для обеспечения своей потребности в сырье в обширных колониальных владениях. Его хозяйственная мощь и величина отечественной производи-

тельности дают ему на это двойное право, его организационные способности должны найти применение в колониях».[1]

Вывод Когена: Германия должна быть умеренна в мирных требованиях к России, иначе весь этот проект рухнет. «Действительная европейская континентальная политика... возможна только на основе германско-русского соглашения, которое должно образовать крепкий фундамент Европы после войны... Нет ничего более рокового, чем вера, что мы можем теперь безнаказанно заключать мир с Россией за ее счет... С Англией мы только тогда сможем стоять на равной ноге, когда будем достаточно сильны на европейском континенте».[2]

Коген, следовательно, предлагал лишь другой вариант для использования Брестского мира с целью разгрома Антанты. Для Когена мир заключается Германией не с пролетарским правительством Советской России, а с «русским народом», который может быть союзником Германии, который никогда не потерпит отделения от него западных областей и будет жить идеей реванша. Коген в статье от 5 февраля 1918 г. «Россия и будущее Германии» продолжал внушать германскому правительству: «Значение происходящих теперь в Брест-Литовске мирных переговоров для германского народа — не в тех условиях, на которые идет случайное большевистское правительство, а в том, что заключается действительный мир с русским народом».[3]

Итак, «русский народ», а не русский пролетариат в центре внимания Когена. Советское правительство — «случайно», оно идет на любые условия. В этой же статье Коген указывает, что аннексионистский мир вызовет, кроме реваншистских стремлений «русского народа», новый разгар воинственности и упорства в странах Антанты, грозящих Германии поражением.

Последствием возобновления германского февральско-мартовского наступления на Советскую Россию Коген считал неизбежность военно-технического соглашения большевиков с союзниками. 19 февраля 1918 г. Коген писал в «Форвертсе», когда последний открыл нечто вроде литературной дискуссии по вопросу внешней политики шейдемановцев: «Сами большевики вновь подали руку Антлии... Бьюкенен готов, как кажется, вернуться на петербургский пост. Это и есть баланс Брест-Литовска».[4]

Другой представитель этой разновидности шейдемановцев, Квессель, обосновывал необходимость умеренного мира «случайностью и недолговечностью большевистской диктатуры» в России и неизбежностью восстановления единой демократической России, с которой Германии выгодно быть в союзе против Англии.

«Нельзя серьезно сомневаться в том, — писал Квессель, — что

---

[1] Max Kohen, Die Notwendigkeit produktiver Kolonialpolitik, «Sozial. Monatshefte», I Heft, 50 B., S. 22—23.

[2] Там же, S. 21.

[3] Max Kohen, Russland und die deutsche Zukunft, «Sozial. Monatshefte», 4 Heft, 50 B., S. 119.

[4] Max Kohen, Zur aussenpolitischen Lage, «Vorwärts», № 50, 19 Februar 1918.

существующая в настоящий момент большевистская диктатура может быть только преходящим явлением, которое будет сменено упорядоченным демократическим режимом... Во всей всемирной истории происходило подобное тому, что в России... Без жестоких родовых схваток не может возникнуть новая жизнь».[1]

Квессель более подробно и всесторонне, по сравнению с Когеном, обосновывает экономическую необходимость умеренного германско-русского мира. По мнению Квесселя, побывавшего в 1910 г. в России и занимавшегося ее экономикой, Германия без русского рынка всегда будет недогружать на 20% свои предприятия. Кроме того Россия необходима Германии как поставщик дешевой нефти, леса и хороших руд, в которых Германия особенно нуждается.

«Нетрудно понять, — писал Квессель, — заявления виднейших писателей Англии о том, что если нужно убить экономическую мощь Германии, достаточно отобрать у нее русский рынок. Недогрузка германской промышленности из-за потери русского рынка удорожит германскую продукцию и сделает германскую конкуренцию неопасной для Англии на всех рынках мира. Поэтому Англия приложила все усилия к тому, чтобы завоевать и закрепить за собой русский рынок во время войны.[2]

Если на одной стороне тесно сомкнулись Англия и Америка, то нашей политической целью должно быть образование тесного союза будущей континентальной Европы «с Россией и Японией».[3]

После разгона германскими оккупантами Украинской Рады и назначения Скоропадского гетманом Украины Коген вновь указывал на неизбежность воссоединения Украины и северо-западных областей с Россией и предлагал социал-демократической фракции настаивать, пока не поздно, на изменении брестского договора, так как только союз Германии с Россией обеспечивает германские интересы, а приход буржуазии к власти в России несомненен.[4]

Дискуссия внутри шейдемановского лагеря о Брестском мире продолжалась вплоть до ноября 1918 г. Когда стало очевидным, что обещанная победа на Западе проиграна и что Брестский мир там не достиг своей ближайшей цели — разгрома Антанты, — социал-империалисты стали трезветь от аннексионистского угара и заговорили о своей непричастности к грабительскому миру в Бресте. В августе 1918 г. на страницах «Neue Zeit» выступил против Когена и Квесселя Давид. Оправдывая брестскую политику официального направления и ЦК, Давид заявил, что руководство социал-демократии в свое время якобы приложило все усилия для удержания германского пра-

---

[1] Ludwig Quessel, Der Aufbau des neuen Russland, «Sozial. Monatshefte», I Heft, B. 50, 8 Januar 1918, S. 12.

[2] L. Quessel, Die industriellen Kräfte Russlands, «Sozial. Monatshefte», B. 50, 12 Februar 1918, S. 183, 191.

[3] Там же.

[4] Max Kohen, Die Ukrainische Warnung, «Sozial. Monatshefte», B. 50, 18 Mai 1918.

вительства от навязывания Советской России такого мира, но «наше предупреждение было не понято; наш совет остался незамеченным».[1]

Вместе с тем Давид решительно отверг всякие разговоры Квесселя и Когена о возвращении России западных провинций, так как это бы означало лишение народов этих провинций права на самоопределение, а германская социал-демократия всегда была сторонницей социалистической национальной политики.[2]

Полемизируя с Давидом, Коген и Квессель заявили, что Давид — типичный аннексионист, считавший Брестский мир шедевром (Meisterstück) германской дипломатии, и что теперь, после неудачи на западном фронте, все конечно стали говорить об ошибочности Брестского мира. Совершенно очевидный проигрыш войны и надвигающийся крах Германии к октябрю 1918 хотя и заставили шейдемановцев всех мастей заговорить об ошибочности брестской политики, но отказаться от брестского договора они и теперь не собирались. В лучшем случае они делали стыдливые намеки на то, что ревизия брестского договора была бы полезна как средство ослабления Англии и Америки, одновременно заявляя, однако, что с ревизией брестского договора уже запоздали и что скоро мирная конференция решит и этот вопрос. Так «Форвертс», публикуя 5 октября 1918 г. ноту Наркоминдела об аннулировании брестских обязательств по отношению к Турции, писал в связи с этим:

«Россия находится, следовательно, с Турцией в состоянии войны, что также означало бы возобновление войны и с Германией, если бы последняя оказывала военную помощь своему союзнику. Тем временем этот эпизод отодвигается на задний план большими событиями. Первая часть Брестского мира отпала, другая последует за ней, но не в результате новой войны (Германии и Советской России. — *Ф. Г.*), а в результате общего мира. Что Россия ожидает от Германии аннулирования Брестского насильственного мира, об этом не стоит говорить...

«Германия должна ревизовать Брестский мир для того, чтобы усилить свою позицию против Англии — Америки. Но это теперь, кажется, поздно. Ревизия Бреста должна последовать на общей мирной конференции».[3]

Одно несомненно: если бы германский империализм чувствовал себя в силах в октябре 1918 г. двинуться в новый военный поход против Советской России под предлогом защиты брестского договора и своего прежнего союзника — Турции, — шейдемановцы сделали бы то же, что в феврале — марте 1918 г., тем более, что у социал-предателей к октябрю 1918 г. стал богаче интервенционистский опыт: в апреле — мае того же года при их соучастии и поддержке остзейская дивизия германских интервентов под командованием фон-дер-Гольца задушила рабочую революцию в Финляндии; при их под-

[1] David, Sozialdemokratie u. Ostpolitik, «N. Z.», B. XXXVI, 23 August 1918.
[2] Там же.
[3] «Vorwärts», № 274, 5 October, 1918.

держке происходила в течение лета 1918 г. расправа германских оккупантов с революцией на Украине и в Прибалтике.

VI

Довоенный германский центризм — «идеология подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии *в составе одной общей партии*» [1] — принимает в период мировой войны форму социал-пацифизма и явился наиболее опасной скрыто-оппортунистической формой борьбы с надвигающейся пролетарской революцией, с революционным выходом из капиталистической бойни путем гражданской войны. В годы мировой войны, указывает т. Сталин, опасность социал-пацифизма состояла в том, что он просто обезоруживал пролетариат перед лицом новых революционных схваток. Социал-пацифизм, миротворчество независимой германской социал-демократии, был своеобразной формой спасения капитализма и предотвращения революционного кризиса. Предвоенную борьбу с международным центризмом Ленин резко усиливает с первых же дней мировой войны, беспощадно бичуя, разоблачая предательство, огромнейшую опасность «каутскианского центра — прислужника оппортунистов», приносящего «больше вреда делу марксизма, чем открытый социал-шовинизм», [2] «гнусную сеть каутскианского лицемерия, педантизма», «дружелюбия к оппортунистам», защиту открытых социал-империалистов со стороны центра с Каутским во главе «особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами». «Одной из форм одурачения рабочего класса, — писал Ленин в 1915 г., — является пацифизм и абстрактная проповедь мира». [3] В статье «Военная программа пролетарской революции» Ленин говорил о том, что «прикрытые оппортунисты, каутскианцы гораздо вреднее и опаснее для рабочего движения, потому что они прячут свою защиту союза с первыми («открытыми циничными оппортунистами». — *Ф. Г.*) при помощи благовидно звучащих тоже «марксистских» словечек и пацифистских лозунгов». [4] В 1915 г. в статье «Социализм и война» Ленин писал: «Каутский... теперь на все лады оправдывает и прикрашивает социал-шовинизм и, подобно Плеханову, присоединяется к буржуазии для высмеивания всяких помыслов о революции, всяких шагов к непосредственно-революционной борьбе». [5] Социал-пацифисты приносили пролетариату «больше всего вреда лицемерными попытками оправдать оппортунизм», а о главе их, Каутском, Ленин писал в 1915 г. в статье «Крах II Интернационала»: «Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупоумную контр-революционную теорию, в самую грязную поповщину». [6]

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 9-е изд., стр. 379.
[2] В. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 214.
[3] Там же, стр. 127.
[4] В. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 329.
[5] В. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 203.
[6] Там же, стр. 259.

В основе программы внешней политики независимцев лежало стремление ускорить мир, дабы предотвратить революцию в Германии и других странах. Так как большевики по приходе к власти решительно предложили народам и правительствам воюющих держав немедленно заключить перемирие и начать переговоры о мире, то вполне понятно, что пресса независимой социал-демократии, как и шейдемановцев, вплоть до мая 1918 г. уделяла преимущественное внимание программе и политике мира русской революции, отодвигая на второй план вопросы внутренней истории Октября, его характера, перспектив и значения. Еще в предоктябрьский период независимцы видели в словесных декларациях о демократическом мире со стороны петроградского меньшевистско-эсеровского Совета «зарю мира». Еженедельник независимцев «Sozialistische Auslandspolitik» в апреле 1917 г., превознося февральскую революцию в России, писал о том, что до этой революции «было много пролито чернил, составлено резолюций, проектов мира и окончания войны, но все было напрасно, так как внимание всех народов было направлено к границам своих государств и к фронту». Русская революция повернула народы к миру, а «молот русской революции сбил железного рыцаря, стоявшего на пути к миру».[1] Объявив петроградский Совет и Чхеидзе подлинными борцами за демократический мир, анонимный автор цитируемой статьи призывал народы и государственных деятелей всех стран последовать в деле мира за петроградским Советом.

«Горе народам, — заключал теоретический орган независимцев, — если они окажутся не в состоянии заставить своих соотечественных государственных деятелей выполнить это».[2]

Уточняя мирную программу меньшевистско-эсеровского петроградского Совета, указанная статья формулирует ее следующим образом: 1) никакого сепаратного мира, а только общий мир; 2) отказ от всех завоевательных целей как своего, так и чужого правительства; 3) давление на временное правительство в направлении заключения быстрого мира на основе соглашения; 4) обращение к интернациональному пролетариату с призывом к общей активной работе за мир; 5) никакой дезорганизации революционной армии и национальной обороны.

Социал-пацифистские симпатии независимцев были полностью на стороне этой программы «демократического» мира меньшевистско-эсеровских агентов русского империализма, так как она предохраняла от превращения империалистической войны в гражданскую и удерживала в пацифистских сетях независимцев часть германского пролетариата. Независимцы поддерживали внешнюю политику меньшевистско-эсеровского блока вплоть до последнего момента. Пропагандируя через свою прессу писания новожизненцев, меньшевиков и эсеров о задачах внешней политики русской революции, независимцы стремились предотвратить социалистическую революцию в России.

---

[1] Die Morgenröte Friedens, «Sozial. Auslandspolitik», № 16, 15 April 1917.
[2] Там же.

Очень поучительна например статья «Внешняя политика русской революции», появившаяся в «Sozialistische Auslandspolitik» 7 ноября 1917 г., в день всемирно-исторической победы русского пролетариата. Анонимный автор из лагеря независимцев, аргументируя доводами русских новожизненцев, обосновывает тезис о значении и роли России в международной политике следующими соображениями:

1. Несмотря на слабость в данный момент русской армии, русский фронт связывает значительные силы Германии и Австрии, что со стратегической точки зрения является необычайно важным фактором как для союзников России, так и для ее врагов.

2. Надежды союзников на поражение Германии основаны главным образом на экономическом истощении Германии, вызванном голодной блокадой. Россия является важнейшим участником в этой борьбе: без России блокада Германии союзниками вообще была бы невозможна.

3. Россия обладает большой притягательной силой для иностранного капитала. В государственно-коммунальные займы, железные дороги и промышленность России вложены многие миллиарды англо-французского капитала, что заставит союзников поддерживать дружественные отношения с Россией.

4. Россия — лучший и богатейший рынок мира. Перед войной здесь господствовала главным образом германская промышленность, теперь же стремится его окончательно завоевать англо-американская. На русский рынок много претендентов. Это очень благоприятное положение, которое Россия может с большим успехом использовать.

В заключение автор писал: «Русская революция с такими картами в руках ни в коем случае не может быть беспомощной и не должна допустить, чтобы Россия деградировала и превратилась в безвольное орудие европейского империализма».[1]

Совершенно очевидно, что для еженедельника независимцев «самостоятельность внешней политики русской революции» была лишь профилактическим средством против Октября в условиях провала русского июньского наступления на германском фронте в 1917 г., нежелания армии воевать и перехода масс на сторону большевиков.

Предложение Совнаркома народам и правительствам воюющих стран о перемирии германские независимцы приветствовали самой революционной фразеологией. Они объявили октябрьскую победу русского пролетариата событием всемирно-исторического значения и даже призывали германских рабочих «не забыть своих исторических задач», не быть простыми зрителями происходящих в России событий, оказать поддержку мирной политике «социалистического правительства России» и не допустить аннексионистского мира. 12 ноября 1917 г. ежедневный орган независимцев «Leipziger Volkszeitung» печатает воззвание ЦК независимцев за подписью Диттмана, Гаазе, Гофера, Лауканта, Ледебура, Вендельса и Циц к «социалистическому

[1] Die auswärtige Politik der russischen Revolution, «Sozial. Auslandspolitik», № 45, 7 November 1917.

пролетариату Германии». Это воззвание — шедевр революционной фразеологии независимцев. Оно гласило:

«К социалистическому пролетариату Германии.

РАБОЧИЕ, РАБОТНИЦЫ!

В России пролетариат овладел политической властью — событие всемирно-исторического значения. Никогда еще на пролетариат не возлагалась такая большая задача, как в данный момент.

Пролетарское правительство России, как противник капитализма и всех империалистических стремлений, хочет общего перемирия с целью заключения мира, исключающего аннексии всякого рода с чьей бы то ни было стороны.

Надежда предотвратить зимнее наступление тем самым усилилась. Эта надежда однако не оправдается, если германский пролетариат ограничится ролью зрителя происходящего в России. Именно германский пролетариат теперь обязан перейти к массовому заявлению (Massenkundgebunden) требований мира, без всяких аннексий с чьей бы то ни было стороны. Против этих планов территориальных расширений, будь то на Западе или на Востоке, мы, социалисты, принципиально боролись. Эти планы теперь больше чем когда-либо являются препятствием к миру.

Товарищи! Докажите, что вы ничего общего не имеете с этими планами, что вы хотите мира без аннексий, как и социалистически мыслящий пролетариат всех стран. Воспряньте! Не забывайте вашей великой исторической задачи! Многое поставлено для пролетариата на карту. Устраивайте собрания, на которых с мощной силой должен раздаться призыв: всеобщее перемирие с целью заключения мира без аннексий с чьей бы то ни было стороны».[1]

В этом же номере «Leipziger Volkszeitung», напечатав советское предложение об общем перемирии, комментировала его с чисто пацифистским радикализмом, не понимая того, что путь к общему миру, предлагаемому большевиками, расчищен пролетарским Октябрем в России и неразрывно связан с пролетарской революцией в других странах. Газета независимцев заявляла, что «новое правительство России, правительство рабочих и крестьян, как оно само себя называет», начало свою деятельность со значительных и решительных мероприятий, поставив своим предложением о перемирии народы и правительства воюющих стран перед вопросом о судьбах Европы. Вместе с тем комментарий заявляет, что большевики якобы лишь только уточнили понятие аннексий и контрибуций и права наций на самоопределение. Принципиальной разницы между «демократическим» миром меньшевистско-эсеровского блока и мирным предложением пролетарского правительства орган независимцев не видел. «Мирные условия русского правительства есть требование всей демократии вообще», писала газета, а потому насущнейшей задачей демократии и в первую очередь

[1] «Leipz. Volkszeitung», № 264, 12 November 1917.

рабочих является воздействие на правительства, дабы они под предлогом радикальности условий не отклонили мирного предложения советского правительства. Заслугой последнего «Leipziger Volkszeitung» считала заявление большевиков, что они готовы обсуждать и другие предложения мирных условий. В заключение газета призывала правительства воюющих стран открыто и ясно изложить перед всем миром свои мирные условия, заявить о своей готовности к мирным переговорам. «Народы и рабочий класс» воюющих держав призывались к подаче «открытой руки русской демократии». «Пробил час, — патетически восклицала в заключение «Leipziger Volkszeitung», — народы и их вожди должны понять значение этого часа, это знамение времени. Страшная ответственность ложится на всех, кто этого прекрасного указания, данного Россией Европе, не захочет видеть, понять и принять во внимание». [1]

Процитированные заключительные строки раскрывают смысл напыщенно-революционных фраз, которыми приветствовал орган независимцев мирную политику «правительства рабочих и крестьян». Орган независимцев сигнализировал прежде всего «страшную ответственность», создаваемую продолжением войны, если правительства и народы Европы своим отклонением мирного предложения русского правительства выразят свою неспособность понять и оценить «прекрасное указание, данное Европе Россией», т. е. возможность пролетарской революции на Западе в случае затяжки войны.

Независимцы на словах восхищались Великой пролетарской революцией, но в пролетариате России они видели прежде всего борца за «человечность и мир», а отнюдь не борца в первую очередь против капитализма за социализм. Восхищение это было пропитано слезоточивым пацифизмом.

Генрих Штребель, давая оценку мирной политике большевиков в начале января 1918 г., противопоставлял ее как антитезу германским аннексионистским планам и предсказывал невозможность заключения мира на основе германского предложения от 27 декабря, так как большевики «никогда не согласятся на мир любой ценой». [2]

Как встретили независимцы опубликование большевиками тайных договоров царского и Временного правительств, что было, по словам Ленина, не что иное как «революционная борьба за мир»? [3] 27 ноября в передовице «Документы империализма», посвященной этому вопросу, «Leipziger Volkszeitung» утверждала, что ничего особенно сенсационного (!? — *Ф. Г.*) эта публикация не содержит, что в общих чертах аннексионистские планы Антанты были известны и прежде. Но все же эта публикация, вынужден был признать орган независимцев, имеет большую ценность, так как она документально подтвердила предположения и перед глазами всего мира разоблачила империали-

[1] «Leipz. Volkszeitung», № 264, 12 November 1917.
[2] Verspekuliert von G. Ströbel, «Leipz. Volkszeitung», № 7, 9 Januar 1918.
[3] В. Ленин, Соч., т. XXII, стр. 133.

стические цели Антанты. Практический вывод передовица сделала такой: теперь необходимо сильнее подчеркнуть вопрос о военных целях центральных держав, «так как об аннексионистских планах обоих правительств существует соглашение германского и австрийского правительства в восточном вопросе».[1]

Заключительная оценка значения советской публикации была продиктована обычным социал-пацифизмом независимцев. «Публикация документов советским правительством России означает значительный шаг в направлении к миру. Открытое и ясное объявление военных целей центральными державами еще более усилило бы его действие».

Увидев в советской публикации прежде всего миротворческий акт, столь желательный для социал-пацифистов, центристский орган сеял вместе с тем и вредные иллюзии о возможности объявления империалистическими правительствами Германии и Австро-Венгрии своих завоевательных планов еще до пролетарской революции, которая только и может по настоящему раскрыть архивы империалистической дипломатии.

Подобные же иллюзии сеял и лидер независимцев Гаазе, когда он 29 ноября 1917 г., в своем выступлении в рейхстаге по программной речи канцлера Гертлинга, давая в радикальнейших выражениях оценку советской публикации тайных договоров, призывал германское правительство последовать вслед за «русским пролетарским правительством» в раскрытии своих империалистических целей: о пролетарской революции, как необходимой предпосылке этого акта, Гаазе не упомянул. В своем выступлении он заявил следующее:

«Опубликование тайных документов Антанты русским революционным правительством подтвердило то, что мы в основном уже знали и всегда утверждали: что война ведется Антантой с империалистическими целями, но не только Антантой, а и другими державами».[2]

В этой части своей речи Гаазе говорил буквально то же, что и шейдемановская пресса, видевшая заслугу советской публикации лишь в документальном подтверждении империалистических целей войны со стороны Антанты, т. е. то, что шейдемановцы утверждали раньше, а потому-де и призывали Германию к оборонительной войне и поддерживали правительство. Дальше Гаазе предъявил правительству свое утопическое требование:

«Русское пролетарское правительство нанесло мощный удар тайной дипломатии публикацией тайных документов, удар, который в Германии приветствовался с огромным ликованием. Я требую от всех тех, кто принимал участие в этом ликовании и соглашался с ним, а особенно от *нового германского правительства, нанести тайной дипломатии с такой же мощной силой второй удар путем обнародования тайных документов центральных держав*»[3] (подчеркнуто мною. — *Ф. Г.*).

Так вынуждены были выступать под давлением быстро революционизировавшихся масс Германии независимцы. Но наряду с этими

[1] Dokumente des Imperialismus, «Leipz. Volkszeitung», № 276, 27 November 1917.
[2] «Leipz. Volkszeitung», № 279, 30 November 1917. Речь Гаазе в рейхстаге.
[3] Там же.

заявлениями независимцы уже с ноября 1917 г. повели борьбу против мирной политики большевиков, показав этим свое беспримерное лицемерие. Независимцы противопоставляли «социалистический» мир стокгольмской конференции «сепаратному миру большевиков», замазывая назначение стокгольмской конференции как агентурной разведки социал-империалистов по поручению своих правительств, выставляя себя борцами за «общий демократический мир».

Много уделял внимания внешней политике большевиков родоначальник международного ревизионизма Эдуард Бернштейн, являвшийся связующим звеном между независимцами и шейдемановцами, так как он состоял одновременно в этих двух партиях. В декабре 1917 г. он открывает серию статей о внешней политике большевиков критической передовицей «Интернациональная политика большевиков» в «Sozialistische Auslandspolitik». Успех внешней политики большевиков, по Бернштейну, выразился в заключении перемирия с целью заключения мира. Но интернациональная сторона мирной политики большевиков состоит в том влиянии, которое окажет это перемирие на всеобщий мир. Согласно заявлению большевиков, целью их внешней политики является заключение быстрого, возможно немедленного и притом общего демократического мира. Этим, утверждает Бернштейн, объясняется тот сердечный прием, который встретило первое предложение мира большевиками у всех социалистов. Но дело не в этом: приведет ли действительно политика большевиков к такому миру? Большевики, покуда они находятся у власти, могут заключить немедленный мир, но сомнительно, чтобы он был демократическим при наличии планов у центральных держав относительно Польши, Литвы, Курляндии и Украины. Возможно, что перед большевиками встанет дилемма: или отказаться от немедленного мира, если они не хотят уступить эти области, или пожертвовать принципами демократического мира. Бернштейн в связи с этим нападает на военную политику большевиков. Большевики, по Бернштейну, обессилили в военном отношении Россию, а потому они не могут рассчитывать на принятие центральными державами своих условий демократического и немедленного мира. В результате мероприятий большевиков русская армия частично разложилась, частично распущена и продолжать войну неспособна. «Как интернациональный социалист, — писал Бернштейн, — я имею право говорить об обратном влиянии мирной политики большевиков на международное положение».[1] В заключение этот маститый «критик» мирной политики большевиков заявил: «Факты имеют свою собственную логику, которая сильней, чем искуснейшая диалектика политиков».

Не гнушалась центристская пресса и клеветническими утверждениями, что большевики своей мирной политикой укрепляют позиции реакционных государств в Европе. При этом (что характерно для каутскианского лицемерия независимцев) пилюля послащалась указа-

[1] Ed. Bernstein, Die internationale Politik der Maximalisten, «Sozial. Auslandspolitik», № 51, 19 December 1917.

нием, что подобное действие внешней политики большевиков было до сих пор результатом, а не целью их тактики.

Независимцы солидаризировались и с меньшевистско-эсеровским блоком в его нападках на мирную политику большевиков. 5 декабря 1917 г. еженедельник независимцев поместил целую сводку выдержек из меньшевистских газет, критиковавших речь Ленина от 8 ноября 1917 г. об основах мирной политики советского правительства.

Совершенно очевидно, что устами новожизненцев и меньшевиков германские социал-пацифисты критиковали мирную политику большевиков, выкапывая в ней «непоследовательность и противоречия».

Критика, которой подвергли независимцы брестскую программу и тактику германского правительства с первых же дней Октябрьской революции, не была подкреплена действием, — это был радикализм на словах, бунт на коленях, — и правительство могло спокойно к нему отнестись. Независимцы открыто говорили об аннексионистских планах центральных держав на Востоке, о присоединении значительных советских территорий к Австрии и Германии, указывая, что теперь (ноябрь 1917 г. — *Ф. Г.*) эти планы замалчиваются лишь по тактическим соображениям, что они отнюдь не забыты. 20 ноября «Leipziger Volkszeitung» в передовице «Аннексия Польши — военная цель центральных держав» указывала, что Германия и Австро-Венгрия не отказались от проведения намеченного восточного плана, что никакого признания права народов на самоопределение у центральных держав не существует. Передовица заявляла: «Присоединение Польши к Австрии и русских балтийских провинций к Пруссии является военной целью правительства центральных держав».[1]

Какой же практический вывод делали из своей критики независимцы?

«Leipziger Volkszeitung» от 16 ноября 1917 г. писала в передовице: «Если мы не можем изменить политику правительства, то должны терпеливо принять то, чем оно нас подарит. Одно из двух. Терпеть или изменять. Середины не может быть».[2]

Позже, после заключения брестского договора, независимцы писали, что они боролись с правительством, что их сердце обливалось кровью, но они были бессильны.

Лидеров шейдемановцев независимцы называли социал-демократическими аннексионистами. Орган независимцев указывал, что если шейдемановцы действительно не хотят аннексионистского мира, то они должны выгнать из партии ряд социал-империалистов. Это требование независимцев было адресовано прежде всего к Конраду Генишу, редактору парвусовского органа «Die Glocke». Орган независимцев сделал следующее интересное разоблачение. 6 ноября 1917 г. Конрад Гениш на собрании функционеров в Кельне в своем докладе заявил, что германская социал-демократия стремится к миру, укрепляющему честь, политическую и хозяйственную независимость Гер-

[1] «Leipz. Volkszeitung», № 271, 20 November 1917.

[2] Friedenaussichten u. östlischen Pläne, «Leipz. Volkszeitung», № 268, 16 November 1917.

мании, что она не желает голодного мира, что карта Германии не может быть после мира такой, какой она была до войны, и что план колонизации Востока предохранит Германию в будущем от голодной блокады.[1]

Генриха Кунова, нового редактора «Neue Zeit», независимцы называли колониальным политиком самого крайнего фланга, политиком, который из «радикал-социалистического Савла превратился в национал-социального Павла», стремящегося к будущему колониальному могуществу Германии.[2]

Штампфера, редактора «Vorwärts», пресса независимцев характеризовала как вечно шатающегося «Гамлета социализма».[3] Пауля Ленша «Leipziger Volkszeitung» называла последовательным и открытым аннексионистом, взгляды которого сделали бы честь члену отечественной партии. «Мы советуем партии националистов, — писала «Leipziger Volkszeitung», — послать господину Леншу приглашение о вступлении в партию, так как господин Ленш живет надеждой, что немецкие солдаты еще завоюют великое германское колониальное государство».[4]

Критическая псевдореволюционная фразеология независимцев, половинчатая и непоследовательная, являлась лишь прикрытием предательской политики шейдемановцев, развязывавших руки брестской политике германского империализма. Критика независимцами шейдемановцев должна была усыпить бдительность германского пролетариата, предохранить его от революционного давления снизу. Вступая в семейную перебранку с шейдемановцами, порицая их часто грубую, открыто контрреволюционную политику по отношению к большевикам, независимцы тут же одновременно выступают против большевиков. 15 февраля, после разрыва брестских мирных переговоров, член ЦК шейдемановцев Браун поместил в «Vorwärts'e» интервенционистскую статью «Большевики и мы», в которой был косвенный призыв к вооруженной борьбе с большевиками и к германской интервенции. Как ответили независимцы на эту статью? «Leipziger Volkszeitung» выступила против Брауна и одновременно против большевиков. Статья Брауна не была понята как контрреволюционная, а между тем она именно таковой и являлась. Защищая большевиков от Брауна, орган независимцев тут же отмежевывался от них в таких выражениях: «Мы уже обсуждали свое отношение к большевикам. Мы не согласны полностью с внутренней и внешней политикой большевиков и не отождествляем своих взглядов с их взглядами. Мы не принадлежим к некритическим поклонникам большевизма».[5]

Отмежевываясь от внутренней и внешней политики большевиков, орган независимцев тут же делал книксен, характерный для незави-

---

[1] Sozialdemokratischen Annexionisten, «Leipz. Volkszeitung», № 5, 7 Januar 1918.
[2] Kunov als Kolonialpolitiker, «Sozial. Auslandspolitik», № 36, 26 September 1918.
[3] «Sozial. Auslandpolitik», № 30, 5 Juni 1918.
[4] Noch ein sozialdemokratischer Annexionist, «Leipz. Volkszeitung», № 10, 19 Januar 1918.
[5] «Leipz. Volkszeitung», № 42, 19 Februar 1918.

симцев в начале 1918 г.: большевики серьезно и энергично борются за разрешение первоочередной задачи всех социалистов — окончание мировой войны, проводят свои мероприятия в интересах неимущих классов, они проделали значительную работу по упорядочению хаоса, полученного ими в наследство от царского и временного правительств.

В интервенционистской статье Отто Брауна «Большевики и мы» «Leipziger Volkszeitung» увидела лишь «реплику аннексионистов, ставящую точку над деятельностью последних».

Еженедельник независимцев «Sozialistische Auslandspolitik» ответил на статью Брауна тоже в духе семейных упреков шейдемановцам, обвиняя их в непоследовательности по отношению к большевикам и к мирной политике последних. Еженедельник независимцев заявил, что форштанд социалистов большинства теперь, после разрыва мирных переговоров в Бресте, проводит ту же линию, что и после 4 августа 1914 г. — не покинуть отечества в минуту тяжелого испытания. «Преследуя эту цель, — писал еженедельник, — и выступил господин Браун с открытым объявлением борьбы против большевиков». Испугавшись этого решительного заявления, орган независимцев дальше расточает назидательные упреки шейдемановцам за их непоследовательность.

«Забыты времена, — пишет центристский еженедельник, — когда представители форштанда партии социалистов большинства на открытых собраниях и их партийная пресса изображали большевиков как «последовательных борцов за мир», как «сознающих свои цели революционеров». Теперь, после разрыва переговоров в Брест-Литовске, те же самые люди, которые в течение ряда месяцев превозносили большевиков до небес, выставляют против них тяжелую артиллерию. Это потому, что большевики не оправдали надежд социалистов большинства, они не показали себя, как это провозглашал «Vorwärts» 7 ноября, партией, ценящей мир выше, чем сохранение прежних русских окраинных областей».[1]

Перемену отношения шейдемановцев к большевикам после 10 февраля 1918 г. орган независимцев объясняет крайне ограниченно и односторонне. Переход шейдемановцев от лицемерного и замаскированного сочувствия большевикам и их мирной политике, преобладавшего у шейдемановцев до разрыва брестских переговоров, сменился резко враждебными интервенционистскими выпадами против большевиков со стороны Брауна, Штампфера и К° не только потому, что большевики отвергли мир с Германией любой ценой, на что надеялись социалисты большинства. Причины лежат глубже — в дальнейшем внутреннем развитии Октябрьской революции и в солидарности германского пролетариата с Октябрьской революцией и ее мирной политикой, солидарности, которая выразилась в январской стачке, преданной шейдемановцами при поддержке независимцев.

Идейный вождь независимцев, социал-интервент Каутский, в марте

[1] Der Zeitgemässe «dicke Trennungsstrich», «Sozial. Auslandspolitik», № 8, 20 Februar 1918.

1918 г. усиленно старался «отмежевать» независимцев как от буржуазии, так и от шейдемановцев в вопросе об отношении к большевикам и к их мирной политике. В статье «Различные критики большевиков»[1] Каутский так определил сущность различия в отношении к большевикам шейдемановцев и независимцев: шейдемановцы упрекают большевизм в том, что он хочет перенести революцию с Востока на Запад, критика же большевизма со стороны независимцев совсем иного рода: большевизм не признаёт отличия условий в России от Западной Европы. Далее у Каутского следовали трафаретные перепевы о крестьянском характере России, пролетарском меньшинстве, о зрелости России для буржуазно-демократической революции и невозможности в России революции социалистической, о демократии, политической интеллигентности и объединенности действий, как единственном методе осуществления западно-европейским пролетариатом своих целей.[2]

Лучшим критерием действительной исторической роли независимцев в момент столкновения победившего русского пролетариата с германским империализмом в период Бреста является пособничество независимцев социалистам большинства в предательстве январской стачки германского пролетариата и революционного движения в германском флоте осенью 1917 г. Революционная фразеология независимцев, их «оппозиционность» брестской политике германского правительства и шейдемановцев улетучились в момент выступления германского пролетариата за мир на основе мирной программы большевиков. Независимцы больше всего боялись и тщательно избегали призыва к германскому пролетариату о решительном выступлении против готовящегося насилия над русской революцией германским империализмом. Правда, общих фраз об «исторической ответственности» германского пролетариата за восточную политику правительства у независимцев было более чем достаточно, но ни в их прессе, ни в выступлениях их лидеров не было призыва к стачке.

Насколько безобидными были для германского правительства независимцы в дни январской стачки, говорит уже тот факт, что «Leipziger Volkszeitung» продолжала в эти дни выходить свободно, тогда как даже «Vorwärts» в эти дни был закрыт военным командованием. Независимцы вместе с шейдемановцами выступили посредниками в переговорах с правительством от имени бастующих рабочих с целью быстрого прекращения стачки. Первая делегация к правительству для переговоров состояла из Эберта, Шейдемана, Брауна, Гаазе, Ледебура и Диттмана.[3] Социал-демократическая фракция рейхстага направила в первый же день стачки президенту рейхстага общий запрос от имени шейдемановцев и независимцев о необходимости немедленного созыва рейхстага. Этот запрос мотивировался «неспокойным

[1] Verschiedene Kritiker der Bolschewiki. «Sozial. Auslandspolitik», № 11, 13 März 1918.
[2] Там же.
[3] «Leipz. Volkszeitung», № 25, 31 Januar 1918.

положением, создавшимся благодаря забастовочному движению».[1] Шейдемановцы и независимцы следовательно сообща выдвинули, как одно из первых мероприятий для тушения январского пожара, немедленный созыв парламентской говорильни, которую правительство не созывало с самого начала мирных переговоров, дабы трибуна рейхстага не мешала работе Кюльмана и Гофмана в Бресте.

Ежедневный орган независимцев вступил с первого же дня январской стачки в очень показательную полемику с буржуазной прессой Германии о характере и причинах стачки. Буржуазная пресса, по сообщению «Leipziger Volkszeitung», оценила январскую стачку прежде всего как «стачку солидарности с пролетариатом России».[2] Буржуазная пресса Германии здесь была безусловно права: это была стачка солидарности германского пролетариата, выступившего за мир на основе предложений советской делегации. Стачка была показателем революционного подъема германского пролетариата, протестовавшего против насилия над революционной Россией. Орган независимцев ни разу не дал подобной оценки январской стачке, замалчивая ее, извращая ее характер, и плелся в хвосте буржуазной прессы, ввязавшись в спор с последней о «виновниках» стачки. Если «Kreuzzeitung» возлагала виновность за возникновение стачки одинаково на шейдемановцев и независимцев, мотивируя это тем, что в первой делегации к правительству для переговоров о стачке участвовали представители от тех и других, то независимцы сваливали «вину» за стачку на правительство и его военную политику. Сама же стачка была одинаково «желательна» как правительству, так и независимцам.

О причинах и «виновниках» январской стачки «Leipziger Volkszeitung» писала: «Постоянно растущие за последнее время требования завоевательных политиков из отечественной партии, их утверждения, что они говорят от имени немецкого народа, их незамаскированные требования новых аннексий и опасность, что агитация этих кругов все более и более определяет действия правительства, опыт, полученный в результате мирных переговоров в Брест-Литовске, — вот причины этой стачки».[3]

Характерно для независимцев, что «защищая» бастующих рабочих от нападок правительства, обвинявшего их в ослаблении позиций германской делегации в Бресте, они рассматривали забастовщиков как пацифистов, стремящихся к миру во что бы то ни стало.

Независимцы сознательно замалчивали революционную солидарность бастующих пролетариев Германии с русской революцией, их готовность к поддержке последней и в первую очередь ее мирной программы. С сожалением «Leipziger Volkszeitung» констатировала, что «вместе с политикой подавления, проводимой военным начальством, и шельмованием буржуазной прессы, растет раздражение бастующих рабочих».[4] Здесь орган независимцев подсказывал правительству

[1] «Leipz. Volkszeitung», № 25, 30 Januar 1918.
[2] Там же, № 24, 29 Januar 1918.
[3] Там же, № 26, 31 Januar 1918.
[4] Massenstreik dauert fort, «Leipz. Volkszeitung», № 27, 1 Februar 1918.

один из методов срыва стачки. Вообще независимцы в своей «защите» забастовщиков от нападок правительства и буржуазной прессы становились на правовую точку зрения и выдвигали наивно-смехотворные аргументы.

Военный суд приговорил Диттмана к пяти годам крепости, обвинив его в призыве к стачке, а следовательно в государственной измене. Пресса независимцев, протестуя против решения военного суда, превознося Диттмана как героя, пострадавшего от буржуазного «правосудия», правильно указывала, что Диттман не призывал к стачке, не предавал страны, не восставал против существующего государственного строя, как это сказано в официальном обвинении военного суда. «Товарищ Диттман, — оправдывалась «Leipziger Volkszeitung», — действовал в рамках политики нашей партии в эти тяжелые времена».[1]

Уничтожающее показание о действительной роли Диттмана в январской стачке сделал член парламентской фракции независимцев Герцфельд в своем выступлении в защиту Диттмана в специальном заседании рейхстага 22 февраля 1918 г. Герцфельд заявил следующее: «Диттман вошел в забастовочный комитет с целью поставить стачку на «организованные рельсы», начать немедленно переговоры с правительством, дабы привести скорей стачку к концу. Получив сведения о собрании бастующих рабочих в Треттове, Диттман отправился туда, как член президиума независимой социал-демократической партии. Там он говорил о «значении остановки работ, как средства показать правительству волю рабочих ко всеобщему демократическому миру». Во время речи Диттмана произошло волнение, и он, желая скорей окончить свою речь, крикнул: «Ура всеобщему демократическому миру» — и в этот момент был арестован жандармом. Обвинение военного суда приписывало Диттману другие слова: «Ура стачке». Такова действительная роль «героя Диттмана» в январской стачке; он действовал по существу заодно с шейдемановцами, предавшими стачку. «Leipziger Volkszeitung» умолчала о выступлении Герцфельда в рейхстате, «Vorwärts» уделил ему очень много внимания.[2]

После того как миновала опасность вмешательства германского пролетариата в ход мирных переговоров, после разгрома январской стачки, куда независимцы вложили значительную лепту, социал-пацифисты вновь начали играть в оппозиционность по отношению к правительству и социалистам большинства. На очереди стоял сепаратный мир Германии с Украинской Радой, за который и ухватились независимцы. Еще 6 февраля «Leipziger Volkszeitung» стала расточать беззубые угрозы, над которыми правительство могло только смеяться. Орган независимцев заявил, что, заключая подобный мир с киевской Радой, германское правительство вступает в противоречие с германским пролетариатом. «Подобный эксперимент, — писала «Leipziger Volkszeitung», — который повлек бы за собой борьбу с социальной революцией в России путем применения военных сил центральных

[1] Fünf Jahre Festungshaft, «Leipz. Volkszeitung», № 30, 5 Januar 1918.
[2] Sitzung Reichstags, «Vorwärts», № 54, 23 Februar 1918.

держав, встретил бы решительное возражение рабочего класса Германии и Австро-Венгрии». [1]

Угрозы «решительного возражения» правительство меньше всего боялось, так как «возражение» путем стачки только что было сорвано и при помощи независимцев же рабочие вновь были загнаны на предприятия. Германия заключила контрреволюционный мир с Радой, и независимцам открылось благодарное поле для упражнений в радикальнейшей фразеологии по адресу германского правительства.

Протесты независимцев против сепаратного мира с Украиной раздавались и на трибуне рейхстага. Фракция независимцев голосовала против мира с Украиной. Но критикуя украинский мир, независимцы сползали с марксистских классово-революционных позиций на правовую и патриотическую точку зрения. В их критике много половинчатости, непоследовательности. Так например Ледебур, выступая 20 февраля в рейхстаге при обсуждении мирного договора с Украиной, спрашивал германское правительство: «Я задаю правительству вопрос, на какой государственно-правовой основе оно признало украинское правительство? С этой государственно-правовой точки зрения, — аргументировал далее Ледебур, — признание Германией государственной самостоятельности Украины тем более неосновательно, что фактически правительства Рады не существует: Киев взят большевиками, и Рада сбежала до момента подписания мирного договора с Германией». [2]

Кроме того Ледебур пытался склонить империалистические партии рейхстага к отклонению мира с Украиной такой патриотической аргументацией: «Что бы вы сказали, если бы представители Баварии в случае поражения Германии заняли позицию, аналогичную Украине?». [3]

В выступлении Ледебура ярко выступает прежде всего социал-пацифистское «одурачивание рабочего класса» *(Ленин)* центристами. «Буржуазные партии, — сказал Ледебур, — хотят мира, которому радовались бы их дети и дети их детей. Но мир, который они хотят, — насильственный и аннексионистский мир. Он станет только отцом новой войны, нового несчастья для людей». [4] Ледебур сеял вредные иллюзии социал-пацифистов, «мечтавших» о всеобщем мире при сохранении капитализма.

Печать независимцев, протестуя против сепаратного мира Германии с Украиной, отражала маневрирование, к которому прибегали независимцы под давлением масс, чтобы удержать их под своим влиянием. При этом пресса независимцев отмечала иногда факты очень показательные для тех мер, которые предпринимало германское правительство для популяризации украинского мира среди масс: в витринах берлинских булочных и лавок, торгующих маслом, после заключения мира с Украиной появились огромные карты Украины, знакомство с которыми должно было вызвать бодрость у голодающего населе-

---

[1] «Leipz. Volkszeitung», № 31, 6 März 1918.
[2] Там же, № 44, 21 Februar 1918.
[3] Там же.
[4] Там же.

ния. Яркими красками были отмечены границы «Украинской народной республики», в которую были включены Холмщина и Полесье. Граница Украины на карте простиралась через Кубань на Кавказ и охватывала все побережье Черного моря. Ряд цифр иллюстрировал запасы этой «богатейшей страны». Над картой красовался аншлаг: «Украина может обеспечить с избытком потребность центральных держав в хлебе, угле, руде, соли, керосине».[1]

Независимцы не скупились на словесную поддержку большевиков и в критические дни февральско-мартовского германского наступления на Советскую Россию, в момент предъявления советскому правительству германского ультиматума, подписания брестского договора и его обсуждения в рейхстаге.

26 февраля, когда России был уже предъявлен германский ультиматум, Гаазе, выступая в рейхстаге, в таких выражениях рекламировал «революционность» независимцев: «Немецкий ультиматум русскому правительству войдет в историю, как документ завоевательной насильническо-аннексионистской политики... России навязывается насильственный мир, — в этом никто не может сомневаться... Немецкие войска должны теперь нести жандармскую службу, немецкие солдаты должны стать палачами русской революции. Мы объявляем решительный протест против этой политики насилия. Способ, которым заключается теперь мир на Востоке, может принести Германии только вред. Наши дети и дети наших детей будут своей кровью искупать плоды этой политики».[2]

После таких филиппик Гаазе не забыл напомнить рейхстагу вновь, что между независимцами и большевиками тем не менее существуют большие расхождения.

Характерно выступление в рейхстаге Ледебура в связи с телеграммой Совнаркома о согласии советского правительства на заключение мира на брестских условиях. Ледебур заявил, что германское правительство поставлено теперь в положение, обязывающее его сказать, действительно ли оно честно хочет мира. «Я надеюсь, — сказал Ледебур, — что германское правительство выйдет из этого положения тем, что оно немедленно пойдет на мир на основе соглашения и немедленно остановит наступление германских войск на Россию».[3]

Следовательно лидеры независимцев, расточая радикальнейшую фразеологию, предназначенную для торможения выступлений германского пролетариата и распыления его сил видимостью борьбы внутри социал-демократии, питали до самого последнего момента надежды на возможность демократического мира со стороны германского империализма и прусской военщины.

Вопреки иллюзиям Ледебура Германия заставила советскую делегацию подписать ультимативный «похабный» мир. 18 марта рейхстаг обсуждал брестский мирный договор, и вожди фракции независим-

[1] A. Sander, Westöstliche Arabesken, «Sozial. Auslandspolitik», № 16,
[2] Streik und Freiden vor dem Reichstag, «Leipz. Volkszeitung», № 49, 28 Februar 1918.
[3] Der Freiden mit der Ukraine, «Leipz. Volkszeitung», № 44, 21 Februar 1918.

цев последний раз продемонстрировали свои словесные «протесты» против политики насилия германского правительства. Но ни пресса независимцев, ни их вожди не сделали ни малейшего намека на призыв к германскому пролетариату не допустить путем революционного выступления насилия над русской революцией. Мало того: наряду с радикальнейшими оппозиционными фразами вожди независимцев и их пресса часто сбивались на лево-либеральную и шейдемановскую аргументацию о неприемлемости брестского договора для Германии. Наряду с громкими фразами о том, что Брестский мир империалистический, контрреволюционный, ибо он душит русскую революцию, независимцы выставляли и либерально-патриотические аргументы о «невыгодности» этого мира для Германии, так как он, по их мнению, ухудшает международное положение Германии, затягивает войну, вызывает у Антанты воинственный подъем, восстанавливает против Германии скандинавские государства и вызывает у русского народа желание реванша, грозящее новой войной с Россией.

18 марта 1918 г. Гаазе, заявив в рейхстаге об отказе фракции независимцев голосовать за очередной бюджет, следующим образом аргументировал этот отказ: «Моя фракция не может выразить вотума доверия правительству империалистического государства, сущность которого теперь ярко выступила в военной диктатуре, в насильственном мире с Россией, в удушении революции на Украине и в Финляндии, в кровавом подавлении народных масс Риги, Курляндии, Лифляндии и Эстляндии в пользу небольшой привилегированной касты господ».[1]

Заявив, кроме того, что его фракция рассматривает брестский договор с «чувством позора», Гаазе одновременно указал и на ухудшение международного положения в результате этого мира, а именно: продление настоящей войны и опасность новой, обострение отношений с Россией, усиление позиций Антанты, так как брестский договор настроит воинственно в странах Антанты даже тех, кто хотел мира с Германией.

Не менее показательно для роли независимцев и выступление Ледебура в этом же заседании рейхстага. Обосновывая отклонение фракцией независимцев брестского договора, Ледебур довольно удачно критиковал политику германской военщины в оккупированных русских областях, огласив с трибуны рейхстага ряд ярких документов. Ледебур документально показал инсценировку «народного голосования» немецким военным командованием — избрание членов курляндского ландтага по назначению германского верховного командования и т. д. Ледебур огласил например приказ германского генерала Кирбаха от 20 декабря 1917 г. о предании смерти каждого, кто будет в оккупированных русских областях агитировать против германских военных законов и германского военного начальства. В этом же приказе генерал Кирбах писал, что на большевиков, покушающихся на немецких солдат, жаль тратить пули, их нужно вешать.

[1] «Leipz. Volkszeitung» № 65, 19 März 1918.

Ледебур, заявив по этому поводу, что это — «тактика русских жандармов», ограничился внушением рейхстагу: «Русские солдаты, называются ли они красногвардейцами или большевиками, — все равно войска русского правительства и так же равноправны, как и немецкие солдаты». [1]

Возражая против отторжения в пользу Турции Карса и Батума, Ледебур выдвинул перед империалистическими партиями рейхстага такую аргументацию: «Армянское христианское население отдается на полное истребление туркам». [2] «Leipziger Volkszeitung» этот аргумент Ледебура, более приличный для политиканствующей английской либеральной дамы, оценила как совершенно исключительный удар рейхстагу, до которого никто кроме Ледебура не додумался. «Куда делось христианство христиан в рейхстаге?», пыталась иронизировать «Leipziger Volkszeitung» по этому поводу. [3]

Для того чтобы открыть отдушину революционным симпатиям германского пролетариата к русской революции и сильней оттенить собственные заслуги по «борьбе» с политикой удушения германским правительством русской революции, независимцы не жалели черных красок для шейдемановцев, выставив их виновниками такого исхода мирных переговоров с Россией. «Правительственные социалисты, — писала «Leipziger Volkszeitung», — не могут в будущем рассматриваться как союзники интернационального пролетариата в борьбе против интернационального капитала, в них будут видеть, и совершенно справедливо, только союзников германского империализма в борьбе против русской революции». [4]

Результатом Брестского мира пресса независимцев считала неблагоприятное для Германии недовольство нейтральных стран внешней политикой Германии. Нейтральные страны, главным образом скандинавские и в первую очередь Швеция, были недовольны образованием окраинных государств. [5]

Реализацию Германией колонизационного плана Прибалтики независимцы также отмечали как один из результатов Бреста. 16 июня 1918 г. были опубликованы приказ Гинденбурга и распоряжение Людендорфа о порядке проведения широкой колонизации Прибалтики немецкими переселенцами. Еженедельник независимцев дал такую оценку этого приказа: «Политический смысл этого акта ясен: необходимо насадить в завоеванной стране с враждебным латвийским крестьянством путем колонизации людей, «здоровых телом и духом».

Орган независимцев больше всего обеспокоен был тем, что немецкая колонизация усилит национальную рознь в Прибалтике, обострит борьбу безземельного латвийского крестьянства против немецких колонистов и поставит их в тяжелое положение. Больше всего орган

---

[1] «Leipz. Volkszeitung», № 66, 20 März 1918.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Leipz. Volkszeitung», № 52, 4 März 1918.
[5] «Sozial. Auslandspolitik», № 36, 6 September 1918.

независимцев заботился при этом об интересах «немецкого народа». Автор статьи по этому вопросу писал:

«Нам думается, что этот план в известном смысле может быть обозначен прежде всего как феодальная военная авантюра, которая ничего не даст немецкому народу кроме разочарования и осложнений».[1]

Свою оппозиционность на словах и лево-радикальнейшую фразеологию независимцы пытались патриотически использовать в пользу Германии в момент краха германского империализма. Независимцы, пытаясь вымолить у Антанты приемлемые для Германии условия мира, призывали пролетариат стран Антанты не допустить второго Бреста и вспомнить, как германская независимая социал-демократия со «всей стремительностью» интернациональных социалистов боролась против Брестского мира. Эти надежды и призывы независимцы ярко выразили в обращении к «Интернационалу» в первом, только что появившемся номере «Freiheit» от 15 ноября 1918 г.

В этом обращении к Интернационалу ЦК независимцев писал:

«Тяжелые условия перемирия (перемирия Антанты и Германии 10 ноября 1918 г. — *Ф. Г.*) необычайно затрудняют дело достижения мира свободы и братства. Германские политики, которые заключили позорный мир в Брест-Литовске, не имеют права полагать, что Антанта не поступит с ними таким же образом. Но мы со всей силой, которую дают нам наши интернационалистические социалистические убеждения, боролись против этого мира, так же как и против бухарестского. С болью в сердце чувствовали мы тогда, что мы еще недостаточно сильны, чтобы помешать этому насильническому акту. Но желание исправить эту несправедливость (?! — *Ф. Г.*) поднимало наши силы до высочайшей революционной энергии. Теперь, когда мир освободился от гнета прусского милитаризма, вы, которые ведете борьбу против политики насилия в ваших странах, должны помешать удушению нашей революции и созданию зародыша новой войны».[2]

Принципиального разногласия в отношении к брестской программе и брестской политике германского правительства между шейдемановцами и независимцами не было. «Разногласия внутри шейдемановцев и каутскианцев суть разногласия разлагающихся, умирающих партий, у которых остаются вожди без массы, генералы без армий»,[3] писал Ленин. Различие сводилось к большей способности к маневрированию и радикальной фразеологии у независимцев. Под давлением масс каутскианцы разыграли в своей прессе и в рейхстаге роль оппозиционеров, грозивших на словах правительству, «протестовавших» против империалистического мира, а на деле стремившихся убедить правительство в большей выгодности для Германии достигнуть общего мира демократическим путем, успокаивающим массы и предотвращающим

---

[1] S. Ol—w, Zur Kolonisation in Kurland, «Sozial. Auslandspolitik», № 40, 3 October 1918.

[2] «Freiheit», № 1, 15 November 1918.

[3] В. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 477.

революцию. За мещански радикальной оппозиционной фразой независимцев скрывалась боязнь массового революционного выступления германского пролетариата на поддержку действием мирной политики Октября, боязнь революции в Германии. Трескуче-критическая фразеология «гнилых вождей независимцев» сочеталась у них вплоть до начала марта 1918 г. с иллюзорными надеждами на возможность заключения германским правительством подлинно демократического мира в духе советского предложения. Бездейственная радикальная фразеология независимцев предназначалась для удерживания пролетариата от массовых выступлений. Выступив единым фронтом с шейдемановцами против январской стачки, независимцы развязали руки германскому империализму в удушении русской революции, показав тем, что Гаазе и Каутский на деле «...в лучшем случае игрушка в руках буржуазии, в худшем — прямые прислужники ее». [1]

Ленин писал несколько позднее: «...в Германии теперь господа Гаазе и Шейдеманы своей «коалицией» прокладывают дорогу власти фон-Гольца или Людендорфа и прикрывают, прикрашивают эту власть». [2]

Историческое значение предательства, которое совершила германская социал-демократия по отношению к русской революции в брестский период, становится актуальным в свете современной восточной политики германского фашизма, стремящегося к территориальной ревизии Версаля за счет расширенного восстановления Бреста.

Введение всеобщей воинской повинности в Германии является одним из важнейших факторов развития капиталистической Европы после мировой войны. Широкая программа внешней экспансии, выработанная национал-социализмом, состоит в стремлении к восстановлению германской колониальной империи, охватывающей Центральную, Юго-восточную Европу и часть Восточной Европы. Вновь созданная армия должна помочь провести эту программу в жизнь. Германский фашизм лихорадочно готовится к осуществлению гитлеровской мечты: «немецким мечом расчистить дорогу немецкому плугу», — т. е. к захватам на Востоке. Антисоветские заявления Гитлера и явно фантастические планы расширения Германии за счет Восточной Европы со стороны руководителя внешнеполитического бюро национал-социализма, организатора балтийской контрреволюции Розенберга, открыто захватнические заявления Гугенберга на лондонской экономической конференции — раскрывают восточный план германского фашизма. Захват Прибалтики является первым шагом, плацдармом для дальнейшей экспансии против лимитрофов и против Советского Союза. Попытка захвата Мемеля германским фашизмом и итоги процесса 126 мемельских гитлеровцев в Каунасе вскрыли активную деятельность германского фашизма на территории Литвы. Тильзит

[1] В. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 477.
[2] Там же, стр. 481.

стал базой осуществления захватнических планов гитлеровской Германии в Восточной Европе. Гитлеровскую активность в Мемеле нельзя рассматривать изолированно от всей восточной политики германского фашизма. Наиболее откровенные глашатаи захватнических планов гитлеровской Германии (типа Розенберга) никогда не скрывали, что одним из ближайших объектов германской экспансии, должны служить балтийские страны. В откликах на процесс в Каунасе наиболее солидные органы международной буржуазной прессы подчеркивали, что Мемель является одним из первых «кусков» восточно-европейской территории, который желает проглотить фашистская Германия, готовящаяся к антисоветской войне. Даже не враждебная гитлеровской Германии венгерская газета «Pester Lloyd» писала после процесса в Каунасе: «Для восточной политики Третьей империи дело идет об огромном завоевании некогда принадлежавшей Германии области, которую она после перемирия с Польшей рассматривает как удобный плацдарм для наступления на Восток».

Руководство авантюрной восточной политикой гитлеровской Германии стягивает и старые «кадры» балтийской контрреволюции периода Бреста. Во «внешнеполитическом бюро» балтийца Розенберга, организатора псковского монархического корпуса в 1918—19 гг., нашел приют белогвардейский авантюрист генерал Бермонт-Авалов, командир русско-немецких монархических отрядов, боровшихся в 1919 г. с большевизмом в Прибалтике. Во время подготовки гитлеровцами захвата Мемеля Бермонт-Авалов, пригреваемый агентами Розенберга, переехал в Тильзит для подготовки штурмовых отрядов на самой границе Литвы. Упорный отказ германского правительства от заключения пакта о признании неприкосновенности государственных границ Латвии, Литвы и Эстонии раскрывает план экспансии и против Советского Союза, и против этих государств.

В связи с введением в Германии всеобщей воинской повинности компартии Германии, Франции, Англии, Польши, Италии, Чехословакии, Бельгии, Австрии, Венгрии и Литвы обратились с воззванием к пролетариату и трудящимся всех стран, в котором устанавливается органическая преемственность брестской программы с восточными планами германского фашизма. В воззвании говорится:

«Германские империалисты хотели бы вместо версальских разбойничьих договоров, бремя которых они взвалили на трудящихся Германии, навязать другим народам новый, еще более разбойный гнет. Германский империализм уже показал, на какую низость он способен. Когда в 1919 г.[1] ему показалось, что он достиг победы, он продиктовал *Брестский мир*. Этот мир имел целью уничтожить и разграбить Советскую Россию, превратить Советскую Украину в германскую колонию, оставить в силе расчленение Польши, закрепить Латвию и Эстонию за немецкими баронами. Преемники тех империалистических хищников, которые диктовали условия Брестского мира, нынешние фа-

[1] В подлиннике явная опечатка, нужно: 1918 г.

шистские властители Германии носятся с теми же планами, когда сейчас говорят о расширении пространства для германского народа. *Они хотят ценой крови германских трудящихся предоставить германским трестовским магнатам, прусским юнкерам, бывшим офицерам вильгельмовской армии новую сферу для грабежа».*[1]

Для проведения в жизнь восточной программы германский фашизм успешно сближается с правым реакционным крылом германской социал-демократии. Германская социал-демократия вновь готова оказать помощь германскому империализму в реализации брестской программы в новых исторических условиях. Объявляя введение в Германии всеобщей воинской повинности, гитлеровское правительство сделало одновременно знаменательный шаг: оно обратилось с воззванием, в котором германская социал-демократия больше уже не называется «предателем страны» и где подчеркивается единство германского народа и его солидарность с правительством во время мировой войны. В воззвании пражского партийного с.-д. руководства от 20 марта 1935 г. говорилось, что германская социал-демократия всегда боролась за равноправие Германии; что именно социал-демократия добилась «признания Германии *великой равноправной державой*». Германская социал-демократия дала свое согласие на открытую военную политику германского империализма, на фашистский военный закон при условии предоставления «известных свобод» социал-демократическим организациям.

На германской социал-демократии, расколовшей рабочий класс Германии, активно выступавшей против коммунистической партии и ее тактики единого фронта против фашизма и войны, лежит ответственность перед международным пролетариатом за приход фашизма к власти. Высвобождаясь из пут социал-демократической идеологии, рабочие Германии массами покидают ее ряды и идут на совместную с коммунистами борьбу против фашизма. Кризис с-д. Германии и могучая тяга рабочих к единству действий привели к образованию внутри социал-демократии левого революционизирующегося крыла, выступающего за единый фронт с коммунистами, и правого реакционного, продолжающего свою политику активного сотрудничества с буржуазией.

Так Штампфер, редактор «Vorwärts'а», поддерживавший немецкую военщину в период Бреста, после введения фашистского закона о воинской повинности на предложение коммунистов об едином фронте заявил, что «противоречия в пути и целях двух организаций (коммунистической и социал-демократической) слишком велики». Руководители пражского ЦК и реакционное крыло германской социал-демократии надеются, что Гитлер все же призовет их и в качестве фашистских ландскнехтов даст возможность и им участвовать в осуществлении сумасбродных планов Розенберга, Гугенберга и других.

Но времена сейчас не те. Мир в 1935 г. выглядит совсем по иному, чем в 1918 г., в период Бреста. В стране Советов бесповоротно побе-

[1] «Коммунистический Интернационал», № 10, 1935, стр. 4, 5.

дил социалистический строй, превративший нашу великую родину в могучую индустриальную страну, не знающую ни безработицы, ни голода, ни нищеты. В это же время в странах капитализма и в особенности в Германии свирепствует небывалый по своей глубине экономический кризис, обрекающий миллионы людей на нищету, голод и медленную смерть.

В поисках капиталистического выхода из кризиса фашистская Германия пытается развязать войну против СССР, чтобы осуществить провалившиеся планы времен Бреста. Фашисты Германии проповедуют звериную ненависть ко всем народам и в особенности к народам СССР.

Звериному шовинизму фашистов страна Советов противопоставляет неуклонно проводимую политику мира, которую активно поддерживают пролетарии и трудящиеся всех стран. Но если все же Розенберги. Штампферы и другие современники Бреста захотят посягнуть хотя бы на одну пядь советской земли, то они, как говорил тов. Сталин «. . .получат сокрушительный отпор, чтоб впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород». [1]

[1] И. Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). 1934, стр. 21.

Н. Попов

ДВОРЯНСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

(Аграрно-крестьянский вопрос в Вольном экономическом обществе)

1

Дворянское поместье испытывало экономическое давление капитализма с двух сторон. С одной стороны на него оказывал влияние европейский капитализм — через торговлю, захват русских рынков, русский экспорт, передовую капиталистическую технику, с другой — отечественный капитализм — через развитие крестьянских промыслов, кустарной промышленности, капиталистической мануфактуры, рост вольнонаемного труда, расширение внутренней и внешней торговли. Капитализм разлагал натурально-потребительский строй дворянского поместья.

Предпринимательское дворянство попыталось приспособиться к новым социально-экономическим условиям, завести крепостные фабрично-заводские предприятия, поставить «новое» земледелие. Это повлекло за собой усиление крепостнического гнета, разорение крестьян, новые барщинные повинности, сборы, оброки. С конца XVIII в. в стране нарастает широкое *крестьянское движение*. В 1796—1797 гг. мы знаем случаи крестьянского движения в 32 губерниях страны. Восстание Емельяна Чернодырова в Орловской губернии охватило 13 000 крестьян и продолжалось больше месяца. Для расправы «с мятежниками» направлялись большие отряды регулярных войск. Восставшие крестьяне Орловской губ. выдержали целое сражение против войск фельдмаршала Репнина. Из крестьян было 20 убитых и 70 раненых. В манифесте императора Павла от 29 января 1797 г. засвидетельствовано: «Ныне уведомляется, что в некоторых губерниях крестьяне, помещикам принадлежащие, выходят из должного им послушания, возмечтав, будто они имеют право учиниться свободными, и простирают упрямство и буйство до такой степени, что и самим прещениям и увещеваниям от начальства и властей, нами поставленных, не внемлют».[1]

Тысячи крестьян принимали участие в движении на пермских заводах Всеволожского. В 1812 г. волновались крестьяне ряда губер-

[1] ПСЗ, № 17769, стр. 303—304.

ний, ожидая освобождения за их борьбу с «неприятелем». В Инсаре, Саранске и Чембаре Пензенской губ. в конце 1812 г. произошел «бунт» ополченцев, которые хотели выпросить себе у государя вечную свободу от помещиков.

В 1818 — 20 гг. волновались десятки тысяч крепостных крестьян на Дону.[1]

Протестуя против высокого оброка, волновались крестьяне помещиков Баженовых Нижегородской губ. (1808 г.), помещицы Грибоедовой, матери знаменитого писателя, Костромской губ., крестьяне гр. Разумовского в Гостилицкой волости, Ораниенбаумского уезда (1821 г.). Протестуя против работ по подрядам, разорения, истязаний и насилий, волновались и жаловались государю крестьяне помещицы Михельсон Невельского уезда, Витебской губ. (1818 г.), помещицы Брискорн Курской губ. (1822 г.) и др.

В 1820 г. вспыхнуло восстание в Семеновском гвардейском полку, в 1824 г. происходили волнения в Камчатском пехотном полку, в 1825 г. имело место восстание в 1-й гренадерской роте Саратовского полка и т. д. В Прибалтийском крае крестьянское движение не затихало в течение всего периода аграрных реформ начала прошлого столетия. В 1784, 1796 и 1802 гг. были крупные выступления остзейских крестьян.

С крестьянским движением этого периода сливалось движение крепостных рабочих. Волнения крепостных рабочих происходили на заводах Баташевых во Владимирской губ. (1822 г.), на Березовских золотых приисках (1822 г.), на пермских заводах вольского первой гильдии купца Расторгуева (1822, 1825—26 гг.), на суконной посессионной фабрике Осокиных в Казани (1796, 1798, 1800, 1806, 1817, 1819, 1820, 1829 гг.) и на других крепостных предприятиях.

Страна находилась, по выражению одного из современников, в состоянии «хронической революции». Росла волна массовых побегов крестьян в Сибирь и на другие «окраины» огромной российской колониальной империи. Лишь по одному Арзамасскому уезду. Нижегородской губ., в 1801—1811 гг. в бегах находился 491 человек[2] — больше чем за последнее десятилетие XVIII в. От помещицы Брискорн в Курской губернии крестьяне бежали поротзнь и семьями. Всего лишь за три года в начале двадцатых годов XIX в. из ее имения бежало 188 мужчин и 85 женщин.[3]

Классовая ненависть разобщенного, стихийно поднимающегося крестьянства находила выражение в террористических актах — убийстве наиболее остервенелых помещиков (так например вологодский помещик-предприниматель А. Межаков в 1809 г. был убит своими крестьянами за чрезмерное увеличение повинностей и усиление крепостного гнета) и их управляющих, поджоге помещичьих усадеб, потраве посе-

[1] И. Игнатович, Из истории движения крепостных крестьян на Дону, (1818—1820 гг.), «Историк-марксист», 1935, № 2—3, стр. 102 и сл.

[2] «Нижегородский сборник», т. X, стр. 585.

[3] В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX века, сб. «Крестьянский строй», 1905, стр. 198.

вов, «самовольной» порубке лесов, коллективном отказе от исполнения повинностей в пользу помещика, сопротивлении продаже и переселению (случай у помещика Кочубея в Полтавской губернии в 1820 г.).

«Угрожающее поведение несвободных масс» *(Ф. Энгельс)* заставляло русского помещика ставить вопрос о крепостном праве, о путях дальнейшего развития дворянской экономии и, наконец, толкало его на обсуждение вопроса о свободе и собственности крестьян.

Крестьянское движение и давление капитализма на дворянское поместье и были теми силами, которые породили дворянский либерализм первой четверти XIX в.

Дворянский либерализм, основой которого был тонкий слой капитализирующихся помещиков, сделал жалкую попытку, сохраняя основы феодально-крепостнических отношений, сохраняя самодержавие и даже опираясь на самодержавие, наметить ряд сугубо мирных и сугубо постепенных реформ в буржуазном духе.

Дворянский либерализм впервые поставил в порядок дня выработку *программы, которая, в конечном счете, шла по линии прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве.* Наиболее дальновидным представителям господствующего класса неизбежность отмены крепостного права была ясна уже в начале прошлого столетия. Поэтому со всей остротой в этот период встал вопрос о формах аграрного развития, о формах постепенного развития капитализма в сельском хозяйстве России.

«Остатки крепостничества могут отпадать, — говорил Ленин, — и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными, — оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства.

Эти два пути, — продолжает Ленин, — объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гросс-бауеров» («крупных крестьян»). Во втором случае помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья... В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплоатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера». [1]

[1] Ленин, Соч., т. XI, стр. 348—349.

Когда в России на очередь дня встало реальное противоположение двух путей капиталистического развития — одного реформистского контрреволюционного пути создания юнкерско-буржуазной России, предполагавшего сохранение основ старого землевладения и насилие над миллионами крестьянства, и другого революционного пути создания крестьянско-буржуазной России, предполагавшего ломку всего старого режима, — то класс помещиков безоговорочно, без различия течений и фракций, стал на позицию первого против второго. Дворянский либерализм начала прошлого столетия позволяет нам выяснить генезис идей прусского пути в России, генезис идей постепенного врастания дворянского крепостного поместья в капитализм, позволяет нам дать историю положения 19 февраля 1861 года. Не случайно расцвет дворянского либерализма падает на эпоху подготовки и проведения крестьянской реформы. Борьба двух путей капиталистического развития в России ясно обрисовывается после 1861 г. Но положение 19 февраля не родилось как Минерва из головы Юпитера. Оно имеет свою историю. В течение десятилетий выработывалась помещичья программа «освобождения». «Прожекты» Вольного экономического общества первой четверти XIX века дают богатейший материал для выяснения истории этой программы, ее длительной и сложной выработки. Причем великорусский либеральный помещик искал решения аграрного вопроса на путях прусского юнкера, и скорее даже на путях остзейского барона. Великорусский либеральный помещик, как и его предшественники, не нанося средневековым отношениям удара сразу, стремился путем реформ постепенно приспособить их к капитализму. Он стремился по-помещичьи решить аграрный вопрос, сохраняя в неприкосновенности дворянское землевладение и весь строй дворянской монархии.

В начале XIX в. под могучими ударами Французской революции и наполеоновских войн рушились остатки феодальной зависимости крестьян ряда европейских стран. В первые полтора-два десятилетия XIX в. в германских странах почти повсеместно пала личная зависимость крестьян (в 1808 г. в Баварии и Пруссии, в 1811 г. в Гессене, в 1817 г. в Вюртемберге, в 1820 г. в Люксембурге и т. д.) Крестьяне герцогства Варшавского получили личную свободу в 1807 г., Остзейского края (Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губ.) в 1816 — 1819 гг. Однако если феодалы ряда европейских стран были вынуждены провести формальную ликвидацию крепостного права, то с фактическим раскрепощением крестьянина — с освобождением его от всей совокупности феодальных повинностей — они не собирались торопиться. По закону 1811 г. прусский крестьянин мог стать собственником части своего надела ценою уступки помещику от трети до половины этого надела. Грандиозная экспроприация земель прусского крестьянства, проводимая юнкером, сохраняла и реставрировала в той или иной форме феодальную зависимость. «Прусское помещичье землевладение не разбито буржуазной революцией, — писал Ленин, — а уцелело и стало основой «юнкерского» хозяйства, капиталистического в основе, но не обходящегося без известной

зависимости сельского населения вроде Gesindeordnung и т. п. От этого социальное и политическое господство юнкеров упрочено на долгие десятилетия после 1848 г., и развитие производительных сил германского земледелия шло несравненно медленнее, чем в Америке».[1] Аграрные реформы Пруссии первой половины XIX в. подготовили почву для развития капитализма в сельском хозяйстве в условиях сохранения дворянского землевладения и всего строя прусской монархии. В начале XIX в. немецкое юнкерство сделало первые шаги по так называемому «прусскому» пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Прусский юнкер, значительно опережая русского помещика, усиленно разрушал общину и уничтожал чересполосицу (по прусскому закону 1821 г. альменды подлежали разделу по заявлению хотя бы одного общинника).

По путям прежде всего прусского юнкера и стремился идти российский либеральный помещик начала прошлого столетия.

Однако, дворянский либерализм начала XIX в. не оторвался от феодальной пуповины, от своего класса, не перешел на позиции буржуазного общества.

Дворянский либерализм знаменовал собой начало глубокого кризиса феодально-крепостнических отношений в стране. Он являлся своеобразным выражением прихода отечественного капитализма. Популярность буржуазной идеологии, ее отдельных принципов (например свободы и собственности), свидетельствовала и о начавшемся кризисе идейных основ «старого порядка» в России.

Еще во второй половине XVIII в., в связи с развитием товарно-денежных отношений и промышленного капитализма в стране, в связи с разложением феодально-крепостнического, потребительского натурального строя дворянского поместья, идейные основы «старого порядка» начали подвергаться сомнению. Первым идейным течением в среде российского дворянства, знаменующим неудовлетворенность этими идейными основами, было масонство. Русское масонство, сложившееся под непосредственным влиянием Запада, имело многочисленные течения и направления, сходившиеся на позициях поисков новой истины, мистического познания бога, человека и природы, нравственного самоусовершенствования и самопознания. Масонство с его мистической философией, с его каббалистикой, было в основном реакционным умственным течением второй половины XVIII в. (главным образом в 50-х и 80-х гг.), уводившим мысль от практических проблем живой действительности. Не случайно русское масонство противопоставляло себя французской просветительной философии и вело с ней ожесточенную борьбу. Однако масонство было заметным явлением в истории умственного движения России второй половины XVIII в. прежде всего потому, что оно знаменовало отход от официального православия. В этом была его прогрессивная роль.

«Вместо прямой линии (как на Западе. — *Н. П.*) — католицизм, скептицизм, теизм, деизм и атеизм, у нас получился зигзаг, — пишет

[1] Ленин, Соч. т. XII, стр. 269.

И. Луппол: — православие, как отход от него — мистицизм и масонство, иногда слабая степень вольтерианства и, наконец, незавершенный, изуродованный атеизм Радищева с теоретическим признанием материализма, но практическим исповеданием некоего деистического толка». [1]

Тревога, беспокойство, искания, самоанализ овладели дворянской мыслью этой эпохи. [2] Когда одному из руководителей русского масонства — Гамалею — во время службы его в Белоруссии было пожаловано 300 душ крепостных, он отказался от них, заявив, что не знает, как с одной собственной душой управиться, и не может поэтому принять на свое попечение еще 300 чужих.

Идеология крепостной России дала значительную трещину. Не случайно через масонские ложи прошло много видных общественных деятелей, вплоть до первых русских дворянских революционеров — декабристов. Масонами были: русский историк И. Н. Болтин, известный дворянский публицист М. М. Щербатов, упомянутый Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, декабристы Батенков, Н. М. Муравьев, А. Н. Муравьев, К. Рылеев, П. И. Пестель, М. С. Лунин, С. П. Трубецкой, братья Муравьевы-Апостолы, Н. И. Тургенев и многие другие. Правда, большинство декабристов примкнуло к масонскому движению в период его возрождения в начале XIX в., когда масонские ложи нередко становились обычной формой для организации поднимающегося либерального движения. [3]

Масонские ложи в этот период были использованы либеральным дворянством лишь как старая, хорошо знакомая форма организации. Ее назначение и содержание теперь были уже иными.

О масонах начала XIX в., приемлющих систему Шредера, генерал и сенатор Е. А. Кушелев, великий мастер ложи Астрея, писал: «Следуя по оной, могут из христианства отпадать в деизм, от деизма падать в материализм, наконец же, низвергаться в атеизм». [4]

Реакционность масонского движения заключалась в том, что оно новую правду, подлинную истину, идеал, пыталось найти не в борьбе с «социальными несправедливостями» крепостнической эпохи, а в пустой, антинаучной мистике, бесплодном самопознании и бессильном самоусовершенствовании. Но так или иначе, семя сомнения масонами было посеяно. Идеология старого порядка, прежде всего в лице официального православия, была объявлена не удовлетворяющей идейным стремлениям человека и его нравственности. На смену масонам шли вольтерьянцы. «Петиметр» времен Елизаветы сменялся масоном и «вольтерьянцем» Екатерины II, «геттингенцем», наконец, мистиком и

---

[1] Луппол, Трагедия русского материализма XVIII века, «Под знаменем марксизма», 1924, № 6—7, стр. 36.

[2] Многие сановные особы, однако, по выражению Н. И. Новикова, лишь играли в масонство, увлекаясь обрядовой стороной движения, благотворительностью, «ужинами и веселиями».

[3] В правом же, открыто реакционном крыле масонства в это же время получили преобладание мистические настроения.

[4] А. Н. Пыпин, Общественное движение в России при Александре I, П. 1918, стр. 348.

последователем Руссо и естественного права богатой эпохи Александра I».[1]

Прогрессивные тенденции русских масонов были поддержаны и развиты их антагонистами — вольтерьянцами. Любопытно, что крепостники и реакционно настроенное дворянство провозглашало и масонов и вольтерьянцев бунтовщиками против религии, нравственности и общественного порядка. Современники брали и тех и других за одну скобку; однако, историческая роль вольтерьянцев в русской общественной мысли значительнее роли масонов.

Начало знакомства с Вольтером в России относится еще к 20-м годам XVIII в., но особую известность и славу «фернейский философ» получил в России только во второй половине XVIII в. С 1768 г. начали переводиться на русский язык и печататься его многочисленные произведения. Вольтер стал на целый период кумиром русского передового дворянства. Нередко «вменялось себе в стыд» не быть одного мнения с ним. Правда, для многих русских «вольнодумцев» вольтерьянство было только поверхностным, наносным, модным увлечением.

Вольтерьянство продолжало и углубляло скептицизм и неудовлетворенность, получившие распространение в идеологии феодально-крепостнического общества. Век критикующего разума несовместим с идейными основами «старого порядка». Церковь и религия — это фанатизм и суеверие. Не случайно некоторые русские вольнодумцы встали на позиции атеизма. Вольтеровский деизм был для них уже пройденным этапом. Религиозное вольнодумство было широко распространено в передовых дворянских кругах второй половины XVIII в. На русской почве под влиянием французской идеологии третьего сословия выросли такие вольнодумцы, как известный И. Г. Рахманинов, выпустивший первое собрание сочинений Вольтера (1785 — 89 гг.), А. М. Карамышев, Н. С. Сербин, И. М. Опочинин, М. Сербин и др.[2] Правда, некоторые из первых русских вольтерьянцев и последователей освободительной философии, не найдя в крепостной барщинной России социальной опоры для французского просветительства, теряли под ногами общественную почву и утомленные сомнениями, одиночеством, измученные душевным разладом, погибали, кончая жизнь самоубийством (ярославский помещик И. М. Опочинин, М. Сербин). Век разума, век естественного права, подвергший уничтожающей критике идейные основы «старого порядка», провозгласивший закономерными и вечными только одни лишь отношения буржуазного общества, нашел отклик и в среде зарождающейся буржуазной интеллигенции и в среде русского либерального дворянства. В «С.-Петербургском журнале» русского гольбахианца И. П. Пнина даже печатались главы из знаменитой «Системы природы» П. Гольбаха (1798).[3] Идеологии французских просветителей, идеологии революционной французской

[1] А. Ляхов, Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху императора Александра I, М. 1912, стр. 116.
[2] И. Вороницын, История атеизма, «Атеист», 3-е изд., стр. 583 и сл.
[3] И. Пнин. Сочинения, М. 1934, стр. 199 и сл.

буржуазии было суждено сыграть в истории идейной борьбы в России большую роль. Все русское освободительное движение конца XVIII в. и первых двух десятилетий XIX в., включая и декабристов, шло под знаком французского просветительства. А. Н. Радищев, И. П. Пнин и почти все декабристы испытали на себе покоряющую силу французской буржуазной мысли. Сочинения Вольтера, Руссо, французских энциклопедистов и материалистов были принадлежностью каждой библиотеки передового дворянина-либерала начала XIX в. Развивающийся промышленный капитализм, товаризация и с начала XIX в. в передовых капиталистических районах страны даже медленная капитализация дворянского поместья подготовили почву для усвоения русским передовым помещиком и дворянской интеллигенцией идеологии французской буржуазии и появления дворянского либерализма в России.

Западно-европейские буржуазные экономические школы и направления также оказали известное влияние на формирование последнего. Физиократизм, так шумно провозгласивший о своем приходе и торжестве в экономической науке, прокатившийся по всему Западу волной новаторств в сельскохозяйственном производстве, нашел известный отклик и в России. Но передовое русское дворянство, втягивающееся в товарно-денежные отношения, и дворянская интеллигенция второй половины XVIII в., недолюбливая «любомудрия», не могли целиком понять, освоить и сделать оружием классовой борьбы теории политической экономии буржуазии Запада. Крепостничество было огромным тормозом на пути развития буржуазной идеологии в России. Можно назвать только одного русского физиократа (большую часть своей сознательной жизни находившегося во Франции), более или менее четко сформулировавшего свои физиократические воззрения, — это кн. Д. А. Голицына. Ученик Кенэ, Мирабо Старшего и Ля-Ривьера, он, исходя из общих принципов физиократической системы, в течение всей своей жизни защищал (применительно к русским крепостническим условиям) освобождение крестьян от крепостной зависимости и дарование им права покупки земли в собственность. Практических же последователей физиократизма в среде русского дворянства, усвоивших в той или иной мере экономическую политику этой школы, было довольно много. Их влекла к себе не капиталистическая сущность, а феодальная внешность теоретических построений физиократизма. С российским дворянством повторилось то же самое, что имело место за сорок — пятьдесят лет до этого с французскими последователями Кенэ и с Мирабо Старшим. Физиократизм «является как бы буржуазным воспроизведением феодальной системы господства земельной собственности, — говорил Маркс, — и те отрасли промышленности, в которых капитал впервые самостоятельно развивается, кажутся ей, наоборот, «непроизводительными» отраслями, простыми придатками земледелия. Первое условие развития капитала есть отделение земельной собственности от труда, противопоставление земли, этого коренного условия труда, свободному рабочему, как самостоятельной силы, сосредоточенной в руках

особого класса. И когда дело изображается с этой стороны, то землевладелец представляется настоящим капиталистом, т. е. присвоителем прибавочного труда. Таким образом *феодализм* восстановляется и объясняется sub specie буржуазного производства; земледелие же кажется той отраслью производства, в которой только и имеет место капитализм, т. е. производство прибавочной стоимости. И между тем как феодализм принимает благодаря этому буржуазный вид, буржуазное общество получает феодальную внешность. Эта призрачная внешность обманула принадлежавших к дворянству последователей доктора Кенэ и прежде всего патриархального чудака *Мирабо* старшего. У тех физиократов, которые обладали более широким умом, особенно у Тюрго, это обманчивое представление совершенно исчезает, и физиократическая система является у них выражением нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодализма. Она соответствует, стало быть, той эпохе буржуазного общества, когда оно вылупляется из феодального. Поэтому она и возникает сначала во Франции, стране земледельческой по преимуществу, а не в Англии, стране главным образом промышленности, торговли, мореплавания».[1]

Физиократизм русских помещиков был весьма своеобразным и любопытным явлением. Отдавая дань «экономическому веку», либеральный помещик изучал буржуазные экономические системы, *но толковал их на свой помещичий лад.* Пример «физиократизма» либерального помещика приподнимает завесу вообще над сущностью дворянского либерализма этого времени.

В первую четверть XIX в. в России получил большую популярность представитель буржуазной классической школы политической экономии — знаменитый шотландец Адам Смит. В 1802—1806 гг. вышел первый русский перевод его труда «Исследования свойств и причин богатства народов», сделанный Н. Политковским старшим. Это открыло возможность систематического знакомства с учением знаменитого экономиста. Наука и вся общественная мысль «александровской эпохи» находились под влиянием не только французской философии, но и Адама Смита. Профессора Х. Шлецер, Гереншванд, Г. Шторх, П. Кондырев, Шад, И. Нейман, К. Герман и др. пропагандировали в России смитианство.[2] Поколение «дворянских революционеров»-декабристов воспитывалось не только на французской литературе века просвещения, но и на Адаме Смите. Так, декабрист Н. И. Тургенев и известный англоман Н. С. Мордвинов[3] были своеобразными последователями экономической политики этой школы. Идеи смитианства сказывались очень часто в теоретических построениях русского либерального дворянства и дворянской интеллигенции.

М. И. Швитков, ученый корректор военной типографии, цитатами

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, 1931, стр. 41—42.

[2] В. Святловский, К истории политической экономии и статистики в России, Спб. 1906, стр. 50—53.

[3] А. М. Гневушев, Политико-экономические взгляды гр. Н. С. Мордвинова, «Киевские университетские известия», 1904, № 1, 2, 3, 4, 9, 10.

из Адама Смита («Славнейшего испытателя человеческих деяний, заключающих в себе способы к доставлению народным обществам всех жизненных потребностей») *доказывал выгодность вольнонаемного труда*. Однако он же, и также ссылаясь на А. Смита, в ответе на задачу Вольного экономического общества 1812 г. об отдельных мастеровых от земледелия, доказывал, «что главнейшая жизненная потребность заключается в земледелии и скотоводстве, что потому главнейшее и существенное всенародное богатство состоит только в оном... Без земледелия и скотоводства нельзя иметь и ремесленности, без него человеческая жизнь совершенно дикая и зверообразная». [1]

Господство крепостничества, недифференцированность общественных отношений препятствовали правильному пониманию доктрин буржуазной политической экономии.

Говоря об английской буржуазной мысли второй половины XVIII и начала XIX в. и ее влиянии на Россию, необходимо упомянуть имя юриста, философа права и законоведа Иеремии Бентама, русские отношения которого весьма любопытны. В русской жизни времен М. М. Сперанского появилась необходимость в буржуазном юристе, появилась необходимость в человеке, произведения которого почитались евангелием английского либерализма. «По высочайшему повелению» в 1805—1811 гг. были переведены на русский язык и выпущены в свет его сочинения (I, II, III тома). В 1814—1815 гг стоял даже вопрос о приглашении Иеремии Бентама к участию в составлении кодекса законов Российской империи.

П. С. Мордвинов писал Самуилу Бентаму, брату законоведа, в мае 1806 г.: «В моих глазах он (И. Бентам) есть один из четырех гениев, которые сделали и сделают всего больше для счастья человечества — Бэкон, Ньютон, Смит и Бентам: каждый основатель новой науки, каждый творец». [2]

На формирование идеи российского либерального помещика буржуазная наука оказывала непосредственное влияние и в лице ученых, работавших в России. С позиций буржуазных экономических школ, французского просветительства, теории естественного права Шад, Шторх, Герман Якоб и др. критиковали социальные отношения России и в первую очередь крепостное право. «Рабство в собственном смысле, по которому человек рассматривается как вещь, — писал профессор харьковского университета немец Шад в 1814 г., — противоречит естественному праву... По законам разума нет права без взаимного права, т. е. без обязательства, а при таком образе мыслей (крепостническом. — *Н. П.*) господин имел бы право без обязательства, подчиненные же ему имели бы только одно обязательство без всякого права. Такое состояние противоречило бы природе всякого общества, притом оно не основано и на договоре, так как согласие подвергнуть свою жизнь всевозможным бедствиям выражало бы не волю, а безумие; наконец, такое состояние есть не что иное, как непрерывная

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, дело 473, лл. 245, 253.

[2] А. Пыпин, Очерки литературы и общественности при Александре I, П. 1917, гл. «Русские отношения Бентама».

война, объявленная самому роду человеческому и его достоинству, противно всем условиям общественной жизни».[1] Эти мысли не могли пройти незамеченными со стороны представителей дворянского либерализма.

Тезис в защиту социальных реформ, против крепостного права, теоретически обоснованный теми же аргументами французской философии и смитианства, мы находим и у русских ученых начала XIX в. «Опыт теории налогов» (Спб., 1818 г.) будущего декабриста Н. И. Тургенева — книга, не случайно получившая популярность в кругах дворянского либерализма первой четверти прошлого столетия.

Дворянский либерализм расцвел в эту эпоху пышным цветом. Толчок либеральному движению был дан так называемым «правительственным либерализмом»: Александр I во всеуслышание выражал желание освободить крепостных крестьян и не раз декларировал свой республиканизм. Но класс помещиков-крепостников в начале XIX в. еще крепко сидел в седле, и поэтому «республиканизм» Александра I был на поводу у Аракчева, а «уважение к человеческому достоинству» сочеталось со стремлением к незыблемости крепостного хозяйства и права. В течение всей первой четверти XIX в. не было сделано ни одного шага к уничтожению и даже ограничению крепостного права *великорусских помещиков*. Судьба вопроса о запрещении продажи крепостных поштучно без земли красноречиво подтверждает это. Несмотря на то, что этой мере как будто бы все сочувствовали, и против узаконения запрещения не возражал даже государственный совет, — мера, реально ограничивающая вотчинную власть помещика, *не была принята*.

Однако крестьянское движение и развитие капитализма в стране вынудили крепостническое государство уже в первую четверть XIX в. на ряд в той или иной мере антикрепостнических мероприятий. Самыми значительными из них, оказавшими огромное влияние на выработку взглядов Вольного экономического общества по аграрно-крестьянскому вопросу, были: указ 12 декабря 1801 г., указ о вольных хлебопашцах 20 февраля 1803 г. и аграрные реформы в Остзейском крае (1804—1819 гг.).

Первый указ давал право покупки земли «всем подданным», кроме крепостных, второй разрешил помещикам «отпускать крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных» (само собой разумеется, что это «обоюдное согласие» по существу означало волю помещиков). Если мы учтем, что и покупка земли недворянскими элементами и отпуск помещиком своих крепостных на волю имели место и до этих указов, то нам будет ясно, что самыми значительными аграрными реформами эпохи были *остзейские*.

Великорусский помещик куда решительнее действовал *на чужой почве*, за чужой счет, в данном случае за счет остзейского крестьянства, чем за свой собственный.

---

[1] Цит. по В. И. Семевскому, Крестьянский вопрос, т. I, стр. 387.

В этом плане любопытно отметить, что брошюра крепостника Унгерн-Штернберга, выступившего решительно против аграрных реформ в Остзейском крае, была арестована, экземпляры ее сожжены и автору объявлено «негодование его величества за столь дерзновенный поступок» (1803 г.). Крепостническое сочинение, выступающее против каких бы то ни было аграрных реформ применительно к Великороссии, подвергнуть такой экзекуции никогда бы, разумеется, не решились. А сколько случаев гонений на либеральные сочинения, выступавшие вообще против крепостного хозяйства и права и затрагивающие таким образом интересы великороссийских помещиков! И в те же самые годы. Эпизод с запрещением книги И. П. Пнина «Опыт о просвещении относительно России» (1804 г.) в данном случае весьма показателен.

Хотя освобождение крепостных Остзейского края, связанное с земельной экспроприацией крестьянства, усилив полукрепостной, полукапиталистический гнет, вызвало новые периодические голодовки и усилило крестьянское движение, не решив таким образом аграрной проблемы, идеи безземельного освобождения получили большую популярность в среде либеральных великорусских помещиков. Уж очень была заманчива перспектива громадного увеличения земельных владений «оскудевающего дворянства» за счет крестьянских земельных участков.

Либеральный помещик первой четверти XIX в. сделал в этом направлении даже кое-какие практические шаги, правда весьма незначительные. Законом 1803 г. о вольных хлебопашцах воспользовалось ничтожное количество дворян. За первые двадцать лет (с 1803 г. по 1825 г.) мы насчитываем всего лишь 161 случай освобождения согласно этому закону. Известна лишь одна коллективная попытка дворян ограничить крепостное право. В 1816 г. 65 помещиков Петербургской губ. согласились по примеру Лифляндского положения 1804 г. обратить своих крепостных крестьян в «обязанных поселян», но дело не увенчалось успехом, — Александр I не утвердил приговора петербургских дворян. Не увенчалась успехом и попытка дворян Динабургского уезда, Витебской губ., дать право личной свободы своим крестьянам (1819 г.) — осуществить безземельное освобождение.

Никакого практического значения не имели также высказывания военного губернатора Украины кн. П. Г. Репнина, склонявшего дворян Полтавской и Черниговской губ. к ограничению крепостного права и определению «меры работ» крепостных крестьян (1818 г.), и отдельных маршалов Виленской губ., высказывавшихся за освобождение крестьян от крепостной зависимости (1818 г.).

В самом начале потерпели также крах (в силу неодобрения Александра I) мероприятия по организации специального общества по освобождению крестьян от крепостной зависимости, в котором согласились было принять участие гр. М. С. Воронцов, кн. А. С. Меньшиков, гр. Потоцкий, кн. П. А. Вяземский, Н. И. и А. И. Тургеневы и др. (1820 г.).

Основанное в 1765 г. Вольно-экономическое общество — первое сельскохозяйственное общество в России — объединяло наиболее видных представителей дворянской общественности того времени — ученых (академики Паллас, Лепехин, В. М. Севергин, И. Г. Георги, Я. Я. Штелин, А. И. Фус, Эйлер, Г. Ф. Миллер и др.), писателей и публицистов (А. Т. Болотов, В. А. Левшин, П. Рычков, В. Х. Фрибе, С. Друковцев и др.), агрономических деятелей (М. П. Бакунин, И. М. Комов, Анд. Самборский и др.), «новаторов» сельскохозяйственного производства (Д. М. Полторацкий, Е. Бланкеннагель, Д. Шелохов и др.). В этой организации предпринимательского дворянства насчитывалось в 1814—1816 гг. около тысячи членов и корреспондентов — 838 членов (1814 г.) и 117 корреспондентов (1816 г.).[1]

Нигде так полно и рельефно как в ВЭО и его «Трудах»,[2] не выявились позиции «российского шляхетства» по важнейшим вопросам социальной жизни крепостной России. ВЭО выражало мысли и чаяния передовых людей своего класса и в начале XIX в. попыталось сформулировать либеральную программу приспособления крепостной дворянской экономики к условиям развивающегося капитализма.

Изучение взглядов либеральных дворян приобретает особый смысл, потому что оно показывает нам решение коренной аграрно-крестьянской проблемы российским помещиком в новых условиях — в условиях развития европейского и отечественного капитализма и нарастания крестьянского движения, оно показывает нам, как вырабатывалась программа крестьянской реформы, программа, которая, в конечном счете, шла по линии «прусского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

2

Если в XVIII в. Вольное экономическое общество незыблемо стояло на позициях защиты крепостного хозяйства и права, морального и политического оправдания барского кнута и полицейской организации работ на барщине, то в первые два десятилетия XIX в.

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 511.

[2] «Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства» выходили под таким названием с 1765 по 1775 гг., три раза в год, всего 30 частей — I—XXX; затем наступил перерыв до 1779 г.; с 1779 г. журнал стал выходить под названием «Продолжение трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства». Всего под таким названием вышло 19 книг, с новой нумерацией, — I—XIX ч.; с 1795 г. вышло три тома «Трудов», опять с новой нумерацией (с I по III) и под новым названием: «Новое продолжение Трудов ВЭО к поощрению в России земледелия и домостроительства», затем опять перерыв (1798—1801 гг.). С 1801 по 1809 гг. «Труды» выпускались по одному тому в год, с общей нумерацией с 53 до 61. Наконец с 1810 г. «Труды» начали вновь выходить под старым названием: «Труды ВЭО к поощрению в России земледелия и домостроительства». До 1821 г. вышли части с общей нумерацией, начиная с 62 до 72. Во избежание путаницы я при ссылках везде придерживаюсь общей нумерации «Трудов».

оно обнаружило известную склонность к либеральным идеям, к идеям хозяйственного заинтересовывания крепостного крестьянства в повышении производительности труда, к стремлению мерами экономического воздействия поднять его дух «деятельности, рачительности и прилежания» и, наконец, к защите вольнонаемного труда в сельском хозяйстве. Еще в XVIII в. слышались отдельные голоса об ограничении повинностей крепостного крестьянства, о точном установлении размеров оброка, упразднении временных, случайных работ на барина, о введении «вознаграждения трудящимся вольным и собственным» за награду и справедливость против страха и наказания, за снисходительность, терпимость и милость против принуждения. С начала XIX в. голоса эти стали раздаваться в ВЭО все чаще и чаще. На 1813 г. ВЭО объявило задачу: «Какие надлежит принять меры, чтобы дух деятельности, ревности и прилежания к трудам для вящшей пользы в нижних состояниях людей, а особливо жен и детей крестьянских, так возбудить можно было, чтобы оный оделался напоследок необходимою для них привычкою».

В ответ общество получило 42 сочинения. Помещик-предприниматель проявил огромный интерес к вопросам повышения производительности труда крепостных. Премия в 50 червонцев, предоставленная обществу за разрешение этой задачи Д. П. Трощинским, была присуждена директору департамента государственного хозяйства и публичных зданий министерства внутренних дел и непременному секретарю общества С. С. Джунковскому и берлинскому профессору Иоганну Паулю Гарду.

«Известно, что главные побуждения к трудолюбию во всяком состоянии, — писал С. Джуанковский, — суть: 1) *удовлетворение жизненных нужд, 2) желание прибытка, чтобы иметь излишнее, сверх необходимостей для себя и для потомства, 3) верность в получении и в наслаждении того прибытка, 4) хорошие примеры и наставления, а последнее, и по несчастью, не самое редкое — есть страх наказания*».[1]

Характерно, что в решении крестьянского вопроса ВЭО в начале XIX в. ставило «страх наказания» уже на последнее место. С. Джунковский не мог допустить мысли, «чтобы привычка к трудолюбию и настоящая деятельность могли произойти в человеке иначе, как при виде собственной пользы», и уверял помещиков, что они, «стараясь о пользе крестьян, свою собственную пользу умножают не на *короткое* время, но в потомстве».[2]

«Где требуются великие труды, там нужен покой и некоторые для жизни удобства..., столь же необходимо ободрение и человеколюбивое с людьми обращение», — читаем в одном неопубликованном ответе на задачу «об отделении мастеровых»[3]

Российское либеральное дворянство начала XIX в. предполагало «поднять дух деятельности, ревности и прилежания» крепостного

[1] Труды ВЭО, 1804 г., кн. 56, стр. 14. Курсив автора. — *Н. П.*
[2] Там же, стр. 63. Курсив автора. — *Н. П.*
[3] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. 478, лл. 407—408.

крестьянина не назиданием, понуждением и наказанием, а путем его заинтересования «в прибытке» и большей экономической самостоятельности. Среди либерального дворянства промышленных губерний этого периода становились все больше и больше популярными идеи оброчного хозяйства, как ступени к аренде, ограничения крепостных повинностей крестьянина, уничтожения чересполосности и установления свободного оборота земель.

Новую постановку крестьянского вопроса в ВЭО блестяще выразил харьковский профессор дипломатики и политической экономии этико-политического факультета Л. Якоб. «Владелец должен бы подумать о таком положении своих крестьян, — писал харьковский профессор, — в котором бы собственная их польза заставляла их стараться о выгодах его, и дабы умножение богатства его почитали они средством к поправлению собственного их благосостояния».[1]

В Трудах ВЭО этого периода все чаще звучали голоса (особенно дворянства промышленных губерний, массового фабричного и земледельческого отхода), осуждающие барщину, как мало производительную систему хозяйства, сковывающую инициативу крестьянства, его «рачение» и прилежание. «Что касается до господской работы, — писал С. Джунковский, — называемой просто *барщиною*, то оная в иных местах не соответствует ни крестьянской, ни помещичьей пользе». При этом С. Джунковскому казалось, что основной недостаток барщинной системы «в самом существе дела находится, а не в людях».[2]

Если бы «помещики взяли на себя труд расчесть *«по-купечески»*: 1) чего стоит в день работник и лошадь, — указывал С. Джунковский, — 2) сколько работник, для своего барыша делая, выработать может, 3) сколько из выработанного заплатить может за землю и за покровительство, 4) сколько работник принужденно для другого выработает или испортит и, наконец, 5) сколько стоит содержание и поправление разоренного работника, — то легко усмотреть бы могли, что если не они, «то *потомки* их в величайшей остаются потере».[3] Барщина — повод «к праздности и отчаянию», а не к «надлежащему труду», ибо при ней «все есть *принужденное* и ни малейшей награды».[4]

Лифляндский барон Розен в своей статье «О винокурении и откармливании домашнего скота» обращал внимание великорусских крепостников на то, что «крестьяне всегда лучше содержат свое, нежели господское поле. *Это обыкновенно непосредственное следствие*, — заключил он, — *ненавистной и во всяком отношении вредной барщины*».[5]

Для Л. Якоба вопрос о хозяйственной несостоятельности барщины был также совершенно ясен. «Если бы владелец со вниманием рас-

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 82.
[2] Труды ВЭО, 1804 г., кн. 56, стр. 58—59. Курсив автора. — *Н. П.*
[3] Там же, стр. 59.
[4] Там же, стр. 58.
[5] Труды ВЭО, 1817 г., кн. 69, стр. 207. Курсив мой. — *Н. П.*

смотрел, — писал он, — 1) сколько ему стоит надзор за таковою работою, 2) сколько бы по надлежащем удобрении земля, занимаемая крестьянами его, могла ему доставить пользы, 3) сколько убыточны пособия, делаемые им своим крестьянам, 4) сколько они причинили ему вреда в полях, лесах и прочее, и если бы, наконец, сообразил произведения трудов их с теми произведениями, коих должно ожидать от лучших работников, — то само собой открылось бы, что он тем больше еще получил бы пользы от своих крестьян, довольных состоянием, ибо охочие работники с хорошим скотом в половину дня производят более противу того, сколько ожидать должно в целый день от худых работников и с худым скотом».[1]

Причины непроизводительности крепостного, барщинного труда, по мнению Л. Якоба, заключаются:

1) *в упрямстве принужденных работников* («принужденный работник будет всегда делать столь мало, сколько то возможно»);

2) *в их слабости и бессилии* («крепостной человек... не в силах долго выдержать трудной и продолжительной работы. Между 100 крепостными людьми всегда находится 10—20 больных, а при падучей болезни еще и более»);

3) *в худом имуществе и состоянии крепостных людей* («скот и земледельческие орудия крепостного человека по большей части столько худы, что он посредством их весьма мало производить может»);

4) *в их разбросанности* («работники не находятся вместе в одном доме»);

5) *в удаленности полей от жилищ* («сие обстоятельство хотя не существенно сопряжено с званием крепостного человека, однако, весьма обыкновенно». Оно приводит к тому, что «теряется много времени, пока крестьянин прибудет до места, определенного к работе, и притом когда работу должно начать, то уже люди и скот бывают усталы»);

6) *в том, что помещик, давая своим крепостным людям землю и проч., причиняет себе больше убытка, нежели им пользы* («крепостные люди, получившие землю от своего владельца, худо пользуются оною; ибо они не имеют ни времени, ни капитала, ниже охоты надлежаще производить земледелие; по сей причине теряется та земля, которая могла бы обогатить вольного крестьянина, доставить выгоды владельцу...»);

7) *в том, что принудительная работа даже самими помещиками не ценится столь высоко, как работа за наличные деньги, и потому они первую «весьма щедро расточают»* (помещики чрезмерно увеличивают дворню и употребляют крестьян на «малополезные» работы, они «редко думают о том, что всякое время, в которое крестьянин ничем не занимается или делает лишнее, столь же дорого стоит владельцу, как если бы он за то платил наличными деньгами»).[2]

---

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 5—6.
[2] Там же, стр. 33—40.

Судя только по этому анализу причин непроизводительности барщинного крепостного труда, можно легко угадать, что перед нами критика крепостничества во имя прославления принципов буржуазной фермы. Ставка Л. Якоба на мощное хозяйство вольного крестьянина, работающее на рынок, хозяйство, обеспеченное скотом, хорошими земледельческими орудиями, имеющего землю в одном месте и рабочих в одном доме, совершенно ясно указывает на это.

Критика барщины либеральным помещиком восстает против струвианской трактовки барщинного хозяйства. Либерал П. Б. Струве, как известно, считал, что хотя «сам по себе» барщинный труд весьма непроизводителен, «оброк в сфере земледелия бесспорно пасует перед барщиной». «Барщина... побеждала оброк в силу того, — указывал он, — что она представляла экономически более стройную и потому более выгодную организацию хозяйства. Выражаясь точнее: барщинное хозяйство было выше оброчного в силу общих и известных преимуществ крупного хозяйства над мелким в сфере производства и сбыта продуктов и кроме того в силу исторической неподготовленности русского крестьянина-земледельца к товарному производству».[1]

Исходя из антимарксистской теории мирного врастания крепостничества в капитализм и механически перенося критерии развитого капитализма на феодальные отношения, Струве барщинную экономию рассматривал как крупную и глубоко прогрессивную форму хозяйства, расчищающую дорогу капитализму в сельском хозяйстве. На самом деле барщинное хозяйство никогда *не было крупным* (за немногими исключениями дворян-предпринимателей). Барская запашка, как известно, дробилась на мелкие и мельчайшие земельные участки, обрабатываемые тяглами крепостных крестьян *своим убогим инвентарем*. Что же касается «исторической неподготовленности» крестьянства к товарному производству, то об этом можно говорить, лишь закрывая глаза на все процессы, сопровождавшие генезис русского капитализма — развитие торговли, рост местных ярмарок, кустарных промыслов, крестьянской мануфактуры, крестьянского накопления и т. д. Но для Струве это неудивительно. Либерал искал истоков русского капитализма в среде предпринимательского дворянства.

В наше время, когда Россия нэповская стала Россией социалистической, когда марксизм завоевал победы всемирно-исторического значения, нашлись в лице С. Г. Томсинского и А. И. Малышева оруженосцы этой струвианской теории крепостного хозяйства. Эти горе-марксисты приправили струвианское блюдо теорией первоначального накопления Вернера Зомбарта (первоначальное накопление в сферах земельной ренты) и попытались выдать все это за последнее слово марксистской исторической науки.

С. Г. Томсинский и А. И. Малышев рассматривали крепостное хозяйство как форму проникновения капитализма в сельское хозяйство, как носителя процессов первоначального накопления, как ран-

[1] П. Струве, Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв., изд. М. и С. Сабашниковых, 1913, стр. 98.

нюю стадию капиталистического развития в России.[1] Политически эта теория вела к пересмотру основных противоречий России XIX—XX вв., вела к троцкистской оценке характера и движущих сил первой русской революции, вела к теории перманентной революции Троцкого. Дискутировать в настоящее время с этой концепцией, нам кажется, нет никакого смысла. Она уже отброшена развитием советской марксистско-ленинской исторической науки.

Несвобода докапиталистического непосредственного производителя, — указывал К. Маркс, — «от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства».[2]

При ренте продуктами, а особенно при денежной ренте, крестьянину дается «больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющего его необходимейшие потребности».[3]

Либеральный помещик первой четверти XIX в. понимал, что крепостные крестьяне, живущие на денежном оброке, «имеют без сомнения больше других причины быть ревностными к трудолюбию», и предлагал «положить точные правила»,[4] ограничивающие оброк, т. е. стремился всячески приблизить оброчника к положению арендатора. С большой полнотой вопрос о выгодах оброчной системы по сравнению с барщиной разработал Л. Якоб. Крестьянин при оброке «приобретает некоторый род независимости», — указывал он, — и поскольку «плоды трудов» принадлежат ему (крестьянину), «то он имеет более побуждения... и более деятельности, нежели отправляющий барщину».[5]

Не отрицая, что земледелие у оброчных крестьян чаще в «худшем состоянии», чем у барщинных, «ибо они, совершенно оставляя оное», стараются лишь об оброке, который зарабатывают «в городах служением, торгом и другими разными промыслами», — Л. Якоб отмечал, что основание «вредных» последствий оброчной системы в России «*более заключается в худом способе отдавать земли на оброк, нежели в происходящей от того независимости крестьян*».[6]

Даже крепостники, сторонники барщинной системы, в роде орловского помещика капитана Погодина, выступавшие против оброка, отмечали, что оброчные крестьяне «имеют выгоду», как более «свободные, нежели те, которые находятся на пашне или на разных каких-либо изделиях и работах».[7]

---

[1] См. А. И. Малышев, Основные вопросы истории крепостного хозяйства в России в сб. «Крепостная Россия», 1930; С. Г. Томсинский, К вопросу о старом и новом феодализме, ст. в сб. «Хозяйство крупного феодала XVII века», т. I, изд-во АН, 1933; его же, Очерки истории феодально-крепостной России, 1934.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III, кн. III, 1932, стр. 569.

[3] Там же, стр. 573.

[4] Труды ВЭО, 1804 г., кн. 56, ст. 56.

[5] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 42.

[6] Там же стр. 43—44. Курсив мой. — *Н. П.*

[7] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 175.

Либеральное дворянство начала XIX в. выдвигает также идею ограничения и регулирования крестьянских повинностей. Хотя «человечество и законы» не запрещают «самопроизвольных *вымогательств*», — указывал Л. Якоб, — «благоразумие... и собственная польза советуют назначить крестьянину известное время для собственных его работ. Сим способом поправит он свое состояние и с большею удобностью и совершенством может обрабатывать даже господские поля».[1]

С. Джунковский прямо предлагал, «не нарушая ни собственной (язык помещика! — *Н. П.*), ни крестьянской выгоды», установить определенный ежегодный оброк не менее чем на десятилетие и заключить о нем письменное согласие с крестьянами, «с тем, чтобы *ни он сам* (помещик. — *Н. П.*) *ни наследники его не могли... ни в чем переменить оного*».[2]

Отправным пунктом в разработке либеральным дворянством вопросов ограничения и регулирования крестьянских повинностей в пользу помещика, как это указывал С. С. Джунковский в своем ответе, было Лифляндское положение 20 февраля 1804 г.

Либеральное дворянство верило, что «ненарушимый порядок в податях», денежные пособия крестьянину в случае нужды, примеры, способы и наставления «к надлежащему трудолюбию и обогащению», хорошие управители и старосты, искусные священники и поддержание преданности крестьян вере поднимут их трудолюбие и «*в вечные роды*» «*устроят и упрочат несомненное богатство*»[3] помещика.

Программа ограничения крепостного права, получившая популярность в среде либерального дворянства первой четверти XIX в., была весьма обширной. Тот же Л. Якоб, не раз выступавший с предложениями широкого государственного регулирования отношений крестьянина к помещику, предлагал определить размер работ крепостных в пользу владельца, запретить переселение, насильственное разлучение семей, продажу без земли и отдачу в наем (без желания крепостного), ограничить право владельцев наказывать крестьян, оградить крепостных от всяких нравственных злоупотреблений со стороны помещика, предоставить крепостным полное право собственности на то, что они заработают, сберегут или приобретут, разрешить крестьянам подавать жалобы на своих господ и, наконец, определить законом размер выкупа крепостных крестьян на свободу.[4]

То же сочинение Л. Якоба, награжденное и напечатанное в «Трудах», — ответ на задачу 1812 г. об определении того, что выгоднее помещику — обрабатывать землю крепостными или вольнонаемными людьми, — показывает, что оброчная система крепостного хозяйства интересовала либеральное дворянство прежде всего с точки зрения

---

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 6. Курсив автора. — *Н. П.*

[2] Труды ВЭО, 1804 г., кн. 56, стр. 56—57. Курсив автора — *Н. П.*

[3] Труды ВЭО, 1804 г., кн. 56, стр. 60—61. Ответ С. Джунковского. Курсив автора. — *Н. П.*

[4] В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, Спб. 1888, т. I, стр. 314.

установления переходного периода к арендным поземельным отношениям. «Хотя, кажется, — писал харьковский профессор, — оброчный крестьянин совершенно находится в положении вольного земледельца, ибо имеет собственную землю, пользуется всеми доходами и не более платит, как известный оброк и известную подать, однако, состояние крестьянина гораздо лучше там, где земледелие составляет совершенно вольную промышленность и где всякий может приобретать в собственность земли; там происходят совершенно другие отношения против тех мест, где земля владельцем произвольно разделяется между его крестьянами».[1]

Причины, препятствующие усовершенствованию земледелия и уменьшающие доходы помещика при оброчной системе, по мнению Л. Якоба, заключались в следующем:

1. *Недостаток капиталов у оброчных крестьян.* В хозяйстве от 40 до 60 десятин необходимо иметь сарай и конюшни, хороший скот, достаточное количество зимнего корма, деньги для найма работников, огораживания полей и обведения их рвами, для покупки искусственного удобрения, для заведения орудий и земледельческих снастей и т. д., — словом, нужен капитал, «равняющийся в цене 2 — 3 тыс. четвертям ржи». Оброчный крестьянин не имеет такового «великого капитала, а если бы и имел, — указывает Л. Якоб, — то не захотел бы обращать оный на земледелие. Поелику ни земля, ни строения, ниже скот не принадлежат ему в собственность, и ниже он уверен в получении всех плодов от своего вклада».[2]

2. *Ненадежность владения и неизвестность положения оброчных крестьян.* Оброчник не имеет ни выгод собственника, так как может быть переселен, лишен земли и прочее, и выгод английского откупщика, так как последний арендует устроенное хозяйство и имеет строго определенную плату, оброчник же «получает» землю «в худом состоянии», его оброк каждый год может быть изменен и увеличен и, наконец, помещик может совсем обезземелить его, взять во двор и даже обязать платить за неимущих подати и оброки.

3. *Малые земельные участки оброчных крестьян.* Л. Якоб вслед за известным агрономическим деятелем Англии того периода Артуром Юнгом полагает, что «самые выгоднейшие хозяйства те, кои состоят из 100—300 десятин земли», и указывает, что даже сторонники «малых» земельных участков согласны в том, что они не должны быть меньше 15—30 десятин. А в России даже казенные крестьяне не имеют больше 6—8 десятин (в том числе леса, выгоны, дороги и пустоши), а помещичьи — «во многих местах... едва 2 десятины и нигде более 5—6».[3]

4. *Разбросанность и чересполосность земельных участков.* Система «открытых полей» препятствует развитию земледелия. Трехполье «понуждает непременно следовать примеру других».

Либеральное дворянство критиковало оброчную систему с позиций

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 53—54.
[2] Там же, стр. 55.
[3] Там же, стр. 54—60.

английского откупщика, стремилось поставить оброчника на положение арендатора, выдвигало вопрос о реформах для установления в России строя арендных поземельных отношений. Тягу либерального помещика этого периода к формам аренды по *английскому* образцу подтверждает «Новая и полная система практического сельского домоводства».[1] В «предуведомлении» к этому периодическому изданию общества читаем: английский «*фармер значит почти то же, что у нас крестьянин, состоящий на казенном или помещичьем оброке*».[2]

Правда, это сближение говорило и о том, что либеральный помещик, оставаясь целиком на позициях сохранения незыблемости феодального землевладения, капиталистически лакировал оброчную форму крепостного хозяйства, но об этом ниже.

Либеральный помещик осуждал бесправность крепостных крестьян, бедность их хозяйственного оборудования, мизерные земельные участки, трехполье, переделы, чересполосицу. В туманной дали мирных и постепенных преобразований перед его взором вырисовывалась капиталистическая ферма «свободного» богатого крестьянина, арендующего землю у помещика. Если в XVIII в., в период господства в ВЭО махрово-крепостнических идей и принципов, большую популярность получила агрономическая мысль немцев — Шубарт фон-Клеефельд, мекленбургская и голштинская системы полеводства, — то в первую четверть XIX в. взгляды либерального помещика складывались под влиянием буржуазной агрономической мысли англичан.

Решительная критика оброчной системы крепостного хозяйства, развернутая ВЭО, целиком опрокидывает струвианскую концепцию оброчного хозяйства, как разновидности капиталистической аренды. «Отдача господской земли за оброк крестьянам предполагала, — пишет П. Б. Струве, — крестьян в роли арендаторов... В оброчной России крепостного хозяйства, строго говоря, не существовало. Оброк с промыслового крестьянства превратился в частное обложение, в приватный налог с дохода мелкого, а подчас и крупного производителя. Его хозяйственная роль и еще более хозяйственная роль помещичьей власти вообще была здесь исключительно отрицательной. Власть эта эксплоатировалась, как право, лишенное всякого экономического содержания и оправдания».[3]

Оброк, неразрывно *связанный с господством внеэкономического принуждения*, оброк, являвшийся докапиталистической денежной рентой, знаменующий лишь канун вступления капитала в земледелие, был по существу превращенной формой отработочной ренты. А отра-

---

[1] «Новая и полная система практического сельского домоводства, содержащая все, что опыты доселе показали полезнейшим в земледелии как по старому, так и по новому способу делопроизводства, и также все, что как для всякого сельского хозяина, так и для управления господских имений служить может». Ежемесячное издание ВЭО, Спб. 1807—1812 гг., 15 томов.

[2] «Новая и полная система»... Спб., 1807 г., т. I. Предуведомление. Курсив мой. — *Н. П.*

[3] П. Б. Струве, Крепостное хозяйство, стр. 82, 139.

боточную ренту (барщина) даже Струве считал формой крепостного хозяйства.

Либеральный помещик значительно лучше Струве понимал, что оброчная система являлась формой крепостного хозяйства, и стремился реформировать ее.

Живо и с особенной полнотой в ВЭО изучаемого периода был подвергнут обсуждению вопрос об уничтожении сельской общины и чересполосных владений. В обсуждение этого вопроса были втянуты десятки помещиков. Вопрос о сельской общине был предметом горячего обсуждения в сельскохозяйственной печати ряда европейских стран. Прусский юнкер, как мы видели, в 20-х гг. XIX в. уже приступил к практическому осуществлению ликвидации общинного землепользования.

Ряд членов Вольного экономического общества и выдающихся дворянских публицистов еще в 60-е и 70-е гг. XVIII в. решительно выступали против существовавшего землепользования, чересполосицы и земельных переделов. Так выдающийся агрономический деятель, дворянский публицист А. Т. Болотов порицал «вредительную разнобоярщину и чересдесятинщину».[1] Царского Села управитель Федор Удолов — автор проекта организации *больших тягол*, прототипа аракчеевских «трудовых» поселений, — отвергая переделы, предлагал определить в вечное владение каждому большому тяглу ту землю, которая достанется ему по первому разделу.[2]

Помещик Ф. И. Туманский считал необходимым приписать определенные земельные участки «к дворам своих селян для того, чтобы оные участки вечно... обрабатываемы были хозяевами тех дворов и никогда в другие руки не переходили, ниже... в наем отдаваемы не были».[3]

Российский помещик-предприниматель уже в XVIII в. понимал, что и чересполосность земельных владений и сельская община являются тормозом развития *«нового земледелия»*.

Любопытно отметить, что даже в «общенародной» книге — «Деревенском зеркале»[4] — ВЭО неодобрительно отозвалось о практиковавшихся частых переделах лугов.

Во всю ширь данный вопрос встал в ВЭО лишь в первую четверть XIX в. Предпринимательское дворянство, приспособляющееся к новым социальным условиям, почувствовало теперь со всей остротой тормозящую роль «чересдесятинщины», разбросанности земельных владений, сельской общины с ее переделами и чересполосицей.

На 1804 г. ВЭО была опубликована задача об уничтожении чересполосности земельных владений. Награду за ее решение — золотую медаль в сто червонных — предложил Александр I. Широкие слои дворянства живо откликнулись на весьма интересующую их

[1] Труды ВЭО, 1766 г., кн. 2, стр. 162, 171—172, 174—175.
[2] Труды ВЭО, 1770 г., кн. 15, стр. 170—171.
[3] Труды ВЭО, 1794 г., кн. 49, стр. 328.
[4] «Деревенское зеркало или общенародная книга сочинена не только, чтоб ее читать, но чтоб по ней и исполнять», изд. ВЭО, Спб. 1798 г., т. I, стр. 52.

задачу. К назначенному сроку Обществом было получено 27 ответных сочинений. Ответ помещика Черниговской губернии, Борзенского повета, села Комаровки, отставного штаб-ротмистра Василия Каницкого «удостоился» награды и был напечатан в «Трудах».

В. Каницкий полагал, что размежевание земель совершенно неотложно и необходимо. Однако, прежде чем приступить к такой грандиозной задаче, он считал необходимым точно определить владения частных лиц, составить их подробные описи, начертить планы, завести «крепости» на пахотную землю, сенокосы, огороды, лес, воды (рыбные ловли) и ряд книг для точного определения географического и физического лица земельного владения. У помещика-предпринимателя еще в XVIII в. была огромная тяга к учету, статистике, переписям крепостного населения, ведомостям, дневным записям. Методы размежевания Каницкий определял следующим образом: «Известно,— писал он, — что соединение земель нужно как для прекращения всяких ссор, так и для усовершенствования хозяйства каждого, следовательно, и есть три способа к произведению оного в действо, а именно: 1) генеральным межеванием, 2) отделением помещичьих от всех прочих земель посторонних людей, также и казенных, равно одних помещичьих между собою, 3) присоединением или отводом земель к одному месту по случаю споров всякого рода за земли, относительно к чересполосному положению их, таким образом, чтобы оное могло служить впредь руководством и за правило судебным лицам и на всегдашние времена». [1]

Генеральное межевание, по мнению нашего автора, могло свести земли всякого звания людей в одно место, но в виду того, что вопрос о нем касался сферы правительственной политики, он уклонялся от его обсуждения. «... но об оном и потому я здесь ничего не могу говорить, — писал В. Каницкий, — что то относится к Инструкции, которая дана будет... отдельным землемерам», хотя «ежели бы к ним относилось соединение земель в одно место», то и для них правила этого сочинения были бы полезны», — отмечал все же Каницкий. [2]

Размежевание и присоединение всех земель к одному месту у помещика «*по настоящему должно быть там, где он сам похочет*»,— говорил В. Каницкий, т. е. к самому большому куску земли, «которая по удобству ему покажется сходною». [3]

«Преимущества», предоставляемые помещикам, наш автор обосновывал тем, что они больше, нежели крестьяне, «стараются об общественной пользе» (последнюю он, как и все Вольное экономическое общество, понимал как пользу дворянскую. — *Н. П.*) и часто следуют... «новым правилам, выгодным для усовершенствования хозяйства своего». [4]

В. Каницкий предполагал «соединение земель всякого рода» производить «по желанию каждого, а кто не желает, то по случаю...

[1] Труды ВЭО, 1806 г., кн. 58, стр. 132.
[2] Там же, стр. 133.
[3] Там же, стр. 80, Курсив мой. — *Н. П.*
[4] Там же, стр. 80—81.

споров». Вопросы о соединении земельных участков воедино в связи со спорами и ссорами должны были, по мнению черниговского помещика, решать: в Великороссии — земские суды, на Украине — нижние земские, подкоморские поветовые суды, они же должны вместе с межевыми конторами проводить отвод земель.

Вот советы, какие давало ВЭО российскому дворянству и землемерам, производящим генеральное межевание земель империи. *Проект ликвидации чересполосности земельных владений, выдвинутый В. Каницким и одобренный ВЭО, беззастенчиво обосновывал мучительный и насильственный процесс экспроприации земель казаков на Украине, казенных крестьян, однодворцев в Великороссии, переселение их на песок, грабеж, угнетение и притеснение.*

Российский дворянин пытался проложить пути интенсификации помещичьего хозяйства старыми методами, «освященными» историей феодально-крепостнического общества, методами захвата и грабежа крестьянских земель.

Вопрос о «вредительности разнобоярщины» ставился также и авторами неопубликованных ответов. Надв. советник А. Сальков Лебедянского уезда, из Борисовки, авторы сочинений под девизами: «Спокойствие первое есть благо в общежитии», «Дух плодотворит, не земля», «Частное благо — общественная польза», «Благотворение собой награждается» [1] — также выступили за уничтожение чересполосности земельных владений.

С особенной силой авторы неопубликованных ответов нападали на сельскую общину с ее переделами и чересполосицей.

Но эти сочинения обществом не были «удостоены» награждения. ВЭО с гораздо большей осторожностью подходило к вопросам уничтожения переделов и чересполосицы у крепостных крестьян. Помещика пугала перспектива установления «собственности» крестьян на земли, которыми они владели.

Ежегодные земельные переделы крестьян «должны быть воспрещены законом», — писал автор сочинения под девизом «Частное благо — общественная польза, — поелику то относится к подрыву цветущего земледелия». Разделение земель должно быть проведено «единожды навсегда», ибо такой распорядок «приохотит крестьян, видящих прочную собственность, лучшим образом угобжать и возделывать свои пашни». [2]

Вопрос о чересполосности земельных владений часто поднимался в ВЭО и после обсуждения данной задачи.

Чересполосность владений осуждалась в периодическом издании Общества 1805 г. «Круг хозяйственных сведений». [3]

Господство чересполосицы в земельных владениях приводит помещика к невозможности перемен и «удобного поправления земледелия», введения нового разделения полей, к невозможности переменного

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 440.
[2] Там же, л. 80.
[3] «Круг хозяйственных сведений» — ежемесячное издание Вольного экономического общества (I, II, III) 1805 г.

посева разных полезных растений и заведения искусственных лугов. Система открытых полей заставляет «приноравливаться к общему обыкновению, — говорилось в «Круге хозяйственных сведений», — хотя оно есть худое и очевидно препятствующее хозяйственной промышленности».[1] Симпатии автора «Круга хозяйственных сведений» клонились к организации поместного хозяйства по примеру Финляндии и Курляндии, «где каждый хозяин имеет свои поля в окружности своего дома».

Против дробности земельных участков и чересполосицы выступала также в лице известного агрономического деятеля Англии Артура Юнга «Новая и полная система практического сельского домоводства» и рекомендовала русскому помещику огораживание полей. «Должно пользу от огораживания считать не только выгодной для частного помещика, — писал Артур Юнг, — но как нечто такое, что пользе всего общества и народа споспешествует. Исправление земледелия, сего высшего основания, на коем вся сила Англии основана, не может никогда без того приведено быть в хорошее состояние.»[2]

И чересполосицу и сельскую общину решительно осуждал автор «Метаполитического и экономического рассуждения», присланного в общество в ответ на задачу 1812 г. о том, что выгоднее для хозяина — обрабатывать землю наемными людьми или собственными крестьянами. Выясняя причины цветущего состояния английского земледелия, наш автор (по разным признакам — помещик Полтавской губ.) думал, что «успехам земледелия не мало споспешествует *окружность владений*. Наши чересполосные поля будут служить всегда помехою оным, — писал он: владелец таковых земель не может оными располагать для пользы земледелия, как бы того желал и как бы надлежало, например, по методе гг. Шубарта, Рознотовского и др. писателей, ибо каждые два года он должен пускать свои земли в общественные толоки, для пастьбы чужого скота, сеять озимь и ярину там и тогда, где и в какое время то делают другие, и поэтому ум его поневоле должен пребывать по сему предмету в некоем слепом принуждении и следовать закоренелому, хотя вредному пользам земледелия обыкновению. В круглых, небольших *фермах* и в отрубных дачах хозяин — совершенный властелин и изобретательность его бывает в полной деятельности; она находит всегда что-нибудь новое для выгод его и для успехов земледелия» и Украины.[3]

В первую очередь остро чувствовал отрицательные стороны чересполосности земельных владений помещик-предприниматель сельскохозяйственных черноземных губерний Великороссии.

Если проекты о ликвидации «черезбоярщины» нашли поддержку в среде дворянства, то постановка вопроса о ликвидации чересполосицы у *крепостных крестьян* (вопроса, совершенно обойденного В. Каницким и задетого лишь в неопубликованных ответах) вызвала большой шум в Вольном экономическом обществе. В 1819 г. ВЭО

[1] «Круг хозяйственных сведений», изд. ВЭО, 1805 г., апрель, стр. 25.
[2] «Новая и полная система...» изд. ВЭО, Спб. 1807 г., т. III, письмо № 5.
[3] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, лл. 202—203. Курсив автора. — *Н. П.*

была объявлена задача об уничтожении *крестьянского* чересполосного землепользования и «в пашнях и в сенокосах».

В 1821 г. в ответ на эту задачу было получено всего лишь *одно сочинение* — корреспондента общества Лебедева из Грязовца Костромской губ.[1] В этом сказалось отрицательное отношение провинциального местного дворянства, в первую очередь сельскохозяйственной черноземной полосы Великороссии, к новой задаче Общества.

Любопытный эпизод, еще раз оттеняющий классовое лицо ВЭО, разыгрался после получения в связи с данной задачей и напечатания в «Трудах» статьи «О лучшем разделении крестьянских полей», принадлежавшей перу крупного помещика Кашинского у., Тверской губ., Н. В. Зубова. Задача Общества навела Н. В. Зубова на мысль начать уничтожение чересполосности у своих крестьян. К июню 1820 г. были уже разделены поля трех зубовских деревень — Борщовой, Девятисиловой и Федоровки.[2]

ВЭО, рассмотрев «положение», на основании которого Н. В. Зубов производил это разделение, «нашло, что оное учинено согласно предложенной от общества задаче, равным образом и намерение г. Зубова, чтобы положение сие было удостоено высочайшего утверждения, признало заслуживающим одобрения»[3] и рекомендовало ему, «буде он рассудит», обратиться за утверждением разделения в министерство внутренних дел.

В своей краткой статье, скорее заметке, присланной в Общество, Н. В. Зубов выступает решительным противником крестьянской чересполосицы и переделов.

При переделах и чересполосице «крестьяне, не имея в земле незыблемой собственности, недостаточно обрабатывают оную, чтобы производить хороший урожай хлеба и покоса».[4]

По мнению Н. В. Зубова, необходимо: «Платеж государственной повинности и оброка получать с земли; пашенную же землю и покосы разделить во всю длину полей от гуменников крестьянских, и тем прекратить необходимость переделов земли. Утвердить землю в незыблемую собственность крестьянам, дать право им с платежом государственной повинности и оброка продавать в своих землях участки».[5]

В этом вся программа Н. В. Зубова. Либеральный помещик промышленных губерний Великороссии стремился сгладить острые углы крепостничества путем уничтожения сельской общины — переделов и чересполосицы и закрепления за каждым крестьянским двором определенного земельного участка. «Прожекты» Н. В. Зубова не шли дальше учреждения «обязанных поселян». Предложение же Н. В. Зубова разрешить крестьянам «продавать в своих землях участки» было

[1] Ответ премирован малой золотой медалью, но в «Трудах» не напечатан.
[2] ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал Общества за 1820 г., д. 102, лл. 67—70.
[3] Там же, л. 64.
[4] Труды ВЭО, 1821 г., кн. 72, стр. 233.
[5] Там же, стр. 234—235. На каждую мужскую душу Н. В. Зубов предлагал дать полевой и сенокосной земли от 4 до 5 десятин.

встречено ВЭО в штыки. Статья Н. В. Зубова была напечатана с «представлениями» надворного советника Ф. А. Дурасова и послужила поводом, как увидим ниже, к большим и бурным прениям. Ф. А. Дурасов категорически отвергал предложение Н. В. Зубова о предоставлении крестьянам права продажи своих участков. «Таковое право продажи... не только противно существующим на сей предмет законам, — указывал он, — но и вовлекло бы крестьян в неисчетные бедствия», — как показывают примеры однодворцев Великороссии, казаков и войсковых обывателей Украины, пожалованные земли которых «в течение менее ста лет перешли в руки богатых владельцев».[1]

Ф. А. Дурасов отвергал также возможность установить платеж государственных податей и оброков с земли.[2] Различная плотность населения, колебания цен, необходимость специального межевания всех земель в России, неуверенность правительства «в получаемых им по сему предмету доходах»[3] препятствовали, по его мнению, такой налоговой реформе.

Наконец, Ф. А. Дурасов считал невозможным и разделение крестьянских земель, предлагаемое Н. В. Зубовым. Земельный участок от гумен во всю длину полей составил бы треугольник, «вершина коего... простиралась... сторонами на несколько верст». Межевание земель «правильною окружностью» автор критических «представлений» также не считал приемлемым, ибо при нем досталась бы одним «удобная, а другим неудобная земля». Однако, возражения Ф. А. Дурасова в данном случае не являлись принципиальными; он также выступал за ликвидацию чересполосности крестьянского землепользования. «Что касается до предположения г. Зубова, — писал он, — дабы для прекращения беспрестанных переделов земель выделить крестьянам вечные участки... то сию мысль нахожу весьма удобною и полезною, исполнение которой, прекратя дальнейшие раздоры, всякий раз при дележах случающиеся, понудит крестьян к усугублению трудов для лучшего удобрения и обработки полей их, кои уже будут почитать как бы родовою своею собственностью».[4] Ф. А. Дурасов предлагал, применительно к казенным крестьянам, «делать *выселки* из больших селений малыми деревнями» для отвода каждому крестьянину отдельного участка и, не ликвидируя чересполосицы, закреплять «во владение» полосы «жеребьевых участков». Крепостные крестьяне «землю жеребьевых участков» также должны получить «в вечно непеременяемой наем», — указывал он, платя помещику оброк «по условию» или работая три дня в неделю на барщине. «Помещик не должен, — писал Ф. А. Дурасов, — сих участков земли менять между крестьянами, а стараться при перемене тягол, чтобы

[1] Труды ВЭО, 1821 г., кн. 72, стр. 227—228 (в нумерации страниц книги 72 «Трудов» путаница. — *Н. П.*).

[2] За исключением казенных поселян, «владеющих землями на крепостном праве», казенных поселян, земли которых являются «собственностью их семейств», платеж государственных и общественных повинностей с которых А. Ф. Дурасов, как и Н. В. Зубов, предлагал взимать по количеству обрабатываемой земли.

[3] Труды ВЭО, 1821 г., кн. 72, стр. 226.

[4] Там же, стр. 228.

жеребьи отцов отдавались детям или ближайшим их родственникам, для уверенности крестьян к лучшему удобрению их земель».[1]

Вопросы уничтожения чересполосицы у крестьян, поднятые помещиком промышленной полосы России, вопросы установления «вечно неперемениемого найма» земли толкали помещика на постановку вопроса о капиталистической аренде.

Они целиком смыкались с проектами установления в России арендных поземельных отношений (В. Стройновский). В 1809 г. в гор. Вильне вышла книга «Об условиях помещиков с крестьянами» польского шляхтича гр. Валериана Стройновского, вызвавшая целую бурю в лагере великороссийских крепостников. Гр. Стройновский, считая, что помещики «рано или поздно» поймут необходимость «увольнять крестьян от крепостного и рабского состояния, с тем чтобы делать с ними добровольные договоры о земле»,[2] рекомендовал личное безземельное освобождение крестьян с последующим заключением наследственных арендных контрактов с ними. Арендная плата, по мнению его, могла быть вносима натурою или деньгами или отрабатываема на земле помещика.[3] Из всех видов аренды В. Стройновский явно предпочитал последнюю,[4] и его идеалом в аграрном вопросе являлся «свободный» наследственный арендатор, по существу мало чем отличающийся, — заметим мы от себя, — от крепостного барщинника.

Идеи уничтожения чересполосности крестьянского землепользования были в ВЭО господствующими.

«Земля в общем владении и при частой перемене владельцев никогда хорошо не может быть возделана, — говорил непременный секретарь общества С. С. Джунковский в связи со спорами о статье Н. В. Зубова, — желательно бы было, чтобы всякий хозяин имел свой участок особо, которым бы он один мог пользоваться без участия или сообщества других».[5]

Вслед за ВЭО против «черезбоярщины» земельных владений, переделов и чересполосиц выступали многие помещики первой четверти XIX в. Упомянутый уже Стройновский, в 1810 г. Н. С. Мордвинов, выработавший законченный проект выдела земель к одному месту через уездный суд,[6] харьковский помещик В. Н. Каразин, решительный сторонник наследственного землепользования,[7] московский помещик А. Рознотовский, горячий пропагандист «нового земледелия» по методе Шубарта фон-Клеефельда, с плодосменной системой полеводства, посевом клевера и стойловым содержанием скота, полагавший,

[1] Труды ВЭО, 1821 г., кн. 72, стр. 237.

[2] В. Стройновский. Об условиях помещиков с крестьянами, Вильна, 1809, стр. 1.

[3] Там же, стр. 67.

[4] Там же, стр. 156—157.

[5] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 106, журнал Общества за 1822 г., лл. 22—23.

[6] Н. Н. Заколпянский, Граф Н. С. Мордвинов, Вязники 1910, стр. 36.

[7] «Русская старина», 1871 г., т. III, письмо В. Н. Каразина к слободско-украинскому губернатору И. И. Бахтину от 30 января 1810 г. из Москвы.

что к «исправлению деревень» необходимо «особенное» владение и такое разделение земель, чтобы «каждый крестьянин имел участок свой поближе ко двору его»[1] известный московский же помещик-предприниматель Е. И. Бланкеннагель, попытавшийся расселить крестьян своих в Звенигородском уезде «отдельно дом от дому, назначив каждому потребное число земли вокруг и сколько можно ближе»[2] (расселено было до 20 дворов), и сенатор Захаров — автор только-что названной брошюры, сторонник «вечного владения» — все они осуждали эту «вредительную» сторону поземельных отношений дореформенной деревни и предлагали ликвидировать ее.

Стремление поставить «новое земледелие», организовать «рациональное» хозяйство еще в XVIII в. привело помещика-предпринимателя прежде всего промышленной полосы России, где дворянство меньше дорожило землей (помещик сельскохозяйственных, черноземных губерний не имел никакого желания закреплять землю за крепостными крестьянами), к идее участкового, подворного землепользования. *Только боязнь крестьянской революции и тревога за обеспечение рабочей силой своего поместья в середине XIX в. вернули помещика к защите сельской общины.*

Наконец, либеральное дворянство промышленной полосы России поставило в этот период вопрос о свободном обороте земель. Мы уже видели, что Н. В. Зубов предлагал разрешить крепостным крестьянам продажу земельных участков. С. Джунковский в своем неоднократно упоминаемом нами ответе на задачу, «какие надлежит принять меры», чтобы возбудить «дух деятельности, ревности и прилежания» в крестьянах и других нижнего состояния людях, одобряя закон 12 февраля 1801 г., отмечал, что «позволение покупать для себя землю одно может вселить охоту к стяжанию», и предлагал «положить некоторые правила», по которым и «*казенные земли покупать* можно», так как это важно и для государства и для крестьянина, — указывал С. Джунковский, — «поелику умножился бы через то доход продажею, купно с платежем известного оброка; и для каждого крестьянина, понеже умножение неотъемлемой и непеременяемой собственности побудит его к лучшему обрабатыванию и хозяйству».[3] Л. Якоб также полагал, что «к совершенному пользованию землею нужно дозволить беспрепятственный переход оной».[4]

Дворянская мысль к началу XIX в. проделала любопытную эволюцию от защиты программы интенсификации поместного хозяйства путем организации полицейского порядка на барщине, путем закрепления внеэкономического принуждения, к убеждению, что понуждение и «казни» бессильны и что поднимать производитель-

[1] «Новое земледелие, основанное на правилах тайного советника Иоанна-Христиана Шубарта фон-Клеефельда, изданных на немецком языке в 1786 г. третьим тиснением. Писано Московской придворной экспедиции членом Андреем Рознотовским», 1794, т. I.

[2] Захаров, Усадьбы, или новый способ селить крестьян и собирать с них помещичий доход, Спб. 1801, § 2.

[3] Труды ВЭО, 1804 г., кн. 56, стр. 43—44.

[4] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 97.

ность крепостного труда и увеличивать доход помещика следует не иначе, как мерами собственной пользы крестьянина, ограничением и регулированием его повинностей в пользу помещика, уничтожением чересполосицы, установлением «вечно неперемениемого найма земли». Либеральный помещик начала XIX в. считал необходимым пойти на расширение экономической самостоятельности крепостного крестьянства.

Резкая критика барщинной и оброчной системы крепостного хозяйства (а дворянский либерализм был сильнее в критике, чем в положительной программе) привела либерального помещика и его идейных оруженосцев к постановке вопроса о реформе поместного хозяйства в направлении капиталистической аренды. Дворянское поместье разлагалось. Либералы искали новых путей его развития, соответствующих новой эпохе.

3

Программа установления арендных поземельных отношений, «вечно неперемениемого найма» земли, родившаяся в результате реформаторских потуг дворянства, стремившегося преобразовать поместное хозяйство, привела либералов начала XIX в. к прямой защите вольнонаемного труда в сельском хозяйстве. Конец XVIII в. завещал XIX в. отдельные решительные высказывания в пользу наемного труда против крепостного. Еще в 1790 г. в «Трудах» была напечатана любопытная статья «О Санкт-Петербургской житнице», принадлежавшая «Неизвестному доброжелателю»,[1] который предлагал грандиозный план осушения, расчистки, подравнивания и распашки всех окрестностей Петербурга для создания около столицы своей житницы. Для Петербурга, по мнению нашего автора, было потребно, если считать в нем до 150 тысяч жителей «и полагать на продовольствие каждого человека по три четверти в год одной ржи, да постольку же ярового, для круп, на корм скота и протчего»,[2] — 450 тысяч четвертей ржи «и столько же другого различного зерна на каждый год». Для обработки 250 «займок», с которых можно получить данное количество хлеба, считая урожай по шести четвертей с десятины, требовалось в летнее время 9000 работников. «Неизвестный доброжелатель» и мысли не допускал об обработке пригородных сельскохозяйственных имений крепостными крестьянами. «С самого начала,— читаем мы в статье «О Санкт-Петербургской житнице», — на вновь устроенные нивы нет ни малейшей нужды выселять пахарей, они отяготят только своим семейством здешнюю область, но должно обрабатывать их пахотою наемным народом по вольной цене, приуготовляя только жилье, лошадей и снасти; поселенные же крестьяне потому именно невыгодны, что они долженствуют работать 1) на себя и на свою семью, 2) на подати, 3) на прихоти собственные и их повели-

[1] Судя по ссылкам и примерам, с нижнего течения Вислы (район Данцига).
[2] Труды ВЭО, 1790 г., кн. 40, стр. 95.

телей; напротив того, нанятой батрак в сем времяни его труда принадлежит единственно на цель того, чего желает обладатель земель; отчего и происходит, что пять совершенных батраков более сработают на владельца земель, нежели 25 душ одного мужеска пола крестьян. . .» [1]

Примером «богатого хлебопашества, исправляемого наемными людьми», для нашего автора был Данцигский район, Вердеры, при устье Вислы. Не случайно представлял он себе имения на вновь распаханных землях вокруг Петербурга, как *крупное хуторское хозяйство*. Если правительство, «субсидировавшее распашку «околиц» Петербурга, почтет за тягость уработывать пахотою расчищенные земли», наш автор рекомендовал «отдавать их в «кортому». Если он и допускал возможность организации государственного хозяйства («от правительства приставленные домостроители»), то его основным аграрным идеалом, как и подавляющего большинства либеральных дворян, была отдача земель в аренду. Отдача земель в аренду «может учредиться всякая, — указывал «Неизвестный доброжелатель», — как то водится в европейских областях, например, на несколько лет, или совсем в наследную с принадлежащими только условиями, отчего и доходы с земель будут навсегда известные: но погодные кортомления будут тут не вместны и бесполезны, разве захочет их чинить уже кто из них частных кортомщиков, кои сами на многие лета станут от правительства пашни кортомить». [2]

Как видим, наш «Доброжелатель» допускал самые различные формы отдачи земель в аренду, вплоть до субаренды. Единственно, что, по мнению нашего автора, непременно должно было остаться в руках правительства, это «искусно заведенное» хозяйство или «школа хлебопашества». Идея образцовых хозяйств, школ, опытных заведений была весьма присуща предпринимательскому дворянству. «С.-Петербургская житница», — мечтал «Доброжелатель», — принесет столице «изобилие в хлебе всякого рода», увеличит количество «хлебопашцев», излишки хлеба «станут во множестве отпускаться и во внешнюю коммерцию», батраки-пахари разнесут «искусное земледелие по своим природным сторонам», оздоровятся «гнилые места» под Петербургом, мельничное искусство придет в «лучшее состояние», «на доставе хлеба и из житниц», «измоле в муку, крупу и прочее», расцветет городское мещанство.

Таким образом уже в конце XVIII в. отдельные представители либерального дворянства (статья «Неизвестного доброжелателя» была ВЭО одобрена и напечатана в «Трудах») ставили вопрос *о капиталистически организованном хуторском хозяйстве* под крепостным императорским Санкт-Петербургом.

Правда, эти идеи не получили распространения в ВЭО. Либеральный помещик после непродолжительных исканий решительно встал на позицию *откупной арендной* системы, которая, по его мнению, должна

[1] Труды ВЭО, 1790 г., кн. 40, стр. 81—82.
[2] Там же, стр. 104.

была стать столбовой дорогой крестьянской свободы и собственности и могла безболезненно для дворянства решить аграрный вопрос.

Кроме любопытной статьи «Неизвестного доброжелателя», можно отметить лишь одну задачу общества, получившую незначительные отклики в среде дворянства, — об организации помещичьей экономии на труде батраков, о постановке имения как капиталистической фермы.

В 1803 г. ВЭО предложило на разрешение следующую задачу: «Каковым образом на небольшой пожалованной, пустопорожней даче поблизости столицы сельское хозяйство учредить и производить, обрабатывая оную *наемными людьми*,[1] преимущественно же в рассуждении заслуженного обер-офицера, имеющего семейство, по крайней мере из шести человек состоящее, дабы оный от получаемых с нее произведений мог с семейством не токмо приличным образом себя содержать и избытки продавать, но и употребленные на нее издержки в назначенный срок возвратить, чтобы она наследникам его обратилась в прочную собственность? Почему вопрошается: *сколько потребно к таковому заведению земли, какого свойства почвы, сколько денег к заведению на таковой даче строения, сбруи, скотов обыкновенных и впряжных, и во сколько лет может сия земля все оное оплатить?*»[2]

Ни одно из четырех сочинений, полученных Обществом в ответ на эту любопытную задачу, в свое время не было признано удовлетворительным и, насколько мне известно, до нас не дошло. Задача продолжала идею «Неизвестного доброжелателя» и толкала мысль либерального дворянства на необходимость организации пригородных капиталистических ферм, ведущих все свое хозяйство наемной рабочей силой.

Однако нам кажется не случайным, что она не всколыхнула общественного мнения дворянства. Либералы искали решения аграрной проблемы на иных путях перестройки дворянских имений.

Значительную популярность идеи вольности и собственности, наемного труда и крестьянской эмансипации получили в ВЭО и в среде российского дворянства в первую четверть XIX в.

С особенной силой они были поддержаны остзейскими баронами, в частности Лифляндским экономическим обществом.

Едва ли не первым в ВЭО идею капиталистической аренды как пути к крестьянской свободе и крестьянской земельной собственности выдвинул в 1803 г. «частный человек из Лифляндии», известный в Остзейском крае агрономический писатель, непременный секретарь Лифляндского экономического общества В. Х. Фрибе. И это не случайно. Остзейские бароны, как наиболее передовые предприниматели, не раз указывали пути развития аграрной экономики великорусскому дворянству. В. Х. Фрибе прислал в Вольное экономическое общество

[1] Курсив мой. — *Н. П.*

[2] Курсив источника. — *Н. П.* В награду «за отличное на сию задачу ответное сочинение» Общество назначило медаль в 25 червонных из сумм министра народного просвещения М. П. Муравьева.

в Петербурге ответ на задачу о крестьянской промышленности. «Какие надлежит употребить средства, чтобы крестьянина научить такой промышленности или досужеству, которое бы ему и его семейству в зимнее время полезное упражнение доставить могло?» — спрашивала данная задача.

Из 21 ответа, полученного Обществом на эту задачу, сочинение В. Х. Фрибе было признано «большинством голосов (очевидно, имели место споры) лучшим и задаче удовлетворяющим», но напечатано было в «Трудах» [1] только после большого сокращения и обработки крепостническим «цензором». Либерал до смерти боялся гласности в решении крестьянского вопроса.

Были вычеркнуты целые абзацы, трактующие о крестьянском освобождении. Вот например вычеркнутое замечательное место рукописи В. Фрибе, вскрывающее основные установки либерального дворянства. «Начально крестьянам в состоянии еще крепостных отдавать землю в аренду (на откуп), — писал В. Х. Фрибе, — за что они, равно и за себя лично, взносить [должны] ежегодно доходы капитала, каковой цены они и поместья стоют... По мере того как крестьянин, яко приписанный к земле, соделается зажиточнее и просвещеннее, можно ему на тех же условиях даровать вольность и право собственности. Именно, чтобы господин, уступающий сии права, ни малого не лишился из своего капиталу. Крестьянин в сем случае платит либо единожды навсегда сумму за себя, свое семейство и свою землю, или оставляет сей капитал на себя в своем потомстве и своей земле и продолжает платить доходы с сего капиталу. Если останется, на основании последнем, должен он иметь свободное право на том же условии землю уступить другому, т. е. он хотя своею особою и с семейством хотя свободен, но не имеет еще собственности, потому что он не как первый крестьянин за оную господину своему еще не заплатил. Таким образом, исподволь, посредством откупа, а потом наследственного откупа можно крестьянам доставить свободу и право собственности. Без свободы и обеспечения собственности дух досужества и деятельности никогда распространиться не может». [2]

Таким образом лифляндский эконом предлагал великорусскому помещику переводить крестьян на положение вечно-обязанных (наследственный откуп) и, наконец, посредством *выкупа* отпускать их на волю и даже давать возможность приобретать им землю в собственность.

Проект В. Х. Фрибе *родился на остзейской почве. Передача земли крестьянству если и допускалась остзейским помещиком* (В. Х. Фрибе не исключал такой возможности), то *лишь постепенно и за выкуп*. «Дарование» свободы, и тем более собственности, возможно только «исподволь», — предупреждал В. Х. Фрибе, — и не иначе как приготовив крестьян к «великой барской милости». Все дворянские либеральные «прожекты» подходили с душевным трепетом к крестьянскому

---

[1] Труды ВЭО, 1804 г., кн. 56.
[2] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 446, лл. 9—10.

освобождению и в этой «великой реформе» преследовали исключительно свои помещичьи интересы. «Труднейшей проблемой в государственном хозяйстве», по заявлению В. Х. Фрибе, являлось удовлетворение помещика и крестьянина, «чтоб один ничего не потерял, и со всем тем другой бы выиграл».[1] Ясно само собой, что крепостной крестьянин не мог ничего получить, если его помещик ничего не терял. В. Х. Фрибе из боязни вплотную подойти к коренным проблемам феодально-крепостнического общества и громко провозгласить идею крестьянского освобождения, советовал проводить крестьянскую реформу и приготовлять к ней крепостное крестьянство таким путем, «чтоб крепостные крестьяне не заметили (?!? — *Н. П.*) намерения, каковые правительство и наследственные владетели с тем соединить желают».[2]

Нечего сказать, хороша свобода, прихода которой не заметит угнетенный, замученный барскими повинностями и крепостным гнетом крестьянин! Либерализм начала прошлого столетия был либерализмом российского *помещика.*

Во всю ширь вопросы реформирования крепостной аграрной экономии в арендно-откупную систему, вопросы вольнонаемного труда в сельском хозяйстве, крестьянской свободы и земельной собственности были поставлены в Вольном экономическом обществе в связи с обсуждением известной конкурсной задачи 1812 г. На ее постановке безусловно сказывались, как и вообще на взглядах либерального дворянства, передовые идеи века, — идеи буржуазной политической экономии, идеи смитианства. Эта замечательная задача гласила: «Полагая за правило, во-первых, что всякая работа исправляется лучше и успешнее, когда работники имеют верное за оную воздаяние, и во-вторых, что всякая работа, судя по употребленному времени и силами имеет свою цену; и входя в подробные расчеты, сколько стоила бы работа крепостных людей, если бы они в то же время работали по найму у других, по добровольным условиям, и сколько работники собственные хуже и медленнее работают нежели наемные и от того дороже обходятся, — предлагается к разрешению: определить по точным выкладкам времени, доброты и цены работы, что выгоднее для хозяина — обрабатывать ли землю наемными[3] людьми, где их найти можно, или собственными крестьянами».[4] В ответ на эту задачу ВЭО получило 14 сочинений: 7 авторов высказывались за вольнонаемный труд, семь — за крепостной; 11 ответов из 14 были написаны на русском языке и три на немецком. Три сочинения были признаны ВЭО лучшими и напечатаны. Первая награда в 100 червонных была присуждена сочинению под девизом из Горация «Блажен, кто обрабатывает отцовскую землю своими быками», принадлежащему известному уже нам профессору харьковского университета Л. Якобу. Л. Якоб —

---

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 446, л. 9
[2] Там же.
[3] Потом заменено «вольнонаемными».
[4] Награда за решение задачи предоставлена Н. П. Румянцевым.

решительный сторонник обработки земли вольнонаемными людьми. Свобода влечений — рычаг хозяйственного домостроительства.

Л. Якоб отмечает, что крепостной едва в половину выработает против вольного наемника, вольный должен сам содержать своих детей, больных и стариков, вольный обязан вознаградить за причиненный им вред, если вольный ленив и ведет себя непорядочно, то владелец в одно мгновение может его удалить, а на место его взять лучшего, владелец с вольными работниками поступает бережливее, изыскивает самые лучшие способы работы, стремясь с помощью машин и проч. больше произвести. В силу этих обстоятельств «удобно усмотреть можно», — говорил Л. Якоб, — что вольная работа дешевле, нежели принужденная. Подробные сравнительные вычисления годовых издержек на работу крестьянского тягла, в которых учитывались и проценты от капитала, употребленного на покупку крестьян, одного тягла, и потеря дохода от земли, находящейся у крепостных (пахота, сенокос, лес), и пособия, делаемые крестьянам и пр., а также годовые издержки на двух вольнонаемных работников (1 мужчину и 1 женщину), подтверждали выгодность вольнонаемного труда.

Если в имении кн. Мещерского 650 крепостным работникам определяется сжать хлеб на 100 десятинах в 16—17 дней, то в Англии,— утверждал Л. Якоб со слов Артура Юнга, — такое же количество *вольных работников* в то же самое время может сжать хлеб на 1050 десятинах.

Доктор философии, сторонник личного освобождения латышей от крепостной зависимости Гарлиб Меркель, автор второго награжденного ответа на интересующую нас задачу 1812 г., также выступал за вольнонаемный труд.[1]

Руководствуясь и «последствиями опытности» (Г. Меркель имел «доходное поместье», обрабатываемое вольными работниками) и «умозрением», наш автор доказывал, что вольнонаемный труд «в половину дешевле» крепостного.

Г. Меркелю казалось, что «из самой человеческой природы» можно заключить, «что при равной силе и искусстве те более будут работать, которые имеют в виду более побудительных причин».[2] От крепостного с трудом можно ожидать «добровольного напряжения сил». Свободу от барщины «почитает» он «за счастье», — указывал Г. Меркель.

Опираясь на знаменитого автора буржуазно-агрономической системы—А. Тэера, Г. Меркель доказывал, что среди крепостных работников «число нерадивых, слабосильных, непроворных и больных содержится к числу прилежных, бодрых, проворных и здоровых, как 1 к 3», в силу этого для работы, которую могут «исправить» 30 вольнонаемных, помещику приходится «в готовности иметь» 40 крепостных. Обработка барской пашни крепостными крестьянами не обходится

[1] Третий награжденный и напечатанный ответ — крепостнический. О нем см. стр. 143 и сл.

[2] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 109.

помещику «*без всякой платы*»,[1] — убеждал Г. Меркель крепостников, и, исходя так же, как и Л. Якоб, из принципов буржуазной политической экономии, считал, что она стоит «ежегодных процентов [с] употребленной на покупку крестьян суммы» и «процентов того капитала, который употреблен владельцем на покупку земель».[2] Кроме того, помещик «доставляет» крепостным крестьянам «все содержание чрез отведенную им землю, которую они обрабатывают руками, помещику принадлежащими».[3]

Издержки на «пропитание» своих крестьян больше издержек на вольнонаемных в первую очередь потому, что вольнонаемные поденщики «получают высокую плату только в те дни, в которые работают для помещика», — указывал наш автор, — крепостной же крестьянин «ежедневно» — с обрабатываемой им земли. Различные работы в поместном хозяйстве в различное время года требуют различного количества работников. Помещик, обрабатывающий землю свободными людьми, «потребляет» столько «наемников», сколько ему необходимо в данное время, обрабатывающий же крепостными принужден «весь год содержать» столько крестьян, сколько требует наиболее трудоемкая работа в наиболее страдное время года.

Защитником вольнонаемного труда выступал, как это ни парадоксально на первый взгляд, и М. И. Швитков в своем ответе на ту же задачу 1812 г. с либеральным девизом: «По охоте и тяжелая работа легка, по неволе и легкая тяжела».[4]

У представителей южных и в особенности малонаселенных губерний (в данном случае очевидно сказалось украинское происхождение М. И. Швиткова) весьма причудливо переплетались идеи защиты барщины и вольнонаемного труда. Южному помещику приходилось наряду с барщинным хозяйством, нередко перерастающим в месячнину, применять и вольнонаемный труд. У М. И. Швиткова либеральные взгляды сплетались с явно крепостническими.

Опираясь на авторитет «славнейшего испытателя человеческих деяний» — Адама Смита, М. И. Швитков полагал, что крепостной крестьянин, «*раб оный лукавый и ленивый*», даже при надзоре и принуждении может сделать «в половину, а много как в две трети», против того, что сделает вольнонаемный. Прибыли от свободных работников «в половину больше»,[5] чем от «своих» крепостных.

«Охота всегда пуще неволи», — напоминал наш автор народную пословицу.

«Какая кому нужда доводить себя до крайнего напряжения своих сил, когда из того не только не предвидит себе особенных каких выгод, но и не надеется поправить себя после изнурения».[6]

---

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 114. Курсив автора. — *Н. П.*

[2] Там же, стр. 113—114.

[3] Там же, стр. 114.

[4] Этот ответ Швиткова был признан Обществом «хорошим, но неудовлетворяющим задаче» (ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал Общества за 1813 г., д. № 88, л. 216) и поэтому не напечатан.

[5] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, л. 305. Курсив автора — *Н. П.*

[6] Там же, л. 302.

Над вольнонаемными требуется меньший надзор, чем над крепостными, — утверждал М. Швитков. — При невыполнении «наемником» договора можно легко взыскать с него убыток, причиненный им помещику. И, наконец, с «вольнонаемными», — указывал откровенно дворянский публицист, — можно заключать какие угодно договоры, «хотя бы и в пользу одного господина клонящиеся».[1]

Из остальных четырех ответов на задачу 1812 г., высказывавшихся за вольнонаемный труд, нам известны лишь два: один — помещика юга России, признанный Обществом «хорошим впредь до соображения с другими»,[2] подтверждающий на «многолетних собственных» опытах выгодность «поурочного» наемного труда, и другой — под девизом «Свобода — первое право и первое благополучие человеческое», признанный неудовлетворительным и состоящий из большого количества громких, восторженных, высокопарных, но, заметим мимоходом, недостаточно грамотных фраз о *свободе*.

Либеральный помещик ставил вопрос о необходимости крестьянского освобождения, о необходимости вольнонаемной рабочей силы также в связи с обсуждением вопросов фабрично-заводского предпринимательства. Дворянин, втягивающийся в промышленное предпринимательство, острее чувствовал все недостатки крепостного принудительного труда. С особенной остротой в русских условиях стоял вопрос *о квалифицированной* рабочей силе. *Освобождение крестьян от крепостной зависимости*, хотя бы частичное, было условием (это поняли даже либеральные дворяне) создания класса «мануфактуристов» в России.

В 1821 г. ВЭО была опубликована задача *об отделении мастеровых от земледелия*. Либеральный помещик первой четверти XIX в. подошел вплотную к пониманию невозможности создать кадры промышленного пролетариата без раскрепощения крестьян. Один из авторов ответа на эту задачу под девизом «Ничего не бывает совершенного в произведениях человеческих без особенных поощрений», защищая награду, справедливость, милость, терпение, снисходительность, поощрение, определение к мануфактурам по собственной охоте, полагал, однако, что этого крестьянам далеко недостаточно. Необходимо также дарование крепостному населению свободы. «Хотите ли иметь успешность, обширность и совершенство в фабриках, не препятствуя ни мало земледелию, — положите непременною наградою за оные свободу. Все переменится: бедность уменьшится, нерадение уничтожится, соревнование будет вечною пружиною общего благоустройства. Трудолюбие возродится, обилие польется и человечество будет счастливо».[3] Эта лирическая тирада в защиту крестьянской свободы весьма показательна для мечтаний либерального дворянства.

Один из лучших ответов на задачу о мастеровых, один из обсто-

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, лл. 290—291.
[2] Там же, л. 309.
[3] Там же, л. 395.

ятельнейших трактатов по этому вопросу с девизом «Спеши медленно»[1] также высказывался за предоставление свободы крепостным «мануфактуристам». «Кажется, что в рассуждение сих главных фабрик не было бы затруднения сделать еще один шаг (кроме многочисленных мер по ограничению крепостного права. — *Н. П.*) к совершенствованию состояния мануфактуристов, — читаем в этом сочинении, — а именно, отпустить их совсем на волю, за известный в вознаграждение платеж, вносимый ими мало-по-мало помещику и сверх того под тем условием, дабы они оставались при фабриках некоторое определенное время».[2]

Таким образом ВЭО — организация помещика-предпринимателя — впервые в истории общественной мысли нашей страны поставило вопрос о необходимости создания особого класса фабрично-заводских рабочих, и в связи с этим дворянский либерализм выдвинул программу частичного освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Для ведения поместного хозяйства вольнонаемными работниками необходимы, — указывал Л. Якоб, — «великие капиталы и знатные годовые запасы, каковые разве *у немногих* частных людей находятся, точный надзор и порядок»,[3] тем более затруднительный, чем крупнее имение, и поэтому высказывался в первую очередь, продолжая мысль своих либеральных предшественников, за *откупную систему*, — за систему арендных поземельных отношений. «Естественнейший род» «пользования землей, не требующий много наличного капитала», по мнению Л. Якоба, заключался в установлении договорных отношений помещика с крестьянами, в выделении им «для собственного их употребления некоторой части земли с тем, дабы они за то известное число дней обрабатывали дворовые поля».[4]

Как видим, откупная договорно-арендная система Л. Якоба была похожа, как две капли воды, на барщинную систему крепостного хозяйства.

Договоры и контракты Л. Якоб рекомендовал помещику заключать не только со своими крестьянами, но и с вольными людьми. В последнем случае «земледельческий двор вольных людей» будет не чем иным, как «малой откупной оседлостью, которая за землю уплачивает работою откуп».[5]

Крестьянский двор, держащий откуп, должен иметь, — указывал наш реформатор, — «столько людей и столько скота, дабы одно тягло обращалось на господские, а другое на крестьянские работы».[6]

И в данном случае Л. Якоб, предлагая «новую» систему, повторял лишь зады крепостной экономии. Многие крепостники XVIII в., стремясь создать мощное тягло, предлагали именно таким образом распределить его силы между барской и своей пашней.

[1] В. И. Семевский полагает, что это сочинение принадлежит тому же Л. Якобу.
[2] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. 478, л. 297.
[3] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 71—72. Курсив автора — *Н. П.*
[4] Там же, стр. 72.
[5] Там же, стр. 74.
[6] Там же, стр. 75.

Система откупов — система аренды в земледелии, пропагандируемая Л. Якобом, предполагала в роли откупщиков арендаторов, богатых крестьян, обладающих капиталами. Именно в силу этого Л. Якоб не раз указывал, что «весьма ошибаются те, кои думают, что довольно одной свободы для лучшего обрабатывания земли, к тому потребно *знание хозяйства и капиталы*, но не менее того приверженность к порядку и прилежание, кои не всем свободным людям свойственны».[1] Колонисты на Волге, в Екатеринославской, Таврической, Петербургской губерниях свободны, «однако, хозяйство многих из них в худом состоянии» указывал наш автор.

С увеличением накопления капиталов у крестьян Л. Якоб предлагал перейти с «отработок» на денежный или «натурою хлебом» арендно-откупной договор. «Если крестьяне соделаются зажиточнее,— писал он, — то полезно бы было владельцу дать им тогда пространнейшие усадьбы и за новые угодья, прилежащие к прежним, требовать от них откупа не работою, но деньгами или натурою хлебом...»[2] Наконец, с развитием откупной системы и возрастанием «благосостояния земледельцев» следует практиковать, советовал Л. Якоб, помещикам не только временные, но и *наследственные* — «*вечные откупа*».

Откупа казались нашему автору «самым лучшим способом владения и пользования пространными землями», они были, по его мнению, удобнейшей формой «предоставления вольным людям обрабатывать свои поля за известные условленные выгоды».[3]

На позициях арендно-откупной системы стоял также и М. Швитков. По его свидетельству «попечительные господа» — землевладельцы — «помышляют о *препоручении свободным людям обрабатывать их земли — из найму, по добровольному* их между собою о плате за труд согласию, тем паче, что, как говорит господин Адам Смит, изнурение и ущерб невольников состоит совершенно на отчете господина их, или ему же делается в убыток; вольного же человека содержание и упадок состоит на собственном его отчете...»[4]

Переходя от обсуждения общих принципов свободы и собственности к применимости вольнонаемного труда и арендно-откупной системы в России, либералы в первую очередь отмечали, что «наемников» в России недостаточно.

Л. Якоб кроме того отмечал, что наемные работники в России «по малому своему числу», не имея недостатка в работе, «делают менее противу крепостных» и не дорожат помещиками. Однодворцы, колонисты и казенные крестьяне так заняты обработкой своей земли, что едва ли могут быть вольнонаемными рабочими. «По сей причине российским владельцам нет иного средства, как только своих крепостных людей поставить в таком положении, в котором бы они имели все побудительные причины прилежать к земледелию и довели бы оное до

---

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 60. Курсив мой. — *Н. П.*
[2] Там же, стр. 75.
[3] Там же, стр. 80—81.
[4] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. 473, л. 290. Курсив автора — *Н. П.*

такой степени совершенства, до какой доведено оно у вольных людей в других государствах».[1]

В России «нет недостатка», — писал Л. Якоб, — в примерах помещиков, доставивших «благосостояние» своим крестьянам и увеличивших свои доходы. Одни помещики, как гр. Чернышев в Волоколамском у., разделили крестьянские земли на «малые соразмерные участки — осьмаки», посылая на барскую пашню 3, $2^1/_2$, 2 из 6, 5 и 4 работников осьмака и обеспечивая таким образом обработку и дворовой земли и крестьянских полей, другие вместо оброка, взимаемого по числу мужских душ, «назначили оный по количеству десятин» и организовали крестьянские хозяйства и земельные угодья различной величины, третьи «отпустили своих крестьян на волю» и оставили им землю на известном оброке.

Заметим пока, что Л. Якоб всерьез считал оброчников свободными, отпущенными на волю крестьянами.

Все новые «учреждения» в поместном хозяйстве, — говорил Л. Якоб, — в силу отсутствия «законной твердости» в их организации, не имели выгодных последствий, каких от них следовало ожидать.

В своем сочинении харьковский профессор применительно к русскому помещику набрасывает план, по которому «владельцы великих или малых имений могли поделать в них учреждения о работе крестьян их, сколько возможно приближающейся к работе вольных людей, и потому могущей им принести самую величайшую пользу».[2]

Все дворянские имения Л. Якоб делил на малые (не более 100 дес.), средние (от 100 до 1000 дес.) и великие (свыше 1000 дес. пахотной земли). Помещикам, имеющим до 100 дес. земли, Л. Якоб рекомендовал всю крестьянскую землю взять себе, завести на ней новое хозяйство и вести его исключительно силами *наемных работников. Экспроприация крестьянских земель* — вот путь, на который благословляли либералы российское дворянство. Лишенных земли крестьян Л. Якоб считал необходимым или отпустить в отход, выдав «за платеж оброка», «покормежные паспорта», или оставить у себя наемниками. В последнем случае было бы лучше, если бы помещик остающимся у него крестьянам «предоставил такие выгоды, — отмечал Л. Якоб, — за кои они предпочли бы служение ему служению всем прочим».[3] Наиболее реакционному слою мелкопоместного, бедного, «оскудевающего» дворянства Л. Якоб предлагал заводить передовые «хлебные фабрики» и капиталистические сельскохозяйственные фермы, работающие на батрацком труде. В данном случае с особенной ясностью сказалась оторванность харьковского профессора от условий крепостной экономии начала прошлого века.

Владельцы, имеющие от 100 до 1000 дес. пашни, по предложению Якоба должны были разделить имения на три дачи, с особым управителем в каждой. Однако, в виду того, что трудно поставить доход-

---

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 81.
[2] Там же, стр. 87.
[3] Там же, стр. 90.

ное хозяйство «в сокрытии от глаз самого владельца», Л. Якоб советовал помещикам «удержать за собой лишь 200—300 дес. пашни, обратив большинство остальных земель «в *наследственные откупные дворы разной обширности*, которые бы он... за определенный и непременный оброк, с оставлением всех прочих обязанностей, отдавал крестьянам или желающим приобретать оные, имея достаточные капиталы». [1]

В виду того, что крестьяне и вообще «все хозяева» имеют различные способности и капиталы, Л. Якоб считал вредным выделять откупные арендные участки одинаковых размеров. Как выражение стремления российского либерального дворянства к арендному строю аграрных отношений, необходимо указать, что Л. Якоб предполагал *заведение помещиком благоустроенного хозяйства для сдачи в аренду.*

В поместьи, имеющем 1000 десятин пашни, должно быть по расчетам нашего автора:

1. В собственном хозяйстве владельца 300 десятин.
2. Под «откупными дворами разной обширности»:

а) у 4 «великих»	по 32 дес	128 дес.
б) у 20 «средних»	» 18 »	360 »
в) у 20 «мелких»	» 9 »	180 »
г) у 64 «дневнонаемных семей	по $^1/_2$ дес.	32 »

Жилища наемников должны быть или при дворе помещика или в селах вблизи этого двора. Крестьяне же арендаторы, держатели «откупов», должны быть расселены так, — отмечал Якоб, — «дабы всякий из них окружен был своими угодьями и мог пользоваться оными нераздельно в одном пространстве и независимо от всех прочих». [2]

Для либерального дворянства, пропагандировавшего фермерскую организацию хозяйства, как мы уже отмечали выше, необходимость сосредоточения «наемников» при дворе помещика, необходимость отвода каждому крестьянскому двору единого земельного участка, была общепризнанной, неоспоримой истиной.

Аналогично имениям «средним» Л. Якоб советовал «устроить и совершенно большие имения». [3] «Сии хозяйственные постановления,— писал Л. Якоб, — тем более будут успешны, чем более постараются вводить и наблюдать следующие законы: 1) Ни владелец, ни местное начальство, кроме повинностей, определенных договором или законом, не должны обременять крестьян самопроизвольными налогами, как-то: подводами, поставками и пр. Время и имущество их им только одним ненарушимо и неотдельно должно принадлежать. 2) Никогда не должно переселять их, земли их переменять или каким бы ни было образом мешать в хозяйстве их против воли. 3) Подать с земли имеет быть определена по числу десятин и по доброте земли, а не по числу

---

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 96. Курсив мой. — *Н. П.*
[2] Там же, стр. 89.
[3] Там же, стр. 100.

голов или душ. 4) Земледелец должен иметь совершенную свободу к употреблению своих произведений и торг оными, кроме как по законам, не должен быть ограничен. 5) Всякий хозяин должен иметь право на вольную продажу своей оседлости, определенное законом. 6) Дневные наемники и крестьянские дети должны иметь право наниматься, у кого они хотят. 7) Крепостное звание могло бы состоять в том, чтобы крепостной человек ежегодно платил своему владельцу оброк, составляющий только проценты от капитала, употребленного на покупку его».[1]

Большой план введения арендной — откупной системы в России, предложенный Л. Якобом, не выходил за рамки реформ крепостного хозяйства. Сохранялось внеэкономическое принуждение. «Договор» помещика с крестьянами не вступал в конфликт с «крепостным званием».

Либеральное дворянство стремилось при сохранении феодального землевладения и даже внеэкономического принуждения реформировать поместное хозяйство в капиталистическом духе. Пытавшийся иногда поднять голос в защиту «раба» либерал в лице Якоба взваливал на плечи крестьянства и арендную плату и оброк, тем самым еще больше его крепостнически закабаляя. А «смитианец» Михайло Швитков предлагал «освободить» крестьян от барщины и «обложить... двойною податью, которую предоставить им платить господину по их произволу, чем кто из них платить состоятельнее, произведениями ли какими или деньгами, как то уже обыкновенно, или работою какою-либо, но только добровольно, а отнюдь не принужденно».[2]

«Добровольность» в устах Швиткова, как видим, выглядела весьма по-помещичьи, весьма по-крепостнически.

Представители дворянского либерализма часто делали из общих либеральных принципов весьма мизерные практические выводы. А иногда эти выводы шли даже прямо в разрез с либеральными теориями. Так случилось и с нашим ученым корректором. Первые же попытки М. Швиткова сойти с высот принципов буржуазной политической экономии на грешную землю крепостного хозяйства и права показали меру его радикализма. М. Швитков в этом же самом сочинении, вступая в противоречие с самим собой, высказывался против «денежных наград» и «льгот крепостным крестьянам».[3]

Больше того, тот же М. Швитков, прославлявший вольнонаемный труд и свободный наем земель, ничтоже сумняшеся рекомендовал помещику отдавать «в наем», в работы своих крепостных крестьян. «Долго казалось странным, — пишет он, — отдавать своих рабов в услуги к чужим господам, но ныне почти уже то в обыкновении».[4]

Несмотря на все противоречия, или может быть в силу этих противоречий, проекты ВЭО об арендно-откупной системе являются бле-

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 101—103.
[2] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, л. 304.
[3] Там же, л. 299.
[4] Там же, л. 306.

стящим выражением стремлений либерального российского дворянства начала XIX в. реформировать строй крепостного барщинного хозяйства в направлении капиталистической аренды. Либералы Общества — горячие сторонники свободного труда, вольных наемных работников. Однако и у Л. Якоба и у М. Швиткова фигурировали в качестве арендной платы отработки и «произведения» земли, скрывавшие старые формы крепостного хозяйства — барщину и оброк.

Либерал стремился свести крепостные отношения к точно определенным повинностям, желая сблизить и *поставить в одинаковые экономические условия крепостного держателя «откупного двора» и свободного английского арендатора.*

Либеральный помещик нередко для обоснования своих новых идей прибегал к сочинениям буржуазных агрономических писателей. «Хозяйственные записки» [1] Общества в 1815 г. печатали «Правила земледелия, основанные на доказательствах», представляющие собой краткие извлечения из знаменитого сочинения выдающегося буржуазного агрономического деятеля Германии — Альберта Тэера — «Основание рационального сельского хозяйства». [2]

Совершенно не случайно «Хозяйственные записки» приводили раздел А. Тэера «О найме арендном», в котором последний решительно высказывался за наследственную аренду против временной. [3]

Арендно-откупная система лежала в плане аграрных идеалов прежде всего либерального помещика промышленной нечерноземной полосы Великороссии, дорожившего землей меньше своего южного собрата. Рассматривая оброк как ступень «к свободному найму земли», северный помещик, в условиях развития промышленного капитализма и нарастания крестьянского движения, пытался выработать проект аграрных реформ в направлении капиталистической аренды.

Однако, родственные идеи о реформировании дворянской экономии в духе откупа были не чужды и украинскому дворянству. Яркое подтверждение последнего мы видим в любопытном сочинении помещика Полтавской губ. «Деревня за глазами помещика» (1803 г.). Автор «Деревни» рекомендовал помещику «для вернейшего получения дохода» разбивать крепостных крестьян на четыре группы: 1) зажиточных — «действительных хозяев», 2) обыкновенных — «еще не зажиточных, но благонадежных», 3) «надежных быть хозяевами» и 4) «вовсе безнадежных» (какое выразительно подтверждение дифференциации полтавской деревни начала прошлого столетия!). Первостатейных наш автор считал необходимым по возможности оставить «без надзирания», в рекруты и господский двор не брать, земли предоставить им столько, сколько они потребуют. Если «нормальным» наделом наш автор считал 25 дес. на венец (3 души. — *Н. П.)*, то

---

[1] «Хозяйственные записки или собрание полезных опытов во всех частях хозяйства», ежемесячное издание Вольного экономического общества, 1812—1815 гг. (I—VIII т.).

[2] А. Тэер, Основание рационального сельского хозяйства, с примечаниями Н. П. Муравьева и Е. Крюда, М. 1830.

[3] «Хозяйственные записки», 1815 г., т. VIII, стр. 109.

«действительным хозяевам» он советовал отводить 50 дес. на венец. Автор «Деревни» предполагал, что *наемная рабочая сила* позволит первостатейным крестьянам обрабатывать значительные земельные участки. «Арендную» плату — оброк — автор предлагал установить: одну для своих крестьян — 1 рубль и другую для «чужих» — 1 р. 50 к. с десятины. Тогда «свои люди», указывал он, уверенные «в справедливости оной уплаты», будут «довольнее и охотнее» обрабатывать свое хозяйство.[1]

Второстатейных, «еще не зажиточных» хозяев полтавский помещик предлагал поставить в обычные условия оброчников, отвести им по 25 дес. земли на венец, присматривать за хозяйством, определить к ним «надежного человека приставом», плату за землю назначить «наравне с вольнонаемными» — по 1 р. 50 к. за десятину и установить ее *помесячный* взнос.[2] Наконец, автор «Деревни» рекомендовал помещикам «отдавать на волю» крестьянам второй статьи замену денежной платы платой натуральной. «Надежных быть хозяевами» изюмский дворянин советовал оставить на барщине и назначить «урочные» барщинные дни. У «вовсе безнадежных быть хозяевами» наш автор предлагал экспроприировать земельные наделы, оставив одну усадьбу, и отпустить их в отход на фабрики и заводы, в промыслы и работы, брать в рекруты и господский двор.

Крестьяне, обогащаясь различными способами, будут, — намечал наш либерал, — «поступать с третьей статьи во вторую, со второй в первую, а из сей *на волю*».[3] При этом выход крестьянина на свободу мыслился полтавским помещиком не иначе как за *выкуп*. «Полезно, нужно и должно как для помещика и остающихся при нем крестьян, так и выходящих на волю, а совместно для отечества, государя и его казны» (интересы казны полтавский помещик, как видим, путал с интересами дворянского кармана), — писал автор данного сочинения, — разрешить «получить выходную без малейшего задержания» каждому, «желающему заплатить от венца за три души мужеска пола, есть ли больше оных при нем не находится, по сто сорок рублей».[4] Такое распоряжение, читаем ниже, возбудит крестьян «ко всему доброму», ибо «за что награждается крестьянин свободою, то исполнено будет без сумнения».

Итак, и либеральное дворянство черноземных губерний также решалось ставить вопрос о реформировании барщинного хозяйства в направлении капиталистической аренды. Не случайно полтавский помещик рекомендовал все остальные земли (сверх крестьянских наделов) *отдавать на откуп за наличные деньги* и предлагал заводить оборудо-

---

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 522, л. 34.

[2] Помесячный взнос «аренды» — оброка — это выразительное влияние нового времени. Помещик нуждался в деньгах, боялся невыплаты оброка в конце года, не хотел и слушать о недоимках и поэтому выдвигал подобные «прожекты». Даже английский откупщик не вносил арендную плату помесячно.

[3] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 522, л. 49. Курсив мой. — *Н. П.*

[4] Там же, лл. 49—50.

банные хуторские хозяйства не менее чем на 50 дес. земли для сдачи в аренду.[1]

Но на ряду с этим следует отметить, что проект полтавского помещика ставил своей целью в первую очередь предельно использовать все силы поместья, получить денежную ренту с оброчных хозяйств «середняков» и отданных в наем крепостных рабочих, перестроить поместье сообразно новым экономическим условиям так, чтобы была обеспечена обработка всей земли мощными зажиточными *крепостными* хозяевами, работающими на *вольнонаемном* труде. Проект полтавского помещика дает таким образом яркий пример *«феодально-капиталистического» (Ленин)* пути дворянского поместья.

Что одной из решающих причин, обусловливающих появление дворянского либерализма, было крестьянское движение, это прямо отмечали отдельные авторы либеральных сочинений. Либеральный помещик понимал, что усиление крепостного гнета и укрепление внеэкономического принуждения может поднять волну крестьянского движения и поставить под угрозу существование крепостнического общества в целом. «Великий вред» обществу — довести крестьянина «до упадка духа подданнического усердия и постоянства»,[2] довести до «исступления», когда он может «посягнуть на все», — указывал трезвый, практичный «консервативный либерал» М. И. Швитков.

«Бедствие и унижение народное, бедность и пагуба государства,— восклицал автор сочинения под девизом «Свобода — первое право и первое благополучие человеческое», — убеждают нас в том, что несовместное с правами природы, ни с законами божескими рабство постыдно и *погубно* для рода человеческого».[3]

Эти мимоходом брошенные слова проливают яркий свет на смысл и классовую подоплеку попыток либерального дворянства сгладить острые углы внеэкономического принуждения, смягчить противоречия крепостной системы, наметить пути утверждения свободы и собственности крепостных крестьян. Опасности крепостного режима в условиях развития крестьянского движения для либералов были совершенно ясны.

Крестьянские движения и силы экономического развития, втягивающие Россию на путь капитализма, явились основными причинами начала кризиса феодально-крепостнической системы и возникновения либерального движения в среде российского дворянства.

Процесс разложения поместного хозяйства и развитие предпринимательской деятельности среднего дворянства подготовили медленную капитализацию «российского шляхетства» и появление дворянского либерализма. Передовой слой среднепоместного дворянства наиболее развитых капиталистических районов (Центрально-промышленный район, Украина и южные губернии) в начале прошлого века, испытав на себе разлагающее влияние развивающихся товарно-денежных отно-

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 522, л. 57.
[2] Там же, л. 302.
[3] Там же, л. 372. Курсив мой. — *Н. П.*

шений и промышленного капитализма, вступил в полосу дворянского либерализма и попытался сформулировать *программу приспособления поместного хозяйства к развивающимся капиталистическим отношениям, программу приспособления капитализма к модернизированному поместному хозяйству, попытался наметить программу развития поместья по «феодально-капиталистическому пути»*. Не случайно в Вольном экономическом обществе этого периода получила большую популярность классическая буржуазная политическая экономия в лице Адама Смита и буржуазная система агрономических знаний в лице Альберта Тэера.[1]

Не случаен также интерес либералов к Норфолькскому севообороту, к Артуру Юнгу, Дж. Миллсу, И. Туллю, маркизу Рокингему и др. как практикам английского земледелия, так и агрономическим буржуазным писателям Англии.

Либеральное дворянство стремилось свести крепостное право к арендному обязательству, к арендной плате за землю. Строй временных, наследственных, «вечных» откупных дворов должен был постепенно заменить существующее в России барщинное хозяйство. Российскому либеральному дворянству казалось, что от оброчника к арендатору — один шаг и что провести аграрную реформу в крепостной России можно было легко и «нечувствительно» путем установления арендно-откупной системы, системы свободного найма земли. Крупнейшие помещики империи, крестьяне которых сидели на оброке, не возражали против такой реформы и, как мы видели, пытались предпринять кое-какие шаги в этом направлении (попытка 1820 г. учредить общество по освобождению крестьян).

Либеральное дворянство в ВЭО в связи с постановкой вопроса об арендно-откупной системе попыталось также обосновать (разумеется, весьма трусливо и нерешительно) необходимость крестьянской свободы, необходимость освобождения крестьян от крепостной зависимости. Однако следует подчеркнуть, что голоса против крепостного права за стенами императорского ВЭО звучали *значительно сильней и резче* (М. М. Сперанский, Н. И. Тургенев, А. Н. Радищев, И. Пнин, декабристы).

Либеральные помещики ВЭО, как и многие дворянские прожектёры того периода (В. Стройновский, В. Малиновский, Н. С. Мордвинов, А. Малиновский, будущий декабрист Якушкин и др.), выдвигали программу *безземельного освобождения крестьян*, ставили вопрос о выкупе личности крестьянина (В. Х. Фрибе, полтавский помещик, автор «Деревни за глазами помещика»), а также о выкупе крестьянином своего земельного участка.[2]

Дворянский либерализм родился в эпоху подготовки и начала крестьянских реформ в России (1816 — 1861 гг.). Это свидетельство-

---

[1] Об Альберте Тэере см. «Хозяйственные записки» 1815 г., т. VII, стр. 60; «Круг хозяйственных сведений» пропагандировал его «Annalen des Ackerbaues».

[2] И в последнем случае либералы ВЭО говорили языком помещичьих проектов (см. проекты Н. С. Мордвинова, Киселева, Берга),

вало о том, что передовое дворянство осознало необходимость приспособления к капитализму, а не борьбы с ним (арендно-откупная система), постепенного врастания крепостного хозяйства в капиталистические отношения, а не противопоставления им этого хозяйства, освобождения крестьян и постепенной замены внеэкономического принуждения экономическим, осознало необходимость этих мероприятий *во имя сохранения своего господства как класса.* Нам кажется несомненным стремление дворянских либералов приспособить поместье к буржуазным отношениям и реформировать его в духе капиталистической арендной системы, ценою беспощадной экспроприации крестьянских земель поставить поместье на новые рельсы.

Представители дворянского либерализма положили начало выработке помещичьей программы «освобождения», программы 19 февраля 1861 г., программы, которая в конечном счете шла по линии «прусского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

Дворянский либерализм начала прошлого века раскрывает картину генезиса идей медленного перерастания крепостнических, дворянских хозяйств в буржуазные хозяйства, превращения массы крестьян в безземельных батраков, кулацкой верхушки — в арендаторов помещичьих земель, идей врастания дворянского поместья в капитализм, идей буржуазного перерождения феодально-крепостного хозяйства.

Декабристы, выступившие на борьбу за буржуазный общественный порядок, вышли из тех же кругов передового либерального дворянства. Нам кажется правильной мысль о том, что от представителей дворянского либерализма первой четверти XIX в. — от В. Фрибе, Л. Якоба тянется нить через Н. Муравьева и Якушкина к Кошелеву и Кавелину, Бобринскому и Столыпину. Декабристы ушли дальше «прожектов» ВЭО, переступили Рубикон, хотя робко и нерешительно, но сменили критику словом — критикой оружием и явились перед нами дворянскими революционерами — представителями первого этапа освободительного движения в России. Холопствующий верноподданнический дворянский либерализм искал решения «фундаментальных» социальных проблем на путях буржуазных реформ, *проводимых царизмом.*

Если всякий либерализм нерешителен, бесхребетен и половинчат, то *либерализм российского дворянства в силу помещичьей природы его носителей, слабости промышленной буржуазии был наихудшим образцом этого социального явления.*

Если история либерализма вообще есть история «измен, трусости, сделок с правительством, угодничества», как писал В. И. Ленин в статье «Павел Зингер»,[1] то история дворянского либерализма в России есть цепь жалких «рабьих» попыток передовых дворян статьями, докладными записками, «представлениями» усовестить правительство, убедить его в необходимости реформ в буржуазном духе. Робость и

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 112.

узость мысли, любовь к фразе являлись неотъемлемыми чертами дворянского либерализма.

На всех «прожектах», планах, докладных записках и мнениях либеральных дворян лежит печать половинчатости, колебаний, нерешительности и трусости.

Стремившееся к буржуазным реформам при сохранении феодального землевладения либеральное дворянство трусливо делало шаг вперед, спеша тут же отступить на два шага назад.

Провозглашенная дворянским либерализмом буржуазная идея свободы сводилась на-нет условиями крестьянского освобождения за выкуп, переходным периодом от труда крепостного к труду вольнонаемному и стремлением сохранить после «освобождения» элементы внеэкономического принуждения. Буржуазную идею собственности либералы также сводили на нет, сохраняя феодально-крепостническое землевладение и предлагая безземельное освобождение крестьян. Идею арендных капиталистических отношений либеральное дворянство России сводило к установлению «откупных дворов», на практике мало отличающихся от крепостных оброчных и даже барщинных дворов. Свободный фермер Англии приравнивался либеральным дворянством к русскому оброчному крепостному крестьянину. Последний рассматривался как свободный, в плане арендных капиталистических отношений.

Провозглашая идею вольнонаемного труда и в промышленности и в сельском хозяйстве, либеральное дворянство России даже в своих «прожектах» сохраняло крепостной, принудительный труд. Все проекты крестьянской реформы, рожденные дворянским либерализмом начала прошлого века, прежде всего и больше всего заботились о выгодах помещика. Либералы, как и весь класс помещиков, стремились в первую очередь к сохранению экономического и политического преобладания и верховенства российского дворянства. «Либералы хотели, — писал Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция», — «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени».[1]

Обнаруживая на каждом шагу свое стремление рассуждать «по-рабьи», дворянский либерализм не находил в себе сил на такое проявление исторической самодеятельности, которая могла бы разрубить гордиев узел крепостного режима. Об уничтожении самодержавия либералы, как известно, не смели и заикнуться. М. М. Сперанский — автор конституционных проектов, ограничивающих «самовластие», был удостоен отставки, пензенской и сибирской ссылки.

В либеральных проектах безземельного освобождения крестьян и установления выкупа за личность интересы класса помещиков выступали особенно откровенно.

Ленин указывал: «. . .несомненно, что чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении, чем дешевле бы они ее полу-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XV, стр. 144.

чили, тем быстрее, шире, свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем скорее исчезли бы остатки крепостнических и кабальных отношений, тем значительнее был бы внутренний рынок, тем обеспеченнее развитие городов, промышленности и торговли».[1]

Безземельное освобождение миллионов крепостного населения России неизбежно привело бы к восстановлению в той или иной форме крепостного, барщинного хозяйства. Два обстоятельства, — отмечал В. И. Ленин, — подтверждают правильность этого последнего положения: «...1) на почве малоземелья и тяжести податей у нас в очень значительном районе развилась отработочная система частновладельческого хозяйства, т. е. прямое переживание крепостничества, а вовсе не капитализм; 2) именно на наших окраинах, где крепостное право либо вовсе не было известно, либо было всего слабее, где крестьяне всего менее страдают от малоземелья, отработков, тяжести податей, там всего больше развился капитализм в земледелии».[2] Сохраняемое в полной неприкосновенности дворянское, крепостническое землевладение было также фактором, восстанавливающим крепостное хозяйство. Делая уступку «духу времени», стремясь реформировать поместное хозяйство в капиталистическом направлении, либеральное дворянство, однако, не сходило с позиций своего класса, с *позиций класса помещиков*.[3] В этом корень всей противоречивости его платформы. «Пресловутая борьба крепостников и либералов, — говорит В. И. Ленин, — столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти».[4]

«Раздутый и разукрашенный» либерализм первой четверти XIX в. был предметом внимания большого количества историков домарксистских школ и направлений. Наиболее выдающимися представителями буржуазной и либерально-народнической историографии, оказавшими огромное влияние на всю немарксистскую литературу последних

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 95.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 494.
[3] В свете этих фактов видеть подобно С. Томсинскому либералов эпохи разложения феодализма в лице Матвея Башкина, Ивашки Пересветова, Вассиана Патрикеева, Феодосия Косого, Ермолая-Еразма и других публицистов XVI века значит производить невероятное модернизаторство и обнаруживать детскую методологическую беспечность. Впрочем для струвианца С. Томсинского, сторонника теории второго издания крепостничества в России, постулировавшего наличие разложения феодализма в XVI в., это понятно и закономерно. (См. «К вопросу о «старом» и «новом» феодализме». «Хозяйство крупного феодала XVII века», ч. 1, стр. LVII, «Очерки истории феодально-крепостной России», Соцэкгиз, 1934, стр. 21 и след.).
[4] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 143. Курсив Ленина. — *Н. П.*

сорока примерно лет, были буржуазный либерал А. Н. Пыпин [1] и либерал-народник В. И. Семевский. [2]

Мотивы А. Н. Пыпина и В. И. Семевского слышатся еще и теперь в сочинениях отдельных историков. С. В. Вознесенский в своих очерках «Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800—1860 гг.» [3] принижает крестьянское движение до роли половинчатого пресловутого монархического либерализма и по существу рассматривает борьбу крепостников и крепостнического государства против либерализма в качестве основной или одной из основных линий классовой борьбы дореформенной эпохи.

4

Либерализм начала XIX в. не был массовым течением в среде российского дворянства. Класс помещиков в своем огромном большинстве и в эпоху так называемого «правительственного либерализма» незыблемо стоял на позициях защиты крепостного хозяйства и права. Класс помещиков отметал прочь все «прожекты» «близоруких либералистов» и поднимал протест не только против отмены, но и против ограничения крепостного права. В этом коренная причина колебаний и «двуличия» Александра I. Голоса либералов тонули в крепостническом хоре дворянства. Не делали либералы погоды и в ВЭО. «Есть еще весьма много сельских хозяйств в России, — говорил С. С. Джунковский в торжественном заседании 8 марта 1816 г., в день пятидесятилетнего юбилея Общества, указывая на «малый расход книг» и «особливо несовершенство присылаемых дворянами проектов»,—которые *не только не воспользовались на самом деле предложенными* (Обществом. — *Н. П.*) *средствами, но и едва ли о них имеют понятие*». [4] А «Хозяйственные записки», пропагандировавшие сочинения знаменитого Альберта Тэера, прямо указывали на узкий круг русских поклонников и читателей этого «новатора» сельскохозяйственной экономии. [5]

Против книги В. Стройновского, не предлагавшего по существу итти дальше уже узаконенных мер Лифляндского положения 1804 г., поднялась целая плеяда матерых великороссийских крепостников —

---

[1] А. Н. Пыпин, Общественное движение в России при Александре I, изд. V, Петроград, 1918; Очерки литературы и общественности при Александре I, Петроград, 1917.

[2] Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX вв., тт. I и II, Спб. 1888; «Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX вв.», в сборнике статей «Крестьянский строй», Спб. 1905 г.; «Крестьянский вопрос в Вольном экономическом обществе в 1803—1822 г.», «Русская мысль» 1883 г., № I, стр. 85—134.

[3] С. В. Вознесенский, Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800—1860 гг., М. 1932, см. главу «Фракционная борьба внутри правящего дворянства. . .», а также стр. 102—103, 202, 269.

[4] ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал заседаний Общества за 1816 г., д. № 94, лл. 58—59. Курсив мой. — *Н. П.*

[5] «Хозяйственные записки», 1815 г., т. VII, стр. 59,

П. И. Голенищев-Кутузов, А. К. Разумовский, кн. В. М. Волконский, «дикий крепостник» масон Поздеев, гр. Ф. А. Растопчин и др.

ВЭО не случайно десятки раз указывало на то, что его главными задачами является: улучшение хлебопашества и домостроительства, распространение сведений, которые *«наиболее к улучшению дворянских имений способствуют»*, и решительно отмежевывалось от обсуждения «гражданского устройства», политических вопросов, не касающихся «собственно до хозяйства», рассмотрения «существующих законов и прав собственности».[1]

Позиция ВЭО была прежде всего *охранительной*. Оно стремилось решить аграрный вопрос в России, не только не затрагивая политических основ старого режима, но и оставляя во всей неприкосновенности феодальное землевладение, — решить его с предпринимательского *агрономического* конца. Эта линия была в ВЭО генеральной. Вот почему и в первую четверть XIX в. в Обществе идет обсуждение прежде всего вопросов, касающихся *увеличения доходов помещика* путем крепостнической интенсификации поместья, сельскохозяйственного и промышленного предпринимательства, *крепостнической колонизации* малонаселенных степных областей юга России, устройства *работных домов* для бродяг и нищих, способов *управлять деревнями, прокармливать голодающее крепостное население*, вот почему осуждается в ВЭО проект Н. В. Зубова и, наконец, формируются элементы *крепостнической философии*.

Еще в 1797 г. обществом была опубликована задача о заселении южных степей. В задаче был поставлен вопрос: «Как бы своими крепостными людьми завести там порядочное домоводство, как хлебопашественное, так и луговое с лесным, в таких краях, где земля совсем задичала и нет строевого, но только нужной дровяной лес».

«Полным награждением увенчанное» ответное сочинение на эту задачу принадлежало известному В. А. Левшину, который, как и подобает помещику, ставил переселение крепостных крестьян в полную зависимость «от произведения, расчетов и достатка... хозяина».[2] Его проект заведения крепостными людьми хозяйства в южных степях страны предполагал организацию «шубартова земледелия», посев «торговых» зерновых культур (пшеницы и др.), постановку лугового и лесного хозяйства.

Второй ответ на ту же задачу, «удостоенный» меньшей награды, но также напечатанный в «Трудах», принадлежал колл. сов. Г. И. Энгельману — управляющему Стрелиной мызой в. к. Константина

---

[1] Когда в 1815 г. М. Швитков прислал в Общество «Разыскание о пользе или вреде неограниченной свободы разного рода всенародной промышленности», Общество, указав, что «сочинение сие заключает мысли, сходные с известными правилами Адама Шмита, которые многими одобряются, и писано довольно хорошо», но поскольку это сочинение относится больше «к гражданскому устройству и к политическим, нежели собственно до хозяйства касающимся предметам», печатать его отказалось. (ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал Общества за 1815 г., д. № 92, лл. 218—219).

[2] Труды ВЭО, 1801 г., кн. 53, стр. 225.

Павловича, активнейшему члену Общества, автору ряда агрономических сочинений.

Способ Г. И. Энгельмана, «по которому можно помещику со своими крестьянами заводить в степи хорошее сельское хозяйство», сводился к организации крупных предпринимательских имений, обрабатываемых большими тяглами крестьян (в каждом работников — «два женатых мужика с их бабами»), имений с 4-польным севооборотом, с посевом трилистника, свеклы для производства сахара и водки, шелковичного растения, плодовых деревьев, имений с «большими скотскими заведениями» — заводами рогатого скота, товарными фермами, «переделывающими молоко в масло и сыр по голштинскому и мекленбургскому способу», с конскими заводами, разведением овец, коз, свиней, домашней птицы, пчел, лесным хозяйством. [1]

Экстенсивными методами крепостнической колонизации стремился помещик раздвинуть рамки крепостного хозяйства и разредить относительное перенаселение старых областей Великороссии. Методами организации предпринимательского хозяйства стремился он решить проблему перестройки и приспособления своего поместья к новым социальным условиям.

Через все мнения, проекты и «представления» дворян красной нитью проходила основная идея *увеличения доходов помещика.* [2] Одна из задач 1805 г. прямо спрашивала — «найти и определить практический способ земледелия и сельского домоводства в помещичьих хлебопашественных владениях в России, в которых бы навсегда как помещик, так и каждый его крестьянин постепенно всякий год могли улучшивать свои доходы, по мере разных местных выгод и обстоятельств, какие наиболее в России встречаются». [3]

Автор награжденного и напечатанного ответа на эту задачу, представитель лифляндской агрономии, известный нам В. Х. Фрибе считал, что получение «истинного дохода» с деревни или поместья будет обеспечено только тогда, когда будут «все настоящие силы лучше употреблены, земля лучше удобрена, родящиеся на ней произведения умножены и сельская деятельность соразмерно месту распространена и увеличена». [4]

Предпринимательское дворянство, пытаясь перестроить поместное

---

[1] Труды ВЭО, 1801 г., кн. 53, стр. 225.

[2] Варшавский помещик Трембецкий посвятил целую книгу, подаренную Обществу, тому, «как знатно можно умножить доходы и капитал частных и государственных имений, ежели большую часть полей, под пар оставляемых, обратить в пашенную землю, но не умножая слишком работ и не нарушая способа, к усовершенствованию жатв принятого» (ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал Общества, дело № 96, л. 123). Управляющий имением Д. П. Трощинского, корреспондент Общества В. Решетинский, прислал Обществу разработанные им «Правила деревенского благоустройства, служащие к умножению доходов помещика и к облегчению крестьян в Малороссии и в присоединенных от Польши губерниях» (ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал Общества, д. № 80, лл. 71—72).

[3] В ответ на эту задачу Обществом было получено три сочинения — два в первый год и одно — во второй.

[4] Труды ВЭО, 1808 г., кн. 60, стр. 4.

хозяйство, считало необходимым крепче завинчивать гайки крепостного режима, увеличивать гнет и эксплоатацию крепостных крестьян. [1]

Всячески пропагандируя интенсификацию поместного хозяйства, В. Х. Фрибе рекомендовал помещикам «умножение простых и необделанных произведений» путем удобрения полей, глубокой вспашки, раннего и редкого сева, употребления новых сельскохозяйственных орудий, «размножение полезных для торговли произрастаний» — конопли, льна, табака и др., заведение «искусственного луговодства» с посевом клевера и других кормовых трав, мериносового овцеводства, конских и рогатого скота заводов.

Вольное экономическое общество — организация российского помещика-предпринимателя, отдавая дань «духу времени», одобряя и премируя отдельные либеральные сочинения, *продолжало стоять и в первые десятилетия XIX в. на крепостнических позициях.* Это показывают все периодические издания Общества и с особенной силой споры в его собраниях вокруг отдельных статей и ответов.

На 1809 г. Общество опубликовало известную задачу «О двух главных способах, назначенных к лучшему деревнями управлению». Уже самая постановка задачи была строго охранительной. Предлагалось решить вопрос «без нарушения существующих прав и обязательств» и допускалась возможность сочетания барщины и оброка, т. е. увеличение и усиление крепостного гнета, крепостнической эксплоатации. В ответ на эту задачу Обществом было получено 4 сочинения, три из них были награждены [2] и напечатаны в «Трудах». Награжденные ответы принадлежали известному уже нам корректору М. Швиткову, орловскому помещику И. А. Погодину [3] и украинскому помещику И. Ф. Богдановичу. [4]

Наиболее типичный представитель центрально-черноземной России, орловский помещик Погодин считал барщину наивыгоднейшей формой крепостного хозяйства. Каждое тягло, имеющее $4^1/_2$ дес, пахот-

---

[1] Мы не знаем, прошелся ли крепостнический карандаш по этому сочинению В. Х. Фрибе. Во всяком случае следует иметь в виду, что у представителей дворянского либерализма немудрено встретить критику крепостничества, прославление вольнонаемного труда и даже крестьянской свободы в мирном сожительстве с защитой основ крепостного хозяйства и необходимостью его интенсификации. Напомним читателю, что у буржуазных либералов позднейшей эпохи критика феодальных отношений и самодержавия также нередко сожительствовала с их защитой.

[2] Награда за решение этих задач была предоставлена Обществу А. Б. Куракиным.

[3] Корреспондент ВЭО, титулярный советник, смотритель училищ г. Севска.

[4] Сочинения И. А. Погодина и М. И. Швиткова были признаны Обществом лучшими и награждены (каждому по медали в 25 червонных, «так как по словам журнала Общества первой сочинитель представил требуемые расчеты, а последний удовлетворительные рассуждения, могущие быть весьма полезными...» (ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 80, лл. 246—247). Ответ И. Ф. Богдановича был «удостоен» лишь серебряной медали «во уважение полезных мыслей, хотя и не содержащих нужных подробностей» (ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 80, лл. 246—247).

ной земли, по $1^1/_2$ дес. в поле [1] и $1^1/_2$ дес. сенокосной, приносит по его подсчетам ежегодный доход от продажи озимого и ярового хлеба, конопли, [2] пеньки и сена — 106 р. 16 к.

А в ответе на задачу 1812 г. о том, какой труд выгоднее — крепостной или вольнонаемный, Погодин даже предполагал доход с тягла от 120 до 150 рублей в год. [3] Эта огромная докапиталистическая денежная рента не была, разумеется, распространенной. Крестьяне же, находящиеся на оброке (у помещиков, имеющих мало земли вообще, или мало удобной для хлебопашества, у помещиков, крестьяне которых живут близ торговых и промышленных пунктов или являются мастеровыми и ремесленниками), не могут дать в год более как 30 р. с тягла. Так подтверждали статистические выкладки нашего автора выгодность барщинной системы.

Решительным апологетом барщинной системы крепостного хозяйства выступал и М. И. Швитков. Ответ его показывает, что этот либерал, прежде чем завести легкий флирт с модными буржуазными идеями века, проявил себя в Обществе как откровенный крепостник. М. Швитков считал, что «во всеобщей связи государства» первейшей обязанностью крестьян является «жить и работать на себя, и на своих владельцев, и на все общество в одних только собственных и природных сельских своих местах», [4] и советовал помещикам «удерживать» крестьян в своем звании и во всех сельских повинностях.

Крестьяне — это «всеобщий рабочий народ», «первейшие государственные данники». Швитков понимал, что социальный строй России, вся социальная лестница отношений опирается на этих тяглых крепостной системы. Силой, утверждающей этот строй, укрепляющей эти отношения, казалась нашему либералу барщинная система крепостного хозяйства.

Рассматривая барщину как панацею от всех бед и основную «подпору государства», М. Швитков уделял большое внимание управителю («наместнику господина»), старостам, сотским и другим выборным «из них людей верных, благонравных и знающих сельское хозяйство», выборным из богатой кулацкой верхушки крепостной деревни и предлагая дать им «приличную для их над прочими начальства власть». [5]

Основной задачей вотчинной поместной администрации и ее аппарата должно быть увеличение доходов помещика. Поместная контора государя-вотчинника превращала выборных крестьянского мира в крепостной бич этого мира. «Ленивых и плутоватых» крестьян (в данном случае, как и вообще, ученый корректор говорил языком душе-

[1] Всю землю сверх отведенной крестьянским тяглам (максимальным наделом Погодин считал 2 дес. в поле) он предлагал отдать в наем или «совсем продать».
[2] Которая «больше всякого хлеба приносит дохода», — указывал орловский помещик (Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 168).
[3] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473.
[4] Труды ВЭО, 1810 г. кн., 62, стр. 106, 120—121.
[5] Там же, стр. 129.

владельца) М. Швитков рекомендовал записывать в рекруты, отдавать в наем другим помещикам, барские повинности налагать на весь в целом крестьянский мир.

Третий соперник по соисканию премии, украинский помещик И. Ф. Богданович провозгласил диференцированный подход и разделил все крепостные села и деревни России на 9 отделений.

Деревни первого и второго отделений, первого — «с обширными для хлебопашества землями, сенокосами и лесами», второго — «с довольными землями и сенокосами», но без леса, Богданович считал «неблагорассмотрительным» держать на оброке. Помещику, владеющему такими деревнями, необходимо организовать *крупное* предпринимательское барщинное хозяйство, кроме земледелия и скотоводства (разведение рогатого скота и овец) Богданович рекомендовал производить винокурение, выварить селитру, жечь известь, строить маслобойни и мыловарни, заводить пчеловодство, разводить картофель, мак, садовые и огородные овощи, хмель.

Это многогранное предпринимательское хозяйство мыслилось тесно увязанным с рынком (продажа скота, масла, сыра, шерсти и т. д.). Каждое тягло этих деревень должно было приносить помещику 50 руб. прибыли в год.

«Превосходнейшие» деревни 6-го отделения, находящиеся «близ судоходных рек» и обеспеченные землей, также должны были быть, по мнению Богдановича, на барщине. Сверх дохода от хлебопашества и скотоводства в этих деревнях большую прибыль должна доставлять *постройка* «барок, стругов и прочих судов». Реки среднерусской равнины, особенно Волга-матушка, были исстари торговыми артериями. К началу XIX в. речное судоходство получило такое огромное развитие, что на постройке судов специализировались целые артели, деревни, села.

Деревни 9-го отделения «довольного хлебопашества» и «великих рыбных ловель» (на Ильмене, Белоозере, при Селигере, по Волге, Дону, на Каспийском море и т. д.) должны быть также барщинными. Такие деревни «сверх поземельного и от скотоводства получаемого дохода» приносят «знатную прибыль» от «оброка рыбных ловель».[1]

Безоговорочным защитником барщины являлся также и автор третьего награжденного Обществом ответа на задачу 1812 г. (какой труд выгоднее — крепостной или вольнонаемный) — генерал-майор А. Л. Комаров. Уже девиз сочинения генерал-майора — «Спеши и торопись и усматривай конец» выдавал нашего крепостника с головой.

«*Самый лучший порядок для народа есть тот, к которому народ приобык*»,[2] — говорил наш консерватор, — а «народ приобык» по его мнению к освященной веками барщине. Поэтому он считал невозможным «колебать коренные основания древних заведений и уставов народных» и выступал ее горячим защитником. Его «щет» также подтверждал большую выгодность крепостного барщинного труда по

[1] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 218.
[2] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 155. Курсив автора. — *Н. П.*

сравнению с вольнонаемным. «Всякий земледелец или пахарь должен быть неотлучно, так сказать, пригвожден к собственному домоводству...» — провозглашал генерал-майор.

Автор крепостнического ответа с девизом «Содействовать всеми способами и силами общей пользе есть священнейший долг всякого верного сына отечества» пошел даже дальше всех предшественников и предложил «прожект» организации своеобразной месячнины — рабского плантационного хозяйства.

Оставаясь целиком на почве крепостного хозяйства и права и сохраняя в неприкосновенности крепостническую эксплоатацию крестьян, он пытается «уравнить» выгоды помещика и крестьянина. Суть данной «уравнительной» реформы заключалась в следующем. «Засевать общие поля семенами, то-есть, — поясняет неизвестный автор, — помещик дает столько же семян на посев, сколько все крестьяне вообще. Крестьяне уже должны быть все на работе каждый день. Уборка делается также вообще, как и молотьба и все прочие работы. По окончании уборки и обмолачивания каждого хлеба или прочих продуктов делается дележ. Половину всего берет помещик (якобы на законном основании — указ Павла о трехдневной барщине. — *Н. П.*), а другую половину разделяет по равным частям между всеми тяглами...»[1]

Нечего сказать, хороша уравнительность!

Для повышения производительности труда крепостных крестьян, для увеличения своих доходов помещик пытался, как видим, создать новые формы *месячнины*. Российское дворянство под давлением развития товарно-денежных отношений и промышленного капитализма, толкаемое ростом крестьянского движения, стремилось сгладить острые углы внеэкономического принуждения. Но поскольку эти задачи не могли быть решены на почве сохранения крепостного хозяйства и права, помещичья мысль бессильно путалась в противоречиях и стремилась найти выход в надуманных «прожектах» и преобразованиях. Так родился план «уравнительности» помещика с крестьянами, план организации новой месячнины.

Вместе с тем крепостники не считали возможным на данном этапе оставаться на позициях старой, рутинной барщинной экономии. Все они предлагали максимально использовать крепостные рабочие руки поместья и выдвигали предпринимательскую программу его интенсификации.

В деревнях «с невыгодной или совсем бесплодной» землей М. Швитков рекомендовал учреждать фабрики и заводить ремесла.[2] В силу дешевизны рабочих рук и сельских промышленных изделий перед поместными фабриками и заводами открывается громадное

---

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, лл. 399—400.

[2] Любопытно отметить, что М. Швитков одобрял покупку помещиками крестьян, — «не для земледелия и скотоводства, но для фабрик своих, рукоделий, посторонних промыслов и других хозяйственных своих заведений» (Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 122—123).

будущее. Это показывают, говорил Швитков, известные суконные фабрики кн. Юсупова.

Погодин также считал необходимым заводить в поместьях «рукомесла, фабрики и заводы», мобилизовав в фабричные работы прежде всего крестьянских детей от 10 до 15 лет, «которые к тяжелой полевой работе не так еще привыкли и способны и по большей части бывают праздны»...[1]

Помещик-предприниматель, как видим, не хуже рыцарей первоначального накопления понимал выгодность эксплоатации детского труда.

В деревнях пятого отделения, «недостаточных землею», устанавливал Богданович, следует заводить фабрики и заводы, которые «при должной расчетливости домостроительного хозяина...» будут «в цветущем состоянии»[2] и заменят хлебопашество. «Ежели треть года помещик определит для себя», говорил наш «благорассудительный» владелец крещеной собственности, то крестьянину «жаловаться нельзя». «По сему расчислению, когда он (помещик. — *Н. П.*) возьмет третью часть работников на фабрики или заводы, на собственном их содержании, они посредством изделий могут доставить ему доход, не только соразмерный оброку, но в некоторые счастливые для мануфактур и заводов годы составят то, чего ни от каких деревень ожидать не можно».[3]

Фабрично-заводское предпринимательство и фабричная барщина — вот способ управления деревнями в малоземельных имениях.

К оброчной системе крепостного хозяйства и связанному с ним отходу помещик-крепостник относился по-разному. Представители черноземной части Великороссии и Украины и к оброчной системе и к отходу относились отрицательно.

Погодин считал *нецелесообразным* даже соединение «хлебопашества и денежного оброка», практиковавшееся в имениях помещиков черноземной полосы, «ибо когда крестьянин должен отлучиться для промысла, то могут застигнуть его разные препятствия, по которым он не может успеть иногда к пашне; когда же он занят хлебопашеством, то может упустить для найма его выгодную работу».[4] Сочетать барщину и оброк в пределах крестьянского мира в целом Погодин очевидно также не считал возможным.

А. Л. Комаров также осуждал и отход и оброчную систему хозяйства. «Домашняя гривна лучше заезжего рубля», — повторял он «непререкаемую истину народного предания». Однако А. Л. Комаров делал уже существенные оговорки: в некоторых округах Московской, Ярославской, Костромской и Тверской губ. отхожие промыслы, по его мнению, были допустимы.

Здесь «или не довольное по числу народа пространство или не-

[1] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 179—180.
[2] Там же, стр. 213.
[3] Там же, стр. 213—214.
[4] Там же, стр. 176.

удобность земель принуждает, а приближение к обеим столицам и другим удобным краям позволяет искать... отхожих добыч...» «Долголетняя же привычка» крестьян этих губерний к отходу «обратилась, так сказать, в самую природу», [1] — свидетельствовал Комаров.

Ученый корректор Михайло Швитков держался, примерно, таких же взглядов, указывая, что оброчная система ведет к отрыву сельского населения от земледелия. Полный отрыв сельского населения от земледелия вреден как для него самого, так и для общества, — заключал он, — ибо при этом уменьшается количество работников важнейшей сельской промышленности, крестьянин в городе усваивает чуждые сельской жизни пороки. «Где он научается роскоши, где вольнодумству, где высокомерию, как не в городах», — восклицал Швитков. Воля, «как обыкновенно, всякого почти портит». [2]

Рассматривая крестьянство как тягловую силу государства, «польза которой состоит в ... приготовлении самых главнейших жизненных припасов и в сборе государственных податей», М. Швитков считал оброк «без земледелия и скотоводства не только невыгодным, но еще крайне вредным». [3]

«Бесспорно хорошо крестьянину наживать деньги, — писал он, — и ими обогащать себя и своего господина, но должно это быть всегда в своем только кругу; иначе — как скоро он наживет множество денег, то и норовит у господина выкупиться и записаться совсем в другое звание... Через... промыслы поместья могут рушиться, и помещики не будут уже помещиками». [4]

Упадок дворянских имений, «оскудение» класса помещиков, — вот чего боялся, перед чем дрожал дворянский публицист Михайло Швитков. Оброк «в известном и непеременяемом количестве» допустим и полезен только в тех поместьях, — указывал он, — «которые не имеют землепашества и других сельских произведений», только для тех крестьян, которые поселены на «невыгодной земле». [5]

Что касается отхода и промышленного и сельскохозяйственного, то крестьян, на «невыгодной земле поселенных», М. Швитков считал возможным отпускать «во всякое время года», а с хороших земель — лишь зимой. Вообще неправильно крестьян из деревень никуда никогда не выпускать. Зимой «не полезно» удерживать в селах и деревнях никого из сельских жителей. Мастеровым поселянам следует даже летом разрешать уходить в город на заработки, *обеспечивая замену их на пашне.* [6]

Швитковский способ управления деревнями имел в виду интенсификацию барщинного хозяйства, повышение доходов помещика, использование всех сил крепостной экономии. Это особенно ярко подтверждает тезис Швиткова о необходимости сочетания барщинной и

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 138.
[2] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 157.
[3] Там же, стр. 131—132.
[4] Там же, стр. 143.
[5] Там же, стр. 108—109.
[6] Там же, стр. 144—145.

оброчной системы. «Соединение... обоих оных средств к содержанию поместьев, — заключал он свое сочинение, — уверительно обещать может для всякого людей состояния преимущественную пред каждою порознь от каждого средства взятую пользу...»[1] Однако, «каждую крестьянскую душу обложить двойною... повинностью, то есть рабочею и денежною, не так-то удобно»,[2] — оговаривается, наконец, наш «смитианец». Поэтому он рекомендовал возлагать обе оные повинности «совокупно на весь крестьянский мир».

Украинский помещик Богданович не только признавал право оброчной системы на существование, но и считал оброк, а также отход, совершенно необходимыми для ряда отделений крепостных деревень.

Деревни седьмого и восьмого отделений, расположенные близ судоходных рек и занятые постройкой речных судов, «не имеющие хлебопашества», или имеющие недостаточное количество пахотной земли, должны быть на оброке с барщинными работами по *постройке речных судов*. В осенние и зимние месяцы (летом необходимо оставить крестьян «свободными» для аренды земли, найма, отхода и пр.) 100 работников должны построить 30 судов. «За суда сии причитается 9000 рублей (по 300 рублей за судно. — *Н. П.*); отделяя из того третью часть в пользу работников, помещик получает 6000 рублей».[3] Годовой оброк (10 руб. с работника) в деревнях седьмого отделения давал помещику по подсчетам Богдановича всего 1000 руб. В свете этих цифр огромная роль плотничных, барщинных работ в селах, расположенных около судоходных рек, становится особенно ясной.

Деревни третьего отделения, имеющие леса и сенокосы, но недостаточное количество пахотной земли, должны быть на оброке с барщинными работами во время сенокоса ($1^1/_2$ месяца).

Оброк, — писал Богданович, — «весьма безобидно налагать по справке, сколько работник в тех местах получает по вольному найму дневной платы, во всякое годовое время порознь. За исключением недель сенокосных, половина рабочих дней принадлежит помещику».[4]

Деревни четвертого отделения, имеющие «посредственную препорцию» земли — по 8 дес. на работника (в данном случае наш автор, очевидно, исходит из норм малонаселенных южных губерний Украины), «полезнее иметь на оброке».

Каждое тягло можно обоброчить так, чтобы оно давало 51 р. 50 к. в год, — указывал Богданович. Но, испугавшись огромной величины этого оброка и его разрушительных последствий, он сам отступил и высказался лишь за тридцатирублевый оброк. «За исключением 65 дней в году для отдохновения, из оставшихся трехсот половина принадлежит помещику, — писал он ниже. — Полагая по 20 коп. в день за 150 дней, годовой оброк будет 30 рублей. Такая сумма и

---

[1] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 160.
[2] Там же, стр. 117.
[3] Там же, стр. 216—217
[4] Там же, стр. 209.

для крестьянина не тягостна (!? — *Н. П.*) и для владельца весьма довольна».[1]

Если для владельцев эта сумма оброка и была «довольной», то для украинского крестьянства она являлась не только «тягостной», но и разорительной. На плечи крепостного крестьянина-оброчника помещик взваливал тяжелейшую денежную ренту.

Вольнонаемный труд крепостник расценивал как «бесполезный» и совершенно отрицал его применимость в хлебопашестве. Крепостной исполняет свои обязанности, — утверждал орловский помещик Погодин, — «прочно и добротно», вольнонаемный же, хотя и «поспешнее», но «недоброкачественно». Крестьяне, имеющие по его мнению все «необходимо нужное, ни в какое время ни с каким наемным работником во всех выгодах и дешевизне никогда сравниться не могут, ибо наемник есть яко наемник, который никогда ни о чем не радит».[2] В «различных заведениях», фабриках и заводах, для домашних работ и услуг «есть ли где найтится могут, не без пользы употреблены быть могут вольнонаемные люди разного звания... но только кроме хлебопашества», — писал наш крепостник.

Генерал-майор А. Л. Комаров полагал, что «употребление нового способа обработания *владельческих* земель вольнонаемными людьми само собой кажется быть не событно, потому что из сего последовала везде бесконечная цепь обоюдного, или лучше назвать несовместимого и бесполезного движения и размена людей для одного рода работ, то есть владельцы, отпустя своих крестьян в работу к другим, сами к себе нанимать станут вольных, равно и те своих».[3]

Отсталость сельского хозяйства России от западно-европейского объяснялась, по мнению Комарова, не распространением свободного труда на Западе, а суровостью нашего климата. Этот неграмотный довод генерала был в ходу в помещичьей литературе того времени.

Крепостник Комаров понимал, что вольнонаемный труд «не может ограничиваться в малой или какой-либо частной мере или присвоиться некоторым только местам, не распространяясь вообще на многие части империи».[4]

В России при неразвитости свободного труда, при недостаточном количестве земледельцев, относительно огромных пространств страны, «неблагосклонности климата, неплодности многих земель... краткости удобного времени», обработка земли вольнонаемными людьми приведет лишь к огромной «гоньбе» «единого рабочего народа», вздутию цен, перекладке денег из кармана в карман, «бедности и унынию».

Вольнонаемный труд в дворянских имениях не может получить распространения, — говорит ниже Комаров, — также и по причине отсутствия у дворянства больших капиталов.

Примеры широкого распространения безземельных свободных ра-

---

[1] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 212.
[2] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, л. 328.
[3] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 139—140. Курсив автора. — *Н. П.*
[4] Там же, стр. 130.

ботников в европейских странах не являются доказательством применимости вольнонаемного труда у нас. На Западе — в Италии и Франции — безземельный рабочий народ в поисках заработка принужден бродяжничать, в России же у крестьян имеются земельные наделы, и земледелие для них «несравненно надежнее и полезнее», «нежели всесторонние... чуждые добычи»...[1]

Крепостные не лишены вознаграждения, — утверждал один украинский автор из Полтавской губернии в «Метаполитическом и экономическом рассуждении...»[2] присланном в Общество под характерным девизом «Авраам и Исаак имели рабов купленных и употребляли их в земледелие». Помещик, как «чадолюбивый отец» и «деятельный цензор и полицеймейстер», помогает в нуждах, лечит больных, хранит дворовых, строит дома, блюдет нравы, печется о безопасности, защищает от злоупотреблений, заботится об исполнении казенных повинностей, платит подати из своего дохода.

И в начале XIX в. десятки и сотни крепостников-помещиков, корыстно защищая свои классовые интересы, продолжали малевать эту насквозь лживую картину патриархальной рабской идиллии.

«Русская правда» и «Судебник Ив. Грозного» упоминают о наймитах и рабах. Европейцы обрабатывали свои плантации рабским трудом, — «видно опытность всех веков уверила, что наемник есть всегда наемник», — заключает наш автор, предпочитая рабов свободным.

«У нас в Малороссии совершенно все уверены, — свидетельствовал украинский помещик, — что свой собственный работник благонадежнее и работает в сравнении с наемным, при одинаковом присмотре, не хуже и не медленнее».[3] Нужен строгий надзор, «не даром пословица говорит: не купи села, купи приказчика».

Выгодность крепостного труда автор подтверждал, в частности, стремлением всех земледельцев, заводчиков и мануфактуристов приобретать крепостных.

Расцвет английского земледелия обязан бдительности помещика, религиозному образованию, тесноте земель и великому народонаселению, а вовсе не вольнонаемным работникам. Отпустить крестьян на оброк, отобрать у них землю (любопытное представление об оброчной системе хозяйства) и вести имение наемным трудом крайне затруднительно, ибо в России огромный недостаток свободных рабочих рук, у нас нет бродячих земледельческих артелей на подобие итальянских, а на Украине вольных работников иногда нельзя найти ни за какие деньги.

Итак, ВЭО продолжало и в первые десятилетия XIX в. премировать и печатать в «Трудах» явно крепостнические сочинения, отстаивать принципы барщинного хозяйства, пропагандировать идеи

[1] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 146.

[2] По сведениям В. И. Семевского, — украинский писатель Белицкий-Носенко (см. «Крестьянский вопрос...», т. I, стр. 330).

[3] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, л. 201.

организации *предпринимательского крепостного хозяйства*,[1] *«хлебных фабрик», поместных промышленных заведений.*

Однако необходимо отметить, как любопытный штрих эпохи, что идеи дворянского либерализма сказывались даже на явно крепостнических сочинениях этого периода.

Крепостник крепостнику рознь. В отличие от ортодоксального крепостника 70—80-х годов XVIII в. (период обсуждения «Наказа управителю») помещик-крепостник первой четверти XIX в. уже нес на себе печать нового времени.

Орловский помещик Погодин предлагал назначить работникам промышленных заведений хотя и мизерную, но *денежную плату*. Рекомендуя помещику установить над крепостными людьми надзор, практиковать штрафы и взыскания, запретить отход, Погодин на ряду с этим советовал «не отягощать» крестьян барщиной, ограничить повинности, установить постоянные обязательства крестьян в пользу помещика. Не случайно орловский помещик утверждал, что работает лучше тот, кто получает за труды свои «верную плату».[2]

Таким образом даже в проектах заматерелых крепостников барщинных черноземных районов страны чувствуется, хотя и весьма слабая, струйка новых идей. Даже им не была чужда мысль об экономическом заинтересовывании крепостного крестьянства в работах на барщине, поместных фабриках и заводах.

Доброта и успех работ как крепостных, так и вольнонаемных работников зависит прежде всего, — утверждал крепостнически настроенный генерал Комаров, — *от присмотра*. Однако, даже он, по его собственному замечанию, не имел «намерения отрицать воздаяние, за труды работникам довлеемое, хотя б они собственные крестьяне были»...[3]

Наконец, помещик Богданович при постройке судов предполагал заработную плату плотников. «По продаже судов, — писал он, — из вырученных денег третью часть должно отдать работникам и две части следуют владельцу...»[4] «Следуют», очевидно, потому, что «помещик для подданных есть дар небес бесценный».[5]

Стремясь заинтересовать крепостного крестьянина в повышении «трудолюбия», М. Швитков допускал наем помещиком своего крестьянина из «уреченной» платы. «Мне кажется, — писал он, — все-

---

[1] Защита линии крепостнического предпринимательства Вольным экономическим обществом довольно красноречиво подтверждается следующим фактом. Когда неизвестный помещик С. Петербургской губ., поселивший «на болотистом грунте между непроходимыми и обширными лесами», в 85 верстах от столицы 30 душ купленных крепостных крестьян, «в три года, по его словам, увеличил пашни и покосы до 140 десятин, провел дорогу, устроил водяную мельницу, кузницу, кирпичный завод и господский дом, осушил болота больше 10 десятин», Вольное экономическое общество «одобрило» его сообщение и решило напечатать в «Трудах».

[2] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, л. 322.

[3] Труды ВЭО, 1814 г., кн. 66, стр. 145.

[4] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 215.

[5] Там же, стр. 220.

гда лучше, чтоб помещики ссужали крестьян своих нужным количеством денег за их работу, нежели, чтоб крестьяне промышляли деньги для помещиков. И сколь оное удобно особливо в нынешние благословенные времена, когда и из благородного дворянства помещики имеют привилегию не только держать подряды и откупы, но и производить торговлю наравне с купечеством».[1]

Благословляя предпринимательские начинания дворянства, М. Швитков спрашивал: «А что мешает, чтобы крестьянам сверх подданической своей помещику повинности, по доброму их с ними согласию, работать на своего господина добровольно из уреченной им за то платы?»[2]

Во всех этих мнениях и предложениях дворян, во всех попытках сгладить острые углы крепостного режима, экономически заинтересовать крестьянина в работе на барской экономии, сказались веяния нового времени, сказались идеи дворянского либерализма.

Что помещик-предприниматель в первую четверть XIX в. решал аграрно-крестьянский вопрос, не сходя с позиций крепостничества, показывает также и с особенной яркостью постановка в ВЭО вопроса о *голодающем* крестьянстве страны. Эта старая, как крепостной режим, проблема решалась в Обществе в плане изобретения новых хлебных суррогатов. Помещик подменял проблему вымирающей крепостной деревни начала XIX в. вопросами приготовления хлеба из исландского и болотного мхов, из древесной коры, растений и т. д.

Знакомый уже нам В. Х. Фрибе в 1802 г. поместил в «Трудах» Общества статью «Описание здоровой, вкусной и недорогой пищи как для войск, так и для беднейшего состояния людей»,[3] в которой он рекомендовал варить муку с растениями и «выдавал за наилучшее подспорье в хлебе исландский мох». Относительно дешевизны этой пищи мы не имеем оснований сомневаться, но большие сомнения вызывает, насколько она являлась «здоровой и вкусной». Как беспокоилось об этом дворянство, показывает предложение лифляндского содержателя поместья на откупе — Ламберти, употреблять в качестве лучшего «хлебного подспорья» болотный мох. Он пробовал хлеб из исландского мха и удостоверял: этот «хлеб получает черный вид и имеет, пока тепел, совершенный запах вареного сена», в «отношении же вкуса» он содержит в себе «такую противную горечь, что всякий, не привыкший из детства, как дикие, к такой пище, не может употреблять ее».[4] То же засвидетельствовал помещик Петербургской губернии Орреус. В своей статье «О приготовлении хлеба по нужде из исландского мха» Орреус рекомендовал «бедным людям», а «особливо *крестьянам*», употреблять в пищу «здоровый и питательный» исландский мох. Испеченный из этого мха хлеб был, по выражению

[1] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 114—115.
[2] Там же, стр. 147—148
[3] Труды ВЭО, 1802 г., кн. 54, стр. 124 и сл.
[4] Труды ВЭО, 1809 г., кн. 61, стр. 205.

самого автора, «несколько горьковат», но это, уверял своих коллег, соседей по имению, петербургский помещик, «*для голодного и привычного к суровой пище человека отнюдь неважно...*» [1]

Распоясавшись, с циничной откровенностью прохаживался хищный, корыстный крепостник-предприниматель по страницам «Трудов» ВЭО.

Вольное экономическое общество по вопросу о голодающей деревне полностью стояло на позициях Орреуса — Ламберти — Фрибе. В 1819 г. Общество опубликовало следующую характерную задачу: «Известно, что в некоторых северных губерний уездах, во время малого привоза хлеба или по другим обстоятельствам крестьяне за неимением достаточного количества ржаной или ячной муки употребляют иногда древесную кору, солому, мох и другие нездоровые примеси. Найти и определить лучший и удобнейший способ пропитания сих людей». [2]

Задача сужала проблему, ибо голод касался не только северных губерний. Но не в этом дело. Задача эта, как и предыдущие дворянские сочинения, ставила вопрос лишь о хлебных суррогатах, дворяне из ВЭО не поднимались до понимания социально-экономических основ крепостной голодающей деревни.

«Забота» помещика-предпринимателя о голодающем крепостном крестьянстве, особенно бежавшем от своего господина, шла также и по линии устройства «*работных домов*». Генерал гр. де-Морсан в 1802 г., указав, что в Вене, Берлине, Гамбурге, Любеке и других городах «сделаны разные заведения для помощи нищим», убеждал ВЭО «и в России таковые же делать для человечества спасительные учреждения». [3]

А на 1803 г. Обществом была опубликована задача «о лучшем занятии и прокормлении бедных в богадельнях» новыми способами Фогта (Гамбург) и Румфорда (Мюнхен). Вопрос о работных домах нашел известный отклик среди дворянства.

К назначенному сроку Обществом было получено 9 ответов. Награжденным оказалось опять-таки сочинение Ф. Х. Фрибе.

«Во многих городах большую часть явных нищих, по улицам шатающихся низкого состояния людей, обыкновенно составляют крепостные люди, которые, — писал Фрибе, — то из боязни наказания бегут от своих господ, то будучи неспособны к тяжелой работе, или и действительно не находя себе пропитания, охотнее прибегают к прошению милостыни; а многие из них притворяются больными, или приписывают себе какую-другую слабость и недуг, чтоб под видом сего тем лучше склонить других к сожалению о себе, иные же и самою вещию суть таковы». [4]

[1] Труды ВЭО, 1802 г., кн. 54, стр. 213. Курсив мой. — *Н. П.*

[2] ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал Общества за 1819 г., д. № 100, л. 155. В 1821 г. в ответ на эту задачу было получено два сочинения, оба были признаны неудовлетворительными.

[3] ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал Общества за 1802 г., д. № 66, л. 84.

[4] Труды ВЭО, 1813 г., кн. 65, стр. 43—44. Курсив мой. — *Н. П.* Среди других категорий нищих Фрибе отличал «обанкротившихся купцов, развратных

Свидетельство Фрибе является блестящим показателем роста пауперизации крепостной деревни, роста беглых в начале XIX в. Помещик, ничто же сумняшеся, объяснял эту пауперизацию тем, что крестьянин «тунеядец», «мот», «лентяй и забияка».

«Домашних бедняков и прошак» Фрибе насчитывал:

В Москве	от	24 000	до	30 000
В С-Петербурге	»	18 000	»	20 000
В Астрахани	»	8 000	»	10 000
В Риге	»	1 600	»	2 000
В Ревеле	»	800	»	1 000
В Полоцке	»	500	»	800
В Выборге	»	400	»	600

Он отмечал, что «и в сих городах... не все нищие точно исчислены».[1]

Для всех «способных к работе» нищих Фрибе рекомендовал *организовать не богадельни, а «работные дома»*, «упрямых и ленивых» рекомендовал ссылать в Сибирь, беглых через полицию отсылать к своим господам.

Высказываясь за введение во всех благотворительных заведениях принудительного труда (прядение льна, поскони, шерсти и хлопчатой бумаги, вязание чулок, перчаток, сетей, колпаков, тканье холста и тесьмы, распиловка леса, очистка улиц и т. д.), Фрибе считал необходимым реформировать эти учреждения в мануфактуры. «Ежели в сих богадельнях прядут лен, — писал он, — и из пряжи ткут холст, то также из приготовленного холста в сем же месте и рубашки шить можно. Сие послужит как на потребность самих богаделен, так в великом множестве может доставлять рубашки и для военных людей». Таким образом устроенная богадельня для пропитания бедных *вскоре сделается некоторою мануфактурой, в которой одни руки будут работать для других».*[2]

Работные дома — эти своеобразные крепостные промышленные заведения — представлялись помещику-предпринимателю одной из новых форм использования принудительного труда.

Как в Западной Европе в эпоху так называемого первоначального накопления, в эпоху кровавого законодательства против экспроприируемых, так и *в России начала прошлого века насилием — плетьми и пытками — подготовляли голодное деревенское население «к дисциплине наемного труда».*[3]

Крепостная промышленность первой половины XIX в., будучи реакционной, несла, однако, с собой известные элементы прогресса (подготовка квалифицированных рабочих кадров для капиталистической промышленности, техника производства и др.).

ученых, от распутства обнищавших дворян, отставных чиновников, художников без пропитания и проч.» (Труды ВЭО, 1813 г., кн. 65, стр. 38).

[1] Труды ВЭО, 1813 г .кн. 65, стр. 37—38.

[2] Там же, стр. 66. Курсив мой. — *Н. П.*

[3] См. К. Маркс, «Капитал», изд. «Пролетарий», 1923, том I, стр. 579 и сл.

Классовое лицо Вольного экономического общества этого времени, помещичье лицо дворянского либерализма обнаружилось со всей ясностью в спорах, развернувшихся в Обществе в 1822 г. в связи со статьей тверского помещика Н. В. Зубова «О лучшем разделении крестьянских полей». Как мы знаем, статья Н. В. Зубова не шла дальше предложения передать землю крестьянам за определенные повинности в наследственное пользование. Тем не менее крепостники, ободрившись известной переменой правительственного курса, торжеством аракчеевщины, подняли голову, объявили, что статья напечатана без разрешения Общества, и повели ожесточенные нападки на Зубова, требуя уничтожения его сочинения.

В предложениях Н. В. Зубова крепостники усмотрели мнения, которые могут послужить «злонамеренным людям к рассеиванию неосновательных слухов» (статский советник А. Пошман), мнения, которые «противны общим государственным постановлениям» и представляют «новизну в собственности без ведома правительства» (П. Сумароков).

Крепостники подняли бурю в ВЭО прежде всего *из боязни за дворянскую собственность на землю*. «Вспомоществовать земледельцу истинными и свойственными отечеству нашему средствами к удобрению земли и к усовершенствованию хлебопашества есть дело Вольного экономического общества вообще и всякого члена оного в особенности, — писал А. Пошман, — но распоряжаться собственностью помещиков — значит коснуться святости права, — восклицал он, — одному токмо всемилостивейшему государю нашему от бога предоставленного».[1] Ему вторил крепостник Голынский: «Целью Вольного экономического общества есть улучшение хлебопашества и домостроительства; рассмотрение же существующих законов и прав собственности до оного не принадлежит. Во всех европейских государствах земля есть собственность помещичья, — утверждал он, — законами ограждаемая, которая наиболее обеспечена в отечестве нашем всемилостивейшими государями нашими за верность и преданность дворянства к престолу и отечеству, а в особенности ограждена дарованною дворянству грамотою».[2]

На заседании Общества 25 февраля 1822 г., где окончательно решался вопрос о судьбе статьи Н. В. Зубова, непременный секретарь Общества С. Джунковский попытался спасти положение ловким ходом, отнеся предложение Зубова только к казенным крестьянам. С. Джунковский указывал, что в предложениях Зубова нет ничего нового, ибо у *многих помещиков земли разделены навсегда между крестьянами*, что закон о свободных хлебопашцах предписывает выделить каждому крестьянину особый участок земли. В сочинении Зубова, если прочесть его «с некоторым вниманием, то, — говорил наш либерал, — ни в смысле, ни на словах не найдется ни малейшего отно-

[1] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 106, лл. 16—17.
[2] Там же, лл. 18—20.

шения к тому, чтобы лишать кого-либо собственности или нарушать какие-либо законы».[1]

Возражая против предложения Зубова о продаже крестьянами своих участков (ссылаясь на Дурасова, который опровергал это предложение), наш либерал утверждал: «Земли помещиков суть их неограниченная собственность и владение ими крестьян зависит единственно от произвола помещиков. Пока крестьянин принадлежит господину, до тех пор вся крестьянская собственность есть господская: так бывает часто в России, что помещичьи крестьяне сами покупают земли и даже деревни (любопытный штрих для характеристики диференциации крепостного села), но не иначе, как на имя помещиков, и сии земли и поместья всегда считаются помещичьими».[2]

Так либерал С. Джунковский, выступавший в свое время в ВЭО за одобрение и награждение ряда эмансипаторских сочинений, оправдываясь перед крепостниками, защищал не только феодальное землевладение, основу крепостного хозяйства, но и дворян, экспроприирующих недвижимое имущество крестьян, купленное на их имя.

После продолжительных и бурных прений на заседании 25 февраля 1822 г. была произведена баллотировка. Баллотировались два предложения: первое — оставить в «Трудах» сочинение Зубова, второе — уничтожить его. Голоса разделились почти поровну: 11 из 21 присутствовавших членов Общества (председатель Сестренцевич-Богуш, секретарь С. Джунковский, Фус, Сарычев, Энгельман, Кривцов, Бунин, Кириллов, Китаев, Эттер и Колядин) высказались за *оставление*, 10 (П. Сумароков, Н. С. Мордвинов, гр. Хвостов, священник С. Левитов, А. Чеботарев, Мартынов, Пустошкин, Томилов, Теряев и Струков) — за уничтожение. Однако под напором не унимавшихся крепостников, по предложению председателя, на заседании 18 марта 1822 г. было принято решение сопроводить статью Н. В. Зубова следующим *крепостническим примечанием:* «Вышеизложенные мысли (Н. В. Зубова. — *Н. П.)* служат только к объяснению предложенной от Общества на 1820 г. задачи, чтобы между крестьянскими землями не было чересполосности и каждый имел бы свой участок особо. Почему выражение: утвердить землю в незыблемую собственность или отделить в вечное обращение казенным или же и помещичьим крестьянам — значит только то, чтобы вместо общего владения имел каждый особо свой участок, и отведенными им землями не делились бы ежегодно по полосам, как то подробно изъяснено в следующей статье г. Дурасовым, где и предложение о продаже участков опровергается».

Эпизод этот в высшей степени характерен для судеб дворянского либерализма, для судеб ВЭО в два первые десятилетия XIX в. Ни о какой серьезной борьбе ВЭО за освобождение крестьян, уничтожение

---

[1] ЛОЦИА. Архив ВЭО, д. № 106, журнал Общества за 1822 г., л. 25.

[2] Там же, лл. 25—26.

крепостного права, ограничение вотчинной власти помещика не может быть и речи».[1]

Крепостник первой четверти XIX в. в отличие от своего недалекого предшественника охранительные консервативные позиции защиты барского кнута и «самовластья» пытался обосновать и философскими аргументами. В ВЭО этого периода складываются элементы помещичьей философии, представляющей собой крепостническую переработку идей западно-европейской философии.

Мир вечен. Законы социальной жизни неизменны. Господствующие верхи и подчиненные низы «будут всегда» — как свобода и рабство, богатство и нищета, радость и страдание. «Смитианец» М. Швитков писал: «Правила общежития суть вечны и непеременяемы, т. е. они всегда были одинаковы и инаковыми никогда быть не могут».[2] Один из самых выдающихся крепостников первой четверти XIX в., придворный историограф Н. М. Карамзин, выступая против «либералистов», также провозглашал: «Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верх, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание».[3]

Семья — основа общества и государства. Крестьянин со своим семейством «по большей части некоторое целое отделенное общество, которое с другими мало связи имеет»,[4] — рассуждал Джунковский. «Отчего составились целые государства, как не от совокупления разных частных обществ, а сии состоят из разных семейств»,[5] — писал М. Швитков. Свобода — «неестественное для человека состояние», ибо жизнь есть «беспрестанная зависимость от всего... отношения и связи общества соделывают каждого человека зависящим от других»[6] (Ф. В. Растопчин). Стремление к свободе приводит, по мнению Растопчина, к весьма опасным последствиям: «первое действие вольности есть самовольство, второе — непослушание, третье — восстание против власти»; поэтому «в умах с здравым рассудком свобода значит бедствие».[7] Исходя из указанных принципов, крепостники всерьез считали крепостное право неотъемлемой сущностью нравов и обычаев русского народа (А. С. Шишков). Свободу дает «не государь, не парламент, — утверждал Н. Карамзин, — а каждый из нас самому себе

---

[1] Каким беспримерным лицемерием в этом крепостническом свете дышат эмансипаторские «высказывания графа А. А. Мусина-Пушкина, предлагавшего Обществу выкупить... одного (?! — *Н. П.*) крестьянина, в тюрьме содержащегося за долги, ежели только таковой крестьянин нещастным каким случаем попал в заключение, а не по преступлению» (ЛОЦИА, архив ВЭО, журнал Общества за 1801 г., д. № 64, л. 182). Поистине — гора родила мышь. Предложение графа А. А. Мусина-Пушкина является неплохим показателем размахов дворянского либерализма, меры его глубины и радикализма.

[2] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 105.

[3] М. Погодин, Н. М. Карамзин, том. II, стр. 207.

[4] Труды ВЭО, 1804 г., кн. 56, стр. 21.

[5] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 106.

[6] В. И. Семевский, Крестьянский вопрос, Спб. 1888, стр. 303.

[7] Там же.

с помощью божией. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностью к провидению».[1]

Один из столпов николаевской монархии, министр народного просвещения, мракобес С. Уваров считал, что «политическая религия имеет свои догматы, неприкосновенные подобно христианской религии». Неприкосновенными догматами политической религии Уварова были самодержавие и крепостное право.

Класс помещиков стремился установить как непреходящий строй крепостнических отношений. Труды Вольного экономического общества пытались философски и социологически (правда, обнаруживая нищету мысли и боязнь «любомудрия») обосновать историческую правомерность и незыблемость крепостного режима. Именем провидения, именем политической религии стремились помещики упрочить внеэкономический гнет, спасти феодальные латифундии, спасти свои доходы, потушить пламя крестьянских движений. Всю социальную систему, которая рисовалась дворянину не иначе, как «всеобщим государственным поместьем», он венчал государственной властью — диктатурой помещика-крепостника в лице абсолютной монархии.

Один украинский дворянин, автор «Метаполитического и экономического рассуждения...», так обосновывал необходимость крепостного труда:

«И сколь жалок хозяин, — писал он, — обрабатывающий свои поля наемниками. Он подобен главе некой Демократической республике, или Лукскому Гонфалониере: работники избирают его на один или на несколько дней, и сии подчиненные его не страшатся, ибо они, когда захотят, могут его оставить. Напротив того, помещик, имеющий своих собственных крестьян, подобен монарху в благоустроенном государстве, «в его владении (говорит Дю-Пати) судья судит, воин служит, духовная особа начальствует, человек при месте отправляет свою должность, от того, что государь царствует». Само то государство, в коем помещики возделывают свои земли собственными крестьянами, деятельнее, богаче и, следовательно, могущественнее: *в обширной самодержавной империи все малые владения, составляющие части оной, должны иметь монархическое правление. Не на сей ли власти сих малых монархов непоколебимо покоится деятельное могущество и слава России?*»[2]

Помещик-крепостник стремился решать проблему социального строя дворянской экономики с точки зрения укрепления государственного режима. Не случайно кн. Васильчиков указывал, что «власть помещика необходима для поддержания власти самодержавной».

А. М. Швитков, исходя из интересов крепостнического государства, которое ему рисовалось как «*единственное в своем роде поместье*»,[3] писал, что «для государственной пользы лучше первый (барщина), нежели последний (оброк) способ управления деревнями».[3]

Помещик «точно представляет в малом своем круге лицо своего

[1] М. Погодин, Н. М. Карамзин, т. II, стр. 207.
[2] ЛОЦИА, архив ВЭО, д. № 473, л. 218. Курсив мой. — *Н. П.*
[3] Труды ВЭО, 1810 г., кн. 62, стр. 133, 151. Курсив мой. *Н. П.*

монарха, — утверждал другой украинский дворянин этого времени. Вот репрезентация... приличнее, естественнее репрезентации толпы бурной черни в закупаемом короною парламенте. Самодержавие, наследственное самодержавие от монарха и до отца, в хижине своей повелевающего детьми, да будет залогом нашего блаженства; но да имеет оно законы!» «Да будут помещики *«особенными государственными чиновниками»*, как и прочие репрезентанты великого монарха для сотней и тысяч народа». [1]

Так предполагал помещик укрепить диктатуру своего класса. Так обосновывалась вечная незыблемость крепостного режима, так закладывались кирпичи в фундамент крепостнической философии.

Таким образом ВЭО оставалось и в начале XIX в. крепостническим. Либеральные голоса в течение всей дореформенной эпохи звучали в Обществе крайне слабо. Больше того, либерализм Общества не пошел дальше «прожектов» первого десятилетия XIX в., зачахнув в душных крепостнических стенах этой дворянской корпорации.

Старейшее сельскохозяйственное общество в России, первая дворянская корпорация, возникшая еще в эпоху расцвета дворянской государственности, крепостного хозяйства и права, как организация помещика-предпринимателя, ВЭО раскрывает нам историю идейной борьбы различных групп дворянства, историю крепостного предпринимательства, знаменующего процесс разложения поместья и попытку его перестройки, историю разработки либеральной программы приспособления крепостничества к капитализму, программы спасения своего класса и всего в целом режима дворянской монархии.

Борьба крепостников и либералов была борьбой внутри господствующего класса, внутри «российского шляхетства». И крепостники и либералы выступали против революционно-демократической программы крестьянства, отстаивая дворянское землевладение и весь строй абсолютной монархии.

Во имя сохранения дворянского землевладения и всего «старого порядка» крепостники выступали против реформ, предлагали глубже окопать рвы, организовать мощные крепостные экономии и покрыть ими всю Россию, построить сельскохозяйственные и промышленные заведения, увеличить доходы помещика путем крепостнической интенсификации барской экономии. Завинчивание гаек крепостного режима и крепостное дворянское предпринимательство — вот платформа крепостника в начале XIX века.

Либеральный помещик выступал также во имя спасения дворянского землевладения и дворянской государственности. Но, понимая неизбежность отмирания крепостничества, он не переставал указывать на опасности усиления крепостного гнета и стремился спасти господство своего класса путем аграрных реформ. Либералы предлагали свести барщину и оброк к аренде, а крепостную зависимость к договорному обязательству. Они выступали, хотя и не без миллиона

[1] Цитирую по В. И. Семевскому, Крестьянский вопрос, т. I. стр. 379.

оговорок, за личную свободу крестьянина (безземельное освобождение) и за крестьянскую земельную собственность (выкуп крестьянином своего земельного участка).

Либеральный помещик положил первые кирпичи в фундамент помещичьей программы «освобождения» крестьян. Программа аграрных реформ либерального дворянства намечала ряд важнейших пунктов положения 19 февраля 1861 г. (личное раскрепощение, выкуп земли и т. д.). Когда сила развивающегося капитализма и крестьянские движения заставили российского помещика взяться за аграрные реформы, ему пришлось обратиться к аграрной программе либерального дворянства и осуществить ряд важнейших ее положений. Историческое значение дворянского либерализма в России начала XIX в. заключалось в том, что он наметил помещичью программу решения аграрного вопроса по прусскому пути.

С Бантке

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В 1917 Г.[1]

I

В «Письмах издалека» в конце марта 1917 г. Ленин писал: «Империалистская война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами. *Это превращение начато* февральско-мартовской революцией 1917 года...»[2]

Революция в России явилась одним из важнейших факторов, ускоривших развитие массового революционного движения во всем мире, в особенности в воюющих странах. Широкие массы рабочих, трудящихся и солдат связывали с русской революцией свои надежды на близкое окончание войны и на коренное изменение своего положения. С другой стороны, революция в России спутала все военно-стратегические планы союзников. Но воспитанные в военной школе буржуазии французские генералы, игнорируя этот величайший фактор истории, решили все же реализовать свои планы независимо от тех изменений, какие вносила революция в России как в международное положение, так и в военно-стратегическое положение, в особенности на русском фронте.

Каковы же были планы союзного командования? Каково было положение на фронте во Франции к весне 1917 г.?

Столкнувшись в мертвой схватке с вооруженной по последнему слову техники Германией, англо-французское командование придерживалось тактики так называемого ведения «войны на истощение». Были мобилизованы последние людские резервы, которые очень часто ставились на карту только во имя того, чтобы продвинуться на десятки метров.

Французская армия в результате такой тактики Жоффра все больше и больше истощалась и теряла свои последние резервы. Франция, как известно, поставила под ружье 9 миллионов человек.

---

[1] Исправленная стенограмма доклада, прочитанного в Институте истории Ленинградского отделения Коммунистической академии 25 апреля 1935 г.

[2] Ленин, Соч., т. XX, стр. 15.

Процент мобилизованного населения во Франции был больше, чем в любой из союзных стран. Французские социалисты в деле мобилизации оказали генеральному штабу французской армии неоценимые услуги. Это очень образно выразил Компер-Морель, один из ярых социал-патриотов, еще в самом начале войны: «Господа генералы, мы вам дадим людей, вы нам дайте победу».

Но несмотря на самую активную помощь со стороны Французской социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда, французские генералы ни в 1915 г., ни в 1916 г. не дали победы.

На секретном заседании военной комиссии Палаты депутатов ген. Галлиени сообщил, что на 1 марта 1916 г. потери французской армии исчислялись в следующих цифрах: убитых 800 тысяч, раненых 1 400 тысяч (в том числе тяжело раненых 400 тыс.), пропавших без вести (куда обычно включались и сдавшиеся в плен) 300 тыс. Иначе говоря, к весне 1916 г. Франция потеряла 2,5 млн. человек.

Знаменитые бои у Вердена летом 1916 г. обошлись французской армии очень дорого. По данным британского посла во Франции лорда Берти, во время операций у Вердена летом 1916 г. было убито 40 000, пропало без вести 45 000 и ранено свыше 100 000 человек. В то время как телеграф неизменно сообщал — «на Западе без перемен», в Аргоне, у Вевра, в лесах Грюери, Претр и других гибли десятки тысяч солдат, которых посылали захватить 5 или 10 метров земли, усеянной колючей проволокой, трупами людей и гниющей падалью лошадей. Это делалось для того, чтобы поддержать «моральный» дух армии. На языке тогдашнего главнокомандующего Жоффра этот метод ведения войны назывался «отгрызать по частям неприятельскую территорию». В большинстве случаев эти атаки не изменяли стратегического положения сторон и очень часто были заранее обречены на неудачу. Один из депутатов парламента подсчитал, что до весны 1917 г. в бессмысленных и заранее обреченных на неудачу мелких атаках погибло 400 000 солдат французской армии.[1] 400 000 человек во имя поддержания «морального» духа армии — это конечно было слишком. И Жоффр уже летом 1916 г. предлагает новый стратегический план, рассчитанный на широкое развитие военных операций на Балканском полуострове. Согласно этому плану, ближайшей целью этих операций должно было явиться соединение русских и союзнических сил, разгром Болгарии, перерыв сообщения между Турцией и центральными державами. Изолировав таким путем Турцию, союзная армия должна была создать южный путь в Россию через Салоники для более быстрого снабжения русской армии военным снаряжением.

Но ген. Алексеев, начальник русского генерального штаба, считал, что необходимо поставить себе более широкие задачи, а именно захват Константинополя, который, как известно, был предметом вожделения не только царских дипломатов и генералов, но и русской либеральной

[1] Paul Allard, Les dessous da la guerre, p. 32.

буржуазии, представитель которой Милюков летом 1916 г. ездил в Лондон зондировать почву по вопросу о Константинополе.[1]

Конечной целью всего плана Жоффра было выведение из числа противников Болгарии и Турции, а при успешном развитии операций и победа над основным противником — Германией.

Но жизнь очень быстро опрокинула планы союзников, и поэтому на очередном военном совещании, состоявшемся 1 февраля 1917 г. в Петрограде, рассматривается *новый* план, цели которого были ясно сформулированы представителем Франции ген. де Кастельно. По его мнению военные операции союзных войск должны были принять такой оборот, при котором «победа союзников будет вне всякого сомнения, и войну можно будет окончить в течение 1917 г.».[2]

Конференция принимает решение об организации широкого и одновременного наступления на всех главных участках фронта с 1 апреля по 1 мая 1917 г. Причем ген. Кастельно особенно настаивал на том, чтобы дата 1 мая являлась последней для всех союзников, так как Франция, по его заявлению, полностью будет готова к развертыванию операций к 1 апреля.

Но Франция, от имени которой с таким апломбом выступал ген. де Кастельно, не имела необходимых и достаточных резервов для развития решающих операций. Она хотела добиться получения от России не менее 400 000 солдат для переброски во Францию. Идея посылки русских солдат во Францию принадлежала бывшему тогда военным губернатором Индо-Китая Полю Думеру.

Еще в декабре 1915 г. Поль Думер побывал в России, обивал пороги русского царя и предложил в обмен на посылаемые Францией в Россию 150 000 винтовок прислать во Францию русских солдат.

Миссия Поль Думера кончилась не совсем удачно. Но то, чего не мог добиться действовавший с французским «изяществом» Поль Думер, добился деловой человек II Интернационала Альберт Тома. Он прибыл 3 мая 1916 г. в Петроград с Рене Вивиани с той же миссией — добиться присылки русских войск во Францию. В портфеле у Тома лежала прекрасная аттестация, данная ему президентом республики Р. Пуанкаре.

В своем письме к Николаю II Пуанкаре писал: «Альберт Тома, государственный секретарь, министр снабжения, руководил во Франции с удивительным умением и неутомимым усердием изготовлением артиллерийских снарядов и гранат (гаубичных). Ему лучше, чем кому-либо, известна та решающая роль, какую в нынешней войне,

---

[1] Вот что говорил П. Н. Милюков 19 июня 1916 г. после возвращения из-за границы в своем докладе, морской комиссии Государственной думы: «Я должен сказать, что в беседе с сэром Эдуардом Греем меня особенно порадовало определенное заявление о том, что *вопрос о проливах в глазах наших союзников стоит на одной очереди с вопросом об Эльзас-Лотарингии для Франции*». «Красный архив», 1933 г., № 3(58), стр. 9.

[2] Конференция союзников в Петрограде, Дело штаба верховного главнокомандующего, № 73, военно-исторический архив. Опубликовано в журн. «Красный архив», 1927, № 1 (20).

наряду с полевой артиллерией, играют тяжелая артиллерия, артиллерия дальнобойная (особой мощности) и количество снарядов крупных калибров. Он содействовал развитию во Франции той продукции, которая, к сожалению, и была и еще поныне является слишком слабо развитой у наших союзников. Для достижения этой цели он объединил для совместной работы и государственную и частную инициативу и заручился верным содействием как хозяев, так и рабочих. В течение долгих месяцев все производительные силы страны были употреблены на увеличение наших военных материалов, несмотря на что мы, тем не менее, все еще не можем достичь в этом отношении уровня все возрастающих потребностей. Г. Альберт Тома будет, я думаю, в состоянии сообщить вашему величеству и императорскому правительству ценные указания о встреченных нами на этом пути затруднениях и тех способах, путем коих мы их преодолевали».

А. Тома, принятый Николаем II, с жаром доказывал, что необходимо милитаризировать русских рабочих, и тогда русские заводы в десять раз увеличат производство военного снаряжения. А. Тома хотел передать свой «опыт» русскому империализму. Недаром русский представитель фабрикантов и заводчиков Коновалов, обходя французского посла в Петрограде Палеолога, хотел устроить свидание с А. Тома. Русские фабриканты и заводчики просили А. Тома выступить и откровенно заявляли: «Мы много ждем от его речи, и все, что он (А. Тома. — *С. Б.)* скажет, станет известным на заводах». [1]

Но как только патриотические речи А. Тома стали известны на заводах, получился совершенно неожиданный конфуз. Русские рабочие выступили с протестом и объявили Тома социал-империалистом.

Потерпев поражение у русских рабочих, А. Тома поспешил отправиться в ставку к ген. Алексееву. Уже 11 мая 1916 г. А. Тома и Р. Вивиани подписали соглашение о посылке во Францию между 14 августа и 15 декабря 5 бригад по 10 000 человек каждая и особой резервной части в 10 000 человек. [2] Социалист А. Тома нашел общий язык с царским генералом именно потому, что он не мог найти и не нашел общего языка с русскими рабочими.

Добившись таких крупных успехов в деле поставки русского пушечного мяса для своей родины, А. Тома вернулся в Петроград. Здесь министр иностранных дел Сазонов передал Тома личный подарок русского царя — дорогую братину из нефрита с двуглавым орлом.

Французская социалистическая партия могла гордиться своим достойным воспитанником. Тома в годы войны был ее высшей славой. Блестящий аттестат, данный Тома Пуанкаре, это аттестат всей ФСП, двуглавый орел, паривший над нефритовой братиной, полученной в подарок от царя, парил и над ФСП. Недаром царский

---

[1] Морис Палеолог, Царская Россия накануне революции, т. II, 1923, стр. 115.

[2] Текст соглашения опубликован в журн. «Красный архив», 1928, № 3—4 (28—29).

посланник в Париже А. П. Извольский с торжеством сообщал министру иностранных дел Сазонову: в статьях известного социалиста-радикала Густава Эрве в газете «Guerre Sociale», обыкновенно крайне враждебной России, и в целом ряде других газет «прямо указывается на необходимость предоставить Константинополь и проливы в полное и безраздельное пользование России».[1]

Густав Эрве только наиболее ясно и откровенно выразил точку зрения всей ФСП. Господа Ренодель, Тома, Блюм и К° выступают с защитой точки зрения русских ура-патриотов и требуют предоставить Константинополь и проливы в полное и безраздельное господство России.

Константинополь — вот настоящая цена русского пушечного мяса, которое поставляли Франции при помощи А. Тома Николай II, ген. Алексеев и К°. Именно в свете этого факта становится яснее «удача» А. Тома, предложившего царскому правительству не мелкую монету, подобно Полю Думеру (ружья в обмен на солдат), а настоящий банковый билет, на котором четко было выгравировано: Константинополь и проливы.

Но Франция также повысила свои требования. Она добилась от царского правительства согласия отстаивать следующие требования и гарантии территориального порядка для Франции:

«1. Эльзас-Лотарингия будет возвращена Франции.

2. Границы будут расширены по меньшей мере до пределов прежнего княжества Лотарингии и будут установлены по усмотрению французского правительства, причем должны быть приняты в соображение стратегические соображения (включение во французскую территорию всего железопромышленного бассейна Лотарингии и всего Саарского углепромышленного бассейна).

3. Прочие территории, расположенные по левому берегу Рейна, входящие в настоящее время в состав Германской империи, будут совершенно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости по отношению к ней.

4. Территории левого берега Рейна, не входящие в состав французской территории, составят автономное и нейтральное государство и будут заняты французскими войсками до тех пор, пока враждебные государства окончательно не удовлетворят всех условий и гарантий, помеченных в трактате о мире».[2]

В этих требованиях выражены ультраимпериалистические стремления французского финансового капитала. Германия должна была лишиться не только Эльзас-Лотарингии, Саарского угольного бассейна, но и всей территории на левом берегу Рейна. И для завоевания этих территорий французский генеральный штаб, выполнявший волю

---

[1] Секретная телеграмма Извольского Сазонову за № 143 от 18 марта 1915 г. Цит. по книге «Константинополь и проливы», Литиздат НКИД, 1925, стр. 283.

[2] Нота министра иностранных дел от 14 февраля 1917 г. за № 26 французскому посланнику в Петрограде. «Известия», № 221, 10 ноября 1917 г.

финансового капитала, готов был уложить не только всех русских, но и всех французских солдат.

По вычислениям опытных военных специалистов, из общего числа солдат всех союзных армий весной 1917 г. были обречены на верную смерть 2,5 млн. человек. Союзные генералы хотели на трупах этих 2,5 млн. солдат добиться еще в течение 1917 г. полной победы над Германией. Но русская революция внесла свои коррективы и нарушила «стройность» военных и империалистических планов союзников.

II

Осуществить план решающего наступления был призван генерал Нивелль, сменивший еще в июне 1916 г. на посту главнокомандующего ген. Жоффра. Генерал Нивелль — человек средних способностей и огромного честолюбия — имел за собой славу «полководца», готового рисковать. А это значило, что Нивелль не остановится перед тем, чтобы послать лишнюю сотню тысяч солдат на верную смерть. По поручению ген. Нивелля руководитель французской военной миссии в России ген. Жанен писал 21 марта 1917 г. ген. Алексееву о предполагаемом наступлении на западном фронте: «Принимая во внимание огромное значение ближайших операций для исхода кампании, я рассчитываю, что наступление русских войск будет иметь своей целью так же, как и наше наступление, достижение решительных результатов на своем фронте, вследствие чего оно будет рассчитано на длительный период и будет доведено до конца». [1]

Ген. Алексеев, учитывая моральное разложение русской армии, сообщил, что он не может выполнить взятые на себя обязательства и не развернет наступления в намеченные сроки. «Вынужденное и неизбежное, для сохранения в будущем, бездействие русской армии в ближайшие месяцы вынуждает, по мнению моему, не истощать до решительного момента французскую армию и сохранять ее резервы до того времени, когда совокупными усилиями мы будем способны атаковать врага на всех фронтах».

Это был первый сигнал. Русская армия благодаря революции начала выходить из военной игры союзников, и в этом должен был расписаться ген. Алексеев.

Один из основных моментов, из которых исходили господствующие классы во Франции, состоял в том, что дальнейшая задержка углубит начавшееся моральное разложение в армии, которая может последовать русскому примеру. Поэтому часть французского командования высказалась за организацию по плану Нивелля общего наступления на англо-французском фронте, и без помощи русской армии.

Еще в январе 1917 г. Ленин писал, что «революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс». [2] Огромное недовольство и озлобление масс со всей

[1] Ставка и министерство иностранных дел, «Красный архив», 1928, № 5 (30), стр. 29.

[2] Ленин, Соч., т. XIX, стр. 385.

силой давало себя чувствовать и во Франции. В конце 1915 г. и в особенности в 1916 г. по стране прокатилась волна стачек, охватившая и военные заводы.

Рост стачечного движения вызвал бешеную кампанию буржуазной прессы против рабочего класса Франции, причем буржуазная пресса подчеркивала, что все это «дело рук «Комитета по восстановлению международных связей» и Циммервальда».[1] В связи с забастовкой на оружейном заводе «Дион» в Париже травля против КВМС переходит в открытое требование немедленного ареста вождей французского циммервальдизма. «Le Rappel» писала 5 июля: «Саботаж наших военных заводов перешел из стадии длительной подготовки к началу исполнения... Вот наконец циммервальдисты за работой оперируют открыто и с полнейшей свободой». Автор статьи напомнил, что стачечное движение среди парижских портных, землекопов и др. кончилось успехом лишь благодаря тому, что во главе их стояли циммервальдисты. А теперь, — продолжал он, — французские циммервальдисты сумели повлиять на работниц, и «эти честные француженки прекратили производство винтовочных частей... и дали себя «циммервальдизировать» из-за простого вопроса о распределении труда». Буржуазная пресса требовала навсегда положить конец пагубному влиянию циммервальдистов, которые саботируют оборону и мешают победе.

Массовый революционный поток в 1915—1916 гг. нарастал не только в рабочем классе, игравшем авангардную роль, но и среди трудящихся города и деревни. По мере обнищания масс среди крестьян и мелкой буржуазии городов и, что особенно важно, среди солдат растет недовольство и усиливаются антивоенные настроения. Пуанкаре писал 17 октября 1916 г. о том, что часть прессы «эксплоатирует неизбежную усталость и растущую нищету... и сеет отчаяние. Все это пока неопределенно и туманно, но в воздухе, которым дышишь, чувствуешь что-то смутное и тревожное».

«Французские массы, — писал Ленин, — это, может быть, одни из самых опытных, политически самых воспитанных, самых живых и отзывчивых масс».[2]

И народные массы ищут ответа на вопрос о том, почему же, несмотря на обещания господ министров, генералов и социалистов окончить войну в несколько месяцев, война затягивается. Среди французского народа начинают циркулировать ответы на этот вопрос. Вот некоторые из них: «Войну тянут генералы и офицеры, чтобы добиться высоких окладов». «Если война тянется так долго, то в этом повинны министры и депутаты, заинтересованные в ней». «Войну

[1] «Комитет по восстановлению международных связей» был организован в начале 1916 г. и объединял оппозиционные элементы французской социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда. В состав Комитета входили также и анархисты. Будучи в основном пропагандистской организацией, КВМС сыграл известную положительную роль в деле борьбы против социал-шовинизма и войны.

[2] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 28.

заставляют тянуть газетчики: видно, сами они не на войне и у них никого там нет». «Это торговцы пушками затягивают войну к своему удовольствию. Чорт возьми! Легко понять, почему». «На фронте не видать буржуев, там одни бедняки».

Эти ответы, которые со злобой приводит в июле 1916 г. в одной из своих ультрашовинистических статеек Густав Эрве, характеризуют рост антивоенных настроений среди широких масс трудящихся, которые, медленно высвобождаясь от шовинистического угара, начинают понимать, кто действительно заинтересован в продолжении войны. Эти антивоенные настроения постепенно переходят в призыв к действиям. В сентябре 1915 г. мобилизованные крестьяне Лиможского департамента, уходя на фронт, настойчиво советуют своим родным сокращать посевы, чтобы этим ускорить окончание войны. В Бретани, этом реакционном оплоте католического духовенства, в Орлеане и других местах среди крестьян широко распространяется идея о том, что «единственное средство остановить войну заключается в прекращении обработки земли». На сокращении посева настаивали и письма с фронта, так как это может приблизить заключение мира. То же самое повторяли приходившие в отпуск с фронта. Солдаты требовали в своих письмах с фронта от родных отказа от подписки на военные займы и обрушивались с гневом на тех, кто подписывался на займы, так как это затягивало войну. Об этом вынуждена была говорить и пресса. «Action Française» писала о том, что во Франции, в особенности среди крестьян, распространяют слух: «Не надо подписываться на будущий заем, чтобы принудить этим правительство заключить мир, тем более, что германцы никогда не покинут занятых ими французских территорий».

Газета «Libre Parole» в конце октября 1916 г. приводит слова одной французской крестьянки: «Это — последний хлеб, который молотится до конца войны. У меня трое сыновей и зятья в армии. Пока они не вернутся, я не буду засевать. Когда не будет хлеба, придется кончать войну». Когда господин патриот пытался объяснить ей обязанности ее перед родиной, крестьянка заявила: «Да, вы говорите так потому, что вы занимаетесь политикой и по этой причине стоите на стороне государства. Но другие рассуждают иначе, чем вы».

Уже эти факты показывают, что в 1915—1916 гг. крестьяне начинают не только рассуждать иначе о войне, чем в первые месяцы ее в 1914 г., когда они заполняли мобилизационные пункты, но и переходят к своеобразным формам борьбы против войны. Это — показатель нарастания широкого народного движения против войны. И не даром министр Бриан, ренегат социализма, заявил, что распространение «гнусных слухов» против военных займов, за сокращение посевов, против попов и богачей будет караться со всей строгостью военных законов.

Ленин, всегда внимательно следивший за развитием международного рабочего и революционного движения, обратил особое внимание на те изменения, какие происходили в настроениях крестьянских масс во Франции, являющихся резервом пролетарской революции. Ленин

с настойчивостью рекомендовал поддерживать, расширять и углублять начавшееся народное движение против войны.

Нараставшее массовое движение толкало циммервальдистов к действиям, и 24 июня 1916 г., когда в Палате депутатов шло очередное голосование военных кредитов, Бризон от имени трех кинтальцев выступил с декларацией. Бризон заявил, что в этой войне не будет ни победителей, ни побежденных, что они присоединяются к манифесту немецкой оппозиции, которой с высоты французской Палаты они протягивают руку, что «они и мы остаемся верны старым решениям международных социалистических конгрессов. Мы стоим за окончание войны, за немедленное перемирие, *мы полагаем, что рабочий класс должен вмешаться, чтобы добиться его*». [1]

«Чтобы помочь этим людям, — продолжал Бризон, — в их суровой борьбе против войны, за мир без аннексий, за немедленное перемирие, мы объявляем, что их слова являются также и нашими. Мы протестуем против речи в Нанси».

Это заявление, направленное против президента республики Пуанкаре, произнесшего в Нанси ультраимпериалистическую речь, вызвало большой шум и протесты со стороны председателя Палаты, на что А. Блан подал реплику: «*Мы признаём, что наша декларация будет иметь больший успех в траншеях, чем здесь*». И после того как Бризон закончил декларацию заявлением о том, что они голосуют «против военных кредитов за мир, за Францию, за социализм», депутат Дюкло-Монтейль констатирует, что во французской Палате *нашлось* три социалиста, одобряющих подобную речь, на что А. Блан снова подает реплику: «*Есть много солдат, которые думают, как мы*». [2]

Нужно помнить, что и Бризон, и Блан, и Раффен-Дюжанс меньше всего были сторонниками поражения своей буржуазии, превращения империалистической войны в гражданскую. Выступая с подобной декларацией, они заявляли, что «действуют как хорошие французы и хорошие социалисты».

Отсюда совершенно ясно, что кинтальцы продолжали разделять социал-центристские взгляды об обороне отечества, которому они — «хорошие французы» — хотели служить лучше, чем люди справа. Три кинтальца продолжали барахтаться в центристском болоте. Вместе с тем факт голосования против военных кредитов означал движение вперед, к интернационализму. Вот что писал Ленин по этому поводу: «Деятельность Бризона, когда он разделяет слабости центра или болота, поражена бесплодием. И, напротив, деятельность Бризона перестает быть бесплодной, она организует пролетариат, пробуждает и встряхивает его, когда Бризон на деле разрушает «единство» и когда в парламенте он мужественно восклицает «долой войну!», или когда он публично говорит правду, заявляя, что союзники дерутся для того, чтобы отдать России Константинополь». [3]

---

[1] Подчеркнутый нами абзац был вычеркнут из стенографического отчета Палаты депутатов.

[2] См. «Journal Officiel» du 25 juin 1916.

[3] Ленин, Соч., т. XXX, стр. 287.

КВМС опубликовал декларацию Бризона отдельной листовкой. За обнаружение ее, в особенности у солдат, предавали суду и обвиняли в антимилитаристической пропаганде. Но, несмотря на это, листовка находит довольно широкое распространение и становится известной не только рабочим в тылу, но и солдатам на фронте. Эта листовка помогает оформить массовое недовольство, которое нарастает в армии в 1915 г. и в особенности в 1916 г. О нарастании недовольства в армии можно судить по потоку писем-протестов, получаемых местными и центральными организациями ФСП и ВКТ и редакцией «L'Humanité» и других газет. Если в первые месяцы войны «L'Humanité» не публикует даже сообщений о получении писем, то с осени 1915 г., т. е. на второй год войны, изредка начинают мелькать сообщения или отрывки из писем с фронта. Солдаты жалуются на неполучение отпусков с начала войны, на произвольное лишение 70% скидки с железнодорожного тарифа для возвращающихся с фронта на военные заводы, на то, что по требованию «элегантных» дам буржуазии солдат выгоняют из помещения первого класса на вокзалах, и т. д. [1]

Особо энергичные протесты вызывает у солдат «работа» в армии католических попов. В то время как призывались самые пожилые возрасты, в то время как было призвано 34 480 народных учителей и сотнями закрывались школы согласно распоряжению министра, служители культа в большинстве освобождались от военной службы, а 12 580 молодых, не имевших еще сана священника, были зачислены санитарами в тыловые госпитали. В армии шла усиленная клерикальная пропаганда. Неверующих заносили в черные списки и лишали отпусков. Солдат, в особенности в госпиталях, заставляли посещать богослужение.

Среди солдат крепко держалось мнение о том, что все богачи, политиканы, сыновья и зятья министров и генералов являются «амбюске» (т. е. «спрятавшиеся в кусты»). «Если ты богат, ты можешь откупиться от опасностей фронта», — это мнение было широко распространено во Франции и не только среди солдат. Армия «амбюске», по мнению компетентных людей, насчитывала 300 000 человек, вполне годных к военной службе. Совершенно естественно, что против 15—20-тысячной армии попов, укрывшихся в госпиталях и игравших там роль шпионов, против 300-тысячной армии «упрятавшихся в кусты» направлялось недовольство тех, кто в траншеях по колено в воде истекал кровью, не получая ни теплой одежды, ни удовлетворительного питания, ни смены, ни отпусков. Уже в 1915 г. среди солдат начинают появляться рукописные воззвания с протестами против скверного обращения офицеров. Вот одно из них.

> «Группа солдат территориальных войск выражает энергичный протест против моральных и физических мучений, причиняемых нам командиром роты. Пусть народ протестует против злоупотреблений

[1] «L'Humanité», 11, 12, 16 septembre 1915.

военных властей. Мы — отцы многочисленных семейств, и все же мы предпочитаем итти на фронт, чем подвергаться насилиям этого палача. Группа отцов семейств; заранее благодарим». [1]

Солдаты заранее благодарят тех, кто поддержит их протест «против злоупотребления военных властей».

После своего возвращения из Кинталя и в особенности после того, как на фронте стал известен факт голосования французских циммервальдистов против военных кредитов, Бризон, Блан и Раффен-Дюжанс получают огромное количество писем с фронта, являющихся важным показателем нарастания революционных настроений в солдатской среде в 1916 г.

Солдат 55-го пехотного полка, 5-й роты, писал 22 мая 1916 г.: «Дорогой друг, продолжайте итти той же дорогой, так как она правильна. Мы ждем от вас, что вы будет говорить о солдатах». 29 мая из госпиталя в Гренобле солдат, раненый под Верденом, пишет: «Пусть же те, кто побывал в Кинтале, будут смелее, бойцы фронта вас приветствуют». Об этом же пишет солдат 32-го стрелкового полка: «Понятно, что вас критикуют те, кто не с нами здесь, а прячется в тылу. Но мы, фронтовики, не желаем больше того, что вы требуете, мы приветствуем вас».

А вот отрывок из солдатского письма 1916 г.: «Несмотря на то, что ваши сотоварищи не одобряют вашей поездки в Кинталь, мы, боевики фронта, одобряем ваш поступок. Помните, что за вами стоят те, кто страдает и находится в опасности». О том же пишут с другого участка фронта, из 27-го пехотного полка: «Продолжайте смело, не сдавайте вашего дела и вашей пропаганды, несмотря на преследования. Вы имеете за собой почти большинство сражающихся на фронте и всех жен и матерей мобилизованных».

Солдаты фронта понимали империалистический характер войны, о чем свидетельствует отрывок из письма артиллериста 42-го артиллерийского полка: «Мы все согласны с вами, дабы протестовать против этой войны и ее продолжения. Этой войны добивалась 44 года партия реакционеров, среди которой наиболее ярким представителем является его величество Пуанкаре».

И наконец один солдат 276-го пехотного полка писал: «Мы хотим мира во что бы то ни стало, немедленного мира, так как мы уверены, что этот мир, каков бы он ни был, значительно лучше, чем те последствия, какие сулит нам война до победного конца».

Солдаты прекрасно понимали, что последствием войны будет еще бо́льшая эксплоатация, еще больший нажим на рабочий класс и крестьянство. «Если мы сейчас работаем с утра до ночи, то после победы нас заставят работать и днем и ночью, дабы восстановить то, что мы разрушили», — так рассуждал солдат 19-го артиллерийского полка. [2]

[1] «L'Humanité», 24 novembre 1915.

[2] В связи с шовинистической кампанией против Германии, продолжавшейся с неменьшей силой после войны, А. Блан опубликовал отрывки из солдатских писем с фронта в своей статье «Les morts et survivants», «L'Humanité», du 12 février 1922. Все выдержки из солдатских писем взяты нами из указанной статьи А. Блана.

В своей статье А. Блан писал, что Бризон и Раффен-Дюжанс также получили большое количество писем, которые не прошли через цензуру и являются документами эпохи. В этих письмах возмущение фронтовиков порой переходило в гнев. Этот гнев доходил и до сознания верхов. 28 октября 1916 г. Пуанкаре вынужден записать в свой дневник: «В конце октября офицеры связи сообщают мне, что среди наших «бородачей» («пуалю»), особенно среди территориальных войск, начинает проявляться какое-то плохое настроение».

Пуанкаре очень мягко выразился «плохое настроение», но всякий мало-мальский знающий армию понимает, что значит распространение в армии, в особенности в действующей, плохого настроения, — это начало деморализации, начало разложения армии.

Устои французского империализма в первые годы войны подрывались не только массовым рабочим движением, брожением среди крестьян, «плохим настроением» в армии, но и национально-революционным движением колониальных народов, находившихся под гнетом французского империализма.

Уже осенью 1915 г. в Тунисе начинают действовать повстанческие отряды, которые буржуазная печать объявляет «бандами грабителей». Перейдя 17 сентября 1915 г. из итальянской колонии Триполитании на территорию Туниса, партизанские отряды объединяются с туземными тунисскими племенами, пытаются перервать телеграф и совершают нападение на транспорт провианта. Затем повстанцы сконцентрировали свои силы и в течение недели осаждали французский военный пост. Только после прибытия подкреплений французские войска сумели отбить повстанцев и заставить их 9 октября отступить.[1]

В июне 1916 г. во Французском Марокко организуется повстанческий отряд под руководством Сида-Рого, который в районе Фее и Таза ведет бои против правительственных войск.

В конце 1916 г., в связи с введением принудительной военной службы, алжирские крестьяне из племени кабил подняли под руководством Бах-ага-Мотаны знамя восстания против французских империалистов. В это время в Алжире не было достаточного количества войск, и кабилы в течение нескольких недель упорно сражались, одерживая победу за победой. Кабилы сумели удержаться сравнительно долго, вплоть до начала 1917 г., в хорошо знакомом им горном массиве Орес. Этот неожиданный удар в глубоком тылу заставил французских империалистов послать целых две дивизии против «внутреннего» врага. Во имя торжества «цивилизации» и «культуры» французская артиллерия сносила с лица земли целые деревни, а пехота сотнями расстреливала повстанцев.

Уже эти факты показывают, что французские солдаты убеждались на собственном опыте в бессмысленности войны, затеянной капиталистами, и подчеркивают нарастание в помощь пролетарскому движению во Франции встречного революционного потока в глубоком тылу французского империализма — в колониях. Но революционные пото-

[1] «L'Humanité», 21 octobre 1915.

ки, неравномерно нараставшие в рабочем классе, среди крестьян, солдат и среди угнетенных народов во французских колониях, не объединялись единой политической организацией, едиными политическими лозунгами.

В зимнюю кампанию 1916—1917 гг. ухудшилось снабжение армии продовольствием, обмундированием и боевым снаряжением. На фронт были брошены последние резервы, состоявшие из стариков и юношей. Среди солдат усилились демобилизационные настроения и участились случаи братания.

Но наибольшее влияние, конечно, оказала русская революция. Недаром Густав Эрве в своей шовинистической газетке «La Victoire» должен был признать, что «эта проклятая революция сильнее поколебала моральное равновесие солдат на фронте, чем утомление, редкие отпуски и вести о парижских народных волнениях».

Особое значение в деле революционизирования французской армии имели русские части, составлявшие русский экспедиционный корпус во Франции.

Каковы были настроения в русских частях? Французское командование в течение полугода держало русские части на самых опасных участках фронта. Только в марте 1917 г. русские части были отведены в тыл на отдых. Несмотря на самую строгую изоляцию, вести о революции в России стали все же проникать и в русские части. Не только в лагеря, казармы, госпитали, но и на фронт к русским солдатам стали попадать газеты, листовки, брошюры. Политические эмигранты-большевики в Париже и других городах Франции начали вести систематическую пропаганду среди русских солдат. М. Н. Покровский, который вел весной 1917 г. пропаганду в госпитале Мишле в Париже, писал о русских солдатах, что «такой живой аудитории, как эта масса искалеченных и, казалось бы, достаточно занятых своим личным горем людей, я не встречал даже в 1905 г.» [1]

Солдаты ознакомились с знаменитым приказом Совета рабочих и солдатских депутатов о правах солдата-гражданина. 29 марта 1917 г. в 5-м полку 1-й бригады происходит общее полковое собрание. Было решено создать солдатский клуб, который должен был объединять солдат. В других полках тоже произошли собрания. Солдаты требовали создания клубов, выпуска своей солдатской газеты. Солдаты настойчиво начинают требовать возвращения в Россию. Отдельные солдаты предлагают арестовать офицеров. На 31 марта было назначено 4 собрания различных полков, но в ночь под 31 марта был отдан приказ выступить на фронт. Солдаты, подчинившись приказу, устроили ряд митингов по дороге на фронт. Уже в пути в каждой роте выделяют делегатов и создают батальонные и полковые советы солдатских депутатов. Кроме того русские солдаты решают послать двух делегатов в Петроград в Совет рабочих и солдатских депутатов. Пулеметчики сорвали со своих касок двуглавых орлов. Большинство пехо-

[1] М. Н. Покровский, предисловие к сборнику «Октябрь за рубежом». 1924.

тинцев украсило красными ленточками свои фуражки, а кое-кто надел на штыки маленькие красные флажки. Порой казалось, что русские части во Франции напоминают собой красных партизан, случайно попавших из революционной России в «демократическую» Францию.

Стихийная революционность русских частей не могла не отразиться на соседних французских частях. Недаром Пенлеве писал, что «пример, который русские солдаты подавали своими советами, митингованием, поведением по отношению к своим офицерам, деморализовал соседние французские войска, и последствия деморализации чувствовались на всем фронте».[1]

Не менее любопытно заявление тогдашнего начальника генштаба ген. Петена, которое он сделал командующему русскими частями ген. Занкевичу. Петен возражал против дальнейшего оставления на фронте русских частей с выборными комитетами: «Как вам известно, факт введения комитетов в вашей армии вызвал у нас ряд случаев тяжелого нарушения дисциплины на почве требования подобных же комитетов. В настоящее время мы справились с этим явлением. Появление на фронте ваших войск с комитетами в какой бы то ни было форме грозит возобновлением упомянутых выше случаев тяжкого нарушения дисциплины, чего я не могу допустить... Я могу согласиться на оставление вашей части на французском фронте лишь при полном упразднении комитетов, т. е. при возвращении к прежней дисциплине».[2]

Для того, чтобы вернуть русских солдат к прежней дисциплине, господа генералы решили превратить русские части в «летучую бригаду» или нечто вроде существовавших в годы войны в России «батальонов смерти». Для русских выбирались самые опасные и безнадежные участки фронта, чаще всего — оставленные французскими и английскими солдатами. Русских посылали в атаки без всякой предварительной артиллерийской подготовки. Не давая им передышки, бросая с одного опасного участка фронта на другой, растратив в бесполезных атаках значительную часть русского экспедиционного корпуса, ген. Занкевич надеялся этим способом «выбить из солдатской головы революционную дурь».

Но совершенно неожиданным последствием этого блуждания русских частей по фронту явилось то, что вести о русской революции были очень широко распространены. Французские солдаты встречались с солдатами этой стихийно революционной «летучей бригады» в окопах, лагерях, в госпиталях, на станциях железных дорог, в вагонах. Многие русские уже овладели французским языком. На вопрос французского солдата: «У тебя дома, в России, революция, ты почему не едешь домой?» — русский солдат обычно отвечал: «Твои генералы не пускают, если бы их убрать, мы все были бы дома». Уже этот разговор чаще всего у солдатской лавочки или на перроне вокзала заставлял французских солдат призадумываться.

---

[1] Painlevé, Comment j'ai nommé Foch et Petain, p. 157.

[2] Шифрованная телеграмма ген. Занкевича из Парижа от 21 апреля 1917 г., за № 1106, «Красный архив», 1931, № 1 (44), стр. 155—156.

Петен ошибался, когда заявлял, что они справились с тяжелыми случаями нарушения дисциплины. Французская армия явно разлагалась. В ряде воинских частей солдаты устраивают демонстрации и приветствуют русскую революцию. Иногда демонстрации проходят под красным знаменем. Были отдельные случаи, когда солдаты заставляли офицеров отдавать честь красному знамени. В окопах довольно часто раздается «Интернационал», песнь «Салют 17-му полку», как известно, отказавшемуся в 1907 г. стрелять в восставших крестьян на юге Франции. В ряде частей тайным образом собираются подписи за образование Советов рабочих и солдатских депутатов. Кое-где создаются первые нелегальные ячейки, пытающиеся найти связь с французским рабочим революционным движением. Стачечники получают с фронта от солдат-рабочих письма, в которых солдаты заявляют, что стачечники могут рассчитывать на их поддержку в том случае, если положение будет более серьезным. Один из парижских корреспондентов журнала «Demain» писал весной 1917 г., что «народное брожение, углубляемое страданиями, готово вылиться наружу. Этот факт главенствует теперь надо всем. Достаточно какого-нибудь незначительного пустяка для того, чтобы могучие инстинкты, находящиеся теперь в скрытом виде, проявились во всей своей силе».

Подъем революционного движения в стране подстегивал господствующие классы и заставлял их ускорить общее наступление, чтобы в шовинистическом угаре подавить нараставшие ростки революции во Франции.

III

Одной из важнейших гарантий всякого наступления является его неожиданность и полная неосведомленность противника. Но уже в феврале 1917 г. план апрельского сражения попадает в руки германского верховного командования. Этот план был найден у французского капитана 2-й дивизии, убитого во время боя. Людендорф в своих воспоминаниях пишет: «Это было чрезвычайно важное указание, которое позволило нам не прислушиваться к известиям относительно атак в Лотарингии и Зундгау». Бравый генерал Нивелль все это скрыл не только от своих помощников, но и от правительства.

В марте немецкое командование перестраивает свои позиции. Немецкие войска отводятся на линию Гинденбурга. Сократив линию своего фронта, немецкие войска заняли более выгодную в стратегическом отношении позицию. Кроме того немецкое командование сосредоточило в районе реки Эн, по данным французского генерального штаба, около 90 дивизий.

Все эти факты, показывавшие всю невыгодность развертывания атаки по старому плану, не остановили ген. Нивелля. Дело дошло до того, что против плана Нивелля выступили командующие армейскими группами генералы Мишле и Франше-д'Эспре. На заседании военного комитета 3 апреля Нивелль с горячностью отстаивал свой план и доказывал, что «неприятельский фронт будет прорван без потерь, а плоскогорье Краон он уже имеет в кармане», так как оно окружено

со всех сторон французскими войсками. По плану Нивелля победа будет решена в 24, максимум в 48 часов, после чего начнется преследование неприятеля и вступление французских войск в легко занимаемые города. В этом «гениальном» плане, который детально дорабатывали помощники Нивелля, был предусмотрен триумфальный въезд нового Наполеона на белой лошади в побежденные, правда, французские города. Но оппозиционные генералы снова и снова высказывают свои сомнения, доводя их до сведения правительства. Внутри верховного командования намечается явная трещина. Военный министр Пенлеве колеблется и не решается всем своим авторитетом поддержать Нивелля. Он начинает подозревать, что Нивелль ставит на карту не только несколько действующих армий, но и всю резервную армию Франции. На совещании 5 апреля у Пуанкаре Пенлеве и Рибо заявляют, что «теперь не время все ставить на карту». Интересно отметить, что социалист Тома вместе с морским министром Лаказом полностью поддержали Пункаре, вдохновлявшего Нивелля на «победу».

В тот же день Пуанкаре получил докладную записку ген. Мишле, в которой последний доказывал, что апрельское наступление — явная авантюра и что необходимо немедленно дать приказ об отсрочке его до более благоприятного момента.

Пуанкаре в ставке главнокомандующего в Компьенском лесу созывает 6 апреля под своим председательством чрезвычайный военный совет, на котором присутствуют премьер-министр Рибо, военный министр Пенлеве, министр военного снаряжения социалист А. Тома, морской министр адмирал Лаказ, верховный главнокомандующий ген. Нивелль и генералы Кастельно, Мишле, Петен и Франшэ-д'Эспре. Кое-кто из генералов вновь выступил против всего плана, но генерал Нивелль нашел авторитетную поддержку у Пуанкаре. Последний заявил, что так как нет единодушия среди военных, то военные соображения должны отойти на задний план, и наступление нужно произвести во что бы то ни стало, так как этого требуют высшие интересы Франции.

В чем же состояли эти высшие интересы Франции? Почему Пуанкаре до наступления четвертой зимней кампании стремился, рискуя сотнями тысяч солдат, нанести последний и решительный удар Германии? Это нельзя объяснить тем, что генерал Нивелль, в противоположность Жоффру, хотел рисковать. Франция устала от войны, народные массы становились все активнее и активнее. С полным основанием парижский корреспондент журнала «Demain» мог писать, что «революция грохочет во Франции и, несмотря на видимость спокойствия, несмотря на оптимизм газет и журналистов, положение чрезвычайно тяжелое... Русская революция оказала благотворное воздействие: французские рабочие и солдаты хотят последовать примеру своих героических русских товарищей... Фронт охвачен революционным духом».

Пуанкаре это прекрасно понимал и так же, как и русский ген. Занкевич, бросая в авантюристическую атаку сотни тысяч, хотел этим «выбить революционную дурь из солдатских голов» и подавить нара-

ставшее революционное брожение. Такова была выдвигавшаяся французской буржуазией классовая задача, которую должен был выполнить ген. Нивелль.

После принятия под давлением Пуанкаре и при явной поддержке социалиста Тома окончательного решения о наступлении, во французских и английских войсках началась усиленная моральная подготовка. Солдат заверяли, что это будет последнее наступление, наступление мира, которое должно привести к полной победе над Германией.[1] Солдатам обещали быструю и решительную победу, немедленные отпуска и немедленную демобилизацию старших возрастов. Целый ряд частей, которые непрерывно находились на передовой линии огня, был задержан, несмотря на то, что их должны были отвести на отдых в тыл. Всех, начиная от рядового солдата и кончая высшими офицерами, обнадеживали перспективой легкой, быстрой и решительной победы. «Громадная и величественная надежда охватила всех, надежда освободительной битвы, которая отбросит в несколько дней завоевателей по ту сторону Мозеля, может быть за Рейн», так впоследствии патетически писал тогдашний военный министр Пенлеве.

В штаб 5-й армии, которой командовал «строптивый» генерал Мишле, прибыли 15 апреля социалист Ренодель и радикал Клемансо. Своим присутствием редактор «L'Humanité» Ренодель стремился воодушевить генералов на «последнее, решающее» сражение.

Так господа социалисты внесли и свою лепту в это наступление.

Выполняя задание французской буржуазии, военное командование собрало для апрельского наступления 1 400 000 человек при 5580 тяжелых и легких орудиях, 200 танках и сосредоточило на фронте 33 млн. снарядов. «По количеству собранных здесь войск, артиллерии, снарядов, авиационных средств и танков атака французов между Суассоном и Реймсом представляла собой наиболее грандиозное предприятие за всю войну».[2]

Первые атаки начались 12 апреля, а решающая атака должна была по плану быть развернута 16 и 17 апреля. Но неспособность и тупость французского командования, не проведшего даже требуемой артиллерийской подготовки и бросившего в беспорядочную атаку сотни тысяч людей, привела французскую армию к крупнейшему поражению за все годы войны. Встреченные сильным пулеметным и артиллерийским огнем с горных массивов, господствовавших над долиной реки Эн и находившихся в руках немцев, огромные массы людей бросились назад, но их гнала вперед французская артиллерия, бившая по своим. Вот как на тайном заседании парламента и сената 29 июля 1917 г. депутат Ибарнегаре описывал это сражение:

«Я вижу перед собой и всю жизнь буду видеть равнину реки Эн. Спустя четверть часа после начала нашего наступления без плана блу-

[1] См. об этом ст. Marsel Fourrier, Le mutineries des soldates sur le front français — mai — juin 1917, «La Correspondance Internationale», № 56, 21 mai 1927.

[2] А. М. Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг., М. 1931, стр. 308.

ждают черные войска, ища своих руководителей. Их косят снаряды, по ним стреляют наши 75 миллиметровые пушки. В 6 часов утра началось сражение, в 7 часов оно было проиграно. Утренний сон был окончен. Сон о продвижении вперед, сон о мужественном, стремительном наступлении».[1]

После утренней атаки 16 апреля между немецкими и французскими окопами оказалось свыше 20 000 французских солдат, не успевших вернуться в свои окопы. Французское военное командование, зная об этом, подготовляя новую атаку, все же дало приказ артиллерии уничтожить немецкие пулеметные гнезда, скрытые в долине. Вместе с несколькими пулеметными гнездами французская артиллерия сознательно расстреляла в тот день 20 000 своих солдат. Ген. Нивелль на костях своих солдат готовил новую атаку.

Несмотря на явный провал всего «грандиозного» плана «последнего» наступления, что было уже ясно и 17 и 18 апреля, верховный главнокомандующий ген. Нивелль на запрос английского маршала Хега отвечал 21 апреля, что «ничего не изменилось в его планах... в частности, никакого приостановления операций не предвидится».[2]

По всему фронту был предпринят ряд новых атак, но с тем же безуспешным результатом. Белые лошади, на которых должны были въехать во взятые города Нивелль и Мажино, спокойно жевали овес в конюшнях замка Компьен. В это же самое время нетерпеливый генерал посылал дивизию за дивизией на верную смерть.

По настоянию английского командования 4 мая 1917 г. в Париже была созвана секретная военная межсоюзная конференция, на которой было установлено, что «план наступления, начатого в апреле, сделался невыполнимым, прорыв фронта не может быть произведен в ближайшее время».

Авторитет ген. Нивелля был подорван настолько, что в армии даже офицеры стали распространять слух о необходимости его снятия и предания суду. По требованию Пенлеве Нивелль согласился подать в отставку. 29 апреля он был назначен начальником генерального штаба. Однако, покровительствуемый президентом республики, Нивелль изменяет данному слову и отказывается немедленно уйти в отставку. Он намечает новый план атаки, предпринятой на этот раз не для прорыва, а исключительно для того, чтобы захватить несколько километров территории у неприятеля.

Нивелль наметил эту скромную задачу с надеждой, добившись небольшой победы, уйти с поста главнокомандующего в момент, когда военная сводка будет говорить о продвижении французской армии вперед.

Исключительно во имя честолюбия ген. Нивелля было собрано на небольшом пространстве 32 французских дивизии. Условия наступления с военно-стратегической точки зрения на этот раз были еще хуже, чем 16 апреля, но это не могло остановить главнокомандующего.

---

[1] P. Allard, Les dessous de la guerre, p. 113—114.
[2] P. Painlevé, Comment j'ai nommé Foch et Petain, p. 12.

Наступление началось 5 мая, продолжалось 6 и с перерывами до 10 мая. В огонь посылалась дивизия за дивизией.

После новых грандиозных жертв (во время сражения убито 160 000 французских солдат, 5 813 русских и 8 862 сенегальца) было взято плоскогорье Краон, господствующее над долиной реки Эн.

Несмотря на понесенные во время наступления в апреле и мае огромные жертвы (по некоторым подсчетам из французской армии выбыло убитых, раненых и взятых в плен около 400 000), «операция, предпринятая силами и средствами, не встречавшимися до того времени, против противника, безусловно слабейшего, кончилась занятием нескольких выгодных тактических пунктов, не изменив ни в чем стратегического положения сторон».[1]

Линия Гинденбурга осталась нетронутой, а потери немецкой армии, по сравнению с французской, были ничтожны.

IV

Это было самое грандиозное поражение французской армии за все годы мировой войны, и оно имело огромное революционизирующее влияние на массы французских солдат. Это поражение раскрыло глаза тем сотням тысяч солдат, которые в течение ряда дней лежали ранеными у Шмен-де-Дам и Суассона и не получали никакой помощи, и тем, кто успел уйти невредимым из линии огня. Фронтовые солдаты стали ясно понимать, что сотни тысяч французских солдат были брошены на бойню честолюбивым ген. Нивеллем, «умевшим» рисковать чужими жизнями во имя интересов французской буржуазии. Недовольство, накопленное за годы войны в солдатских массах, быстро переросло под влиянием поражения в революционные настроения и революционные действия. Значительную часть французской армии охватывает революционное брожение. По данным Гастона Брюйяна, начальника отдела наблюдения за моральным состоянием армии при главном штабе, беспорядками в мае 1917 г. были охвачены: 75 пехотных полков, 22 егерских полка, 12 артиллерийских полков, 2 колониальных пехотных полка, 1 батальон сенегальцев и 2 части, не имевшие еще назначения.[2]

Уже во второй половине апреля отдельные сменяемые части, направлявшиеся на отдых в тыл, встречали по дороге солдат и население возгласами: «Да здравствует мир!» Возвращавшиеся с фронта солдаты рассказывали в тылу о том, что французские войска во время атаки наткнулись на не разрушенные артиллерией немецкие укрепления: «нас послали на невыполнимое дело», — заявляли они.

Участник боя западнее Бримона, пехотный лейтенант писал 10 мая Густаву Эрве: «На том же самом месте, где в апреле 41 дивизия приносит себя в жертву, 4 мая я присутствовал и участвовал в новой

[1] А. М. Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг., стр. 309.

[2] P. M. Les mutineries de Champagne, «La Vie Ouvrière», № 29, 21 novembre 1919. Примерно те же данные приводит в своей книге «Les dessous de la guerre» P. Allard.

резне, в которой меньше чем за час бесполезно погибло 2500 человек. Совершенно безрезультатна артиллерийская подготовка... Неприятельские укрепления совершенно нетронуты, лес почти не поврежден (там пели птицы), кишит пулеметами, из которых некоторые находятся в казематах, бетонированных прикрытиях. Итти в атаку было чистым безумием, но тем не менее мы пошли. В ночь с 3 на 4 мая нас отправили в передовые окопы, из которых мы должны были пойти на штурм... Не было дано никаких предварительных приказов, мы не имели никаких указаний. Наша артиллерия абсолютно безмолвствовала, и так продолжалось до 5 час. 30 мин. Затем с 5 час. 30 мин. до 6 час. 15 мин. шла незначительная подготовка: легкая артиллерия обстреляла лесок; под конец снаряды не долетали, и в результате артиллерия стреляла в спину до самого конца атаки». [1]

Рассказы участников боя о неприступности немецких укреплений действуют деморализующим образом на французские части, посылавшиеся на смену.

3 мая во 2-й пехотной колониальной дивизии группа солдат отказывается подчиняться приказам. Тогдашний начальник штаба ген. Петен дает следующую картину революционного движения среди солдат: «Уже несколько дней накоплялись, вызывая беспокойствие, акты коллективного неповиновения. Рота, которая должна была принять участие в наступлении на мельницу у Ляфо, отказалась итти на фронт. Солдаты распространяют прокламацию «Долой войну! Смерть генералам!» [2]

9 мая на фронте у Артуа в 59 пехотном полку был убит командир батальона за то, что он пристрелил нескольких солдат, отказавшихся итти в атаку. Естественно, что атака была сорвана. 19 мая один из пехотных полков отказался итти в атаку и ушел в ближайший лес, где и расположился лагерем. По наущению провокаторов солдаты согласились оставить оружие в окопах и не взяли его с собой в лес. Окруженный со всех сторон кавалерией и пулеметной частью, полк вынужден был согласиться вернуться в окопы.

Первые, наиболее крупные солдатские выступления разразились 20 мая, и лучше всего об этом рассказывают сами участники событий в ряде корреспонденций, помещенных в «L'Humanité». Один из солдат, бывший у Вердена, пишет: «В конце апреля 1917 г., после 34 дней пребывания на передовой линии огня, нас вдруг стала бить наша же артиллерия. Наш 46-й пехотный полк, как один человек, поднялся и после целой ночи ходьбы пришел в лес Сен-Пьер. Полковник требовал, чтобы мы вернулись обратно, но мы ответили ему криками: «Долой войну, да здравствует мир!». Захватив товарные вагоны, на которых мы мелом написали «Долой войну!», под звуки «Интернационала» мы двинулись в сторону Бар-ле-Дюк». [3] Только

[1] Painlevé, p. 135—137. См. также «Хронику рабочего и революционного движения во Франции в мировую войну, «Коминтерн», 1934, № 17, стр. 48.

[2] P. Allard, Les dessous de la guerre, p. 175.

[3] См. заметку бывшего солдата, рабочего корреспондента P. «Le commandant s'est écroulé, traversé de dizaines de balles françaises», «L'Humanité», 27 августа 1932 г.

после «чистки», т. е. ареста нескольких десятков солдат, эта часть вернулась на фронт.

20 мая одна из резервных частей, посланная для пополнения, устроила стихийную манифестацию. Манифестанты произвели обыск у коменданта и избрали делегацию из трех солдат, которая вручила командиру солдатские требования и жалобы. Во время манифестации солдаты пели «Интернационал».

В тот же день две роты 124-го пехотного полка, стоявшего в дер. Прульи, отказываются выступить на фронт. Начались митинги, в которых участвовала также часть солдат 120-го пехотного полка и 117-го полка колониальных войск, стоявших в той же деревне. Ораторы из солдат нападают на офицеров и в особенности на генштаб и восхваляют революционную Россию и пример русских солдат, отказавшихся сражаться.

21 мая восстание солдат вспыхивает в 10-й армии. Движение перебрасывается и на 16-ю армию, в которой ген. Дюшен приказал расстрелять группу мятежных солдат, требовавших отвести дивизию на отдых. Это вызвало всеобщее возмущение, охватившее четыре армейских корпуса. [1]

27 мая в районе Ферд-ан-Тарденуа батальон должен был быть отправлен на ближайшую станцию на автомобилях. Часть батальона взбунтовалась, стреляла в воздух и мешала погрузке солдат на автомобили.

В Суассоне восставшие солдаты стреляли из пулеметов. В Дормане солдаты выбросили лозунг: «Да здравствует революция! Долой войну!»

Почти весь французский фронт был охвачен революционным брожением. Не имея своего революционного штаба, своей боевой партии, которая могла бы дать программу действий всему движению, организовать и направить революционную энергию солдат на истинных виновников войны и авантюристического апрельского наступления, восставшие солдаты ощупью ищут правильных путей. Из массы выделяются вожаки. Они стремятся использовать то, чего добились русские рабочие и солдаты в февральской революции 1917 г. В тысячах экземпляров, переписанных от руки и в редких случаях на пишущей машинке, по фронту начинают циркулировать знаменитые десять заповедей французского солдата, на которых ярко сказывается влияние известного приказа Совета рабочих и солдатских депутатов о правах солдата и гражданина. Эти десять заповедей, являющиеся характернейшим документом эпохи, гласили следующее:

«1. Положить конец плохому обращению с солдатами, ликвидировать злоупотребления правом наказаний.

2. Офицеры должны вести тот же образ жизни и подвергаться той же дисциплине, что и солдаты на линии огня.

[1] В 97-м пехотном полку взбунтовалось 110 человек; в 159-м — одна рота; в 57-м стрелковом батальоне — 145 восставших и дезертиров; в 60-м стрелковом полку — 300 восставших и 75 дезертиров; в 61-м стрелковом батальоне — 250 восставших и 25 дезертиров.

3. Отмена крайне утомительных для солдат нестроевых работ и одуряющей, бесполезной военной муштры. Если нувориши имеют досуг, то и солдаты нуждаются в отдыхе.

4. Улучшение качества пищи.

5. Уплата причитающихся денежных выдач, в частности добавочных денег за пребывание в окопах.

6. Предоставление всех полагающихся отпусков регулярных и связанных с земледельческими работами не реже одного раза в четыре месяца и даже в каждые три месяца, подобно англичанам и американцам, которые ведь тоже участвуют в войне.

7. Удлиненный отдых, специальный отпуск для всех солдат на фронте, которых ни разу не отводили в тыл.

8. Увольнение солдат старых возрастов, в особенности крестьян.

9. Отмена смертной казни для солдат на фронте.

10. Еще до наступления зимы положить конец этому кошмару, конец братским могилам, конец развалу, конец этой проклятой войне».

В ряде своих выступлений солдаты требовали также заключения мира без аннексий и контрибуций.

Эти десять заповедей становятся боевой программой действий «окопных жителей», поднявшихся на третий год войны против тех, кто ее затеял. Под этими заповедями собираются тысячи подписей фронтовых солдат. В солдатских письмах с фронта проходит красной нитью мысль о том, что война должна кончиться в 1917 г. так или иначе. Солдаты клянутся друг другу отстаивать свои требования, и господина социалиста Жобера, побывавшего в эти дни на фронте, по его собственному признанию, испугал тождественный характер солдатских выступлений, отстаивавших одни и те же лозунги.

В эти дни в Париже и почти во всех промышленных центрах происходят крупнейшие массовые стачки и манифестации. Правительство посылает против манифестантов колониальные войска (аннамитов), которые расстреливают стачечников. По фронту очень быстро проходит сообщение об этих расстрелах. Недаром военный министр патетически восклицал 1 июня в Палате депутатов: «Легенда об аннамитах-пулеметчиках глубоко потрясла фронт. Она послужила одной из причин тех горестных событий, которые, к моему глубочайшему сожалению, оказались вынесенными на трибуну, так как чем меньше о них говорят, тем лучше. Что будет с нашим фронтом? Что будет с Парижем, с Францией?»

Среди солдат распространяется слух о том, что нужно сняться с фронта и пойти на Париж, чтобы защитить жен, отцов и братьев от аннамитов и заставить правительство и генеральный штаб, сидящий в Париже, принять десять заповедей французского солдата и немедленно окончить войну.

Стихийное движение таким образом начинает превращаться в сознательное и получает не только программу в виде десяти заповедей, но и направление для выхода революционной энергии.

В ряде полков создаются нелегальные солдатские комитеты. И если ген. Петен в апреле мог с бахвальством заявить ген. Занкевичу,

что «мы справились с этим явлением», то оно, это явление, — солдатские комитеты, заглушенные в апреле, — дает новые, более сильные всходы в мае. Солдатские комитеты устраивают свои тайные совещания, на которых обсуждаются планы действий. И с глубочайшим сожалением Пуанкаре должен признать, что «все это совсем не производит впечатления стихийного движения». Движение было таким глубоким, таким массовым, что изнутри появлялись первые ростки сознательности и организованности. Господа социалисты, разъезжавшие по фронту в качестве «уговаривающих», утверждали даже, что восставшие солдаты были организованы и имели «вождей, как в России». [1] Господа Жоберы, Ренодели и К° выдвигали эту «идейку» для того, чтобы облегчить правительству расправу с движением, а заодно и полное подавление циммервальдистского движения и его центра КВМС. Но вся слабость КВМС именно и сказалась в том, что революционное движение на фронте проходило мимо него.

Придя под давлением различных фактов к необходимости пойти на Париж, наиболее передовые в революционном отношении полки 36-й и 129-й после предварительного сговора решили сняться с позиций.

Пуанкаре в IX томе своих воспоминаний пишет: «Генерал Франше Д'Эспре донес главнокомандующему, что только два полка — 36-й и 129-й — в итоге тайных совещаний солдат решили направиться походом на Париж». 30 же мая ген. Фош отдает приказ всем командующим армиями и префектам принять необходимые меры для уничтожения двигавшихся на Париж полков.

Революционные полки шли на Париж с лозунгами: «*Наши жены умирают от голода. В Париже расстреливают народ. Долой правительство, которое не заключает мира! Да здравствует революция!*» [2]

Революционные солдаты вели агитацию среди солдат по пути своего следования. Командир 310-го пехотного полка Дюссанж, объясняя верховному главнокомандующему причины, почему его полк отказывался выйти на передовые позиции, писал, что через место расположения полка 30 мая прошли певшие «Интернационал» части соседнего пехотного полка, на автомобилях которого развевались красные флаги. Офицеры пели «Интернационал» вместе с солдатами и призывали к мятежу. Каково же было влияние этого факта на 310-й пехотный полк? Утром 2 июня один батальон получил приказ выйти на муштровку. «Но к 3 часам одна рота, — пишет полковник Дюссанж, — отказалась выйти. Никаких насильственных действий. Все поступки солдат были решительными и строго продуманными. Затем взбунтовалась еще одна рота. Полк отказывается даже меня выслушать. Солдаты, не оскорбляя и не толкая меня, проходили мимо, направившись в долину Кэвр, а затем пошли по дороге Вильер-Котре. Солдаты заявляли, что они идут на Париж. Другие полки их ожидали в Компьенском лесу». [3]

[1] Allard, p. 193.
[2] Поход на Париж. «Правда», № 165 от 10 августа 1918 г.
[3] Allard, p. 198.

Эта решимость, о которой говорил полковой командир Дюссанж, показывает, какие глубокие корни в массах имели революционные настроения.

Достаточно представить себе картину, когда целый полк спокойно, без всяких эксцессов уходит, оставляя полкового командира размышлять на тему о том, кончать ли самоубийством или броситься к телефону и сообщить в Париж, что массы — низы перестали слушаться и исполнять команду верхов.

Военный министр Пенлеве впоследствии говорил: «День за днем, час за часом, ночь за ночью... главнокомандующий и я наблюдали за распространением солдатских мятежей. С какой тревогой подсчитывали мы количество боеспособных дивизий между Суассоном и Парижем. В течение нескольких дней... между Суассоном и Парижем... имелась налицо только одна боеспособная дивизия». [1]

Разве правительство не находилось в таком же трагическом положении, как и полковник Дюссанж? Сотни тысяч французских солдат отказывались выполнять приказы своих начальников, другие сотни тысяч были ненадежны и не боеспособны.

Каково же было положение в тылу?

V

Буржуазия, наступавшая в первые годы войны развернутым фронтом на рабочий класс Франции, стремилась не только снизить его жизненный уровень и увеличить этим свои прибыли, но и отнять у рабочего класса целый ряд политических прав, которые он сумел завоевать до войны 1914 г. В связи с требованием предпринимателей, которое выражалось в лозунге «Долой забастовку во время войны», 17 января 1917 г. был издан закон о принудительном арбитраже при конфликтах, возникающих между предпринимателями и рабочими на заводах, производящих военное снаряжение. Согласно закону, специальные примирительные арбитражные комиссии должны были разбирать конфликты. Эти комиссии были образованы министерством вооружения во всех промышленных районах. Даже если рабочие и не были согласны с решением примирительной комиссии, они все же не имели права прекращать работу. На деле это означало уничтожение права на отстаивание своих классовых интересов, права на стачку.

Этот декрет вызвал бурю протестов в широчайших слоях рабочего класса, и под их давлением даже Жуо должен был лицемерно заявить по поводу декрета от 17 января: «Это факт: отныне право стачек более не существует. Мы не можем допустить столь серьезного нарушения нашей свободы». [2]

Не безынтересно с этим вынужденным заявлением Жуо сопоста-

---

[1] Там же, p. 199.

[2] Цитирую по книге П. Луи, История профессионального движения во Франции, т. II, стр. 109.

вить заявление Ж. Жореса, сделанное в Палате депутатов 21 ноября 1895 г.: «Обязательный арбитраж, руководимый искусной властью, абсолютно уничтожил бы право стачки, явился бы наиболее могущественной правительственной полицией, которая когда-либо учреждалась над трудом и против труда».

Буржуазия не может пожаловаться ни на Тома, ни на Мерргейма, ни на Дюмулена, которые сумели очень искусно обратить арбитраж против рабочего класса и сорвать не одну стачку в годы войны.

Так же лицемерно, как и Жуо, отнеслись к закону о принудительном арбитраже и социалисты. По предложению Реноделя 13 февраля Постоянная административная комиссия Французской Социалистической партии приняла 12 голосами против 11, при 1 воздержавшемся (автор декрета А. Тома), следующую резолюцию: «Считая, что декрет от 17 января 1917 г. уничтожает для части рабочего класса право стачки, т. е. одно из основных прав, с таким трудом им завоеванных; считая, что этот декрет незаконен и нарушает один из принципов народного права, так как декрет не может ни переделывать, ни искажать закон, — постоянная административная комиссия протестует вместе с ВКТ против этого декрета и переходит к порядку дня». [1]

Господа социалисты протестуют в ПАК и ничего не предпринимают для того, чтобы в парламенте отклонить или хотя бы выступить против этого закона. Даже у А. Тома в ПАК не поднялась рука голосовать за этот декрет. Это нечто вроде раскаяния Иуды Искариотского. Жуо, Ренодели, Блюмы и К°, неоднократно клявшиеся именем своего учителя Ж. Жореса, отказались, как мы видим, от тех идей, какие в этом и в ряде других вопросов отстаивал Жорес. Ученики оказались жалкими эпигонами, скатившимися к откровенному социал-шовинизму.

Но вводится не только обязательный арбитраж. По требованию предпринимателей на всех крупных предприятиях был установлен военный контроль над мобилизованными рабочими, число которых на 1 марта 1917 г. дошло до 550 000 чел. В крупных предприятиях офицер — военный контролер — обязан был следить за труддисциплиной, нормой выработки, поведением мобилизованных, а заодно и других рабочих, и т. д. Военный контролер по отношению к мобилизованным рабочим имел такие же права, как и офицер на фронте, т. е. право ареста на несколько дней и т. д. В одном из циркуляров, разосланном военным министерством мобилизованным горнякам в марте 1917 г., говорилось, что, будучи посланными с фронта на шахты, рабочие должны помнить, что они находятся «на боевом посту и подчиняются всем военным законам и дисциплине». Горняки обязаны выполнить свой долг перед родиной так же, как их товарищи на фронте, и «впредь, — говорится в этом же циркуляре, — не будут допускаться никакие недисциплинированные поступки, прогулы, продолжительный невыход на работу по болезни или же по намеренному

[1] «L'Humanité». 1 mars 1917.

увечью, недостаточная работоспособность вследствие невоздержания или по злому умыслу».

Уже этот циркуляр является ярчайшим доказательством того, что для сотен тысяч рабочих труд стал принудительным, а заводы и шахты превратились в работные дома или же концентрационные лагери.

Военные контролеры со всей пунктуальностью проводили в жизнь этот циркуляр. Всякого, кто не повышал добычи угля, кто прогуливал или осмеливался присоединиться к стачечникам, военный контролер отправлял обратно на фронт с пометкой в документе: «не может быть опять отослан на работу по специальности». Эта пометка была почти равносильна смертной казни. Возвращенный на фронт рабочий обычно попадал в «летучие отряды» (по типу русских батальонов смерти), которые посылались в самые опасные места.

Но, несмотря на это, многие мобилизованные рабочие предпочитали посылку на фронт работе в шахтах и на фабрике. [1]

Приведенные нами факты показывают, что в годы *мировой войны капиталисты привели в движение все рычаги военно-буржуазной государственной машины для усиления нажима на рабочий класс, для облегчения выколачивания чудовищных сверхприбылей.*

Понижение жизненного уровня и усиленная, сверхчеловеческая эксплоатация толкали рабочий класс на борьбу. Несмотря на усиление шпионажа на заводах, на репрессии, рабочий класс в 1917—18 гг. все шире и шире развертывает стачечное движение, охватывающее целые отрасли промышленности и целые районы. В связи с ослаблением в прессе кампании против якобы существовавшей высокой заработной платы, газета федерации металлистов в феврале 1917 г. писала, что буржуазные писаки замолчали, так как «они знают, что хозяйские обещания, которые не исполняются, притеснения и злоупотребления довели гнев рабочих до крайности. Они знают, что недовольство является всеобщим и господствует на всех военных заводах. Они знают, что мы накануне новых забастовок, которые охватят рабочих не только одного или нескольких заводов, а целые районы и даже области». [2]

И действительно, несмотря на закон от 17 января 1917 г., по существу запрещавший стачки, уже 22 января возникает крупная стачка на снарядном заводе, принадлежащем К° Шнейдера в Гонфревиль-Л'Оршер (деп. Нижняя Сена), где из 10 000 рабочих бастуют

---

[1] Вот что писал один из мобилизованных шахтеров: «Я работал в центральной шахте, у меня был помощником немецкий военнопленный, совершенно незнающий дела. Из моей заработной платы я должен был ежедневно выделять 5,30 фр. для оплаты моего помощника, и таким образом мне самому, квалифицированному рабочему, оставалось 5,40 фр. в день. Этой заработной платы нехватало для уплаты 50 фр. за 15 дней в автономную кассу, в пенсионную кассу, в кассу взаимопомощи и т. д. Я просил разрешения вернуться в свою часть, в чем мне отказали. И тогда я не выходил два дня на работу и был отправлен в Гере».

[2] A chacun ses responsabilités, «L'union des Métaux», № 66, décembre 1916, février 1917.

3500. 24 января возникает стачка на военном заводе в Левалуа Пере (деп. Сены), где из 1168 рабочих бастуют 902. 25 января возникает забастовка на военно-пошивочной фабрике в Нанте. Из 1104 рабочих и работниц бастуют 909 человек. 26 января возникает стачка 600 землекопов-китайцев на постройке порохового завода в Сент-Торнео (на Роне). Стачки длятся от 3 до 5 дней, и рабочие добиваются удовлетворения если не всех, то большей части своих требований.

В связи с забастовкой на заводе К° Шнейдера А. Тома обратился к рабочим со следующим письмом: «Внезапно, без предупреждения, вопреки всем правилам, вы вчера прекратили работу. Думаете ли вы о важности совершенной вами ошибки? Думали ли вы о враге, который не прекращает своей работы, о ваших братьях, о ваших мужьях, которые с нетерпением ждут средств обороны, которыми вы их снабжаете. Почему вы не прибегли к примирительной процедуре, не прекращая работы? Почему вы не обратились в арбитраж, который формально предусмотрен декретом от 17 января 1917 г.? Дирекция Шнейдера решила пересмотреть совместно с вами действующий тариф. Но этот пересмотр может произойти только тогда, если вы, верные общему долгу, верные общему отечеству, которому все мы служим, вернетесь к работе. Правительство не хочет использовать грубо то средство, которое ему дает закон. Оно обращается к вашему патриотизму, к вашей любви к бойцам на фронте, к вашему разуму. Приступайте с сегодняшнего дня все к работе!» [1]

Этим письмом А. Тома расписался в том, что жизнь опрокидывает декрет от 17 января, что этот декрет не способен остановить стачечного движения. Правда, число стачек по официальным данным с 41 в январе 1917 г. падает до 16 в феврале и до 13 в марте. Но цифра 13 является самой низкой, и после марта 1917 г. число стачек очень быстро поднимается.

Как же развивалось массовое рабочее движение в мае и июне 1917 года, т. е. в месяцы наибольшего испытания для французского империализма за все время мировой войны? Нужно отметить, что именно в последние годы мировой войны еще больше усилилась работа цензуры. Поэтому те сведения о массовом движении, которые просачивались в прессу, или те факты, о которых чаще всего вскользь говорят в своих мемуарах Пуанкаре, Мальви, Рибо и военные цензоры Марсель Берже, Поль Аллар и др., немногочисленны и разрозненны и по ним лишь с большим трудом можно восстановить ход развития массового революционного движения.

Вот один из примеров: М. Берже и П. Аллар в своей книге «Секреты цензуры во время войны» пишут, что 28 марта 1917 г. на военных заводах в Сент-Этьенне, Гавре, в Коментри и других городах произошли забастовки, а на заводах Крезо в этот же день были очень крупные беспорядки, причем целый поезд с военным снаряжением был спущен под откос. [2]

[1] «La Bataille», 25 janvier 1917.

[2] M. Berger et P. Allard, Les secrets de la censure pendant la guerre, p. 172.

Этот намек приподнимает завесу. Он дает нам возможность нащупать нарастание массового рабочего движения, которое особенно усилилось под влиянием русской революции.

Это влияние сказалось и на характере проведения в 1917 г. 1 мая во Франции. Господа Жуо, Демулены, Ренодели, Блюмы, верные идее «гражданского мира», призывают французский пролетариат не покидать фабрик и заводов, оставаться у станка и, доходя до цинизма, предлагают часть заработка пожертвовать в пользу раненых и увечных воинов. ВКТ и ФСП стремились превратить боевой праздник пролетариата в день патриотической благотворительности. Этот архипатриотический фронт прорвали КВМС, Комитет синдикальной защиты, призывавшие рабочих не только к забастовке, но и к уличным демонстрациям.

Воззвание КВМС, как мы уже писали, находилось под влиянием идей большевизма, под влиянием Ленина. Несомненно, что под влиянием КВМС и Комитета синдикальной защиты находились федерации металлистов, портных, каменщиков, землекопов и др., призывавшие своих членов на митинги и демонстрации, организованные КВМС и КСЗ.

В своем воззвании, выпущенном нелегально, федерация металлистов, подводя итоги за 3 года войны и показывая ухудшение экономического и политического положения французского рабочего класса, призывает их приветствовать русскую революцию и, что особенно важно, солидаризироваться с немецкими металлистами, которые бастуют в Берлине. «И если сегодня, — говорится в воззвании о русской революции, — трудящиеся всего мира могут восхищаться этим историческим событием, международное влияние которого не поддается никакому определению, то это только благодаря тем передовым элементам русского пролетариата, которые отказываются присоединиться к «гражданскому миру» и продолжают вести борьбу против него». [1]

Здесь не только солидаризация с русской революцией. Французские металлисты сквозь империалистический фронт приветствуют партию большевиков — единственную партию, которая всегда и до конца боролась против «гражданского мира», за развертывание классовой борьбы во время империалистической войны и превращение этой войны в гражданскую войну.

В Париже 1 мая был организован большой митинг, на котором присутствовало свыше 10 000 человек. На митинге выступали руководители КВМС и КСЗ. Под давлением собравшихся митинг стихийно превращается в демонстрацию, которая под красными знаменами проходит от улицы Гранж-о-белль через бульвар Маджента к площади Республики. Демонстранты поют «Интернационал» и провозглашают лозунги «долой войну», «да здравствует русская революция!». Понадобился целый отряд конных полицейских, чтобы разогнать демонстрантов.

---

[1] «L'union de Métaux», № 67, 1917.

Первомайские митинги и демонстрации происходят в ряде городов Франции. Об этом в виде намека говорят и господа военные цензоры: «Кровавое красное 1 мая с печальными столкновениями повсюду: в Сент-Этьене, в Бордо и других местах».[1] Даже эти две строчки показывают, что 1 мая 1917 г. во Франции было подлинно красным днем, когда впервые в годы войны тысячи рабочих вышли на улицы Парижа и др. городов. В листовках, выпущенных КВМС, КСЗ и др. организациями, были следующие лозунги: «Да здравствует русская революция!» «Долой войну!» «На войну народов ответим мировой революцией!» «Да здравствуют бастующие металлисты Берлина!» и др. Под этими лозунгами и проходило во Франции празднование 1 мая 1917 г., которое показало значительный перелом в настроениях широких масс рабочих.

Это сказалось и на подъеме стачечного движения. С апреля 1917 г. число стачек поднимается до 18, в мае доходит до 90, а в июне число стачек доходит до самой высокой цифры за все время войны — 285.

Число стачек за июнь 1917 г. почти равно числу стачек за весь 1916 г., а число стачечников в $2^1/_2$ раза превышает число стачечников за год. Несомненно, что этот быстрый подъем стачечного движения в мае и июне 1917 г. находился, с одной стороны, под прямым влиянием русской революции, а с другой — под влиянием революционного движения среди французских солдат на фронте.

2 мая в арсенале Роан (деп. Луары) бастуют 950 иностранных рабочих каменщиков, требующих повышения заработной платы. Военные власти, по прямому указанию А. Тома, не только не согласились удовлетворить требование рабочих, но, арестовав 51 человек, под конвоем выслали их из Франции. Но не успели власти обезглавить стачку в Роане, как в Париже вспыхнула стачка портных. Эта стачка очень быстро получила массовый характер, и 5 мая бастуют уже около 10 000 рабочих и работниц швейной промышленности Парижа. Синдикат портных выпускает манифест (был конфискован цензурой), организовывает стачечный комитет и выдает наиболее нуждающимся стачечникам пособие.[2]

Бастующие требовали: 1) английской недели с полной оплатой времени и 2) увеличения заработной платы на 1 франк работницам и 0,5 франка в день ученицам. Хозяева ряда предприятий согласились удовлетворить требования портных, и часть стачечников встала на работу. Работницы тогда взяли инициативу в свои руки, и 19 мая началась новая, еще более мощная стачка. К экономическим швейницы присоединяют и политические требования, сформулированные в виде лозунга «возвратите с фронта наших братьев и мужей». С конца мая стачка расширилась, так как хозяева, согласившиеся применить английскую неделю, отказались оплачивать предпраздничные сокращенные дни как полный рабочий день. К 12 500 тысячами модисток при-

[1] M. Berger et P. Allard, o. c., p. 172.
[2] «L'Humanité», 15 mai 1917 г., «La Bataille», 15 mai 1917.

соединились 15 000 картонажников, 5000 меховщиков и меховщиц, 1500 трикотажниц и несколько тысяч белошвеек, вышивальщиц, корсетниц и др. Забастовка охватила мастерские, изготовлявшие военное обмундирование. В одном Париже, как писала газета «Journal du Peuple» 27 мая 1917 г., число стачечников доходило до 35 000 человек. В ряде крупнейших городов Франции эта стачка находит живейший отклик. Например в Марселе стачка охватила к 23 мая 10 000 швейников.

Британский посол в Париже в своем дневнике отмечает 30 мая: «Здесь чувствуется беспокойство из-за непрерывных забастовок, в которых участвуют преимущественно женщины, но к ним могут примкнуть и мужчины».[1] И действительно, в Париже в мае и июне чувствовалось огромное напряжение, переходившее в революционные выступления.

Несмотря на запрещение всяких демонстраций, забастовщицы устроили ряд манифестаций под лозунгом «верните нам наших мужей и отцов с фронта». 1 июня свыше 3 тысяч стачечниц пошли с красными знаменами по авеню Александра III к Елисейским полям. Они остановились у здания военного министерства и послали к министру делегацию с требованием «вернуть мужей и отцов с фронта». К женщинам-работницам присоединилось несколько тысяч мужчин, и они осадили полицейский участок. Против демонстрантов были двинуты колониальные войска (аннамиты). Социалистический депутат П. Лаваль почти в эти же часы патетически восклицал в парламенте: «В то время как я здесь говорю, тысячи рабочих, тысячи женщин осаждают полицейский участок. Как и можно было ожидать, между французскими и колониальными войсками произошли столкновения».[2] На улицах Парижа аннамиты расстреливали демонстрантов, на мостовых лежали трупы женщин, а в это время к Парижу подходили с фронта восставшие 36 и 129-й пехотные полки.

Улица на несколько часов оказалась в руках рабочих Парижа. Префект парижской полиции Лоран собирался было уже предложить президенту республики изменить его обычный путь из Елисейских полей в палату, так как полиция не могла быть уверенной в безопасности этого пути. Но трупы были убраны, кровь смыта, и Пуанкаре мог «свободно» совершить свой обычный путь, проложенный ему 1 июня аннамитскими стрелками.

Премьер-министр Рибо обрушился на префекта полиции Лорана и обвинил его в том, что он «не запретил скопления и дал возможность развернуться демонстрациям, которые могли быстро перерасти в опасные беспорядки и быть может мятеж».

Господин Рибо имел все основания бояться мятежа. Он прекрасно знал, что судьба буржуазной Франции решается в мае и июне 1917 г. В его ушах еще звучали слова, произнесенные 7 марта в Па-

---

[1] Лорд Берти, За кулисами Антанты (дневник британского посла в Париже 1914—19), ГИЗ, 1927, стр. 140.

[2] P. Allard, Les dessous de la guerre, p. 173.

лате депутатов представителем парламентской оппозиции радикал-социалистов де Монзи: «Конечно, вы ведете нас к победе, но это не оправдание для того, чтобы вести нас к экономическому краху, с его неизбежным последствием — *революцией*». В конце мая Мальви сообщил Рибо, что о революции говорили и социалисты, полные ужаса и отчаяния. Рибо хорошо запомнил слова перепуганных социалистов: «Мы накануне революции. Положение весьма серьезное. Нужно действовать решительно». Мог ли он, Рибо, теперь, в июне 1917 г., сомневаться в том, что Франция действительно стояла накануне революции?

Положение было почти катастрофическим, и последним якорем спасения явились французские социалисты и руководители реформистских профессиональных союзов. Леон Жуо в своем разговоре с министром внутренних дел Мальви заявил ему: «Продолжайте нам верить, мы берем на себя всю ответственность, от имени рабочего класса заявляю, что мы уничтожим беспорядки на улице».

Правительство, у которого была только одна боеспособная дивизия, охотно разделило с господами Жуо «труд» по подавлению революционного движения.

Буржуазная пресса при помощи господ социал-шовинистов приняла все меры к тому, чтобы рабочие и трудящиеся Парижа не знали о восстаниях в армии и в особенности о том, что революционные полки идут на Париж.

VI

Революционные полки подходили к Парижу со стороны Компьена. В окрестностях Парижа, в лесу, были расположены аннамиты, единственная опора французской буржуазии, встретившие повстанцев пулеметным огнем. С фортов Парижа палила артиллерия. Солдатам-артиллеристам было сказано, что блуждающая немецкая часть подошла к Парижу. Передовой отряд французских солдат был полностью уничтожен, и восстание потоплено в крови.

Французская буржуазия приняла все меры к тому, чтобы скрыть следы своего преступления, скрыть тот факт, что буржуазия стреляла первой, начав этим гражданскую войну во Франции. Буржуазия прекрасно понимала, что в широких массах расстрел французских солдат вызовет глубочайшее возмущение, которое легко могло развязать начинавшуюся революцию во Франции.

Скрыть это кровавое преступление помогли социалисты и синдикалисты, которые, прекрасно зная о всех этих фактах, умывали руки, подобно Понтию Пилату. Но можно замести, и то на время, следы тайного убийства одного, двух человек и невозможно скрыть от народа факт массового убийства. Постепенно в массы начинают проникать сведения о том, что под Парижем были расстреляны французские солдаты. Пуанкаре вынужден в своих мемуарах сознаться, что «*среди солдат упорно циркулировал слух, что находившиеся в Париже аннамиты стреляли по французским частям*».

Это вызывает новые возмущения на фронте. Правительство становится на путь массовых репрессий, их осуществление поручается ген. Петену, сменившему 16 мая 1917 г. на посту главнокомандующего ген. Нивелля. Ген. Петен ищет зачинщиков не только на фронте, но и в тылу. Он обвиняет в разложении армии КВМС, который вел интернационалистскую пропаганду против войны и в защиту русской революции. Ген. Петен ставит ряд условий, без которых, по его мнению, невозможно оздоровить армию. «Болезнь, — заявил Петен на заседании совета министров 11 июня 1917 г., — пустила глубокие корни, однако она не неизлечима. Я надеюсь ее преодолеть в несколько недель. Но надо применить примерные наказания во взбунтовавшихся полках и надо отказывать в помиловании во всех случаях коллективного неповиновения и ухода с поста».

Правительство принимает решение в духе высказываний ген. Петена. Но еще до решения правительства правая рука Петена ген. Франше-д'Эспре, прославившийся в годы интервенции на юге России своим безудержным террором против рабочих и крестьян, издает 1 июня 1917 г. приказ, который является образцом произвола, какой установила французская военщина. Согласно этому приказу, присужденные к смертной казни лишались права подачи прошений о пересмотре дел. Между приговором военного суда и приведением его в исполнение, — говорится в приказе, — должно пройти не более чем 24 часа.

Главнокомандующий Петен отменил предварительное следствие и командиры по своему усмотрению могли предавать суду любую группу солдат. Военный министр Пенлеве особым декретом подтвердил оба приказа, а президент республики Пуанкаре отказался от своего права на помилование в пользу главнокомандующего Петена. Когда все же к Пуанкаре обратились с просьбой о помиловании несколько явно невиновных солдат, Пуанкаре заявил: «Армия разлагается и сейчас не время для послаблений». Господа генералы Петен, Франше-д'Эспре, Вейган, Мажино и др. получили в свои руки такие же права, какие имели ген. Кавеньяк в июньские дни 1848 г. и ген. Галифе в майские дни 1871 г. И они стали подлинными Кавеньяками июня 1917 г.

Французские социал-шовинисты не только не протестовали против кровавого террора, установившегося на фронте, но по сути дела поощряли его. На заседании Постоянной административной комиссии, происходившем в начале июля, были заслушаны сообщения депутатов социалистов Лаваля, Ренодели, Бракке и др. Самба, который подвел итог прений, заявил, что *необходимо требовать наложения взысканий* на солдат, нарушающих дисциплину, стараться усилить ее и поднять дух армии.[1]

Уже этот факт показывает, что господа Ренодели, Лавали, Бракке, Самба и др. присоединили и свой голос к требованию «наложения взысканий», и они выступали за то, чтобы поднять самыми репрессивными мерами дисциплину в армии. Военно-судебная машина начи-

[1] Bourgin, Parti contre Patrie, p. 222.

нает действовать быстро и решительно. На различных участках фронта выносятся сотни приговоров, присуждающих десятки тысяч солдат к смертной казни. Были случаи, когда в мятежных полках расстреливали случайно отобранных 100—200 человек. По официальной версии насчитывалось по военной терминологии 118 тяжелых случаев нарушения воинского устава, каждый из которых привел к массовым расстрелам. Вдовы казненных солдат лишались права на пенсию, и уже после окончания войны многие из них потребовали пересмотра приговоров. Апелляционный суд вынужден был признать, что в 2700 случаях солдаты были расстреляны, не будучи ни в чем виноваты.[1] Уже эти 2700 случаев являются ярчайшим показателем того вандализма, с каким действовала военщина по отношению к нарождавшейся революции во Франции.

Несмотря на эти массовые репрессии, движение в армии не остановилось. Полковник Эрбион сообщает Пуанкаре 2 июня о новых восстаниях. Целая дивизия 21-го армейского корпуса отказывается итти в окопы. Она устраивает митинг по вопросу о том, должна ли дивизия, сменив своих товарищей в окопах, переходить в наступление. Дивизия решает в окопы пойти, но вести исключительно оборонительную тактику и в наступление не переходить.

3 июня полковник Фурнье сообщает, что одна дивизия 7-го корпуса отказывается итти в окопы. 4 июня тот же полковник Эрбион сообщает о новых случаях неповиновения. Солдаты отказываются итти в окопы, не подчиняются приказам, устраивают демонстрации и кричат «Долой Пуанкаре!» «Долой Рибо!»

11 июня массовым движением охвачено пять французских корпусов. Пуанкаре, прекрасно понимая, что движение расширяется, спрашивает себя: «Не нужно ли добиться новой победы на Марне, чтобы этим оздоровить страну?»[2]

После блестящей «победы» у Шмен-де-Дам Пуанкаре стремится к «новым» победам. Пуанкаре, следуя методу русского генерала Занкевича, который был мелкой шавкой по сравнению с ним, путем «новых побед» хотел «выбить революционную дурь из солдатских голов». Пуанкаре хотел уложить новые сотни тысяч солдатских голов, чтобы подавить движение, направленное против войны. Но президенту республики пришлось еще 26 июня записать в свой дневник: «По словам Фурнье, еще один полк прошел Шалон с революционными возгласами и криками «Да здравствует мир!» Болезнь армии таким образом не излечена. 5 новых казней последуют в результате отклонения просьб о помиловании». Пуанкаре сознается, что он казнями боролся с нараставшей революцией во Франции.

Но если французская буржуазия вследствие предательства французских социалистов и синдикалистов временно задержала развитие массового движения среди французских солдат, то этого она не сумела добиться в отношении русских частей на французском фронте. Рус-

[1] Henri Barbusse, La faillite de la Justice; «Populaire», 28 april 1920.
[2] R. Poincaré, L'année trouble, p. 153.

ские солдаты отказались сражаться и требовали отправки на родину. По требованию русских солдат и по настоянию французского командования части были удалены с фронта и собраны в лагерь Ля-Куртин. Русские солдаты устраивали систематические митинги, ходили без погонов и кокард, не подчинялись приказам офицеров. Ля-Куртин стал своеобразным революционным очагом, не признающим власти французского и русского командования и жившим на основе своего, стихийно складывавшегося порядка. Русские солдаты, находившиеся в лагере Ля-Куртин, имели связь с окружающим населением и общались с французскими солдатами. На последних заражающе действовал стихийный большевизм русских солдат, и существование лагеря Ля-Куртин поддерживало революционное движение во французской армии. Революционизирующее влияние русских частей вынужден признать и британский посол в Париже Берти, который писал в конце июня 1917 г., «что моральное состояние части французской армии ухудшилось вследствие потерь и неудач Нивелля», а также *вследствие «бунта русских частей на французском фронте»*.[1]

Расправившись с восстаниями во французской армии, Пуанкаре, Петен и др. настаивали на призвании к порядку и русских войск, находившихся во Франции. В лагере Ля-Куртин появляется комиссар Временного правительства Рапп, безрезультатно пытающийся убедить солдат вернуться в окопы. С таким же успехом «уговаривали» русских солдат меньшевики и эсеры Русанов, Гольденберг, Эрлих и Смирнов, прибывшие в Париж в качестве делегации СР и СД. Русские меньшевики и эсеры оказались менее способны, чем их французские коллеги. Солдаты настаивали на отправке в Россию. Такая стойкость не могла не влиять на французских солдат. Тогда Керенский, чтобы угодить союзникам, посылает телеграмму, в которой требует «восстановить порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы». Керенский предлагал руководствоваться «только что введенным положением о военно-революционных судах с правом применения смертной казни».[2]

Пуанкаре мог порадоваться тому, что по его следам идут и русские «демократы».

Один старый коршун уверенно подписывал приказы о новых смертных казнях, а второй, еще неоперившийся буржуазный республиканец, требовал от своих вчерашних врагов — царских генералов — применения смертной казни против тех, на спинах которых он добрался к власти. Именно на этом факте лучше всего подтверждается мысль Маркса о том, что республиканизм, т. е. буржуазная демократия, «не может быть ничем иным, кроме как новой формой буржуазного деспотизма».[3]

Совершенно понятно, что Пуанкаре и французское командование помогли генералу Занкевичу в деле усмирения бунта последней, хотя

---

[1] Лорд Берти, стр. 143. Курсив мой. — *С. Б.*

[2] Русские войска во Франции, «Известия», 12 декабря 1917 г.

[3] К. Маркс, Леон Фонтену, 15 апреля 1865 г., «Большевик», № 11, 1934 г., стр. 58.

и не французской, мятежной части, сражавшейся на полях Франции. Усмирение русских частей в лагере Ля-Куртин является одной из позорнейших страниц истории Франции.[1] Лагерь был окружен артиллерией и пулеметами. Несмотря на то, что русским частям была обещана отправка в Россию, им предложили отправиться на фронт, отказ повлек за собой обстрел лагеря 16, 17 и 18 сентября 1917 г. артиллерийским и пулеметным огнем. Несколько сот человек было убито, а лагерь в значительной степени разрушен. Из русских солдат были выделены наиболее революционные элементы, из которых составили две маршевые роты, одну отправили в Бурд-Лаотие, а другую на Ильд-Экс. На деле это была отправка в концентрационные лагери, где содержались так называемые беспокойные элементы. Кроме того был арестован и предан суду 81 человек.[2] Остальные 8515 человек были обезоружены и интернированы в том же лагере Ля-Куртин. В течение ряда недель «работала» специальная военно-следственная комиссия, арестовавшая еще не один десяток солдат. После этой чистки русским солдатам было предложено или вернуться в окопы или поехать в Северную Африку на принудительные работы. Большая часть русских солдат предпочла последнее. Каторжные работы в пустыне Сахаре явились наградой французских империалистов той горстке русских солдат, которые уцелели от смерти.

Но не только каторга явилась «наградой» для русских солдат. Господа французские генералы в поисках виновников провала апрельского наступления решили, что главным виновником является революционная Россия.[3] Знакомый уже нам генерал Занкевич телеграфировал из Парижа русскому военному министру об изменении отношения к России со стороны официальной Франции. «Неуспех апрельского англо-французского наступления принудил французское правительство к особо резкому проявлению суждения о положении дел России даже с парламентской трибуны, дабы в нем найти оправдание перед страной в неудаче. С тех пор французское правительство

---

[1] М. Н. Покровский, Памяти Куртинского расстрела. См. сборник его статей «Империалистическая война», а также сборник воспоминаний русских солдат во Франции и на Балканах, «Октябрь за рубежом», с пред. М. Н. Покровского.

[2] Беспорядки в русских войсках во Франции, правительственное сообщение, «Известия», № 189, 5 октября 1917 г.

[3] Военный министр Пенлеве организовал специальную комиссию в составе генералов Брюжера, Фоша и Гуро, которой было поручено изучить план апрельского наступления и высказаться об его осуществлении. Комиссия признала, что «случай играет столь важную роль на войне, что не представляется возможным утверждать, что план генерала Нивелля был неосуществим. Так или иначе приходится признать, что главнокомандующий выбрал для наступления крайне трудную местность и атаковал на фронте в 80 *км* неприятеля опытного, превосходно окопавшегося и обладавшего многочисленными резервами». Что же касается майских боев, давших в результате гибель 160 000 солдат и несколько десятков километров территории, то комиссия признала, что «это было успехом, но не было прорывом фронта». Таким образом кровавая вина генерала Нивелля была прикрыта господами генералами. Интересно отметить, что «марксист» Зеваес в своей «Истории третьей республики» признает решение комиссии правильным.

и пресса с большой последовательностью преуменьшают положительную роль России, находя в такой политике выход на случай явного переутомления страны войной». [1]

Усмирители французских и русских солдат, поднявшихся против войны, генералы Петен, Фош, Франше д'Эспре и др. могли быть довольны. Они, с одной стороны, нашли «истинных» виновников апрельского поражения, а с другой, разгромив лагерь Ля-Куртин, могли вздохнуть свободнее, так как был уничтожен последний очаг революционного движения во французской армии.

Буржуазия может разгромить авангард рабочего класса, может уничтожить передовую часть революционных солдат, но она не способна уничтожить почву, порождающую глубочайшее недовольство масс. Так было и в эти критические месяцы для французской буржуазии. И здесь на помощь буржуазии снова приходят социалисты. От их имени на парламентскую трибуну взбирается социалистический депутат Лаваль и заявляет: «После стольких тысяч жертв, после трех лет войны вполне понятно, что страна устала, и надо найти наилучшее средство для морального подъема этой великой страны». И на возгласы, раздавшиеся с разных скамей парламента: «Какое?» — Лаваль отвечает: «Это средство — дать войскам надежду и доверие рабочему населению, хотите вы или нет, — это Стокгольм, это полярная звезда».

Прекрасно сознавая, что из Стокгольмской конференции ничего по существу не может выйти, Лаваль бросал буржуазии якорь спасения. Нужно отметить, что в рядах правительства были колебания по вопросу о том, давать или не давать паспорта французским социалистам на конференцию в Стокгольм. Колебания и в этом вопросе решил генерал Петен. 31 мая между Пуанкаре и Петеном происходит знаменательный разговор. Пуанкаре в решительной форме спросил генерала Петена:

— Если состоится международный социалистический конгресс в Стокгольме и если французы встретятся с немцами, чтобы обсуждать условия мира, удержите ли вы армию в руках? Захочет ли она продолжать сражаться?

— Нет, — ответил категорически Петен.

И этот ответ сыграл решающую роль, буржуазия Франции не прибегла к тому якорю спасения, который бросали ей социалисты. Эту карту она оставляла себе в запас.

Предложения услужливых французских социалистов, искренно стремившихся помочь Пуанкаре, Петену и др., оказались пока не ко двору. Больше того, генералы требуют решительных мер против какой бы то ни было пацифистской пропаганды. В качестве глашатая господ генералов в Палате депутатов против Пенлеве, Мальви и др. министров выступает Клемансо и заявляет: «Пусть мне не говорят, что эта пропаганда (пацифистская. — *С. Б.*) не имеет влияния на

[1] Тайные документы. Шифрованная телеграмма № 728, «Известия», № 225, 14 ноября 1917 г.

фронте. Разве вы не читали эти гнусные 10 заповедей, распространяемые в траншеях?.. Разве вы не видели поездов с едущими в отпуск солдатами, вопящими: «В Стокгольм!» Ведь этот крик означает: заключайте мир. А обстоятельства совсем не допускают еще толков о мире».

Клемансо лучше, чем очень многие, определил, что значит для солдат Стокгольм. Солдаты вкладывали в него *свои* требования о мире, о скорейшем прекращении войны. И сила массового революционного потока против войны, шедшего с фронта, заключалась в том, что этот поток шел параллельно массовому революционному потоку в тылу.

Солдатские массы, состоявшие в большинстве из крестьян, надеялись своим *пассивным сопротивлением* добиться окончания войны. Они думали этой своей тактикой поставить в безвыходное положение французскую буржуазию. В большинстве случаев солдаты отказывались итти в окопы и думали, что уже этим обеспечена победа народных масс. Только отдельные передовые отряды пытались перейти к активным действиям, от стихийного неорганизованного массового движения перейти к сознательному и организованному. Но они по существу явились тем небольшим авангардом, который оторвался от основных масс. Широчайшие же массы, пришедшие в движение, не переходили к активным действиям, топтались на месте в ожидании того, что победа придет сама. «Победа революции, — говорил на XVII съезде ВКП(б) товарищ Сталин, — никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия».[1]

Отсутствие боевой революционной партии и предательская роль Жуо, Ренодель, Блюма и К° — вот основные причины, давшие возможность французской буржуазии найти капиталистический выход из революционного кризиса, который переживала Франция в апреле — июне 1917 г.

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 548.

ДНЕВНИК УПРАВЛЯЮЩЕГО НЕВСКОЙ НИТОЧНОЙ ФАБРИКОЙ К. И. МОНКЕРА ЗА 1905—1907 ГОДЫ

Дневник К. И. Монкера, заместителя управляющего, а с 1914 г. управляющего Невской ниточной фабрикой в Петербурге (в настоящее время фабрика им. С. М. Кирова) — документ своеобразный и единственный в своем роде. Публикуемая нами часть дневника вводит нас в каждодневную жизнь фабрики в период революции 1905 — 07 гг., и перед нами проходят бурные события жизни революционного Петербурга, зарегистрированные рукой холодного и бесстрастного наблюдателя — иностранца, верного слуги английской компании J. and P. Coats limited, которой принадлежала значительная часть акций компании Невской ниточной мануфактуры.

Иностранный капитал еще с эпохи подъема 90-х гг. стал играть значительную роль в русской промышленности. «Таможенные пошлины высоки, — прибыли необъятны — вот иностранный капитал и переселяется *внутрь* России»,[1] — пишет Ленин. Иностранные капиталисты «...жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде, в которой они находят рабочих менее объединенных, менее способных к отпору, чем на Западе, в которой жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине барыши».[2]

Удельный вес иностранного капитала в русской промышленности к началу XX века, по данным Оля[3] составлял 38,8% общей суммы акционерных капиталов, вложенных в промышленные, банковские и другие предприятия. Хотя в 900-х гг. произошло замедление притока капитала, все же он и в 1905 г. занимал достаточно прочные позиции. В текстильной промышленности, по тем же данным, доля акционерного иностранного капитала выразилась в 19,1%.

Ниточная же промышленность России еще с 90-х гг. XIX века попала в сферу влияния английского капитала.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 555.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 436.
[3] П. Оль, Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России, 1925 г.

Образовавшееся еще в 1897 г. объединение «Sewing Cotton Company» при руководящем участии Coats'а монополизировало производство ниток в Англии и распространило свою деятельность и вне ее пределов.

По сути дела, компания Невской ниточной мануфактуры являлась отделением английского ниточного треста. Компании принадлежали три фабрики в Петербурге: Невская ниточная — которой управляли Ридель и Монкер, бумагопрядильная «Невка» и Ниточная фабрика (Кенига), с общим количеством веретен 160 763 (в 1898 г.). Кроме того, компания владела фабриками в Риге и Лодзи.

Дивиденды компании были очень высоки: в 1904 г. капитал давал 22%, в 1905 г. — 19%, в 1906 г. — 18%, в 1907 г. — 27% прибыли.

Следствием экономического процветания компании было техническое перевооружение фабрик. Записи о прибытии из Англии и Шотландии и об установке новых станков, машин — очень часто встречаются в дневнике. Но наряду с этим поражает зарегистрированная тут же в дневнике тяжелая обстановка работы, архаические условия труда. Требования рабочих Ниточной фабрики увеличить ватерклозет, вылудить кипятильник, не ставить кипяченую воду прямо на пол, улучшить вентиляцию — характерны для обстановки капиталистических текстильных предприятий, где рабочие находились в исключительно негигиенических и вредных условиях. Эта передовая технически фабрика по исключительной продолжительности рабочего дня, может быть сравнена лишь с отсталыми предприятиями 70—80 гг. Центрального промышленного района. До 1897 г. средняя продолжительность рабочего дня на фабрике составляла 13 часов. Даже завоевания революции 1905—07 гг. дали рабочим фабрики лишь незначительное облегчение. До 2 июля 1905 г. рабочие работали $11\frac{1}{2}$ часов, в то время как на других предприятиях Петербурга средний рабочий день не превышал $9\frac{1}{2}$ часов. В ноябре того же 1905 г. рабочие добились уменьшения рабочего дня до $10\frac{1}{2}$ часов.

Низка была и заработная плата. Завоевания, достигнутые рабочими Ниточной фабрики в 1905—07 гг. в отношении заработной платы, также невелики. В июле 1905 г. все сдельные рабочие получили 5% прибавку, в ноябре — 10%. В июне 1906 г. все рабочие сдельные и поденные получили 5 коп. в день прибавки. Все требования рабочих увеличить заработную плату на 20%, были отклонены администрацией.

Приводим для иллюстрации табличку за годы 1904 — 1907, показывающую и движение числа рабочих за это время:

Годы	Число рабочих дней	Среднее число рабочих	Заработная плата
1904	$294\frac{1}{2}$	1897	459514 р. 63 к.
1905	295	1878	452105 „ 67 „
1906	$286\frac{1}{2}$	1968	516906 „ 82 „
1907	$290\frac{1}{2}$	2025	611049 „ 15 „

Как видим, английский капитал твердо и успешно защищал свои интересы и за годы революции не потерпел ущерба. Количество рабо-

чих на фабрике увеличилось, а дивиденд компании с 14% в 1900—01 гг. вырос до 30% в 1908 г.

Лаконичные записи дневника прекрасно показывают, как боролся с напором русского рабочего класса английский капитал и на кого он опирался в этой борьбе.

«Все спокойно. Стоят солдаты»... бесстрастно записывает Монкер.

Русские жандармы, охраняя интересы иностранного капитала, помогали ему успешно вести оборонительную в момент революционного подъема, а затем и наступательную борьбу с революционным пролетариатом.

В ответ на введенный явочным порядком 8-часовой рабочий день, правление компании немедленно закрывает фабрики. Почти все требования рабочих на протяжении 1905—07 гг. отклоняются администрацией фабрики, а в октябре 1907 г. Монкер уже без стеснения отмечает: «Фирма собирается повести наступление против красильщиков». Как велось это наступление, можно видеть из заявления фабричного инспектора, которое Монкер приводит в дневнике: «Вы уже достаточно показали свою власть над рабочими, — говорил инспектор, — и теперешними притеснениями показываете, что вы мстите за прошлое».

Мы, конечно, не можем подходить к дневнику, как к документу, который может дать нам материал для истории революционной борьбы пролетариата, но даже отдельные скупые замечания Монкера, расшифрованные с помощью документальных и мемуарных показаний, свидетельствуют о том сдвиге, который произошел среди рабочих фабрики за эти годы.

Шедшая вначале за Гапоном, отсталая в большинстве своем рабочая масса в конце 1905 г. и в 1906 г. действует уже под руководством большевиков. Организация подпольного большевистского комитета на фабрике, бойкот Государственной Думы, выступления большевиков на фабричных митингах (Крыленко и других) свидетельствуют о растущем влиянии большевистской организации.

Характерен незначительный с первого взгляда факт, отмеченный Монкером и ярко рисующий отношение администрации фабрики к революционному движению. Когда член Петербургского Совета рабочих депутатов А. Старков вышел из тюрьмы, администрация не только категорически отказалась принять его обратно на работу, несмотря на требования товарищей, не только выселила его из фабричного корпуса, где жила его семья, но отказалась даже выдать аванс рабочим, устроившим подписку, чтобы дать ему возможность уехать в деревню. Но когда спился один из мастеров-англичан, Мак-Эннерней, администрация заботливо отсылает его в Англию к семье, снабдив нужными средствами. Англичанам-мастерам, боявшимся мести возмущенных рабочих, администрация предлагает поселить жен и детей в гостинице за счет «фирмы». Бриссону предоставляется отпуск для поездки в Москву на собачью выставку. На это денег они не жалели.

Поддерживая друг друга, англичане жили обособленной группой, так, как живут колонизаторы в колониальных и полуколониальных

странах. Их интересы не выходили за пределы ресторанов и собачьих выставок. Их опорой в годы революционных потрясений были британский посол и русский жандарм.

Дневник К. Монкера хранится в архиве бумагопрядильной фабрики имени С. Халтурина в виде нескольких тетрадей с записями на английском языке, обнимающими период с 1-го января 1905 г. по апрель 1917 г.

Мы публикуем в переводе только часть дневника, за годы 1905 — 1907, и то в виде извлечений.

Нами опущены записи о ничем не примечательных днях, которые Монкер отмечал несколькими словами: «праздник, дежурство такого-то», «все спокойно» и т. п. Значительно сокращены записи о жизни англичан. Опущены записи дневника, рисующие экономическое положение завода. Пришлось, ввиду недостатка места, опустить также многочисленные записи о несчастных случаях, кое-какие малозначительные записи о столовой, продовольственной лавке и быте рабочих.

Выпущенные места отмечены многоточиями, и некоторые фамилии, искаженные английской транскрипцией подлинника, в тексте исправлены.

Материалом для вводной заметки и примечаний послужили беседы со старыми рабочими фабрики и дела Областного архива, фонды 338 и 340 за годы 1890—1910 (I Исторический архив).

ДНЕВНИК

ЯНВАРЬ.

3/16, понедельник.

Хорошо начали работу после нового года. Все мастера вышли в 6 ч. утра, кроме Армстронга,[1] который упал накануне нового года дома, во время танцев, и сломал себе три ребра.

4/17, вторник.

В течение дня заходил фабричный инспектор Якимов. Он также предупредил нас, что рабочие Путиловского завода бастуют и что движение, по всей вероятности, перекинется к нам.

5/18, среда.

Рабочие Невской прядильной фабрики бросили работу между 7 и 8 часами утра. Мистер Гедфильд[2] дал мне знать об этом по телефону, и я телефонировал мистеру Ридделю[3]. Наши шлифовальщики забастовали в 10 ч. 30 м. утра. Они потребовали свидания с инспектором и отказались пустить свои машины до его прихода. В 11 ч. утра 4-й этаж остановился, и ремонтные слесаря стали обходить фабрику, останавливая все прочие отделения, причем последними работу бросили белильщики. После того как инспектор переговорил со шлифовальщиками, всем рабочим разрешили итти домой. Некото-

рые красильщики согласились остаться и закончить окраску основы, находившейся в производстве, но потом отказались от своего намерения и ушли. После обеда большинство женщин пришло работать, но ремонтные слесаря с 4-го этажа обходили фабрику и не давали им запускать станки. К 2 ч. дня все рабочие снова оказались вне фабрики. Ни один шлифовальщик или шлихтовальщик не пришел, красильщики пришли, но не приступали к работе. Несколько белильщиков пришло, чтобы закончить основы в процессе производства, но ушли, не окончив работы, и инженерам при помощи русских мастеров пришлось самим доделывать.[4]

6/19, четверг.

Собрание директоров фабрик в министерстве финансов.

7/20, пятница.

Сегодня утром развели пары и приготовили все к началу работы. В каждый коридор пришло по несколько женщин, но слишком мало, чтобы стоило начинать работу. Пришедшие работницы были выгнаны бандой мужчин, которые пришли во двор специально для этой цели. В 6 ч. утра потушили огни и закрыли фабрику до обеда. В 11 ч. утра трое[5] рабочих—Михаил Дермидонов и Алексей Патуткин (шлихтовальщик) пришли, чтобы попросить мистера Ридделя принять депутацию от забастовщиков... Их отослали в главную контору, где мистер Минлос сообщил им, что никакие депутации не будут приняты и администрация не будет вести переговоров со стачечниками, пока они не приступят к работе.

После обеда фабрика оставалась закрытой. Ни один рабочий не зашел хотя бы для того, чтобы осведомиться, не начнется ли работа. Служащие работали до вечера.

8/21, суббота.

Фабрика закрыта. Начали выплачивать заработную плату... как в обычный платежный день. Вначале никто не приходил, но постепенно рабочие стали подходить, и мы платили до 2 ч. Все утро казачьи патрули объезжали прилегающие улицы. Пристав дал нам инструкцию приготовить столовую для приема стрелковой роты, которая останется здесь, пока будет продолжаться забастовка. Мы сделали нужные приготовления, но солдаты не явились.

9/22, воскресенье.

Все спокойно по соседству. Весь народ отправился в город, чтобы присоединиться к великой рабочей демонстрации Гапона и отправиться процессией к Зимнему дворцу. Войска стреляли в народ, и многие были убиты и ранены. Один из наших рабочих — Суетин с 3-го этажа новой фабрики — был убит наповал в Александровском саду[6]. Рота Беломорского стрелкового полка явилась ночью и расположилась в нашей столовой. Три офицера были размещены в пустовавшей кв. № 7, в доме мастеров.

10/23, понедельник.

Все было приготовлено для начала работы в 5 ч. утра. Фабрика была освещена, но ни один котельщик не пришел, и только около 20 женщин явилось с намерением работать. В 6 ч. 30 м. свет был потушен и ворота закрыты... Работа сегодня стоит во всем городе. Сегодня утром один красильщик пришел в контору и заставил всех служащих бросить работу. Беспорядки происходили в городе сегодня вечером и продолжались всю ночь. В 6 ч. вечера толпа остановила электрические станции, и улицы были погружены в темноту до 9 ч. вечера.

11/24, вторник.

Английские мастера скопом явились в контору к мистеру Ридделю, чтобы посоветоваться с ним о необходимых шагах для обеспечения безопасности их жен и семей. Мистер Риддель, переговорив с директорами,[7] сообщил мастерам, что если они считают положение здесь тревожным, они могут отправить своих жен и детей в гостиницу за счет фирмы. Они решили остаться здесь еще одну ночь.

12/25, среда.

Фабрика стоит, и переговоры со стачечниками до сих пор не начинались. Последняя ночь прошла спокойно. Солдаты все еще здесь, но сегодня утром они ходили на Охту для поддержания порядка на кладбище, где хоронили убитых во время воскресных беспорядков. Похороны прошли без всяких нарушений порядка. Мастера работали в течение дня, складывая в красильные основы, которые были оставлены влажными, когда рабочие забастовали...

13/26, четверг.

На фабричных воротах вывешено извещение полиции о том, что никакие уступки не могут быть сделаны до тех пор, пока рабочие не приступят к работе. В городе в течение сегодняшнего дня и вчерашней ночи все было спокойно. На электрических станциях и водопроводе работают солдаты.

14/27, пятница.

Фабрика все еще стоит, до сих пор нет никаких признаков начала работы. Во время обеда на воротах было вывешено объявление о том, что фабрика будет пущена в ход завтра, в 6 ч. утра. Ремонтные слесаря на машинах Конапт вечером зашли на двор мастеров, чтобы осведомиться, на какие уступки они могут рассчитывать...

15/28, суббота.

Фабрика была освещена, и пары разведены к 6 ч. утра. Пришло около 200 женщин, но всего несколько мужчин. Не было ни одного шлифовщика, ни одного шлихтовальщика и всего 2 ремонтных слесаря. Машины не были пущены в ход, огни были погашены, а ворота закрыты... Служащие ушли домой в 6 ч. вечера.

16/29, воскресенье.

Все спокойно в городе и по соседству. Войска все еще расквартированы в нашей столовой.

17/30, понедельник.

Фабрика была пущена в 6 ч. утра. Большинство рабочих явилось во двор, но многие не приступали к работе. Все красильщики ушли в 7 ч. утра. Шлифовальщики не пришли вовсе. 25 шлихтовальщиков пришли в мастерскую, но не приступили к работе. Все ремонтные слесаря на 4-м этаже новой фабрики были на месте, но на старой фабрике не было ни одного. Невская прядильная мануфактура начала работать сегодня утром.[8] В 8 ч. 30 м. утра все наши рабочие прекратили работу и вышли, так что пришлось остановить обе машины. Ремонтные слесаря скопом явились во второй коридор, чтобы сформулировать свои требования:

1. Повышение их заработной платы до уровня заработной платы шлихтовальщиков.
2. Разрешение уезжать в свои деревни на месяц или на 6 недель без потери работы.
3. Оплата за время стачки...[9]

Шлифовальщицы жаловались на состояние прачечной в фабричном доме № 11 и на обращение Шеридана[10] со своими рабочими. Они требовали, чтобы к ним вызвали инспектора... После обеда была сделана новая попытка пустить фабрику. Снова пришло много женщин из всех отделений и совсем не пришли мужчины... Они (шлихтовальщики. — *М. Р.*) заявили, что они боятся работать, и ушли домой. Девушки, работницы на крутильных машинах, бегали из этажа в этаж, останавливая станки, так что к 3 ч. 30 м. обе машины были остановлены и все рабочие отпущены. Было вывешено извещение, что все те, кто не приступит к работе завтра в 6 ч. утра, будут уволены немедленно.

18/31, вторник.

Начали работу в 6 ч. утра. Все рабочие на месте, кроме шлифовальщиков, из которых явилось только 6. Красильщики приступили к работе только после того, как мистер Риддель поговорил с ними. Десять ремонтных слесарей явилось в контору в 7 ч. 45 м. утра, требуя, чтобы им уплатили за время забастовки. Мистер Минлос сказал им, что сейчас он не может дать им никакого ответа, но обещал его дать завтра. После этого они ушли с фабрики, уводя с собой пятерых шлифовальщиков, которые работали. В 9 ч. 30 м. некоторые станки на 1-й фабрике были остановлены, и девушки снова забегали по этажам, останавливая станки. В 10 ч. 10 м. утра первая машина стала. В 10 ч. 30 м. рабочие с первой фабрики направились на вторую фабрику, остановили там станки, так что в 10 ч. 45 м. утра и вторая машина остановилась, так как и шпульники к этому времени бросили работу. Все рабочие распущены в 12 часов дня. Мистер Рид-

дель отправился на собрание управляющих фабрик у генерал-губернатора. После обеда пришли все рабочие, кроме шлифовальщиков и ремонтных слесарей. Мотальщики и...* отказались приступить к работе, так что и машины были остановлены, и все рабочие распущены в 1 ч. 30 м. дня. Красильщики и белильщики продолжали работать. Ефим Егоров,[11] красильщик, был назначен для участия в депутации к царю завтра, в качестве представителя наших рабочих...

19/1, среда.

Фабрика пущена в ход в 5 ч. утра. Все на месте, кроме шлифовальщиков и ремонтных слесарей. Мотальщики отказались приступить к работе и остановили станки в 6 ч. 20 м. утра. Машины были остановлены, и рабочие распущены по домам в 6 ч. 30 м. утра. Красильщики и белильщики продолжали работу. Мистер Минлос пришел в 7 ч. 30 м. и совещался с мистером Ридделем и приставом 2-й Рождественской части. Совещание не пришло ни к какому решению. В 10 ч. утра рабочие Кольдербэнка[12] явились к нему скопом, требуя прибавки и уплаты за время забастовки. В 10 ч. 15 м. пришли на совещание инспектор и окружной инспектор. Послали предупреждение шлифовальщикам, живущим в фабричном доме, что главный инспектор хочет говорить с ними. Они пришли в 3 ч. и трое из них были выделены, чтобы завтра итти к генерал-губернатору в качестве делегатов. Мистер Минлос также говорил с ними, советовал им приступить к работе и обещал, что хотя вообще забастовочное время оплачиваться не будет, нуждающиеся получат помощь от фирмы. Среди них было и несколько ремонтных слесарей. После частного совещания с главным инспектором в 1-м коридоре шлифовальщики согласились приступить к работе завтра в 6 ч. утра. В 11 ч. 30 м. утра были вывешены объявления о том, что фабрика начнет работу завтра в 6 ч. утра, и все было закрыто, за исключением красильного и белильного отделения, которое продолжало работать полным ходом. Делегат красильщиков Ефим Егоров ушел в 11 ч. утра к генерал-губернатору...

20/2, четверг.

Фабрика начала работать в 6 ч. утра. Все рабочие на месте. Речь (напечатанная на машинке), которую царь вчера произнес перед рабочими делегатами, была прочитана всем рабочим...

22/4, суббота.

Все люди на работе. С 10 ч. утра до 2 ч. дня мистер Риддель и я выплачивали «пособие» за забастовочное время. Выплаченные суммы колебались от 2 до 5 рублей...[13]

24/6, понедельник.

Рано утром, до 6 часов, явилась полиция, получившая информацию, что сегодня у нас снова предстоит забастовка... Ремонтные сле-

---

* Пропуск в тексте. *Ред.*

саря собрались в коридоре и хотели узнать, будет ли увеличена их заработная плата. Им сказали, что сейчас ничего нельзя сказать по этому вопросу, и они снова взялись за работу...

31/13, понедельник.

В 9 ч. утра на воротах были расклеены правительственные сообщения о том, что назначается специальная комиссия для расследования жалоб рабочих.[14] Эта комиссия должна состоять из представителей правительства и делегатов от служащих и рабочих, избранных ими самими.

В 6 ч. 40 м. утра красильщики скопом явились к Мак-Альпину[15] и спросили, когда они получат ответ на следующие требования...[16]

ФЕВРАЛЬ.

1/14, вторник.

Все на месте в 6 ч. утра. В 10 ч. 30 м. белильщики пришли к Стюарту[17] и заявили ему, что они требуют прибавки в 20 коп. в день. В 11 ч. 45 м. мистер Риддель в красильном отделении ответил на требования красильщиков следующим образом: в настоящее время нельзя дать ответа по вопросу о сокращении рабочего дня или увеличении заработной платы; прозодежда и кипятильники будут предоставлены. Они требовали также разрешения уезжать в деревню на месяц или 6 недель, не теряя работы, но им сказали, что такого разрешения они не получат. После обеда красильщики не приступали к работе до 2 ч. дня, когда они потребовали вызова инспектора...

3/16, четверг.

Красильщики собрались в красильном отделении, но отказались приступить к работе до прихода главного инспектора. Они заявили, что мистер Риддель обещал увеличить им заработную плату, но не сделал этого, хотя слесарям заработную плату повысили. В 7 ч. 30 м. белильщики забастовали и присоединились к красильщикам. В 9 ч. утра красильщики пришли на фабрику и остановили работу шлифовальщиков. Шлифовальщики, красильщики и белильщики после этого сидели в своих отделениях, но не работали...[18] После обеда все рабочие были на месте, но шлифовальщики, красильщики и белильщики снова не захотели работать. Они хотели видеть инспектора... В 2 ч. 15 м. дня мистер Минлос говорил с красильщиками. Они утверждают, будто мистер Риддель 18 января обещал им повысить их заработную плату, если они приступят к работе, что они тогда и сделали. Мистер Риддель говорит, что он сказал: «Я сделаю для вас все, что возможно». * Из красильного отделения мистер Минлос отправился в шлифовальную мастерскую, где он обещал уплатить шлифовальщикам за время, потерянное сегодня утром, после чего они приступили к работе в 2 ч. 45 м. Красильщики оставались на месте до 7 ч., но не

* В оригинале по-русски. *Ред.*

работали. Сегодня красильщики требовали у Мак-Альпина, чтобы приняли обратно на работу Дмитрия Серебрякова, который был уволен больше года тому назад. Мак-Альпин отказался.

4/17, пятница.

Все на месте в 6 ч. утра. Кроме красильщиков и белильщиков, которые явились, но не стали работать, заявив, что они дождутся прихода инспектора. Белильщики спросили, будет ли им оплачено время, потерянное вчера. Стюарт получил инструкцию сказать им, что оплаты не будет. Котельщики и механики потребовали у Кольдербэнка повышения заработной платы. Он сказал им, что в настоящее время заработная плата никому не може быть повышена. Инспектор Якимов пришел в 12 ч. 15 м. и говорил с красильщиками в красильном отделении... После обеда мотальщики с третьего этажа новой фабрики прекратили работу и потребовали вызова инспектора, который пришел и говорил с ними в мастерской. Они приступили к работе. В 2 ч. 45 м. в красильном и отбельном отделении были вывешены извещения, что до тех пор, пока рабочий день не будет сокращен, заработная плата не будет повышена никому.[19] В 2 ч. 45 м. шпульники на машинах Конапт остановили свои станки. В 3 ч. дня депутации из 6 шпульников явились к инспектору в контору. В 3 ч. 15 м. этикетчики прекратили работу и пошли к инспектору. В 3 ч. 45 м. этикетчики и шпульники бегали по этажам и останавливали станки. В 4 ч. машины были приостановлены. И с этого момента до 6 ч. 30 м. вечера инспектор принимал депутации от ремонтных слесарей, шпульников, этикетчиков, мотальщиков и шлифовальщиков, единственным требованием которых было увольнение их мастера...

5/18, суббота.

Белильщики и 17 красильщиков пришли, но не приступали к работе и ушли домой в 6 ч. 5 м. Другие отделения фабрики начали работать. В 8 ч. 10 м. утра мотальщики на новых машинах во 2-м этаже старой фабрики бросили работу. В 8 ч. 45 м. они остановили станки на 2-м этаже старой фабрики и затем пошли по другим этажам и всюду остановили работу.

Обе машины стали в 9 ч. утра. В 5 ч. 15 м. вечера у ворот были вывешены извещения о том, что поскольку рабочие отказываются работать на существующих условиях, фабрика будет закрыта, и все рабочие смогут получить расчет в четверг 10 февраля, в 10 ч. утра.[20]

6/19, воскресенье.

Одна рота Преображенского гвардейского полка явилась и была помещена в столовой... 100 казаков также должны прийти на фабрику и будут размещены во дворе фабричного дома № 11.

7/20, понедельник.

Фабрика закрыта. Одна рота пехоты расквартирована в столовой и 70 конногвардейцев в доме № 11... В 12 ч. 10 м. дня депутация

из двух шлифовальщиков, одного красильщика и одного шлихтовальщика явилась в первый коридор и совещалась с мистером Ридделем. Половина кавалеристов ушла в 12 ч. 30 м. В 3 ч. 30 м. пришли четверо рабочих, бывших у инспектора. Они просили, чтобы им предоставили место, где они могли бы собраться для выбора делегатов в правительственную комиссию сенатора Шидловского...

8/21, вторник.

Фабрика закрыта. 65 пехотинцев стоят в столовой, 15 конногвардейцев в № 11, а также 20 добавочных полицейских. Служащие все еще работают, подготовляя общий расчет...

9/22, среда.

Фабрика закрыта... Мастера работают в красильном и отбельном отделениях. Кавалерия ушла вчера вечером. Пехота остается в столовой, в количестве 65 человек.

10/23, четверг.

С 10 ч. утра до 1 ч. дня мы расплатились со всеми рабочими... В 1 ч. дня было вывешено извещение от главного инспектора, сообщающее рабочим, что они должны выбирать своих выборщиков для избрания делегатов в комиссию Шидловского в следующее воскресенье, в 9 ч. утра.

11/24, пятница.

Фабрика закрыта... Все спокойно. 65 пехотинцев, 15 конных городовых и 24 пеших городовых находятся в столовой. Пока не слышно ни слова о начале работы.

12/25, суббота.

65 пехотинцев все еще стоят в столовой. Не было никаких предложений со стороны рабочих по поводу начала работы.

13/26, воскресенье.

В 9 ч. утра собрание рабочих в столовой для выбора выборщиков, которые будут избирать делегатов в комиссию Шидловского. Солдаты были отозваны из столовой и размещены в 4-м коридоре фабрики, чтобы освободить помещение для собрания. Я ждал в конторе, чтобы переслать список выборщиков Шидловскому. Избраны трое выборщиков:

Яков Кузнецов — ремонтный слесарь.

Михаил Дормидонтов — токарь,

Алексей Патуткин — шлихтовальщик.[21]

Список был послан Шидловскому, и копия вывешена на воротах фабрики в 3 ч. дня.

14/27, понедельник.

Фабрика закрыта.

Русские мастера, получающие за время стачки полную заработную

плату, все отправились в отбельное отделение, чтобы просушить [основы], которые были оставлены влажными. Одна пехотная рота все еще находится в столовой.

15/28, вторник.

Рота пехоты находится в столовой. Три выборщика, избранные в воскресенье, пришли и попросили разрешения устроить собрание рабочих... Выборщики от имени рабочих просили мистера Ридделя пустить фабрику...

Фабрика закрыта. Собрание рабочих состоялось в столовой в 9 ч. утра по вопросу о выработке наказа трем выборщикам, которые были избраны в прошлое воскресенье. Рота Преображенского полка все еще здесь. Часть Невской прядильной мануфактуры начала работать сегодня утром.

17/2, четверг.

Фабрика закрыта... Пехотная рота в столовой. Фабрики и заводы на Выборгской стороне забастовали вчера. В 3 ч. дня в коридор пришла депутация из 5 рабочих с просьбой об открытии фабрики...

18/3, пятница.

Фабрика закрыта. Были вывешены извещения о том, что, по просьбе рабочих, фабрика будет пущена в понедельник в 6 ч. утра, кроме шпульного отделения, которое начнет работу во вторник, в 6 ч. утра.

С 10 ч. 30 м. утра мы начали наем рабочей силы в 1-м коридоре...

19/4, суббота.

Фабрика закрыта... Нанимал рабочих в 1-м коридоре с 9 ч. утра до 2 ч. дня. Годовщина освобождения крепостных — в городе ожидаются беспорядки.

21/6, понедельник.

Фабрика начала работать. Все на месте, за исключением шпульников. Рабочие приходили в таком же количестве, как в обыкновенный понедельник.

22/7, вторник.

Фабрика полностью начала работать в 6 ч. утра... Рота солдат все еще находится в столовой. В 9 ч. утра шлифовальщики попросили вызвать мистера Минлоса. Он пришел к ним и говорил с ними. Они попросили оплатить им время забастовки или выдать пособие, поскольку они бастовали не по собственному желанию...

23/8, среда.

Все на месте в 6 ч. утра... Мистер Минлос сегодня утром обещал шлифовальщикам уплатить по рублю на человека во исполнение их

вчерашней просьбы. После обеда три шлифовальщика пришли ко мне и просили передать мистеру Минлосу, что они не согласны получить по рублю на человека... Они хотят 5 р. на человека или ничего. Мистер Минлос пришел и сказал им, что они не получат ни копейки сверх рубля, который был им обещан.

МАРТ.

2/15, среда.

Сегодня солдаты были выведены из помещения столовой...

3/16, четверг.

Я получил анонимное письмо, угрожающее мне смертью, если старшая размотчица Лисицына не будет уволена...

4/17, пятница.

Фабричный инспектор пришел сегодня днем, так как получил анонимное письмо от шпульников, которые просили его прийти сегодня днем. Они требуют увольнения Анны Лисицыной... Вечером г-н Риддель принял в конторе 4 шпульников и сказал им, что Лисицына по собственному желанию будет переведена на другую работу.

8/21, вторник.

Ремонтный слесарь Яков Кузнецов арестован нынче ночью.

11/24, пятница.

В 5 ч. 30 м. веч. одна девушка попала волосами в этикетную машину. Я отрезал ей волосы и обнаружил, что она не получила увечья. [22]

16/29, среда.

Работали полный день. Шлихтовальщики Яков Синчуков и Федор Федоров были утром арестованы полицией и уволены с фабрики.

17/30, четверг.

Работали полный день. Оба рабочих, которые были вчера арестованы, вернулись сегодня на работу.

АПРЕЛЬ.

7/20, четверг.

После обеда я отправился вместе с г-ном Ридделем на совещание директоров по вопросу о целесообразности уступок рабочим накануне пасхи. Не пришли ни к какому решению. [23]

29/12, пятница.

Приходила комиссия для испытания всех весов и автоматов и смотрела, были ли они выверены и заклеймены в течение прошедших

трех лет, как полагается по закону. Оказалось, что самое раннее клеймо, которое вообще нашли на весах, относилось к 1892 году.

Нам был дан месячный срок для приведения этого дела в порядок.

30/13, суббота.

Получили сообщение, что в виду возможных беспорядков в течение завтрашнего дня, к нам будет прислана стрелковая рота. Столовая была приготовлена для приема солдат.

МАЙ.

1/14, воскресенье.

День прошел спокойно. Полурота пехоты явилась и была расквартирована в столовой.

2/15, понедельник.

Аким Балабанов, выступая от имени ремонтных слесарей, просил о прибавке заработной платы. Красильщики скопом пошли к Мак-Альпину, требуя увеличения заработной платы... Полурота Преображенского полка все еще находится в столовой. Вечером человек, который держит ларек у ворот фабрики, пришел ко мне и сообщил мне, что Мачтовой, мастер на 3-м этаже Новой фабрики, [24] пытается подговорить работниц забастовать завтра и остановить станки.

3/16, вторник.

После завтрака красильщики не пустили свои станки в ход, а потребовали, чтобы к ним вышел мистер Риддель или мистер Минлос. Риддель пошел к ним и в ответ на их требование увеличить заработную плату сказал им, что никаких прибавок не будет до тех пор, пока не станут известны намерения правительства относительно сокращения рабочего дня. Они просили также, чтобы дни выдачи заработной платы были перенесены на 1-е и 15-е каждого месяца. Мистер Риддель обещал им, что это будет сделано, если окажется, что таково единодушное желание всех рабочих...

13/26, пятница.

Пристав 3-й Рождественской части заходил вечером. Сообщил, что назревает всеобщая забастовка.

20/2, пятница.

Слышал сегодня утром, что Российская прядильная мануфактура забастовала вчера. После обеда, когда красильщики вернулись, они не приступили к работе... Они требовали сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Мистер Риддель передал их требования директорам, а затем вернулся и сообщил красильщикам, что поскольку комиссия, заседавшая при министре финансов, распущена, положение решительно изменилось и ответа дать нельзя. Красильщики

тогда заявили, что они начнут бастовать в ближайший понедельник, но мистер Риддель просил их продолжать работу в течение недели и обещал за это время дать им определенный ответ. На это они согласились...

24/6, вторник.

Невская мануфактура не работает. В 8 ч. 15 м. красильщики бросили работу, требуя вызова старшего инспектора... Они жалуются на обращение Мак-Альпина с ними. Я позвонил старшему инспектору, который сказал, что не может прийти, но Якимов пришел в 11 ч. утра... Они (красильщики. — *М. Р.*) требовали увольнения Мак-Альпина, но не выставляли никаких особых обвинений против него. Якимов сказал, что он не видит никаких оснований жаловаться на Мак-Альпина, в ответ на что они потребовали вызова старшего инспектора, соглашаясь работать до его прихода... Единственное их требование — уволить Мак-Альпина. В противном случае они грозили вывезти его на тачке. В конце концов сошлись на том, что они получат ответ в ближайшую пятницу, вместе с ответом на другие требования. До тех пор они согласились работать под руководством Калландера,[25] при условии, что Мак-Альпин не будет приходить в мастерскую...

25/7, среда.

Невская мануфактура стоит. Калландер руководит одновременно красильным и отбельным отделениями... В 8 ч. утра ремонтные слесаря собрались в 4-м этаже. Мистер Риддель говорил с ними. Их требования — сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы. Мистер Риддель сказал, что сейчас нельзя дать ответа на эти требования. Затем они требовали вернуть на работу Якова Кузнецова. На это требование они получили категорический отказ...

27/9, пятница.

Полицейский пристав указал нам на антисанитарное состояние столовой и кухни: недействующие трубы, проломанные полы, грязная посуда и т. д... В 11 ч. 30 м. мистер Риддель, согласно своему обещанию, дал красильщикам ответ на их требования:

1. В 9-часовом рабочем дне отказано.
2. Не будет никакого повышения заработной платы до сокращения рабочего дня.
3. Мак-Альпин должен вернуться к работе прежде, чем какие бы то ни было переговоры будут начаты с красильщиками.

Рабочие согласились на все эти условия и хотели приступить к работе, но им сказали, что предварительно они должны попросить Мак-Альпина вернуться: сегодня его нет, но он придет завтра утром, и тогда они смогут пойти к нему.

После обеда красильщики пришли, и Калландеру была дана инструкция приступить к работе, но рабочие отказались, говоря, что они не будут работать больше 10 часов и что ни один из них не со-

гласится просить Мак-Альпина вернуться к ним. В 5 ч. 15 м. во всех коридорах были вывешены извещения, что поскольку Невская фабрика бастует, ниточную фабрику также придется закрыть и что тем самым рабочие предупреждаются, что через две недели они все получат расчет...

28/10, суббота.

Невская фабрика все еще стоит... В 10 ч. 30 м. пришел старший инспектор, он говорил с красильщиками и объяснял им положение дел. Они согласились продолжать работу при условии, чтобы мистер Риддель обещал принять их всех обратно после остановки фабрики, если эта остановка произойдет. Мистер Риддель сказал, что этого он обещать не может, но что он не намечал увольнять никого из них. В конце концов они согласились на эти условия и обещали старшему инспектору, что если Мак-Альпин вернется к работе, они не тронут его и будут работать, как следует...

30/12, понедельник.

Невская фабрика закрыта. Мы начали работу полностью в 6 ч. утра. Мак-Альпин не пошел в красильное отделение... Мистер Риддель распорядился, чтобы он шел домой до тех пор, пока сами красильщики не придут к нему и не попросят его вернуться... В 6 ч. мистер Риддель пришел к красильщикам и сказал им, что он все еще ждет, чтобы они пошли и просили Мак-Альпина вернуться на работу. Они снова сказали, что они согласны, чтобы он вернулся, но ни один из них не согласится просить его. Мак-Альпин говорит, что он не пойдет, пока они его не попросят...

31/13, вторник.

Невская фабрика все еще стоит... В 9 ч. 40 м. красильщики прекратили работу и потребовали вызова мистера Ридделя. Когда он спустился к ним, они сказали, что они согласны пойти и попросить Мак-Альпина вернуться при условии, что извещение о расчете будет снято. В этом им было отказано... У них разногласия по поводу приглашения Мак-Альпина. В 12 ч. дня мистер Риддель снова передал им через меня, что директора обещали рабочим Невской фабрики дать им ответ на их требование повысить заработную плату к 1 июля и что Невская ф-ка начнет работать завтра, но при условии, что Мак-Альпина попросят вернуться на работу, в противном случае обе фабрики будут стоять в ожидании его возвращения. Тогда красильщики выбрали троих из своей среды в качестве делегатов, которые должны были отправиться к Мак-Альпину и попросить его вернуться. Это они и сделали сразу после обеда. Мак-Альпин вернулся в 2 ч., и после того как мистер Риддель дал красильщикам 15 руб. на водку, работа возобновилась. Рабочие считают, что они получат ответ на свое требование о повышении заработной платы 1 июля, тогда же, когда и рабочие Невской фабрики.

ИЮНЬ.

1/14, среда.

Невская фабрика начала работать сегодня вечером... Наша фабрика работала полный день — все спокойно.

15/28, среда.

...Сегодня началась мобилизация санкт-петербургского военного округа. Пока у нас взяли одного упаковщика и 1 шлихтовальщика. Несколько запасных, ожидающих призыва, в частности Андрей Рыбкин, чернорабочий из красильного отделения, напились пьяными и устроили скандал в 11-м доме для рабочих, причем разбили целую кучу оконных стекол.

21/4, вторник.

Снова ходят слухи о всеобщей забастовке. Бастуют грузчики в Новом Порту.

22/5, среда.

Путиловские рабочие забастовали сегодня и устроили беспорядки. В них стреляли казаки.

24/7, пятница.

Слышал сегодня, что на фабрике Бека сократили рабочий день на полчаса.

ИЮЛЬ.

1/14, пятница.

Красильщики не принимались за работу после завтрака... Они хотели получить ответ на свои требования, ответ, который был им обещан на сегодняшний день (см. 31 мая)... В 5 ч. вечера были вывешены извещения, что с сегодняшнего дня мы работаем на $2^1/_2$ часа в неделю меньше, кончая работу в 6 ч. 30 м. вместо 7 ч. вечера. В субботу сохраняется прежний порядок. Кроме того, все ставки повышаются на 5%...[26]

4/17, понедельник.

В 11 ч. 30 м. утра по телефону позвонил полицеймейстер и предложил подготовить помещение для конных и пеших городовых, в виду того, что ожидается стачка чернорабочих на пристани.

8/21, пятница.

Фабрика работала полный день до 6 ч. 30 м. вечера. Получили приказ подготовиться к приему вооруженной охраны на завтрашний день, так как это — полугодовщина демонстрации 9-го января.

9/22, суббота.

В 6 ч. утра приехал полицеймейстер и сообщил нам, что полиция имеет информацию, будто к нам на фабрику прислан с Путиловского

завода ящик с бомбами. В доме № 11 был произведен обыск, но не было найдено ничего. Сегодня, в виду полугодовщины 9-го января, в столовой расположились 18 солдат пехотного полка. Фабрика работала до 2 ч. дня, как обычно, без всяких происшествий.

11/24, понедельник.

Вооруженная охрана — 13 человек — расквартирована в сарае, в 11 номере...

12/25, вторник.

...Рабочие прядильной мануфактуры прекратили работу в течение утра, требуя сокращения рабочего дня до 10 часов. Прибыла конная и пешая полиция и была размещена в 11 номере и в столовой. Мы работали все время.

13/26, среда.

На Невской прядильной мануфактуре снова беспорядки. Старая фабрика простояла некоторое время сегодня утром, но в конце концов рабочие приступили к работе и проработали весь день...

14/27, четверг.

Работали полный день.

Крановщик Василий Корнеев попал ногой между площадкой подъемной машины и заградительной решеткой у двери 5-го этажа. У него раздавлены все пальцы на ноге. Отправлен в больницу.[27]

27/9, среда.

Работали полный день. Шлифовальщики, крутильщики и 4-й этаж просили разрешения устроить сбор денег для путиловских стачечников. Мистер Миквиц[28] разрешил. Екатерингофская прядильная фабрика забастовала сегодня. Рабочие Воронинской фабрики вчера выходили на улицу, но сегодня снова работают.

АВГУСТ.

1/14, понедельник.

Некоторые рабочие принесли жалобу, что суп, поданный сегодня в столовой, полон червей. По исследовании я установил, что это верно. Черви оказались в грибах, поставленных Жильцовым. Я послал за лавочником, сделал ему выговор и пригрозил ему составить протокол. Суп, оставленный на ужин, я велел вылить и приготовить новый взамен.

СЕНТЯБРЬ.

15/28, четверг.

После чая, в 4 ч. 30 м., красильщики отказались приступать к работе, говоря, что хотят видеть меня. Они выставили следующие требования:

1) 5-процентная прибавка, установленная 1 июня, должна быть включена в их расчетные книжки, как заработная плата.

2) Халаты и рукавицы должны выдаваться чаще, и рукавицы должны чиниться за счет фирмы.

3) Увольняющиеся рабочие должны получать 5-процентную прибавку за две последние проработанные недели.

4) Старые рабочие, увольняющиеся лишь временно, должны получать повышенную плату, когда возвращаются на работу.

5) Платежный день должен быть изменен так, чтобы он совпадал с платежным днем на старой фабрике (т. е. через субботу)...

После обеда они снова отказались начать работу, пока мистер Риддель не спустился к ним и не пообещал им дать ответ на их требования.

29/12, четверг.

...Получил информацию, что рабочие Невской фабрики бастуют. Они хотят кончать работу накануне праздников в 5 ч. вместо 5 ч. 30 м.

ОКТЯБРЬ.

3/16, понедельник.

Сегодня не вышли газеты. Все наборщики бастуют.

4/17, вторник.

Днем рабочие механических заводов и фабрик по Александровскому шоссе забастовали и вышли на улицу. Последовали серьезные беспорядки. Движение остановилось.

5/18, среда.

За Невской заставой бастуют все, кроме стеаринового завода. У нас все спокойно. Работали полный день.

6/19, четверг.

У нас все спокойно. Полицейский пристав говорит, что приходили люди и пытались добиться остановки фабрики сегодня утром, но что им это не удалось...

7/20, пятница.

...В 7 ч. 30 м. утра красильщики отказались возобновить работу после чая. Когда я сошел вниз, они заявили, что хотят видеть мистера Ридделя и попросить прибавки. Я сказал им, чтобы они продолжали работать, пока он не придет. Тогда они потребовали, чтобы день выдачи заработной платы был перенесен на те же сроки, что и на старой фабрике. На это я решительно заявил, что это не будет сделано, так как нынешние сроки были установлены по желанию самих рабочих. Вслед за моим обещанием передать их требование об увеличении заработной платы мистеру Ридделю, они приступили к работе.

11/24, вторник.

Фабрика начала работать полностью. Все железные дороги забастовали и стали сегодня.

12/25, среда.

Фабрика работала полностью. За Невской заставой снова все бастуют, кроме стеаринового завода. Паровик * стоит, и все движение прекращено.

13/26, четверг.

Фабрика начала работать полностью. За Невской заставой бастуют все, за исключением стеаринового завода. Служащие паровика тоже бастуют. Завод «Феникс» остановился утром. В 2 ч. 30 м. рабочие отбельного отделения во втором этаже попросили Стюарта установить вентилятор, так как они очень жалуются на жару. Фабрика Бека стала в течение дня.

14/27, пятница.

Все начали в 6 ч. утра и проработали весь день... В 5 ч. вечера остановилась электрическая станция «Гелиос», и улицы были погружены во мрак. Сообщают, что солдаты тоже отказались работать на динамомашинах.

15/28, суббота.

Фабрика работала до двух часов дня, как обычно. Все спокойно у нас по соседству.

Электрическая станция «Гелиос» дала ток в 12 ч. ночи. Динамомашины обслуживаются солдатами. Фабрики на Выборгской стороне всё работали — повсюду в других местах бастуют.

Телефонные служащие забастовали сегодня утром. Телеграф забастовал вечером.

16/29, воскресенье.

Все спокойно в нашем районе. В городе также не было беспорядков. Все центральные улицы патрулируются и охраняются войсками. Телефонистки и телеграфистки бастуют.

17/30, понедельник.

Фабрика работала полный день. Все спокойно у нас по соседству. Финляндская железная дорога забастовала сегодня. Таким образом, стоят все дороги, ведущие в город. Все конки стоят. Часть города погружена во тьму. Телефон сегодня работает.

Агитаторы приходили на улицу, примыкающую к нашей фабрике, в 6 ч. 30 м., когда наши рабочие уходят с работы, и произносили речи, убеждая их примкнуть к забастовке. [29]

---

* Паровая конка, ходившая за Невской заставой. — *М. Р.*

18/31, вторник.

Все начали в 6 ч. утра и работали до обеда.

Вышел манифест относительно свободы печати и конституционного правительства, и во время обеденного перерыва депутация из трех человек явилась ко мне на дом и попросила устроить праздничный перерыв на $1^1/_2$ дня. Директора согласились. Те рабочие, которые придут на работу в четверг в 6 ч. утра, получат половинную заработную плату за время перерыва.

19/1, среда.

Фабрика стоит. Все спокойно у нас по соседству. Беспорядки во многих частях города.

20/2, четверг.

Фабрика начала работать полностью в 6 ч. утра. Почти все фабрики в городе работают. Литейные заводы и железные дороги все еще стоят.

23/5, воскресенье.

Все спокойно как в городе, так и у нас в районе. Главные улицы все еще патрулируются войсками.

26/8, среда.

После обеда красильщики не приступили к работе и захотели видеть мистера Ридделя и меня. Так как мистер Риддель был в городе, я пошел сам и говорил с ними. Они потребовали:

1. Предоставить помещение, где рабочие могли бы собираться для обсуждения своих дел, например столовую.
2. 20% прибавки к заработной плате.
3. Не причислять красильщиков к 3-му разряду в отношении оплаты за паспорта, а отнести их к чернорабочим.

Они получили следующий ответ:

1. Рабочие могут использовать столовую для собраний при условии, что они будут предупреждать за два дня и не будут допускать посторонних.
2. В настоящее время не может быть никаких прибавок.
3. Оплата паспортов — дело, касающееся рабочих и Городской Думы и не имеющее никакого отношения к фабрике.

27/9, четверг.

К вечеру распространились слухи, что флот восстал и Кронштадт в огне.

31/13, понедельник.

За Невской заставой рабочие всех фабрик и заводов забастовали и ушли домой, проработав 8 часов. Ходят слухи, что наши рабочие собираются сделать то же самое.

НОЯБРЬ.

2/15, среда.

Фабрика работала полное время.

Меллор [30] получил извещение по телефону из британского посольства, сообщающее, что посол советует всем британским подданным как можно скорее увезти своих жен и детей. Ходят слухи, что железные дороги и конки снова все забастовали. Наши рабочие устроили в столовой в 8 ч. вечера митинг, на котором они приняли резолюцию забастовать завтра в 9 ч. утра для поддержки всеобщей политической забастовки. [31] Впрочем, впоследствии эта резолюция была изменена. Были избраны делегаты...

3/16, четверг.

Фабрика начала работать полностью. В 10 ч. утра девять делегатов, избранных на вчерашнем митинге, пришли, чтобы представиться мистеру Ридделю. Вернувшись в мастерские, делегаты начали убеждать рабочих забастовать из сочувствия ко всеобщей забастовке, происходящей в городе с целью заставить правительство отменить смертные приговоры, вынесенные восставшим кронштадтским морякам. После обеда никто не пришел на фабрику. Рабочие на некоторое время собрались толпой во дворе и помешали котельщикам развести пары...

4/17, пятница.

Фабрика стояла весь день. Всеобщая стачка всех фабрик и заводов города. Все спокойно. Никаких беспорядков. Митинг наших рабочих в 12 ч. в столовой. Порядок дня: 8-часовой рабочий день. Беременные женщины хотят получать заработную плату в течение двух месяцев до родов и четырех месяцев после.

5/18, суббота.

Фабрика простояла весь день...

6/19, воскресенье.

Митинг рабочих с 11 ч. утра до 2 ч. дня. Принято решение приступить к работе завтра после обеда. В нашем районе все спокойно. Но ходят слухи, что в других частях города стреляли в толпу.

7/20, понедельник.

Приготовили все к пуску в 6 ч. утра. Но никто из рабочих не пришел, так что мы закрыли фабрику до обеда. Делегаты вывесили на воротах объявление, что фабрика начнет работать в 1 ч. 30 м. дня по распоряжению Совета рабочих депутатов.

После обеда, в 1 ч. 30 м., фабрика была пущена, и мы спокойно проработали до 6 ч. 30 м., как обычно. Многие фабрики остановились, проработав восемь часов, как они делали на прошлой неделе до забастовки...

8/21, вторник.

Отбельщики через своего делегата, конторщика отбельного отделения, передали Стюарту следующие требования:

1. Установить вентилятор во 2-м этаже, в отбельной мастерской.
2. Снабдить линкеров (двух человек) халатами.
3. Прибавки по 10 коп. в день всем рабочим отбельного отделения.

В 6 ч. 15 м. все делегаты пришли в контору и попросили разрешения устроить митинг в столовой завтра вечером. Мистер Риддель сказал им, что даст им ответ завтра утром...

9/22, среда.

Невская фабрика прекратила работу, проработав 8 ч., вследствие чего всем рабочим был объявлен расчет. В 5 ч. 30 м. мы также вывесили извещение на ниточной фабрике, в котором сообщали всем рабочим, что в виду того, что рабочим Невской фабрики объявлен расчет и что фабрика будет закрыта, нашим рабочим также объявляется расчет и Ниточная фабрика будет закрыта 24 ноября.

10/23, четверг.

Волнение среди рабочих, в виду того, что их книжки сегодня штампуются... Невская фабрика остановилась в 3 ч. 30 м., проработав 8 часов. Мы проработали до 6 ч. 30 м. Полиция запретила делегатам устройство собрания в городе, и они вернулись и сообщили рабочим, что собрание откладывается до субботы.

14/27, понедельник.

Фабрика работала полный день. Делегаты пришли и потребовали, чтобы фабрика работала $60^1/_2$ часов в неделю, подобно тому, как работают все остальные фабрики... Сегодня вечером, в 8 ч., состоялось собрание рабочих в столовой. Невская прядильная фабрика сегодня впервые остановилась в 6 ч. вечера.

15/28, вторник.

После обеда были развешены печатные объявления от общества фабрикантов и заводчиков, извещающие рабочих, что с завтрашнего дня мы будем работать $60^1/_2$ ч. в неделю, как другие фабрики. Полный день с 6 до $4^1/_2$—$10^1/_2$ часов. Суббота с 6 до 2—8 часов. Канун праздников — с 6 до 5—$9^1/_2$ часов...[82] Делегаты пришли в контору в 6 ч. вечера и заявили, что красильщики требуют повышения заработной платы на 10 коп. в день на круг.

Пришли также делегаты от шлифовальщиков и шлихтовальщиков и требовали, чтобы заработная плата была повышена на 15%, а не на 10%, что предполагалось для покрытия разницы из-за сокращения рабочего дня.

Это означает повышение существующих ставок на 5%.

16/29, среда.

Фабрика начала работать полностью. Упаковщики бросили работу, желая говорить с мистером Ридделем по поводу прибавки... В 10 ч. 30 м. утра делегаты от ремонтных слесарей потребовали убрать извещение о расчете и прибавить заработную плату.

После обеда забастовали кочегары и отказывались работать до тех пор, пока мистер Риддель не пришел к ним и не сказал им, что их заработная плата будет увеличена на 10 коп. в день. Шлифовальщики не приступали к работе после обеда, но послали своего делегата со следующими требованиями:

1. Так как рабочий день с сегодняшнего дня сокращается на полчаса, то дневная заработная плата должна быть повышена на 10%, вместо 5%.
2. Никаких увольнений за влажную основу.
3. Рваная и окрашенная основа должна оплачиваться из расчета 1 р. 30 к. в день.
4. Все поденные рабочие должны получить обещанную прибавку, и рабочие, нанятые после 1-го июля включительно.
5. Простой по вине администрации должен оплачиваться, начиная с 10-минутного простоя.
6. Каждый рабочий, проработавший год на фабрике, должен пользоваться правом на месячный отпуск.
7. Отсутствующие по болезни должны получать половинную заработную плату.
8. Вежливое обращение администрации с рабочими.
9. Разрешать рабочим уходить с работы в случае необходимости.
10. Предоставить рабочим право собираться раз в неделю.
11. Не нанимать подмастерьев. [33]

Когда последовал отказ на требование о прибавке, шлифовальщики ушли домой.

17/30, четверг.

Начали полностью, кроме шлифовального отделения, где вообще никто не пришел... После обеда, так как шлифовальщики не пришли, шпульников посылали домой по мере того, как у них выходили нитки. Мотальщики не приступали к работе и обходили помещение и снимали мотовильщиков. Но они все вернулись на работу, кроме мотальщиков.

23/6, среда.

Ни один шлифовальщик не пришел. Красильщики не приступали к работе до 6 ч. 30 м. утра. В обеденное время произошла встреча между директорами, делегатами и старшим инспектором. Первые согласились дать шлифовальщикам 5-процентную прибавку, которой они требуют, чтобы не останавливать фабрику...

В конце концов сговорились в 5 ч. 30 м. вечера, что мы завтра пускаем фабрику. Невская прядильная мануфактура забастовала

сегодня днем. 91 солдат пехотного полка расположились в столовой в течение ночи.

24/7, четверг.

Пустили фабрику в 6 ч. утра. Шлифовальщики пришли, но не приступали к работе, пока они ни увидели мистера Ридделя и не переговорили с ним о мытье полов и не заявили ему, что они не будут мыть полов. Они также требовали, чтобы мастер, старший отбельщик и механик получили заработную плату за время стачки. В этом им было отказано. Они пустили свои станки около 7 ч. утра... Невская прядильная мануфактура простояла весь день. 91 солдат пехотного полка в столовой.

26/9, суббота.

Женщины мыли полы в шлифовальном отделении. Невская прядильная мануфактура стоит. Пехота (49 человек) в столовой.

28/11, понедельник.

В 6 ч. вечера шлифовальщики попросили мистера Ридделя прийти в их отделение и переговорить с ними. Они просили, чтобы им заплатили за то время, что они бастовали. Мистер Риддель сказал им, что никакой оплаты не будет.

ДЕКАБРЬ.

8/21, четверг.

В обеденное время началась политическая забастовка.

12/25, понедельник.

Возобновили работу на фабрике после забастовки.

18/31, воскресенье.

Хетчисон пришел в коридор № 1 в течение дня и ударил одного из сторожей за то, что тот потерял письмо. [35]

19/1, понедельник.

В течение дня приходил инспектор... В то время как он был здесь, к нему пришли делегаты из всех отделений и потребовали немедленного увольнения Хетчисона за то, что он вчера ударил сторожа. Если он не будет уволен, то они открыто предупреждают, что они сами выживут его. Я подробно доложил все дело директорам, а пока в ожидании их решения отослал Хетчисона домой.

20/2, вторник.

Мистер Бекли [36] утром дал мне инструкцию ответить делегатам, что он не потерпит вмешательства рабочих в дело Хетчисона, что если последний подвергнется каким бы то ни было нападкам, то обе фаб-

рики — наша и Невская — будут закрыты. В соответствии с этим я послал за Хетчисоном и сказал ему, чтобы он уладил дело со сторожем, что он и сделал за 50 рублей, после чего вернулся на работу. Сторож потребовал расчета, и я дал свое согласие.

29/11, четверг.

Утром явилась депутация шлихтовальщиков с жалобой по поводу рваной основы и предъявила следующие требования:

1. Повысить заработную плату на 15 коп. за мотовило.
2. Крашеные мотовила должны оплачиваться так же, как и черные.
3. Временные рабочие (обучающиеся) должны получать 1 р. в день вместо 75 коп., получаемых в настоящее время.

1906 год.

ЯНВАРЬ.

2/15, понедельник.

В 7 ч. утра шлихтовальщики бросили работу и отказались приступить к работе, пока им не будет дан ответ на требования, которые они предъявили 29 декабря. Мистер Риддель ответил им, что:

1. Не будет никакой прибавки к существующим ставкам.
2. Окрашенная основа будет оплачиваться по тем же ставкам, что и черная.
3. Поденные рабочие не будут оплачиваться по 1 рублю в день.
4. Поденная плата при рваной основе будет производиться, начиная с двух дней, а не с трех, как сейчас.

Они отказались вернуться на работу, пока все их требования не будут удовлетворены. В 4 часа дня, в виду стачки шлихтовальщиков... были вывешены извещения, что через две недели обе фабрики будут закрыты.

3/16, вторник.

Сегодня ни один шлихтовальщик не вышел на работу. Рабочие были задержаны для чистки машин. Из шпульных машин в течение дня остановились 32... Два шлихтовальщика, Спиридон Александров и Сила Петров,[37] днем пришли на фабрику и запретили отбельщикам и табельщику ходить на 5-й этаж.

4/17, среда.

Шлихтовальщики не приходили весь день. Шлифовальное отделение встало полностью. Утром пришли три шлихтовальщика и попросили разрешение устроить с красильщиками и шлифовальщиками собрание на фабрике. В этом им было отказано, и делегату шлихтовальщиков Михаилу Парфенову было объявлено, что он не будет принят обратно на работу...

7/20, суббота.

Шлихтовальщики бастуют. Они сегодня утром в 12 ч. получили полный расчет и были уволены...

9/22, понедельник.

Шлихтовальщиков нет. Шлифовальное отделение и рабочие 4-го этажа посланы домой. Красильщики попросили разрешения прекратить работу сегодня в знак траура по убитым в прошлом году. Им сказали, что если они бросят работу, то это будет против воли фирмы. После этого они вернулись на работу...

10/23, вторник.

Все еще нет шлихтовальщиков. Шпульники и шлифовальщики не работают. 26 красильщиков добровольно предложили свои услуги для замены шлихтовальщиков, и 6 из них начали работу в шлихтовальном отделении.

11/24, среда.

Шлихтовальщики пришли и попросили, чтобы их приняли обратно на старых условиях, но им отказали. Шпульное и шлифовальное отделения стоят...

12/25, четверг.

Шлихтовальное, шлифовальное и шпульное отделения остановлены.

13/26, пятница.

Шлихтовальное и шлифовальное отделения остановлены окончательно. В шпульном отделении стоят все машины, за исключением 8 машин Вильдса и 9 ручных шпульников...

Инспектор звонил по телефону и просил нас отказаться от нашего плана не принимать обратно агитаторов, а также заранее дать знать рабочим, кто из них будет принят обратно, так чтобы можно было сговориться с ними об условиях до того, как мы приступим к работе.

14/27, суббота.

Шлихтовальное, шлифовальное и шпульное отделения стоят. Шлифовальщики, шпульники и ремонтные слесаря получили окончательный расчет сегодня...

17/30, вторник.

Шлихтовальное отделение начало работать сегодня утром. Работают все шлихтовальщики, кроме четырех, которых мы отказываемся принять обратно, а именно: Алексея Патуткина, Михаила Парфенова, Силы Петрова и Спиридона Александрова. Сегодня утром тростильщики (doublers) в 3-м этаже Новой фабрики остановили свои машины и потребовали, чтобы их мастер Иван Мачтовой, который был уволен

в субботу, был снова принят на работу. Мистер Риддель решительно отказал. Они пустили было машины, но затем снова остановили их. Однако в дело вмешались мотальщики и заставили их работать.

18/31, среда.

Шлифовальное отделение начало работать полностью после обеденного перерыва. Все прочие отделения работали полностью.

20/2, пятница.

Все работают полностью, кроме шпульного отделения. Утром и в обеденное время нанимали шпульников; ремонтные слесаря все на месте, кроме восьми на машинах Конант. Они угрожают насилием тем, кто те не бросит работу. Работающие известили полицию и сообщили имена грозивших им.

23/5, понедельник.

Свыше 100 человек нанято на 4-й этаж. Все работали спокойно полный день. Ремонтные слесаря просили принять обратно Ивана Шарапова, который не был допущен к работе после стачки. Сегодня вечером им не было дано никакого ответа.

ФЕВРАЛЬ.

7/20, вторник.

В 3 ч. шлифовальщики попросили устроить встречу с мистером Ридделем и с инспектором... Мистер Риддель сказал, что не пойдет, пока не будет знать, по какому делу они хотят его видеть. Тогда они попросили свидания с одним мистером Ридделем по поводу Озоля, [is] их мастера. Мистер Риддель спустился к ним в 6 ч. вечера. Они потребовали, чтобы Озоль был уволен и чтобы Дубасов, которому объявлен расчет за брак, был прощен. Мистер Риддель отказал, на что они пригрозили сами вывезти Озоля на тачке.

9/22, четверг.

Инспектор приходил утром и имел беседу с шлифовальщиками в мастерской в 12 ч. Они требуют, чтобы мастер Озоль был уволен, в противном случае они грозят вывезти его на тачке. После обеда были избраны три делегата для предъявления их требований мистеру Бекли в главной конторе...

10/23, пятница.

Шлифовальщики получили ответ, что мастер будет уволен только при том условии, что уволены будут и 7 шлифовальщиков, переписанных во время последней забастовки.

После обеда шлифовальщики заявили, что они попрежнему настаивают на увольнении мастера, но что если будут уволены 7 шлифовальщиков, нам придется дать расчет всем шлифовальщикам...

13/26, понедельник.

Семь намеченных к увольнению шлифовальщиков попросили свидания с мистером Ридделем, в течение которого обнаружилось, что они вместе с их делегатом Филипповым [39] в прошлую пятницу, накануне праздника, были вызваны в полицейский участок и предупреждены полицией, что если на фабрике возникнут еще какие-нибудь беспорядки, то они будут арестованы. Вот против этого-то они и протестовали.

18/3, суббота.

Шлифовальщик Дубасов сегодня получил расчет.

МАРТ.

17/30, пятница.

В столовой состоялось собрание рабочих с разрешения полиции. Порядок дня: предложение открыть кооперативную лавку при фабрике.

13/26, понедельник.

Вечером появились войска и конная и пешая полиция, так как до полиции дошли слухи, что сегодня вечером на Малой Болотной предполагается политический митинг. Никаких таких попыток предпринято не было, и войска были уведены около 7 ч. вечера.

15/28, среда.

В сегодняшних «Полицейских ведомостях» опубликовано, что выборы в Государственную Думу должны происходить на нашей фабрике в ближайшее воскресенье — 19 марта.

3/16, пятница.

Я пошел к приставу, который дал мне инструкцию относительно линии поведения при выборах, назначенных в воскресенье в нашей столовой.

18/31, суббота.

Фабрика работала полное время. Во всех отделениях были вывешены объявления с именами рабочих, имеющих право участвовать завтра в выборах.

19/1, воскресенье.

Выборы выборщика в Думу состоялись в помещении столовой в 9 ч. утра. Около 11 часов 920 человек пришли, и после часового совещания большинство высказалось за то, чтобы вовсе не выбирать выборщика. [40] После этого они разошлись. Помещение в течение всего дня оставалось открытым до 9 ч. вечера, однако люди не возвращались. 15 полицейских и 35 казаков кормились в столовой. Казаки были расквартированы в доме № 72 по набережной.

20/2, понедельник.

Сегодня в городе всеобщие выборы. Шлихтовальщики хотели сделать еще одну попытку выбрать выборщика, но не были поддержаны другими отделениями, так что эта попытка вновь провалилась.

26/8, воскресенье.

Выборы выборщика в Думу на Невской прядильной. Полиция была расквартирована и довольствовалась в нашей столовой.

27/9, понедельник.

Вечером рабочие провели общий митинг в столовой для рассмотрения вопроса об организации кооперативной лавки, в виду того, что они получили неблагоприятный ответ от дирекции по этому делу. [41]

АПРЕЛЬ.

18/1, вторник.

Ожидали беспорядков, так как сегодня 1 мая нов. стиля. На нашей фабрике все спокойно...

24/7, понедельник.

Красильная должна была работать сверхурочно, но красильщики собрались после обеда и заявили мистеру Ридделю, что они требуют, чтобы $9^1/_2$ часов считались за рабочий день, и сверхурочные часы, оплачиваемые в полуторном размере, насчитывались после $9^1/_2$ часов, т. е. чтобы $6^1/_4$ сверхурочных часов считались за рабочий день.

Им сказали, что рабочий день на фабрике — $10^1/_4$ часов и что 7 сверхурочных часов составляют рабочий день. Они не согласились с этим и прекратили работу в 6 ч., отказавшись работать сверхурочно.

25/8, вторник.

Красильная остановилась в 6 ч., так как красильщики все еще не соглашаются работать сверхурочно за полуторную оплату.

Мотальщики с обеих фабрик пришли к Мак-Эннернею [42] с ходатайством о прибавке. Они жалуются, что их заработки резко уменьшаются в виду увеличения № 60 и грубой пряжи, которая дает брак. Александр Старков вышел из тюрьмы. [43]

26/9, среда.

Александр Старков приходил просить, чтобы его приняли обратно на работу. Он отказывается покинуть квартиру своей жены в доме № 11. Мистер Риддель решительно отказался допустить его к работе...

27/10, четверг.

Открытие Государственной Думы. Ждали, что рабочие попросят, чтобы им дали свободный день, но мы работали до 6 ч. вечера без

всяких происшествий. На Невской прядильной мануфактуре около 300 человек не работало днем.

В городе все прошло спокойно.

29/12, суббота.

Фабрика работала полный день. Красильщики и шлифовальщики попросили, чтобы им предоставили свободный день в понедельник 1 мая. Мистер Риддель отказал.

МАЙ.

1/14, понедельник.

Красильщики и шлифовальщики не явились сегодня. Остальные рабочие в большинстве пришли, но остались во дворе. После того как машины были пущены в ход, все котельщики вышли, пары были спущены, машины остановились, и все рабочие ушли. Они шли по улице процессией с красными флагами...

10/23, среда.

Шлифовальщики захотели видеть мистера Ридделя в обеденный перерыв. Он спустился к ним в 12 ч. Они потребовали, чтобы он принял обратно на работу Александра Старкова. Мистер Риддель отказал. В течение дня красильщики потребовали вызова мистера Ридделя. Когда он пришел в красильню в 5 ч. вечера, они выставили те же самые требования и получили тот же ответ. Они грозят забастовать в пятницу, если их требование не будет удовлетворено.

12/25, пятница.

Утром ремонтные слесаря прекратили работу, послали за мистером Ридделем. Он поднялся к ним в 4-й этаж и был встречен требованием принять обратно Александра Старкова. Он снова отказал. После обеда красильщики почти целый час не приступали к работе. Они хотят получить по сверхурочным ставкам за 9 часов, когда они работали только 6. Им сказали, что они получат только по полуторной ставке. Они снова заговорили о Старкове, но снова натолкнулись на решительный отказ. Они открыто грозили забастовать, если он не будет принят обратно, но в конце концов возобновили работу, продолжая протестовать.

15/28, понедельник.

Красильщики не приступали к работе, пока я не пошел и не поговорил с ними. Они выставили три требования:

1. Чтобы им оплатили за три лишних часа сверхурочных сверх тех шести часов, которые они проработали.
2. Чтобы Старкова приняли обратно.
3. Чтобы устав союза рабочих-текстильщиков был вывешен внутри фабрики с тем, чтобы ознакомить с ним рабочих...

20/2, суббота.

Шлифовальщики попросили 10 руб. аванса, чтобы заплатить делегату Старкову, для которого они устроили подписку, так как он завтра уезжает в свою деревню. Им было отказано.

21/3, воскресенье.

Александр Старков — делегат — уехал в свою деревню.

29/11, понедельник.

В 6 ч. вечера ораторы произносили речи на улице у ворот фабрики, и рабочие пошли процессией с красными флагами и песнями.

ИЮНЬ.

1/14, четверг.

После обеда шлифовальщики и красильщики не приступили к работе. Они пошли в шпульное и шлифовальное отделения. Красильщики обходили 5-й и 4-й этажи и уводили с собой всех работающих там рабочих. Они посадили Петра Евстифеева [44] в мешок и вынесли его во двор, затем вытащили его из мешка и на тачке вывезли его на улицу. Затем они вернулись на работу...

2/15, пятница.

Рабочие очень волнуются. Пять человек было вывезено на тачке с Невской прядильной мануфактуры в течение сегодняшнего дня. Ходят слухи, что здесь тоже завтра будет вывезен еще кое-кто...

3/16, суббота.

Рабочие очень волнуются. Ходят слухи, что будут еще вывозить на тачке. Еще два человека вывезены на Невской прядильной мануфактуре.

5/18, понедельник.

Рабочие очень волнуются. Трое рабочих взяли расчет сегодня из боязни быть вывезенными на тачке остальными рабочими. Демонстрация стачечников на Охте в течение дня. У Беккера забастовка.

6/19, вторник.

В обеденный перерыв был устроен митинг во дворе фабрики.

7/20, среда.

Рабочие сегодня немного успокоились. Рабочие в упаковочном отделении прекратили работу, требуя прибавки. Получили отказ от дирекции.

8/21, четверг.

Рабочие, кажется, немного успокоились.

9/22, пятница.

Слухи о надвигающейся всеобщей забастоке становятся настойчивее с каждым днем.

10/23, суббота.

Рабочие, повидимому, немного успокоились.

12/25, понедельник.

Рабочие очень волнуются. Рабочие механического отделения и котельщики требуют, чтобы им была выдана рублевая награда за полную работу в мае, так как они считают 1 мая праздником. Мистер Риддель согласился уплатить по рублю подвозчикам угля и котельщикам...

13/26, вторник.

В 10 ч. утра пять человек, которые должны предстать перед судом за то, что вывезли на тачке Петра Евстифеева, ушли и увели с собой всех мужчин, работающих на фабрике.[45] По просьбе мистера Ридделя они согласились разрешить котельщикам продолжать работу. Они все вышли с фабричного двора около 10 ч. 30 м. утра. После обеда они собрались во дворе дома № 11 на Малой Болотной и устроили митинг, на котором они слушали речи политических ораторов и пели Марсельезу. В течение дня на фабрике не появлялись красильщики, шлифовальщики, шлихтовальщики, ремонтные слесари и монтажники... Казаки дали несколько залпов в толпу на Болотной.

15/28, четверг.

Вечером, в 6 ч., когда рабочие уходили с работы, появились ораторы и произносили речи, собрав вокруг себя толпу человек в сто. В конце концов толпа была рассеяна конной полицией...

19/2, понедельник.

Грузчики угля на набережной забастовали сегодня утром.

Ходят слухи о всеобщей забастовке завтра, в знак протеста против суда над Советом рабочих депутатов, который начинается завтра.

20/3, вторник.

Работали полное время во всех отделениях.

23/6, пятница.

1-й, 2-й и 3-й этажи старой фабрики стоят. В 1 ч. 30 м. дня шлифовальщики окружили одного из рабочих их отделения, Ивана Кузьмина,[46] облили его красной краской, заставили его нести два красных флага и вывели его во двор. Здесь к ним присоединились все остальные рабочие, и они вывезли его на улицу. Это было вызвано тем, что он отказался вступить в союз. После того как вывезли его, они все вернулись на работу.

24/7, суббота.

1-й, 2-й и 3-й этажи старой фабрики стоят.

27/10, вторник.

Шлифовальщики устроили собрание в мастерской после окончания работ. Обсуждали вопрос о подписке в фонд помощи безработным.

ИЮЛЬ.

9/22, воскресенье.

Государственная Дума распущена до февраля будущего года. Санкт-Петербург на положении чрезвычайной охраны. Всюду патрули. Опасаются всеобщей забастовки.

10/23, понедельник.

Рабочие очень неспокойны. Патрули конных городовых. Прядильщики на Невской прядильной мануфактуре прекратили работу в 11 ч. утра и просидели весь остаток дня в ожидании инспектора.

13/26, четверг.

В 4 ч. 30 м. дня красильщики попросили вызвать мистера Ридделя. Они требуют 20% прибавки к заработной плате и права на двухнедельный отпуск в течение года...

14/27, пятница.

В 8 ч. утра отбельщики бросили работу и потребовали 20% прибавки к заработной плате. Им ответили отказом. Они немедленно возобновили работу.

Во время обеденного перерыва рабочие устроили массовый митинг во дворе для суда над Панковым [47] — мастером на 3-ем этаже Новой фабрики. На митинге выступали Голован [48] — конторщик отбельного отделения — и Василий Карнеев [49] — шлифовальщик. Полиция составила протокол на них обоих.

15/28, суббота.

Были вывешены объявления о том, что все ставки повышаются на 5 коп. в день... Оплата за обыски также увеличивается с 75 до 85 копеек за полмесяца. [50]

17/30, понедельник.

Красильщики скопом заявили мистеру Ридделю, что они не удовлетворены прибавкой 5 коп. в день. Им сказали, что никаких дальнейших прибавок не будет.

18/31, вторник.

Во время обеда Василий Карнеев — шлифовальщик — был арестован после обыска у него на дому. Его продержали только до вечера. Иван Головач — конторщик в отбельном отделении — также должен был быть арестован. У него был обыск на дому, но он отказался поки-

нуть фабрику по требованию полиции и был временно оставлен в покое...

19/1, среда.

Конторщик отбельного отделения Головач должен был быть арестован сегодня, но он взял расчет и скрылся от полиции...

21/3, пятница.

Утром до нас дошли сведения, что заводы Выборгской стороны забастовали. После обеда машины проработали около получаса. Внезапно на фабрику ворвалась толпа посторонних лиц, состоявшая главным образом из мальчиков и молодых хулиганов с Невской прядильной мануфактуры. Толпа стала бегать из этажа в этаж, останавливая машины и выгоняя наших рабочих. Машины были остановлены в 2 ч. 25 м. дня... Повидимому, эта забастовка имеет целью произвести политическую демонстрацию. [51]

22/4, суббота.

Пары были разведены, как всегда, в 6 ч. утра, но рабочие не пришли, так что машины не были пущены в ход...

24/6, понедельник.

Несколько женщин подошло к воротам фабрики, но они были отогнаны кучкой хулиганов. Машины даже не пускались в ход. Два человека были сегодня утром на Малой Болотной ранены полицейскими из револьвера. Они шли с толпой, которая пыталась снять с работы чернорабочих на пристани...

25/7, вторник.

Во время обеда депутация рабочих пришла ко мне на дом и информировала меня, что они собираются приступить к работе завтра, в 6 ч. утра. Днем мистер Бекли посылал меня к полицеймейстеру. [52]

26/8, среда.

Фабрика работала полный день без происшествий. Все рабочие за немногими исключениями пришли и работали спокойно.

АВГУСТ.

16/29, среда.

Бывший конторщик отбельного отделения Головач был замечен сегодня в красильне во время обеденного перерыва.

19/1, суббота.

В 2 ч. дня произошел налет на казенную винную лавку напротив нашей фабрики. В налете участвовали: Головач, бывший наш конторщик в отбельном отделении, и еще какой-то человек. Первый произвел три выстрела из револьвера, но был пойман и арестован.

25/7, пятница.

Дмитрий Васильев, бывший мастер на машинах Конант, которого рабочие выгнали с фабрики в ноябре 1905 г., вернулся из деревни и был принят на работу в качестве ремонтного слесаря. Остальные ремонтные слесаря скопом пошли требовать, чтобы его не принимали на работу. После совещания с дирекцией мистер Риддель отдал распоряжение, чтобы ему дали расчет.

СЕНТЯБРЬ.

18/1, понедельник.

Во время обеда люди, обедающие в фабричной столовой, стали жаловаться на качество пищи и послали повара за мной. Придя туда, я нашел, что масло, которое дается им к каше, плохого качества, выглядит и пахнет как прогорклое сало. Когда я сообщил об этом, мистер Риддель уволил повара за то, что он не доложил, что масло плохое...

19/2, вторник.

... Столующиеся просили Егора Кузьмина похлопотать о том, чтобы уволенный повар был принят обратно.

20/3, среда.

Рабочие, обедающие в столовой, собрались во дворе столовой и снова протестовали против увольнения повара. Полиция рассеяла их.

21/4, четверг.

Вечером в 9 ч. ночные котельщики, ходившие во 2-й этаж в отбельное отделение для осмотра котлов, видели человека, который прятался за кучами мотовил... Я пошел и обыскал оба этажа, но он успел скрыться.

22/5, пятница.

При выходе из фабрики к рабочим обратился оратор, который попытался устроить митинг, но был арестован полицией.

26/9, вторник.

Сампсониевская фабрика рассчитала своих рабочих, так как они бастуют.

ОКТЯБРЬ.

13/26, пятница.

Депутация рабочих посетила мистера Ридделя по вопросу об открытии кооперативной лавки. Василию Парусову было разрешено принять участие в администрации лавки, а Богомолову — стать пайщиком и членом ревизионной комиссии. Мистер Риддель обещал также стать пайщиком и разрешил всем желающим мастерам вносить паи.

16/29, понедельник.

При выходе из шлифовального отделения Шеридан был обстрелян из-за шлифовальной машины № 16 шлифовальщиком по имени Василий Карнеев. Он произвел три выстрела, которые были слышны снаружи и другими рабочими в этом этаже. Шеридан был перенесен в комнату врача и увезен в Николаевский военный госпиталь... Я отправился на квартиру к мистеру Бронкхёрст [53] и пошел с ним на квартиру к мистеру Миквицу, оттуда — в британское посольство и затем домой.

17/30, вторник.

Годовщина манифеста о Думе. Ожидались забастовки, но все обошлось спокойно. Шеридан умер ночью в госпитале.

18/31, среда.

Меллор получил анонимное письмо, угрожающее ему и Мак-Эннернею судьбою Шеридана. Вечером он отправился на квартиру к мистеру Ридделю за советом и окончательно решил покинуть фабрику.

19/1, четверг.

Меллор и Мак-Эннерней посетили директоров в связи с угрожающими письмами и отказались от своих должностей. Им сказали, чтобы они пока-что сидели дома...

Кольдербэнк получил угрожающее письмо. Мистер Бекли встретился со всеми мастерами вечером на квартире у мистера Ридделя, чтобы обсудить текущие дела. Мастера прямо заявили, что мы не можем продолжать работу в настоящих условиях. Кольдербэнк отказался вообще приходить на фабрику. Мистер Риддель попросил Джонса [54] пустить в ход машины завтра утром, но тот также отказался...

20/2, пятница.

День прошел спокойно, хотя замечается некоторая тревога среди рабочих, так как появились слухи, что фабрика будет закрыта вследствие убийства Шеридана. [55]

21/3, суббота.

Меллор и Мак-Эннерней все еще сидят по домам, ожидая решения директоров относительно мер, которые должны быть предприняты для их защиты. Кольдербэнк также сидит дома и заявляет окончательно, что не вернется на фабрику до тех пор, пока директора не гарантируют его безопасности и не примут на себя полной ответственности за все то, что может с ним случиться.

23/5, понедельник.

Кольдербэнк, Меллор и Мак-Эннерней все еще сидят дома, и ничего еще до сих пор не решено относительно них... Я исполнял их обязанности в механическом отделении, котельном и шлифовальном отделениях. Дж. Вебб помогал мистеру Ридделю в крутильном отделении.

25/7, среда.

Мак-Эннерней явился утром. Меллор имел утром беседу с мистером Бекли и пришел на работу после обеда. Кольдербэнк начал работу утром, но получил еще одно угрожающее письмо перед обедом и, вновь побеседовав с мистером Бекли, окончательно решил покинуть фабрику и отправиться в Англию.

27/9, пятница.

Меллор весь день не был на работе. В обеденное время он пришел к мистеру Ридделю, окончательно и решительно отказался от работы и одновременно начал продавать свои вещи...

28/10, суббота.

Кольдербэнк отбыл с вечерним поездом в Англию, заявив... что он вернется к исполнению своих служебных обязанностей через шесть недель.

НОЯБРЬ.

10/23, пятница.

...Алексей Артемьев, мастер механического отделения, получил угрожающее письмо и отпросился после обеда, чтобы подыскать себе другое место. [56]...

16/29, четверг.

Мак-Альпин не вышел на работу сегодня утром. При расследовании оказалось, что он отсутствовал всю ночь. По телефону удалось узнать, что он был арестован вчера ночью у Балабинской гостиницы за оскорбление полиции и за то, что был пьян и безобразничал. Аксененко [57] по телефону добился его освобождения, и он пришел на работу в 11 ч. утра, но был отправлен домой мистером Ридделем, чтобы проспаться.

29/12, среда.

Я получил письмо, написанное от руки, угрожающее Алексею Артемьеву.

ДЕКАБРЬ.

2/15, суббота.

Полиция предупредила нас, что шесть человек из наших рабочих вскоре должны быть арестованы и высланы из города.

4/17, понедельник.

Нижеследующие рабочие были арестованы во время обеда, и их заработная плата подсчитана и послана в участок, так как они будут высланы из города:

Федор Степанов, Дмитрий Егоров — красильщики; Осип Агнен-

ков — шлихтовальщик; Андрей Кондрашев, Василий Филиппов — шлифовальщики; Елена Соловьева — шпульница.[58]

Агненков и Соловьева, как одинокие, были отправлены прямо на вокзал. Остальным, как семейным, было разрешено остаться на два дня... Остальные рабочие продолжали работать без всяких перерывов.

5/18, вторник.

Андрей Карташев,* Василий Филиппов, Федор Степанов и Дмитрий Егоров получили каждый по 15 рублей из фондов фирмы в виде пособия на дорогу в деревню.

7/20, четверг.

После обеда красильщики собрались в углу красильни и не приступали к работе, пока мистер Риддель не пришел к ним.

Они сказали ему, что хотят видеть фабричного инспектора. Я позвонил ему по телефону, и он пришел в 4 ч. Шлифовальщики также выразили желание видеть его, так что он имел совещания в обоих отделениях. Их главная претензия заключается в том, что они боятся, что еще многие из них будут арестованы и высланы, и они обвиняют администрацию фабрики, что она имеет сношения с полицией и добивается ареста рабочих. Инспектор обещал ходатайствовать перед полицеймейстером от имени и рабочих и управления фабрики, чтобы не было больше арестов.

Фабричный инспектор Якимов сказал, что когда Шеридан был убит, фабрику нужно было немедленно закрыть, и что если бы встали на такой путь, то фирме не пришлось бы платить рабочим двухнедельного выходного пособия, так как по новому закону, недавно проведенному через сенат, всякое предприятие может быть закрыто без предупреждения, если предвидится какая-либо опасность для служащих или для собственности фирмы, и оно может оставаться закрытым до тех пор, пока указанная опасность существует.

12/25, вторник.

Иван Меньщиков[59] — шлихтовальщик — был упомянут в сегодняшних газетах, как подлежащий высылке из С.-Петербурга.

14/27, четверг.

Я нашел у себя в кармане пальто письмо, предупреждающее меня, что я буду убит так же, как Шеридан, в следующих словах:

«Уведомляю Вас, Карл Иванович, что Вас рабочие на шлихтовке хотят убить, как Шеридана. Поскорей уходите».

15/28, пятница.

В 6 ч. 10 м. утра этикетчицы прекратили работу, жалуясь, что мастерица бракует работу так строго, что они не могут заработать

---

* Должно быть: Кондрашев.

платы, достаточной на жизнь... Я обещал им, что вопрос относительно этикетов будет рассмотрен с полным вниманием. Но одновременно я сказал им, что такая работа, какую они недавно дали, не будет признаватьсз нормальной. Шлихтовальщик Иван Меньщиков, вчера арестованный, был сегодня освобожден и должен покинуть город в течение трех дней. Ему было выдано 15 рублей из фондов фирмы на поездку.

18/31, понедельник.

Аксененко показал мне анонимное письмо, направленное полицеймейстеру, очевидно от наших рабочих, и обращающееся к полиции с просьбой удалить шесть человек из состава наших котельщиков из-за их склонности к забастовкам.

21/3, четверг.

Сегодня на Петербургской стороне застрелен градоначальник. *

1907 год.

ЯНВАРЬ.

4/17, четверг.

В «Полицейских ведомостях» напечатано, что выборы выборщика в Государственную Думу будут происходить на нашей фабрике в воскресенье 4 января, [60] в 9 ч. утра. Сегодня у фабричных ворот было вывешено объявление, оповещающее рабочих, что они имеют право избрать одного выборщика.

8/21, понедельник.

Ходят слухи об общем прекращении работы завтра, 9 января, в годовщину «Красного воскресенья».

9/22, вторник.

Работали полное время без происшествий. Так как сегодня годовщина «Красного воскресенья», бóльшая часть фабрик и заводов в городе бастовала, и мы ожидали, что наши рабочие также забастуют, но они работали спокойно весь день. Рабочие Невской фабрики пришли утром, но ушли обратно, так и не приступив к работе.

13/26, суббота.

Сделаны окончательные приготовления для выборов в Думу, которые должны иметь место завтра в помещении столовой.

14/27, воскресенье.

В 9 ч. утра должны были происходить выборы в Государственную Думу в столовой. Рабочие собрались около 10 ч. утра в количестве

* В. фон-дер Лауниц. — *Ред.*

175 человек. Антон Златковский — ремонтный слесарь — был избран председателем собрания. Голосование закончилось в 1 ч. дня. Избран красильщик Онуфрий Александров Савицкий.[61] В 4-ом коридоре были размещены 12 полицейских на случай нужды, и в фабричной конторе был устроен завтрак для чинов полиции.

ФЕВРАЛЬ.

1/14, четверг.

После обеда красильщики и отбельщики собрались толпой и отказались приступать к работе до того, как они переговорят с мистером Ридделем. Когда он пришел к ним, то они выставили следующие требования:

1. Не следует удерживать из заработной платы адресного сбора и никаких других налогов. Когда будет приходить ревизор для проверки паспортов, его следует направлять для непосредственных переговоров с самими рабочими.

2. Халаты и рукавицы должны заменяться по мере того, как они изнашиваются или требуют ремонта.

3. Халаты и рукавицы должны выдаваться отбельщикам так же, как и красильщикам.

4. Заработная плата всех красильщиков и отбельщиков должна быть повышена на 20%. Если им откажут в этом, то они открыто заявляют, что они решили немедленно прекратить работу, а если дело дойдет до забастовки, то они вполне единодушно настаивают, чтобы после забастовки все нынешние рабочие были приняты обратно. Если будут допущены какие-либо исключения, то остальные откажутся вернуться и будут бойкотировать всякого рабочего, который посмеет вернуться на старых условиях.

Они также жалуются на обращение Мак-Альпина со своими рабочими, говоря, что он кричит на них и ругается, если они просят новый халат.

Мистер Риддель согласился удовлетворить второе и третье требования. Что касается первого требования, то он обещал информировать Городскую Управу и полицию о пожеланиях рабочих, а также о том, что они грозят забастовать, если это требование не будет выполнено. Что же касается 20-процентной прибавки, то он сказал, что передаст их ходатайство дирекции и немедленно по получении ответа передаст его рабочим.

3/16, суббота.

В 7 ч. 30 м., после своего завтрака, красильщики, вместо того чтобы приступать к работе, устроили митинг, длившийся 10 минут... Ремонтные слесаря прислали ко мне депутацию с требованием, чтобы адресный сбор не удерживался из их заработной платы...

5/18, понедельник.

В 7 ч. 30 м. мистер Риддель пришел в красильное отделение и дал красильщикам ответ на их требования, переданные ему в четверг. Что

касается удержания адресного сбора, то фирма обещает попытаться пойти навстречу рабочим.

Что касается требования о 20-процентной прибавке, то оно натолкнулось на решительный отказ. После 10-минутного раздумья красильщики начали работать. В 8 ч. 30 м. шлихтовальщики прекратили работу и потребовали, чтобы адресный сбор не удерживался из заработной платы. Я сказал им, что фабрика сделает все возможное, чтобы пойти навстречу рабочим в этом отношении.

После обеда красильщики пришли, но не стали работать, требуя хоть некоторой прибавки к заработной плате. Мистер Риддель пошел к ним и снова отказал. Тогда они попросили инспектора. Я позвонил ему по телефону, и он пришел сразу. Он сперва зашел в контору и попытался убедить мистера Ридделя хоть сколько-нибудь повысить заработную плату красильщиков, но безуспешно.[62] Затем он пошел в главную контору, где совещался с мистером Миквиц, после чего вернулся на фабрику и вместе с мистером Ридделем пошел в красильню. После продолжительного совещания красильщики, наконец, согласились приступить к работе завтра утром в 6 ч. утра на старых условиях, но они снова просили мистера Ридделя ходатайствовать перед дирекцией о том, чтобы что-нибудь было предпринято для облегчения тяжелой доли красильщиков. Красильная простояла полдня... Инспектору жаловались также на то, что Мак-Альпин после каждого перерыва заставляет людей дожидаться его в коридоре.

6/19, вторник.

Красильщики работали спокойно весь день. Они несколько взволновались только, когда убедились, что им записали за вчерашнее число полдня, тогда как они ожидали, что им заплатят за то время, которое они просидели без дела в красильне. Вечером на Малой Болотной собралась толпа, которая намеревалась разгромить фабричную продовольственную лавку, где цены на продукты возросли. Полиция рассеяла толпу.

8/21, четверг.

Красильщики пытаются проводить политику пассивного сопротивления и открыто показывают, что они намерены давать как можно меньше выработки в день.

15/28, четверг.

Городской ревизор приходил утром для просмотра паспортов. Фирма отказалась внести ему деньги за трех рабочих, которые не уплатили своего адресного сбора. В прошлые годы фирма авансировала деньги, а затем удерживала их из заработной платы. В виду возражений рабочих, в этом году фирма отказалась сделать это, и депутация красильщиков, шлихтовальщиков и ремонтных слесарей была вызвана в контору, чтобы изложить возражения рабочих ревизору. Они еще раз заявили ему, что они возражают против вычета денег из

их заработной платы. Ревизор сказал им, что им все равно придется платить. Он унес с собой список тех, кто не уплатил.

Вечером красильщики устроили митинг в 6 ч., перед тем, как итти домой, и попросили Мак-Альпина добиться решительного ответа, будет ли их заработная плата повышена или нет...

Красильщики говорят, что если их заработная плата не будет повышена, они забастуют, и будут также бастовать и в том случае, если у них удержат городской сбор или оплату за ту половину дня, что они не работали — 5 февраля.

16/1, пятница.

Днем мистер Риддель дал красильщикам окончательный ответ, что их заработная плата в настоящее время не будет повышена...

19/4, понедельник.

Мистер Риддель получил угрожающее письмо.[83]

Сегодня ходят слухи, что бóльшая часть фабрики не будет работать завтра, чтобы отпраздновать открытие Государственной Думы...

20/5, вторник.

Открытие Государственной Думы. Вскоре после 6 ч. утра рабочие Невской прядильной мануфактуры прекратили работу и вышли на улицу. Наши рабочие продолжали работать. Во время обеденного перерыва наши рабочие устроили митинг на фабричном дворе, но вернулись на работу, и день закончился спокойно. В городе были демонстрации, но в нашем районе все было спокойно...

21/6, среда.

В 4 часа дня красильщики послали за мистером Ридделем. Он еще раньше обошел все этажи и сообщил рабочим, что получено распоряжение полиции удерживать адресный сбор из заработной платы рабочих. В 1 ч. дня он и я пошли в красильню и увидели, что там происходит митинг. Красильщики официально заявили мистеру Ридделю, что если налог будет удержан из их заработной платы, они немедленно забастуют. Несколько позже шлифовальщики скопом явились ко мне и повторили в точности то же самое. Они даже пригрозили насилием, если тронут их деньги. Они считают, что фирма не имеет никакого права брать на себя обязанности сборщика налогов и должна бы предоставить полиции заниматься своими собственными делами.

22/7, четверг.

Днем в главную контору приходил пристав для совещания с дирекцией по поводу конфликта об удержании адресного сбора. Он утверждает, что фабрику обяжут удерживать его из заработной платы рабочих. Он предложил сам объяснить это дело рабочим и сказал, что они могут послать к нему депутацию в 9 ч. вечера, или же он сам

придет на фабрику завтра. Это было передано рабочим различных отделений, и они единодушно решили, что лучше ему прийти на фабрику, так как им очень трудно будет найти делегатов, которые согласились бы пойти в участок...

26/11, понедельник.

В 11 ч. 30 м. утра пристав явился на фабрику. Рабочим предложили послать к нему депутацию в контору, но они отказались, поэтому он сам пошел в красильню, чтобы поговорить с рабочими, но они не дали ему говорить и прогнали его во двор.

После обеда красильщики не приступали к работе, а пошли во 2-й этаж, где к ним присоединились шлихтовальщики, ремонтные слесаря и часть шлифовальщиков, и был устроен митинг... По пути туда я встретил мистера Ридделя, и мы пошли вместе. Рабочие снова категорически отказались платить адресный сбор и заявили, что они не признают никакого вмешательства полиции в это дело, что, по их мнению, это дело касается исключительно фирмы и рабочих. Когда им передали, что́ пристав говорил утром, они разошлись по своим местам, попросив все же предварительно послать за инспектором...

28/13, среда.

Утром депутация, состоящая из красильщиков, шлихтовальщиков, ремонтных слесарей и шлифовальщиков, явилась в контору и просила разрешения устроить сбор в пользу безработных. Мистер Риддель разрешил им устроить сбор в своей среде, но сказал им, что фабрика не может принять никакого официального участия в сборе, который должен носить безусловно добровольный характер.

В 3 ч. 15 м. пришел фабричный инспектор Якимов и прошел прямо в красильню, не заходя в контору. Рабочие в шпульном и шлихтовальном отделениях также прекратили работу и пошли в красильню. Красильщики посылали и за шлифовальщиками, но последние отказались покинуть свои машины. Совещание инспектора с рабочими во втором этаже красильного отделения продолжалось свыше полутора часов, после чего рабочие разошлись по местам, а Якимов пришел в контору, чтобы доложить о результатах переговоров. Жалобы рабочих следующие:

1. «Добавочные» 5 коп. в день не вошли в условие соглашения, что незаконно. [64]
2. Простои не записываются и не оплачиваются работницам.
3. Мистер Риддель стал грубо обращаться с рабочими.
4. Цены на продукты в фабричной лавке превышают законный уровень.
5. Прежде все машины останавливались в течение получасового перерыва на чай, теперь же работниц заставляют работать во время чайного перерыва.

6. Кипятильники часто имеют неприятный запах, и вода в них неприятного вкуса, вследствие того, что они периодически не подвергаются осмотру и чистке.

7. Сосуды с холодной кипяченой водой ставятся слишком низко.

8. Адресный сбор не должен удерживаться из заработной платы рабочих. Если такое удержание будет производиться, рабочие просят инспектора предупредить фирму, что они все поклялись разгромить контору и фабрику — не оставить камня на камне. [65]

9. Половина рабочего дня 5 февраля не была оплачена и ничего не было сказано по этому поводу, хотя управляющий говорил рабочим, что он сделает все, что может, по этому делу.

10. Крысы грызут пряжу в красильне, а страдают от этого рабочие.

11. Шлихтовальщики требуют, чтобы рабочий, отсутствовавший по болезни, при возвращении немедленно ставился обратно на свою же машину.

12. Красильщики требуют, чтобы рабочим, которые отлучались с работы, не приходилось дожидаться в коридоре, пока придет мастер, и требуют впускать их обратно на работу.

13. Красильщики доводят до сведения, что они все еще ждут обещанного общего повышения заработной платы в красильном отделении.

14. Красильщики требуют, чтобы во 2-м этаже красильни было бы по крайней мере 8 или 10 тележек, так чтобы людям не приходилось перетаскивать мокрую пряжу на руках.

МАРТ.

1/14, четверг.

В 6 ч. вечера, по окончании работы, рабочие остались во дворе фабрики и устроили политический митинг. Выступали три оратора, повидимому посторонние. Пристав был на месте с несколькими помощниками. Он пытался рассеять митинг, но это ему не удалось. Он по телефону вызвал конных городовых, но еще до их прибытия митинг окончился, и толпа разошлась по собственному почину. Полиция установила, что главный оратор — некто Жигалев, член Государственной Думы Николай Андреевич Жигалев. [66]

2/15, пятница.

Начали полностью в 6 ч. утра. Красильщики сказали Каллендеру, что они хотят, чтобы фабрика остановилась в 2 ч., как в субботу. В 10 ч. утра депутация красильщиков, шлихтовальщиков, шлифовальщиков и ремонтных слесарей пришла в контору с тем же требованием. Им сказали, что фабрику можно остановить, если они этого хотят, но что простой будет вычтен из заработной платы рабочих, получающих повременную оплату. На это они не согласились и заявили, что они будут работать до 6 ч. вечера, но дадут минимальную выработку... В конце концов все пошли по местам и приступили к работе, за исклю-

чением шлихтовальщиков, красильщиков и части ремонтных слесарей. Женщины работали почти все. Отбельщики проработали только полчаса и пошли домой. Шлифовальщики были все на месте...

6/19, вторник.

Конная полиция объезжала улицы в районе фабрики в 6 ч. вечера, чтобы воспрепятствовать устройству митинга после окончания работы.

АПРЕЛЬ.

4/17, среда.

Я проходил по фабричному двору сегодня в 6 ч. вечера с последними выходившими рабочими. В это время кем-то была брошена гиря из окна уборной. К счастью, она никого не задела.

7/20, суббота.

Сегодня в 3 ч. дня рабочие, не уплатившие адресного сбора, предстали перед участковым мировым судьей. Рабочие выиграли дело. Приговор судьи гласит, что по закону они не обязаны платить адресный сбор.

10/23, вторник.

Мистер Риддель днем был на общем собрании канатной фабрики. Фабрика на Новом канале бастует. На фабрике Чешера сегодня были беспорядки в связи с требованием уплаты адресного сбора.

12/25, четверг.

Брожение на Невской прядильной мануфактуре, где полиция произвела аресты. Наши рабочие также неспокойны. Семь фабрик на Выборгской стороне забастовали на один день в знак протеста против обращения полиции с рабочими Чешера.

16/29, понедельник.

Сегодня в «Полицейских ведомостях» опубликовано, что трое рабочих: Илья Корнулин, Иван Прохоров [67] — ремонтные слесаря — и Иван Щедров — шорник — должны уплатить по 100 руб. штрафа или отбыть месячное заключение в тюрьме. Первые два — за распространение запрещенной литературы, последний — за хранение револьвера без разрешения.

18/1, среда.

В 6 ч. вечера отряд полиции — пешей и конной — охранял улицу перед фабрикой. Полиция имела сведения, что член Государственной Думы должен был выступить на митинге во дворе нашей фабрики.

30/13, понедельник.

Рабочие не собираются работать ни на одной фабрике. Завтра — Праздник Труда.

МАЙ.

1/14, вторник.

День Труда. К 6 ч. утра не пришел ни один рабочий. Машинисты и кочегары все были на месте, и пары были разведены, но так как рабочие не пришли, то пары выпустили... После обеда кочегары и машинисты снова пришли, но не было ни одного фабричного рабочего, так что фабрику пришлось закрыть на весь день.

4/17, пятница.

Илья Корнулин, шлифовальщик, был вызван в полицейский участок в 9 ч. утра и не вернулся...

ИЮЛЬ.

2/15, понедельник.

Сегодня было произведено нападение на г. Митчелля [68] с Невской фабрики.

9/22, понедельник.

Во всех отделениях были вывешены объявления, что в дальнейшем рабочим будет выплачиваться премия в размере месячной заработной платы каждые два месяца — на известных условиях. [69] После обеда красильщики и отбельщики отказались приступить к работе... Они заявили, что они не удовлетворены обещанием премий и требуют немедленного повышения заработной платы. Мистер Р[иддель] сказал, что он снова переговорит с дирекцией. Так он и поступил и, вернувшись, передал красильщикам через мое посредство, что это — условие, выработанное акционерами фирмы, и что директора не могут ничего изменить. Тогда красильщики потребовали вызова инспектора. А. И. Якимов пришел в 4 ч. и сказал красильщикам, что такая премия незаконна и не будет разрешена. Тогда рабочие приступили к работе.

10/23, вторник.

После обеда красильщики не приступили к работе и сняли отбельщиков. Они сказали мистеру Ридделю, что они хотят немедленно получить ответ, будет ли премия, объявленная вчера, выплачиваться в виде прибавки к заработной плате. Инспектор Якимов пришел в 4 ч. прямо с совещания на дому у старшего инспектора с гг. Бекли, Миквиц и Коганом. [70] Он сказал красильщикам, что директора признали, что идея насчет премии незаконна, и просит рабочих подождать ответа на их требование о прямом повышении заработной платы до субботы. Рабочие согласились на это и возобновили работу в 4 ч. 30 м.

14/27, суббота.

В 10 ч. 30 м. утра красильщики бросили работу... Они потребовали вызова инспектора... В 1 ч. 25 м. инспектор позвонил и сказал мне, чтобы я пошел сам и передал красильщикам, что все их требо-

вания удовлетворены. Заработная плата будет повышена на 12½% на круг на всей фабрике, начиная с 1-го июля. Он только что узнал об этом от градоначальника. Мистер Риддель сказал мне, чтобы я ничего не передавал красильщикам на основе одних слов инспектора. Поэтому я пошел и вызвал к телефону одного из красильщиков, которого инспектор информировал непосредственно. Красильщики ушли домой торжествующие. Несколько позже сообщение инспектора было подтверждено мистером Бекли.

16/29, понедельник.

В 7 ч. утра, когда у красильщиков был перерыв на чай, двое из них сказали Каллендеру, что они не приступят к работе, пока не будет вывешено объявление о повышении их заработной платы на 12½%, согласно сообщению фабричного инспектора в субботу. Я пошел к ним и сказал им, что сообщение инспектора соответствует действительности и было подтверждено мистером Бекли. Я посоветовал им вернуться на работу, на что они согласились, говоря, что подождут до обеда, но после обеда не станут работать, если не появится объявление. В 2 ч. было вывешено объявление об общем повышении всех ставок на 12½%, начиная с 1 июля.

18/31, среда.

Рабочие Охтенской фабрики и Паля забастовали сегодня. Российская мануфактура также бастует со вчерашнего дня. Рабочие требуют 12½% прибавки.

26/8, четверг.

Все еще ничего не получаем от Киббеля.[71] Выпуск кроше и цветных ниток совершенно прекращен из-за отсутствия коробок. Укладчики, шесть упаковщиков и три полугроссера получили расчет сегодня. Остальным заявлено о расчете через две недели.

27/9, пятница.

Шлифовальщики попросили при моем посредстве разрешения устроить сбор в пользу безработных завтра. Мистер Риддель распорядился передать им, что он не может разрешить какие бы то ни было сборы.

28/10, суббота.

Конторщики скопом явились в кабинет к мистеру Ридделю и попросили о прибавке жалованья. Им не было дано определенного ответа.

АВГУСТ.

3/16, пятница.

После обеда красильщики скопом окружили Мак-Альпина и заявили ему, что среди них есть шесть или семь человек, которые должны были получить 1 июля полугодовую прибавку в 5 коп. в день и которые не получили ее. Мак-Альпин сказал им, по распоряжению

мистера Ридделя, что до 1 января 1908 г. не будет больше никаких прибавок в красильне. Тогда они потребовали вызова инспектора... Красильщики выставили свое требование и заявили, что мистер Риддель обещал увеличивать заработную плату всех рабочих, не получавших максимальной ставки, на 5 коп. в день через каждые шесть месяцев, и они требуют выполнения этого обещания. Мистер Риддель сказал инспектору, что он считает, что общая прибавка в $12^1/_2\%$ отменяет это правило...

4/17, суббота.

В 1 ч. 30 м. дня мистер Риддель пришел в красильню и просил меня передать красильщикам, что окончательно решено, что в красильном отделении не будет больше никаких прибавок до 1 января 1908 г., и с этого срока только такие прибавки, какие управляющий сочтет необходимым.

20/2, понедельник.

У Киббеля начала работать пока небольшая часть рабочих.

СЕНТЯБРЬ.

13/26, четверг.

Утром красильщики снова потребовали вызова инспектора... После обеда они не приступили к работе и вызвали меня. Когда я пришел к ним, они попросили меня позвонить инспектору. Я спросил их о причине, и они сказали, что хотят подать жалобу на Мак-Альпина и Каллендера. Тогда пришел мистер Риддель и приказал мне позвонить инспектору. Мистер Риддель просил красильщиков приступить к работе до прихода инспектора, но они отказались. Когда инспектор пришел, они сделали ему следующее заявление:

1. Мастера Мак-Альпин и Каллендер плохо обращаются с рабочими, употребляют грубые ругательства, постоянно подгоняют их с работой и не отпускают их, когда они заболевают.
2. Ватер-клозет слишком мал.
3. В новой красильне требуется вентилятор.
4. Пятикопеечная прибавка через каждые шесть месяцев тем красильщикам, которые получают заработную плату ниже максимума, должна выплачиваться попрежнему, а не задерживаться до 1 января.
5. Не нужно производить удержаний из заработной платы за то время, которое они потеряли сегодня.

Мистер Риддель сказал им... что они получат ответ на свои требования в субботу, в 1 ч. дня...

15/28, суббота.

В 10 ч. утра мистер Риддель и я ходили в красильню и дали красильщикам следующий ответ на их требования:

1. Поскольку против мастеров не было выставлено никаких новых нареканий, кроме того, что они выполняют свои обязанности, то обвинение против них отпадает.

2. Ватерклозет будет осмотрен, и если окажется, что он слишком мал, его увеличат.

3. Вентилятор будет установлен в новой красильне, если это окажется нужным и технически возможным.

4. В красильне не будет проведено никакого повышения заработной платы ни одному рабочему до 1 января 1908 г.

5. Время, потерянное в четверг, не будет оплачено, и в будущем всякое время, потерянное вследствие того, что красильщики самовольно будут бросать работу, оплачиваться не будет.

Красильщики устроили собрание и потребовали вызова инспектора к 10 ч. утра в понедельник...

17/30, понедельник.

Инспектор Энгбертс пришел в 10 ч. утра и пошел в красильню, где говорил с красильщиками, просившими его уволить их мастеров (особенно Мак-Альпина). Он сказал им, что не имеет права увольнять кого бы то ни было, после чего они стали оскорблять его и потребовали вызова старшего инспектора... Он пришел в 11 ч. 40 м. утра. Красильщики просили его ходатайствовать за них, чтобы их заработная плата за время, потерянное в четверг, не была удержана и чтобы мистер Риддель приказал Мак-Альпину и Каллендеру вежливо обращаться с рабочими. Старший инспектор выполнил эту миссию и одновременно сказал нам, что мы по закону не имеем права удерживать заработную плату, согласно § 145 правил, напечатанных в расчетных книжках, где написано, что нельзя производить никаких удержаний из заработной платы за потерянное время, если это потерянное время не превышает половины рабочего дня. Тогда мистер Риддель и я отправились в главную контору к директорам и доложили им обо всем, что произошло, а также об утверждении Чижова, что согласно § 145 рабочий, приходящий на работу в 9 ч. утра, должен получить полный дневной заработок. Это означает, что мы работали незаконно все эти годы. Чижов пустил в ход замаскированную угрозу, говоря, что если мы уплатим рабочим полный дневной заработок за четверг, он официально не станет поднимать вопроса о том, что мы в течение ряда лет систематически нарушали закон. Сговорились на том, что мистер Риддель после обеда пойдет в красильню и скажет красильщикам, что поскольку они отказались от требования увольнения мастеров, фабрика уплатит им за время, потерянное в четверг, но что это в последний раз...

ОКТЯБРЬ.

8/21, понедельник.

Я утром ходил к инспектору, но не застал его. Пошел к нему снова в 6 ч. вечера... Я предупредил его, что фирма собирается повести наступление против красильщиков, так как невозможно продолжать работу при настоящих условиях. Хетчисон вчера получил информацию от одного из ремонтных слесарей, будто красильщики собираются посадить Мак-Альпина в бочку с краской.

9/22, вторник.

Утром за мной прислал мистер Бекли, которому я доложил о своем разговоре с инспектором. Мистер Бекли отказался ждать еще, пока красильщики придут в себя. Он распорядился, чтобы двое из них были рассчитаны завтра днем, без предупреждения, но с выдачей двухнедельного выходного пособия. Сегодня было послано письмо градоначальнику, в котором ему сообщается об угрозах красильщиков по адресу Мак-Альпина и о том, что́ собирается предпринять фирма. Его предупреждают, что более чем вероятно, что эти меры вызовут стачку...

10/23, среда.

В 5 ч. 30 м. двое красильщиков: Лаврентий Николаев и Тихон Иванов — получили расчет с выдачей двухнедельного выходного пособия за пассивное сопротивление или обструкцию. Они работали на машинах, на которых производится опыт: основа оборачивалась 10 раз вместо 12, для сбережения времени. Они же тратили больше времени на 10 оборотов, чем другие на 12. За это их уволили и предупредили остальных, что если выработка не увеличится, будут приняты дальнейшие меры.

11/24, четверг.

В 6 ч. утра красильщики, прежде чем приступить к работе, потребовали вызова инспектора... Инспектор пришел и вел переговоры с красильщиками почти до 12 часов. Красильщики отрицают утверждение фирмы, будто они сознательно саботируют работу в красильне, и предлагают, чтобы вопрос был обследован комиссией в составе представителя фирмы, одного представителя рабочих и фабричного инспектора. Мистер Бекли категорически отказался обсуждать подобную мысль...

13/26, суббота.

Красильщики работают лучше — с каждым днем увеличивают продукцию.

20/2, суббота.

Рабочие Невской прядильной мануфактуры забастовали сегодня утром. Они начали расходиться вскоре после 6 ч., и к 8 ч. утра вся фабрика остановилась. Чернорабочие на пристани, в том числе и наши подвозчики угля, также забастовали. Ходили слухи, что забастовка началась в знак сочувствия нескольким рабочим делегатам, которые должны были сегодня предстать перед судом, но никто толком не знает, в чем дело. Наши рабочие работали все время спокойно.

22/4, понедельник.

А. П. Якимов сделал запись в инспекторской книге по поводу того, что мы удерживаем заработную плату рабочих, потерявших менее половины рабочего дня, в противоречии с § 145 фабричного закона,

согласно которому в таких случаях может быть наложен штраф, но не допускаются вычеты из заработной платы. Мистер Риддель отдал распоряжение изменить этот порядок.

26/8, пятница.

Красильщики устроили собрание во время чая и впоследствии выставили два требования. Одно — чтобы рабочий, получивший предупреждение о расчете за потерю времени, был прощен, и второе — чтобы им предоставили больше, чем четверть часа, времени на умывание перед обедом и вечером перед окончанием работы. Когда мистер Риддель на оба требования ответил отказом, они потребовали вызова старшего инспектора...

27/9, суббота.

Согласно просьбе красильщиков, я позвонил к старшему инспектору и попросил его прийти сюда сегодня. Последний позвонил несколько позже и спросил, согласны ли красильщики, чтобы он пришел в понедельник. Красильщики согласились при условии, чтобы рабочий Смирнов, который сегодня должен получить расчет, был оставлен на работе до прихода инспектора. Мистер Риддель отказался. Тогда Якимов сказал мне по телефону: «Передайте Карлу Карловичу, что я в понедельник приеду в таком настроении, в каком я никогда еще к вам не приезжал, и что я привезу с собой все данные, уже собранные старшим инспектором и мною, о неправильных действиях фабричной администрации, и что на Карла Карловича тогда посыпятся протоколы и штрафы. Вы упрекаете рабочих в незаконных действиях, но мы публично докажем, что со стороны фабричной администрации были неправильные поступки. Вы уже достаточно показали свою власть над рабочими, и теперешними притеснениями показываете, что вы мстите за прошлое и что вы намерены провести ту программу, которую вы мне объявили.[72] Передайте красильщикам, что я приеду в понедельник и разберу это дело, но что говорить за них я уже больше не буду, а говорить за них будет поверенный». Я передал оба поручения и был послан в главную контору, чтобы сообщить директорам об угрозе инспектора. Они послали за приставом и прочитали ему слова инспектора. Красильщик Смирнов получил расчет с выдачей двухнедельного пособия.

29/11, понедельник.

Инспектор Якимов пришел на фабрику в 10 ч. 15 м. утра и прошел прямо в красильню, не заходя в контору. Он разговаривал 35 минут с красильщиками и потом прошел прямо к воротам, снова не зайдя в контору.

НОЯБРЬ.

20/3, вторник.

Ходят слухи, что в четверг будет всеобщая забастовка в знак протеста против суда над депутатами II Государственной Думы, который начинается в этот день.

22/5, четверг.

Начали полностью. Явились все. В 6 ч. 10 м. шлифовальщики толпой ушли с фабрики, ничего не сказав никому и не пустив в ход своих машин. В 6 ч. 40 м. утра шлихтовальщики бросили работу и толпой ушли. Ремонтные слесаря с 4-го этажа ушли в 7 ч. 15 м. утра. Красильщики ушли домой в 7 ч. 25 м. В 7 ч. 35 м. кочегары отказались продолжать топку. Машины остановились в 7 ч. 47 м., и все разошлись по домам. После обеда никто не пришел, и пары даже не разводились. Служащие в конторе были единственные, кто вообще работал на фабрике.

ДЕКАБРЬ.

3/16, понедельник.

Вывешено объявление, что фабрика будет работать по 1 часу в день сверхурочно за неделю перед рождеством, чтобы отработать половину рабочего дня 24 декабря.

5/18, среда.

Бриссон [73] сегодня утром уехал в Москву, чтобы быть судьей на собачьей выставке в Москве.

11/24, вторник.

Ходят слухи о стачке завтра, когда будет происходить суд над депутатами I Думы.* Пока здесь нет никаких признаков подготовляющейся забастовки.

12/25, среда.

Работали полное время. Никаких происшествий. Никаких сведений о забастовке где бы то ни было.

ПРИМЕЧАНИЯ **

[1] Армстронг Роман Иванович — мастер слесарного отделения, британский подданный.

[2] Гадфильд О. Ф. — директор прядильной фабрики акционерного общества «Компания Невской бумагопрядильной мануфактуры». Эта фабрика была расположена рядом с ниточной фабрикой (т-ва «Невской ниточной мануфактуры»). В настоящее время первая называется: «Бумагопрядильная фабрика им. С. Халтурина», а вторая — «Ниточная фабрика им. С. М. Кирова». В виду того, что оба здания расположены рядом, принадлежали когда-то барону Штиглицу и в течение нескольких лет после революции носили общее имя — «фабрика им. С. Халтурина», в литературе их часто ошибочно именуют фабрикой Штиглица. Нужно различать прядильную фабрику, которая часто упоминается в публикуемом дневнике, и ниточную. Т-ву Невской ниточной мануфактуры принад-

* Речь идет о суде над депутатами II Государственной Думы. — *Ред.*

** Составил *М. Рабинович.*

лежали в Петербурге три фабрики, а именно: упомянутая ниточная (К. Монкер, зам. управляющего фабрикой, и является автором дневника), бумагопрядильня «Невка» и ниточная ф-ка бывш. Кениг. Кроме того компания владела фабриками в гг. Лодзи, Риге и др.

[3] Риддель Карл Карлович — британский подданный, управляющий ниточной фабрикой т-ва Невской ниточной мануфактуры.

[4] Невская ниточная фабрика — одна из первых фабрик, начавших январскую стачку 1905 г. в Петербурге. 3 января забастовал Путиловский завод, 4 января — Франко-русский завод, 5 января утром стал Невский судостроительный завод, а затем остановилась Невская ниточная ф-ка (1700 раб.) вместе с соседней Невской бумагопрядильной фабрикой. 7 января бастовали уже 382 предприятия с 105 000 чел. из числа подведомственных фабричной инспекции. (Отчет фабричного инспектора С. П. Чижова — «Красная летопись», 1929, № 6(33), стр. 26—44).

[5] Здесь очевидно ошибочно не отмечена фамилия третьего рабочего. Упоминающиеся рабочие Дормидонтов Михаил Васильевич (Тверской губ.) и Патуткин Алексей Михайлович (Вологодской губ.) — участники гапоновских собраний «С.-Петербургского общества фабричных и заводских рабочих». Влияние Гапона было, по единодушному признанию старых рабочих, на ниточной фабрике значительно. Гапоновские собрания часто посещали, кроме Дормидонтова и Патуткина, еще рабочие А. В. Златковский, А. Савицкий, А. Старков, В. Головач, Я. Кузнецов, Мачтовой, Филиппов, В. Суетин. (По воспоминаниям т.т. А. В. Златковского (сейчас член ВКП(б) и М. П. Базаровой (Гагариной, «Марии Черной»), старой работницы фабрики, большевички, активной участницы событий 1905—07 гг. на фабрике. Член ВКП(б) с 1905 г. В настоящее время работает председателем Смольнинской райстрахкассы в Ленинграде).

Петицию рабочие фабрики ходили подписывать на Дегтярную ул. в д. 2, где происходили гапоновские собрания Рождественского (Песковского) района. Почти все рабочие фабрики участвовали в шествии 9 января. Большинство перечисленных рабочих после 9 января примкнуло в той или иной степени к революционному движению.

[6] Суетин Александр Семенович, кр-н Архангельской губ., род. ок. 1884 г. По сведениям, полученным от М. П. Базаровой, брат Суетина — Павел Семенович, конторщик той же фабрики, после смерти Александра стал активно участвовать в революционном движении.

[7] Членами главного правления Компании были: фон-Миквиц Борис Вильгельмович, председатель, В. О. Буклей (или как у переводчика — Бекли), А. В. Брункхорст, Ф. И. Витман и Р. Б. Гаммершмит. Это правление, или, как оно часто именуется в дневнике — директора, руководило деятельностью всех фабрик компании Невской ниточной мануфактуры как в Петербурге, так и в других городах.

[8] Соседняя фабрика (см. примечание 2).

[9] Дальше автор перечисляет требования рабочих других специальностей. Кроме требований, выдвинутых отдельными группами, как например требование «разрешения уезжать в деревню на шесть недель без потери работы» (ремонтные слесаря), предоставления спецодежды и установки кипятильников (красильщики), был заявлен и ряд общих требований. К ним можно отнести требования: оплаты за время стачки, повышения заработной платы (ремонтные слесаря, красильщики, шлихтовальщики); девятичасового рабочего дня (красильщики, шлифовальщики и шлихтовальщики). Последнее требование — характерно. Рабочий день на фабрике в 1905 г., по данным администрации, продолжался 11½ часов и еще всяческими способами удлинялся. Так, например, для смазки и чистки станков и машин нужно было приходить до гудка. Администрация считала, что «приход рабочего за 5 минут или полчаса до пускания в ход двигателей отвечает интересам не только фабриканта, но и рабочего, так как является разрешением пребывать на фабрике, пользоваться помещением, светом и отоплением сверх установленной нормы» (I ИА, ф. 338, св. 4, д. 17, лл. 14—17). Это время не оплачивалось. Естественно, что на этой почве возникало много конфликтов, так как рабочий день, по признанию самих предпринимателей, удли-

нялся «круглым счетом на 2 получаса утром и в полдень, т. е. на 1 час». Иными словами, рабочий день длился не 11½ а 12½ часов.

[10] Шеридан Самуил Самуилович — британский подданный, мастер шлифовального отделения. Отличался крайне грубым обращением с рабочими. По свидетельству старого рабочего Златковского, особенно придирался к рабочему Василию Карнееву, члену подпольного большевистского кружка и участнику боевой дружины на фабрике (по свидетельству М. П. Базаровой).

Карнеев Василий Корнеевич (из крестьян Тверской губ., рожд. 1872 г.) 16 октября 1906 г. застрелил мастера Шеридана.

[11] Егоров Ефим, 41 г., — уроженец Смоленской губ., Сычевского у., дер. Юрятино. По свидетельству старых рабочих, один из наиболее отсталых рабочих на фабрике. В этот день управляющий фабрикой Риддель, в числе других управляющих предприятиями, насчитывавших свыше 1000 рабочих, был у генерал-губернатора Трепова, который предложил назначить делегатов для депутации к царю. Всего были таким образом «выбраны» 34 «представителя». Царь принял их в Александровском дворце в Царском Селе 20 января 1905 г. и обратился к ним с знаменитой речью, в которой он «прощал» рабочих за расстрелы 9 января. Вся эта инсценированная комедия встречи царя с рабочими была с возмущением встречена на предприятиях. На Семянниковском заводе даже провели однодневную забастовку протеста.

[12] Кольдербэнк Альберт Корнилович — британский подданный, мастер, механик котельно-механического отделения.

[13] В день приема «депутации» царь сделал денежное пожертвование рабочим, пострадавшим 9 января. Цена крови была определена в 50 тысяч рублей. Высочайшему примеру последовала администрация ряда заводов и фабрик. Например, на Невском судостроительном заводе поспешили удовлетворить требование рабочих об уплате за дни стачки(см. Паялин, «Завод имени Ленина 1857—1918», Гиз, 1933).

[14] Комиссия для «безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в г. С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем», под председательством сенатора Н. В. Шидловского.

[15] Мак-Альпин Роман Давыдович — британский подданный, мастер, работавший в то время в красильной. До 1904—05 гг., по свидетельству старых рабочих, на фабрике нередки были случаи кулачной расправы мастеров с рабочими. В эти годы особенно свирепствовал Мак-Альпин, бывший вместе с Шериданом (см. примечание 10) объектом ненависти рабочих.

[16] Требования красильщиков (см. примечание 9).

[17] Стюарт Роман Яковлевич — британский подданный, мастер белильного и отбельного отделения.

[18] Рабочие соседней прядильной фабрики вместе с рабочими Невской ниточной мануфактуры применили так называемую итальянскую забастовку. На это обратило внимание «Об-во заводчиков и фабрикантов». В специальном циркуляре «о стачках» общество фабрикантов (I ИА, ф. 340, св. I, д. 8) сообщало о решении сената от 30 января 1908 г. по делу нескольких рабочих К° Невской бумагопрядильной мануфактуры: эти рабочие «во время февральской забастовки в 1905 г. придумали следующий способ. Они являлись на фабрику, становились у своих станков, но никакой работы не производили и никаких приказаний не слушались». Уволенные вследствие этого рабочие (Баранов и др.) возбудили дело, которое, проходя по различным судебным инстанциям, попало в 1908 г. в сенат, где его окончательно разрешили в пользу предпринимателей («Право», 1908, № 6, стр. 357).

[19] Речь идет о чрезвычайно незначительном повышении заработной платы рабочим, получающим почасовую оплату, так как вследствие уменьшения рабочего дня их дневной заработок естественно должен был снизиться. С этого же дня (4 февраля) началась самая длительная за 1905 г. стачка на фабрике, продолжавшаяся по данным конторы (учитывавшей только не оплаченные рабочие дни) с 4 по 17 февраля (I ИА, ф. 338, св. 3, дело 12). По данным дневника, стачка продолжалась с 4 по 21 февраля.

[20] По сохранившемуся тексту объявления (I ИА, ф. 338, св. 3, дело 12, л. 6)

расчет был назначен не на четверг 10 февраля, а на пятницу 11 февраля с 9 до 12 ч. дня.

[21] Перед выборами в комиссию Шидловского Петербургский комитет РСДРП (большевиков) провел большую агитацию. Около 40 агитаторов Петербургского комитета проводило в жизнь резолюции последнего: участвовать в выборах и воспользоваться ими для разоблачения правительства и для воспитания рабочих масс. Как известно, агитация большевиков увенчалась огромным успехом (большинство выборщиков оказалось принадлежащими к партии или сочувствующими ей). На Невской ниточной мануфактуре два агитатора Петербургского комитета провели все комитетские резолюции. (См. «Красная летопись», 1926, № 3 (18), стр. 122—127). Все это говорит о значительном влиянии большевиков на ниточной мануфактуре (см. примечание 40).

По данным о выборщиках в комиссию Шидловского, напечатанным в «Красной летописи», 1930, № 6(39) (приложение к ст. Перазича «Текстильщики в комиссии Шидловского» — оригинал в музее проф. движения), от ниточной мануфактуры избраны трое рабочих: Дормидонтов Мих. Вас., токарь, Патуткин Алексей Мих., сновальщик, Ястребов Арсений Кузьмич, ткач. В дневнике же, вместо последнего, назван Кузнецов Яков Иванович, 23 л. (ур. Шлиссельбурга), слесарь по ремонту машин, который ошибочно по списку в «Красной летописи» числится выборщиком от Охтенской бумагопрядильни. Список, приведенный в дневнике, более точен. Ткач Ястребов на фабрике не работал, и вообще на ниточной мануфактуре не было специальности ткача.

[22] Дневник изобилует записями о несчастных случаях, но при подготовке дневника к печати их пришлось выпустить за неимением места. Из ежегодных записей администрации фабрики о несчастных случаях можно видеть, что в среднем за год «теряло навсегда способность к труду» от 9 до 14 человек (I ИА, ф. 338, св. 7, д. 35), не считая, конечно, десятков менее серьезных по своим последствиям случаев. Заслуживают внимания сохранившиеся в делах стандартные заявления изувеченных рабочих об «отсутствии претензий» к Компании.

[23] 15 марта 1905 г. была подписана членами О-ва заводчиков и фабрикантов (в том числе и представителям Компании) конвенция о совместной борьбе с рабочим движением. Пункты этой конвенции заключали меры борьбы против сокращения рабочего дня, оплаты за время стачек, участия рабочих в вопросах найма и увольнения, отмены штрафов и т. д. Экземпляр конвенции хранился в делах конторы в виде особой «памятки» (надпись в левом верхнем углу). «Памятка» дополнялась еще несколькими пунктами относительно революционных праздников (9 января, 1 мая и др.) (I ИА, ф. 338, св. 4, д. 17, л. 36—38).

[24] Мачтовой Иван Иванович, родился ок. 1871 г., уроженец Тверской губ., — подмастерье на мокрых ватерах. До 9 января — участник гапоновских собраний. Уволен с фабрики 14 января 1906 г. с волчьим паспортом за агитацию и призыв к стачкам. Впоследствии работал на Металлическом заводе (в настоящее время зав. им. Сталина). Был в Красной гвардии. После Октябрьской революции вступил в партию. В дневнике Мачтовой и ряд других названы мастерами. Это неверно. Мастерами были только англичане, русские именовались подмастерьями.

[25] Калландер Василий Александрович — британский подданный, мастер отбельного отделения.

[26] 11½-часовой рабочий день был уменьшен на полчаса не с 1, а со 2 июля 1905 г. Ставки на 5% повысили только работающим сдельно. Поденным рабочим прибавки не было (I ИА, ф. 338, св. 3, д. 12, л. 8, и тот же фонд, св. 7, д. 35).

[27] Однофамилец Карнеева Василия; см. примечания 10 и 40, 48, 49.

[28] Председатель правления компании Невской ниточной мануфактуры (см. примечание 7).

[29] Рабочие ниточной фабрики были одними из немногих, не примкнувшими к октябрьской стачке 1905 г. В сведениях конторы фабрики отмечена полдневная стачка 18 октября 1905 г., но в дневнике о ней не упоминается.

[30] Меллор Егор Карлович — британский подданный, мастер.

[31] На 2 ноября 1905 г. Совет рабочих депутатов назначил всеобщую политическую стачку протеста против полевого суда над кронштадтскими матросами и

военного положения в Польше (Рабочие ниточной ф-ки забастовали 4 ноября). Эта стачка по своим размерам (бастовало 526 предприятий) превзошла январскую и даже октябрьскую. Не дожидаясь решения Совета, рабочие 33 предприятий (в том числе Невская ниточная, Путиловец и др.) сами наметили срок прекращения стачки — 7 ноября. 5 ноября на заседании Совета было тоже решено прекратить политическую стачку 7 ноября в 12 часов дня. Ноябрьская политическая забастовка вспыхнула в разгар кампании за 8-часовой рабочий день. Почти сразу после всеобщей стачки в октябре рабочие стали предъявлять требования 8-часового рабочего дня, а на целом ряде предприятий — и вводить его явочным порядком. Во главе этого движения шли металлисты. 29 октября борьба за 8-часовой рабочий день была подкреплена авторитетом Совета. Как видно из дневника, соседняя Невская прядильная фабрика примкнула к движению. Борьба за 8-часовой рабочий день на ниточной фабрике, так же как и на многих других, достигла некоторых результатов в смысле сокращения продолжительности рабочего дня. Так, текстильные фабриканты согласились на сокращение рабочего времени на $^1/_4$ часа, кожевенные на $1^1/_4$ часа и т. д.

[32] По другим данным, сокращение рабочего дня было произведено на два дня раньше, а именно 14 ноября 1905 г. (см. I ИА, ф. 338, св. 3 и 7, д. 12 и 35) Можно предположить, что 14 ноября был введен $10^1/_2$ часовой рабочий день явочным порядком, а 16 ноября был официально закреплен. Таким образом в течение всего 1905 г. рабочие добились уменьшения рабочего дня на один час: с $11^1/_2$ часов до 11 часов (2 июля 1905 г.) и с 11 часов до $10^1/_2$ часов (14 ноября 1905 г.).

[33] Рабочие других специальностей также предъявили ряд требований, из которых можно выделить общие требования, как например повышения заработной платы (шпульники на машинах Вильдса и Конапт, шлихтовальщики, сортировщики, этикетчицы, дюжинщики), требование оплаты за простой (шпульники на машинах Вильдса, этикетчицы, дюжинщики).

Были также предъявлены отдельные требования, например увольнения сортировщика (шпульники), снятия объявления о расчете, двухмесячный отпуск за два года работы, выдача половины заработной платы за время болезни (шлихтовальщики) и другие.

[34] 2 декабря автор дневника уехал в Англию. Поэтому в дневнике до 8 декабря и с 13 до 16 декабря нет записей. Сведения же о забастовке от 8 до 12 декабря (во время московского восстания) записаны другим почерком и очень скудны. Сохранившиеся документы все же дают возможность установить, что администрация действовала в духе инструкции О-ва фабрикантов и заводчиков и в интересах царизма. 10 декабря было вывешено извещение о локауте, в случае если через два дня не возобновится работа (I ИА, ф. 340, св. 1, д. 8, л. 56). При этом было оговорено, что «объясненне забастовки причинами политическими отнюдь не будет считаться оправданием ее».

[35] Хетчисон Яков Васильевич — британский подданный, мастер.

[36] Буклей В. О. — один из директоров Компании (см. примечание 7).

[37] Петров Сила, род. ок. 1878 г., уроженец Псковской губ. Автор не указывает, что рабочие эти, а также Патуткин (см. примечание 4) и Парфенов Михаил (сновальщик, род. в 1878 г. в Смоленской губ.), были в тот же день уволены.

[38] Озоль Петр Фрицевич, род. ок. 1854 г., уроженец Лифляндской губ., — подмастерье, возбудивший особую неприязнь рабочих.

[39] Филиппов Василий Яковлевич, род. ок. 1882 г., из крестьян Смоленской губ. Шлифовальщик. Уволен с фабрики 14 декабря 1906 г. и выслан на родину.

[40] Общегородская конференция Петербургской организации РСДРП в феврале 1906 г. вынесла решение о бойкоте Государственной Думы. Резолюции конференции и ленинские листовки давали «те необходимые предостережения насчет царской конституции, ту необходимую критику кадетского шарлатанства во время выборов, которые (критика и предостережения) блестяще подтвердились роспуском Думы» (Ленин, Соч., т. X, стр. 28).

Большинство предприятий Петербурга восприняло большевистскую идею бойкота и провело ее в жизнь. На Невском судостроительном заводе из 6000 рабочих на выборы явилось около 1000 человек, и те высказались за бойкот. Не состоялись выборы на заводе «Атлас», «Сименс и Гальске» и дру-

гих. Как видно из дневника, Невская ниточная фабрика тоже дружно бойкотировала выборы. Этот факт, наряду с другими (выборы в комиссию Шидловского), лишний раз говорит о большевистском влиянии на фабрике (см. прим. 21).

По свидетельству М. П. Базаровой, в 1905—07 гг. на фабрике был большевистский подпольный комитет, организовавшийся осенью 1905 г. В состав его входили следующие рабочие: А. Савицкий, А. В. Златковский, Илья Корнулин, Мария Гагарина, Иван Павлов, Василий Карнеев, Новиков (Васильев) Моисей Васильевич, Елена Соловьева, Ив. Головач, В. Ефремов, Настя Ермолина. Фабрику посещали агитаторы подрайонного комитета и ПК, в частности т. Богдан (Тушинский Михаил Дмитриевич), т. Галя (Писарева Анна Леонидовна) и другие. Бывал также и т. Абрам (Крыленко). Большинство рабочих, членов Комитета, подвергалось репрессиям и вынуждено было под тем или иным предлогом оставить фабрику еще до 1908 г. (об этом говорят соответствующие страницы дневника).

[41] Судя по сохранившемуся в делах I Ист. Архива, ф. 338, ответу, дирекция всеми силами стремилась сохранить существовавшую при фабрике продовольственную лавку, которая ни в какой степени не удовлетворяла рабочих.

[42] Мак-Эннерней Яков Михайлович — британский подданный, мастер шпульного отделения.

[43] Старков Александр Иванович — рабочий ремонтно-механического отделения, род. ок. 1875 г., уроженец Ярославской губ. На Ниточной фабрике работал с 1896 г. В 1904—05 гг. посещал гапоновские собрания. В 1905 г. активно участвовал в революционном движении на заводе, был связан с большевистской ячейкой фабрики, но сам в партию не входил. В октябре 1905 г. от рабочих Ниточной фабрики избран в Петербургский Совет рабочих депутатов. 3 декабря 1905 г. вместе с другими членами совета был арестован на заседании Совета в зале Вольно-экономического общества. Пробыл в тюрьме около пяти месяцев. В 1905 г. уехал на родину. С 1918 г. — член ВКП(б). В 1925 г. работал в ленинградском губсоюзе.

[44] Евстифеев Петр — подмастерье, руководитель черносотенцев на фабрике и председатель фабричного общества трезвости. На Невской ниточной мануфактуре влияние черносотенцев было невелико. После того как рабочие расправились с Евстифеевым, влияние «черной сотни» на фабрике совсем сошло на нет.

[45] Вот фамилии рабочих, которые вынесли в мешке Евстифеева и на которых последний подал в суд: Павлов, Корнулин Илья, Савицкий А. и Карнеев Василий. По воспоминаниям В. Карнеева, суд не имел последствий для рабочих.

[46] Активный черносотенец.

[47] Панков Григорий Егорович — подмастерье. По рассказам старых рабочих, отличался религиозным ханжеством и был связан с «Союзом русского народа».

[48] Головач (Мухницкий) Иван Устинович — конторщик в отбельном отделении, род. ок. 1885 г. (уроженец Виленской губ.). В 1905—06 гг. склонялся к анархизму. 19 августа 1906 г. совершил с еще двумя лицами экспроприацию винной лавки фабрики. Большевистская ячейка фабрики осудила поступок Головача. Головач судился, был приговорен к смертной казни, заменеиной двадцатью годами каторги.

[49] См. примечания 10, 40, 48.

[50] Ставки были повышены с 17 июня 1906 г. Забастовка.

[51] Забастовка в знак протеста против восстания в Свеаборге (17—20 июля ст. ст.), восстания в Кронштадте (21 июля) и разгоиа Думы иачалась по решеиию Петербургского комитета РСДРП с 21 июля 1906 г. К ней примкиуло около 80 000 рабочих, но, как известно, стачка потерпела неудачу.

[52] Автор отнес полицеймейстеру специальное отношение правления Компании и устно «изложил положение дел на ниточной фабрике». Дирекция сообщала о забастовке на ииточной ф-ке и фабрике «Невка» и предупреждала, что в случае если рабочие ииточной ф-ки не встанут на работу 26 июля, Компания объявит им расчет. Следствием этого явится остановка бумагопрядильни «Невка» и части станков на фабриках Невской бумагопр. мануфактуры и акц. о-ва «Джемс Бек» (I ИА, ф. 340, св. 1, д. 8, л. 8). Выводы предоставлялось делать полицеймейстеру. И он их сделал в тот же день в весьма резких выражениях. В «памятной записке» от 25 июля 1906 г., являющейся или копией отношеиия или за-

писью разговора с полицеймейстером, сказано: «Административная власть... шутить не будет. Время такое, что полиция церемониться не будет ни с рабочими, ни с хозяевами. Поставьте в известность рабочих, что если они завтра не приступят к работе или же повторят забастовку, то они все до последнего будут высланы административным порядком из столицы... Бастующим рабочим проживать в столице более дозволено быть не может» (I ИА, ф. 340, св. 1, д. 8, л. 7).

[53] Один из директоров Компании (см. примечание 25).

[54] Джонс, Квинтин Фомич — британский подданный, главный инженер.

[55] Эти слухи, как показывают уцелевшие в архиве документы (I ИА, ф. 340, св. 1, д. 8, л. 62), имели под собой реальную почву. Так, проект объявления о закрытии фабрики после убийства Шеридана гласил: «... Гг. пайщики, озабоченные отсутствием безопасности своих мастеров и служащих, обсудив внимательно настоящее положение, решили закрыть фабрику»... Однако объявление не вывесили и фабрику не закрыли.

[56] В этот день правление Невской ниточной мануфактуры отправило приставу 3-го участка Рожденственской части извещение об угрожающих письмах и препроводило «4 таких письма». Два — адресованных на имя механика при фабрике Альберта Корниловича Кольдербэнка, полученные некоторое время тому назад, и два письма, полученные сегодня, а именно: 1) на имя директора правления г-на В. Буклей, 2) на имя Алексея Артемьева, подмастерья механического цеха (I ИА, ф. 340, св. 1, д. 8, л. 11).

[57] Помощник пристава при фабрике.

[58] Степанов Федор, род. ок. 1873 г., Смоленской губ.; Егоров Дмитрий, род. ок. 1862 г., Новгородской губ.; Кондрашев Андрей Алексеевич, род. ок. 1876 г., Рязанской губ.; Филиппов Василий Яковлевич, род. ок. 1882 г., Новгородской губ., — высланы на родину. Это — наиболее активные рабочие, руководители стачек. Елена Соловьева была членом большевистского кружка на фабрике.

[59] Меньщиков Иван Федорович, род. ок. 1878 г., уроженец Смоленской губ. Выслан на родину.

[60] В дневнике ошибка: в воскресенье 14 января.

[61] Златковский Антон Викентьевич, уроженец Ковенской губ., род. в 1878 г. Поступил на ниточную фабрику в ноябре 1895 г. Активно участвовал в забастовках 1896—97 гг. В 1904—05 г. посещал гапоновские собрания. Летом 1906 г. (июнь — июль) был арестован. Работает на фабрике и в настоящее время (бригадир намоточного цеха). Член ВКП(б) с 1918 г.

Савицкий Онуфрий Александрович, род. в 1869 г., уроженец Витебской губ. Старый большевик, рабочий завода. Уволен 4 июля 1907 г. С тех пор живет в Сибири. В дневнике цифра избирателей в думу — 175 человек — явно преуменьшена. По свидетельству Златковского (председателя собрания), столовая была переполнена, т. е. присутствовало не менее 600—700 человек (рабочих на ф-ке было около 2000 человек).

[62] Насколько незначительна была прибавка, которую требовали красильщики, видно из того, что Компания получала дивиденды: в 1904 г. — 22%, в 1907 г. — 27% и в 1908 г. — 30% на акцию!

[63] Приводим, как очень характерный, текст еще одного анонимного письма, полученного мистером Ридделем несколько позднее:

«1907 г. *Май.*

Карл Карлович, г-и Риддел!

Если вы дадите расчет всем рабочим, тогда вас послать обязательно придется к Шеридану, пуль хватит и народ такой найдется.

Смотри не забывайся — этому не миновать».

Письмо, конечно, немедленно было передано приставу Рождественской части, и правление сообщило, что копия с переводом вышеозначенного письма послана в великобританское посольство (см. I ИА, ф. 340, св. 1, д. 8, л. 16 и 17).

[64] Имеются в виду 5 копеек прибавки, проведенной 17 июля 1906 г. (см. запись дневника от 15 июля 1906 г.).

[65] Угрозы рабочих оказали свое действие: 5 марта администрация возвратила в полицию недоимочную ведомость по адресному сбору и отказалась участво-

вать в организации этого сбора, ссылаясь на то, что рабочие «разгромят всю контору, не оставив камня на камне, и перебьют служащих» (I ИА, ф. 340, св. 1, д. 8, л. 15).

[66] Вероятно Жиделев Николай Андреевич, иваново-вознесенский ткач, род. 1880 г. в Логиново Владимирск. губ. В 1905—06 гг. работал в иваново-вознесенской организации РСДРП, примыкал к большевикам. В 1907 г. выбран во 2-ю Госуд. Думу от Владимирской губ. Входил в думскую аграрную комиссию. В думе выступал по запросу об избиениях на фабрике Чешера (заседание (12 апреля 1907 г.) и по продовольственному вопросу. Был привлечен к суду вместе с другими членами с.-д. фракции Госуд. Думы, и особ. прис. правит. сената осужден к 5 годам каторги, которую отбывал в петербургской пересыльной тюрьме. На поселение был водворен в селе Качуге, Иркутск. губ., где и был до 1917 г. Сейчас член ВКП(б).

[67] Корнулин Илья — член большевистской ячейки на фабрике, активный участник революционного движения. Работал в то время в союзе текстильщиков вместе с Прохоровым.

[68] Митчелл Василий Васильевич — управляющий фабрикой «Невка», принадлежавшей Компании.

[69] Приводим текст этого объявления:

«Вследствие постановления гг. пайщиков, администрация фабрики Невской бумагопрядильной мануфактуры настоящим объявляет всем рабочим, что впредь до изменения администрация фабрики, начиная с 24 июня сего 1907 г., будет выдавать всем подмастерьям и рабочим за *каждые* 8 недель, считая этот срок с сего 24 июня и кончая 18 августа, 13 октября, 8 декабря и т. д., *наградные* деньги в размере *одной восьмой части действительного заработка* за истекшие 8 недель для каждого рабочего и работницы, *но только в том случае*, если на фабрике не будет остановки работ и если вся фабрика во всех отделениях будет беспрерывно работать в течение истекших 8 недель.

Примечание. За неявку рабочего на работу более одного дня без законной причины и без разрешения администрации рабочий лишается *наградных* за этот 8-недельный срок.

С.-Петербург, 9 июня 1907 г.».

(I ИА, ф. 338, св. 3, д. 12, л. 76).

Даже фабричный инспектор признал, что эти премии — незаконны и сделаны в обход 12½-процентной прибавки к заработной плате. Сделана попытка ввести среди рабочих круговую поруку, так как остановка на любом отделении лишает наградных *всех* рабочих; за *однодневный* пропуск у рабочего высчитывается премия за 8 недель, т. е. гораздо более, чем дневной заработок. Рабочие не пошли на эту премиальную приманку.

[70] Юрисконсульт Компании.

[71] Упаковочная фабрика Киббеля бастовала в течение нескольких недель.

[72] См. запись в дневнике от 8 октября 1907 г.

[73] Бриссон Яков Яковлевич — британский подданный, мастер намоточного отделения.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР» Том первый.

Подготовка великой пролетарской революции

(От начала войны до начала Октября 1917 г.).

Под редакцией: М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина.

Первый том Истории гражданской войны является не только самым выдающимся событием в советской исторической литературе, но и единственным в своем роде образцом монументальной работы, для выполнения которой были привлечены лучшие силы в области исторической науки, советской литературы и искусства. И самое замечательное, что эта книга создана на материале, собранном при помощи рядовых участников Великой пролетарской революции и гражданской войны и при самом активном участии организаторов победы.

Этот том является образцом исключительно тщательного научного исследования и особенно тщательной редакционной работы. От начала до конца он проредактирован тов. Сталиным, который внес в него целый ряд важнейших исправлений и дополнений.

Написанный простым, ясным и четким языком, богатый фактическим материалом, первый том «Истории гражданской войны» дает яркое представление о периоде от начала войны до начала Октября 1917 года.

Прежде всего первый том еще раз подчеркивает ленинско-сталинскую характеристику нашей революции. Здесь с полной ясностью определяется февральская революция — как буржуазно-демократическая революция и Октябрьская — как Великая пролетарская социалистическая революция. Первый том еще и еще раз наглядно показывает, почему на Западе пролетарская революция пока еще не победила, а у нас в СССР она удалась.

Первый том озаглавлен: «Подготовка Великой пролетарской революции». Уже самое это название должно показать, что революция не была результатом только стихийного массового революционного движения или только результатом будто бы заговорщической тактики большевиков, как это пытались изобразить злейшие враги революции и, в частности, меньшевики и эсеры. И действительно в первом томе мастерски нарисовано нарастание массового революционного движения и исключительно ярко показана решающая роль в революции партии большевиков и ее гениальных вождей Ленина и Сталина.

«Единственно революционной пролетарско-социалистической партией в России была партия большевиков. Будучи формально в одной социал-демократической партии вместе с меньшевиками, большевики фактически составляли самостоятельную партию уже с 1905 года, а с 1912 года формально порвали с меньшевиками, изгнали из партии их правых лидеров и оформились в отдельную большевистскую партию. Большевистская партия была единственной партией, которая признавала гегемонию пролетариата основным условием победы буржуазно-демократической

революции и перерастания последней в революцию социалистическую. Она была единственной партией, которая признавала возможность победы социализма в России и имела свою революционную конкретную платформу для переходного периода от буржуазной революции к социалистической. Она была единственная партия, которая боролась до конца против империалистской войны, стояла за поражение царского правительства в империалистской войне, проводила политику братания на фронте, вела непримиримую борьбу против шовинизма и оборончества во имя пролетарского интернационализма и проводила лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую» (стр. 24—25).

Первый том дает убийственное разоблачение всех тех политических партий и организаций, в борьбе с которыми выросла и закалилась большевистская партия, — именно дает критику кадетов, народников — в частности, эсеров и трудовиков, дает критику меньшевиков, критику меньшевика Троцкого и др.

В рассматриваемом томе дана также блестящая характеристика народничества и, в частности, беспощадное разоблачение народнического — индивидуального террора.

Отмечая, как основной метод борьбы эсеров индивидуальный террор, редакция первого тома подчеркивает, что террористическая практика скоро показала всю свою бесцельность, что убитого насильника немедленно сменял другой царский прислужник, не лучше, а часто и хуже прежнего.

«Массового движения террор не вызвал, а, наоборот, ослабил его, так как политика и практика индивидуального террора исходят из народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от героев подвига. А такая теория и практика исключают всякую возможность активизации масс, возможность создания массовой партии и массового революционного движения».

Яркая марксистско-ленинская характеристика дана и трудовикам. Указывая, что «трудовики», или «трудовая группа», поставили себе задачу объединить все «трудящиеся классы народа: крестьянство, фабрично-заводских рабочих, а также интеллигентных тружеников», редакция особенно подчеркивает, что собирались они это сделать «на основе сохранения капитализма» (стр. 20). «Трудовики высказывались против конфискации помещичьих земель и предлагали помещикам за отчуждаемую землю выкуп, что сближало трудовиков с кадетами. В Думе трудовики колебались между кадетами и социал-демократами, а когда эсеры составили свою фракцию и покинули «группу», трудовики окончательно подпали под влияние кадетов» (стр. 20).

Блестящая характеристика дана и «левому» крылу эсеров, выделившемуся на первом съезде партии в 1906 году и образовавшему особую полуанархическую партию эсеров-максималистов. Указывая, что «максималисты тогда же, в первой буржуазно-демократической революции 1905 года, требовали не только «социализации земли», но и немедленной «социализации» фабрик и заводов» (стр. 22), редакция особенно подчеркивает: «Но эти требования были лишь маской, прикрывавшей буржуазную сущность максималистов. Террор они предлагали сделать основным средством борьбы. Впоследствии максималисты выродились в беспринципную группу бандитов — «экспроприаторов», лишенных всякой почвы в массах» (стр. 22).

Особое внимание в печатаемом томе уделяется характеристике меньшевиков и, в частности, характеристике Троцкого, который стоял всего лишь «чуточку левее» Мартова и др. «На «левом» фланге меньшевиков стояли Мартов и чуточку левее — Троцкий» (стр. 24).

Вот как, здесь, со сталинской четкостью характеризуется группа «межрайонцев», во главе с Троцким, которая была принята VI съездом в партию: «Эта группа состояла из меньшевиков и части бывших большевиков, отколовшихся от партии и создавших в 1913 году особую организацию в Петербурге. Межрайонцы во время войны были против раскола с оборонцами, боролись против большевистских лозунгов о превращении империалистской войны в войну гражданскую, не признавали политики, рассчитанной на поражение царского правительства в империалистской войне, не признавали возможности победы социализма в России» (стр. 189).

При подробном разборе всевозможных мелкобуржуазных группировок — в частности, левонароднических — эсеровских и меньшевистско-социал-демократи-

ческих групп им дается следующая четкая и яркая характеристика: «Все эти «левые» народническо-эсеровские и меньшевистско-социал-демократические группы — от группы Чернова и максималистов до группы Мартова и Троцкого — несмотря на их революционную фразеологию представляли по сути дела левое мелкобуржуазное крыло буржуазной демократии, стоявшей за сохранение и «улучшение» капитализма, ибо все они отрицали возможность победы социализма в России, выступали против социалистического преобразования России, поддерживали единство с оборонцами, стоявшими за империалистскую войну, выступали против большевистского лозунга о превращении войны империалистской в войну гражданскую, вели активную борьбу против большевистской политики, рассчитанной на поражение царского правительства в империалистской войне, вели единым фронтом борьбу против партии Ленина, против большевистской партии» (стр. 24).

Весь материал первого тома наглядно показывает, что только в ожесточенной борьбе со всеми этими врагами рабочего класса, только завоевав большинство рабочего класса и присоединив к нему соответствующие слои руководимого крестьянства, партия и могла добиться победы сначала в февральской буржуазно-демократической революции, а затем в Великой пролетарской социалистической революции и утвердить в нашей стране диктатуру пролетариата.

Первый том начинается с анализа кануна буржуазно-демократической революции, с истории возникновения империалистической войны и разбора положения царской России в первые годы мировой войны.

Разбирая на конкретном материале наростание под непосредственным руководством нашей партии массового революционного движения, авторы первого тома наглядно показывают, как правящая верхушка, с Николаем Романовым во главе, пыталась заключить сепаратный мир, создать Государственную Думу с правительственным большинством и вооруженной рукой подавить революцию. В первой же главе рецензируемого тома мы читаем и о попытках империалистической буржуазии в союзе с представителями англо-французского империализма подготовить дворцовый переворот, заменить Николая II другим, более подходящим царем, и, захватив власть в свои руки, подавить революцию.

Однако, быстрое наростание разрухи, рост разложения армии, наростание национально-освободительного движения на окраинах и, главное, рост рабочего движения, массовые выступления пролетариата и крестьян, одетых в солдатские шинели, опрокинули контр-революционные планы царизма и русской империалистической буржуазии.

В рецензируемом томе мы найдем исключительно яркие страницы о ходе восстания в февральско-мартовские дни. Как это совершенно правильно подчеркивается: «Солдатский бунт и рабочие демонстрации отнюдь не были случайными и независимыми друг от друга путями Февральской революции. Рабочие демонстрации *подготовляли и развязывали* солдатский бунт в те дни, когда войска еще повиновались царским властям. *Без политического руководства* рабочих не было бы и массового солдатского восстания. Не случайно волынцы и литовцы двинулись не в центр и не в Думу, а в Выборгский рабочий район. Но как выступление рабочих, так и возмущение солдат уже давно готовились настойчивой и самоотверженной работой партии большевиков» (стр. 67).

«Рабочие и крестьяне в солдатских шинелях совершили революцию, но на первых порах не им достались все ее плоды: рядом с советом выросло правительство буржуазии».

Так создавалось двоевластие.

Временное правительство начинает активную борьбу за «единовластие буржуазии». Решительный протест рабочих и солдат против попыток спасти монархию, показал руководителям Временного правительства, что единовластие буржуазии не может быть утверждено силой. Явное насилие буржуазии и помещиков раздражало массы, вызывало отпор, углубляло революцию. Оставалось одно — «тактика уступок, виляний, обещаний, рассыпаемых щедрой рукой, чтобы выиграть время, собраться с силами, а затем покончить с революцией» (стр. 85).

6 марта Временное правительство обратилось к народу с воззванием, в котором оно в очень неопределенной форме заявляло о своем «священном и ответственном долге»... «осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского устроения» (стр. 86).

На деле же это было лишь маскировкой желания задержать развитие революции, для того чтобы выиграть время, собраться с силами и затем покончить с революцией.

В томе указывается, что «воззвание 6 марта, как и первая декларация Временного правительства 2 марта, ни одним словом не упоминает о передаче земли крестьянам» (стр. 86—87). Этим подчеркивается, что дело шло не о том, что Временное правительство вообще не упоминало о земле, а именно не упоминало «о передаче земли крестьянам».

Дальше мы читаем, что, умолчав о земле, Временное правительство своим постановлением 9 марта «решило привлечь к уголовной ответственности крестьян Казанской губернии за выступления против помещиков» (стр. 87).

Временному правительству в его борьбе с революцией усиленно помогали меньшевики и эсеры. Меньшевики и эсеры всячески старались добиться поддержки массами Временного правительства, поддержки его империалистической политики. В этих условиях особенно остро стал вопрос о борьбе большевиков за массы. Нужно было вырвать из-под власти буржуазии и мелко-буржуазных партий огромные массы рабочих и крестьянской бедноты. «Надо было разоблачить корыстную цель трескучих и цветистых эсеро-меньшевистских фраз о революции, об обороне «свободной России» и «великих завоеваний демократии» (стр. 94).

Вот эта тяжелая борьба с социальной демагогией буржуазии и ложилась на партию большевиков.

Главы III и IV посвящены приезду Ленина, истории поисков им путей в революционную Россию.

Здесь дано яркое описание приезда Ленина в Петроград, именно момента приезда его на Финляндский вокзал. «Ленин появился на ступенях вокзала. Площадь ожила. Многотысячное «ура» встретило вождя. Ленину помогли взобраться на бронемашину. Прожекторы осветили Владимира Ильича. Чуть потоптавшись на месте, словно пробуя крепость броневика, Ленин уверенно бросил в затихшую толпу свой призыв к мировой социалистической революции. Речь Ленина сразу подняла революцию на новую ступень. Революции нужен был необыкновенной силы ум, чтобы разобраться быстро в сложнейшем переплете противоречий и безошибочно указать массам их ближайшую цель. Нужна была необыкновенной твердости воля, чтобы повести массы верным путем к этой цели. Таким гигантом мысли и воли, впитавшим в себя опыт революционной борьбы трудящихся всех стран, стоявшим на высоте научного понимания задач пролетариата, и был Владимир Ильич Ленин. Вождь революции занял свое место» (стр. 100).

«В тезисах, вошедших в историю под именем «апрельских тезисов», Ленин суммировал боевой опыт партии и наметил четкую программу ее деятельности на новом этапе». «Апрельские тезисы» Ленина открыли новую страницу в истории революционной борьбы партии большевиков» (стр. 101).

Новизна заключалась, конечно «... не в смысле разрыва со старой теорией и практикой большевизма, — новизна заключалась в том, что тезисы явились исчерпывающей программой действий пролетарской партии в переходный этап, созданный Февральской буржуазно-демократической революцией» (стр. 101). Несмотря на то, что партия только что вышла из подполья, многие члены большевистской партии только что возвращались из далеких ссылок, «... партия большевиков была идейно и организационно сплочена долгой и успешной борьбой со всеми разновидностями меньшевизма и эсерства, непрерывной борьбой с оппортунистическими уклонами и шатаниями от линии Ленина. Партия большевиков пришла к новому этапу с планом Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, планом, разработанным еще в 1905 году. Большевики встретили новый этап, опираясь на учение Ленина о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. Большевики вооружены были теорией Ленина *об империализме как новейшем этапе капитализма*. Они вскрыли грабительский, захватнический характер империалистской войны. Всей историей революции партия большевиков была подготовлена к «новой ориентировке в новых условиях борьбы» (стр. 102).

Но — «... нужно было обобщить весь опыт партии, нужно было сформулировать новые задачи в новых условиях. Это и было проделано Лениным в «апрельских тезисах» (стр. 102). Как писал т. Сталин, «Понадобились знаменитые

«апрельские тезисы» Ленина для того, чтобы партия могла одним взмахом выйти на новую дорогу».[1]

Богатый материал дан по истории апрельской конференции. При характеристике апрельской конференции подчеркивается ставка партии на борьбу за перерастание демократической революции в социалистическую.

В работе подробно разъясняется значение выдвинутого лозунга «Вся власть советам»; именно не вообще власть советам, а «ВСЯ власть советам» — ведь в условиях двоевластия меньшевистские и эсеровские советы частично располагали властью.

Комментируя определение Лениным на апрельской конференции основных задач революционного пролетариата, редакция подчеркивает ставку партии на перерастание демократической революции в социалистическую и на проведение таких мероприятий, которые не знаменовали бы собой немедленного перехода к социализму, но в сумме составили бы первый шаг к социалистическому преобразованию России. «Подлинно революционная большевистская партия, получив большинство, приступила бы к выполнению своей программы: заключению демократического мира, конфискации помещичьих земель и наделению трудящихся землей и орудиями ее обработки и к немедленному восстановлению хозяйства за счет капиталистов путем национализации банков и крупнейших предприятий. Эти меры не знаменовали бы собой немедленного перехода к социализму, но в сумме составили бы первые шаги к социалистическому преобразованию России» (стр. 110).

Апрельская конференция дала отпор капитулянтским выступлениям Л. Б. Каменева (теперь злейшего врага революции) и А. И. Рыкова и некоторых других, которые встретили в штыки предложение Ленина.

В рецензируемом томе мы находим богатый материал, который показывает как партия, вооруженная решениями апрельской конференции, развернула невиданную еще в истории борьбу за массы.

Шаг за шагом авторы тома прослеживают ход классовой борьбы с апреля по июль, прослеживают развертывание апрельских демонстраций, политику коалиционного Временного правительства, работу Первого Всероссийского съезда советов, ход июньской демонстрации и наступление русских войск на фронтах и, наконец, рост революции в армии.

Рецензируемый том показывает как вооружалась революция, как росла Красная Гвардия и как создавалась пролетарская милиция.

Очень ярко описаны и июльские дни — выступление рабочих в столице, ход июльской демонстрации, ее разгром и изживание пролетариатом соглашательских иллюзий.

Интересный и богатый материал дан в части тома, посвященной развитию местных партийных большевистских организаций и успешной работе партии на местах. Большое внимание уделено работе VI съезда партии большевиков. Авторы уделяют большое внимание блестящему докладу тов. Сталина о политическом положении, в котором он остро поставил вопрос о пролетарской социалистической революции в России и о последующем построении социализма в одной стране. Прекрасно показано, как тов. Сталин разгромил выступления правых капитулянтов, а также и «левых» типа троцкиста Преображенского, которые возражали против пролетарской социалистической революции, и, в частности, как Преображенский, доказывали невозможность победы социализма в одной стране.

«Съезд большевистской партии высказался против явки Ленина на суд, подтвердив тем самым позицию тов. Сталина, занятую им сразу после разгрома июльской демонстрации» (стр. 180).

В общем итоге авторы первого тома наглядно показали то исключительное значение, которое имел VI съезд в истории нашей партии. «Осуществляя дело Ленина, Сталин сплотил партию вокруг боевого и решающего вопроса — свержения буржуазного правительства и захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством» (стр. 190).

Много нового и ценного материала читатель найдет в IX главе, посвященной контр-революционному корниловскому заговору. Шаг за шагом прослеживается

---

[1] И. В. Сталин. На путях к Октябрю. Статьи и речи. М. 1925, стр. IX.

подготовка военной диктатуры и начало, со стороны буржуазии, гражданской войны. Подробно рассказывается, как контр-революция подняла на щит генерала Корнилова и старалась создать ему ореол героя, тогда как в действительности он был заурядным трусом.

Редакция сообщает ряд новых, мало известных фактов о Корнилове: «Корнилов — сын царского чиновника, а вовсе не казак — крестянин, как он выдавал себя в своих воззваниях к народу и армии. Окончив Академию Генерального штаба, служил в войсках Дальнего Востока и Средней Азии, в 1914 году командовал 48-й дивизией на австрийском фронте. В августовских боях под Львовом он потерял 22 орудия и много пленных. Генерал Брусилов, командовавший тогда 8-й армией, хотел даже сместить Корнилова за поражение, но, приняв во внимание его личную храбрость, оставил в дивизии. В апреле 1915 года, когда австро-венгерская армия гнала русских из Галиции, Корнилов не сумел организовать отступление своих полков» (стр. 192). Корнилов позорно покинул свою дивизию, бежал в лес и, в конце концов, попал в плен, из которого он бежал, подкупив фельдшера лазарета.

Приведены новые документальные данные, подтверждающие факт сдачи Корниловым Риги. Рига была сдана германским войскам, и подступы к Петрограду были открыты. Корниловская ставка всю ответственность возложила на солдат. Но в действительности Ригу сдали генералы. Это неоспоримо подтверждается телеграммой румынского посла Диаманди главе своего правительства Братиану. Сообщая о разговоре с Корниловым, посол телеграфировал: «Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию, и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. *Генерал Корнилов рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии*» (стр. 200).

И действительно, сдача Риги дала Корнилову возможность снова решительно поставить перед Временным правительством вопрос о выполнении давно намеченной контр-революционной программы (стр. 200).

В рецензируемом томе мы находим новые факты, подтверждающие активную помощь, которую оказывали Корнилову и союзные дипломаты: «Все мои симпатии, были на стороне Корнилова», признавался английский посланник Бьюкенен в своих мемуарах. Английская пресса тщательно старалась скрыть участие в корниловщине английских броневиков. Официальная газета «Таймс» 3 октября 1917 года возмущенно писала, что история с броневиками — выдумки и злонамеренная клевета. По настоянию английского посла Временное правительство даже привлекло к судебной ответственности «за клевету» редактора московской большевистской газеты «Социал-демократ». В рецензируемой работе опубликован документ, полностью подтверждающий связь англичан и корниловцев. Это срочная телеграмма виднейшего корниловского генерала Романовского от 28 августа 1917 г.:

«Генерал-квартирмейстеру 7. Прикажите немедленно командиру броневого дивизиона британского отправить все боевые машины, включая фиаты, со всеми офицерами и экипажем *в Бровары комплету Соамсу*. Туда же направьте машины, находящиеся *фольварке Дубровка*. 6429» (стр. 204).

Дальше указывается, что впоследствии империалисты были вынуждены открыто признать свое участие в корниловщине и, в частности, признать тот факт — «... что английские офицеры, одетые в русскую военную форму, в английских танках следовали за наступавшим Корниловым и едва не открыли огонь по корниловским частям, когда те отказались наступать дальше Пскова» (стр. 204).

Говоря о геронческой борьбе, которую развернула партия большевиков против наступающей корниловской контр-революции, авторы первого тома ярко рисуют и растерянность в момент корниловского выступления в среде Временного правительства и, в частности, трусость самого Керенского. «К ужасу всеро-меньшевиков оказалось, что не только петроградский гарнизон, но и большинство матросов Балтфлота стоит за большевиков. Чуя опасность, Керенский патетически заявил, что он отдает себя под защиту большевиков, на что большевики ответили, что у них имеется более серьезная задача» (стр. 205).

В цитируемом томе сообщается и весьма важный факт, рисующий ту большую роль, которую сыграл С. М. Киров в посылке мусульманской делегации навстречу наступавшей «Дикой дивизии» Корнилова. «Инициатива посылки мусульманской

делегации принадлежала С. М. Кирову. Он работал в 1917 году во Владикавказе. В августе 1917 года Киров выезжал в Петроград по поручению большевистской организации и совета рабочих и солдатских депутатов Владикавказа. Корниловские события застали его в Москве. Узнав об участии в корниловской авантюре «дикой дивизии», в составе которой были и горские части, Киров предложил Московскому совету добиться посылки делегации к «дикой дивизии» от Центрального комитета горских народов, находившегося во Владикавказе. Московский совет телеграфно связался с Владикавказом. Приехавшая делегация разъяснила солдатам истинные намерения начальников. Этого было достаточно, чтобы сделать «дикую дивизию» совершенно безвредной для революции» (стр. 206).

С исключительной яркостью нарисовано наростание революционного кризиса непосредственно накануне Октября.

Мы здесь найдем яркие, хорошо систематизированные факты, рисующие развал хозяйства страны, саботаж капиталистов, финансовый крах, расстройство транспорта, усиление голода и т. д.

Первый том дает исключительно богатые данные о росте революционного рабочего движения — именно новой волны экономических и *революционных* стачек, о росте крестьянских восстаний и национально-освободительного движения на окраинах.

Приводятся ценные сведения о большевизации армии и о состоянии флота перед Октябрьской революцией.

Необычайно росла организованность рабочих: «...к октябрю профсоюзы охватывали более двух миллионов рабочих, из коих миллион приходился на Петроград и Москву. К этому надо прибавить фабрично-заводские комитеты, организованные непосредственно на предприятиях» (стр. 237). «В профсоюзах и завкомах партия большевиков имела разветвленный аппарат, связывавший ее с широкой массой рабочих, а в «рабочем контроле» — яркий и сжатый лозунг, который указывал пролетариату ближайшую цель борьбы» (стр. 238).

В работе подчеркивается, как коренное отличие предоктябрьского рабочего движения — *изменение форм борьбы*. Рабочие не только устраивают демонстрации и стачки экономические и политические, но приходят к борьбе за власть, за управление предприятиями. Например, в Донбассе «на шахтах рабочие устраняли администрацию, арестовывали неподчиняющихся и брали в свои руки управление производством» (стр. 238).

Все это показывало, что «старая форма борьбы исчерпала себя, она оказалась уже неспособной вместить новое содержание: *движение вплотную упиралось в проблему власти в стране и управления предприятиями*» (стр. 239).

Рабочее движение явно принимало характер и формы открытой революционной борьбы за власть.

Наиболее очевидным признаком нового революционного кризиса явился быстрый процесс большевизации Советов, фабрично-заводских комитетов и др. организаций. Каждый час приносил партии большевиков все новые и новые победы.

Широкие массы пролетариата, на собственном суровом опыте, убеждались в том, чему учила их партия большевиков, именно: в необходимости борьбы за свержение путем восстания правительства фабрикантов и помещиков, возглавляемых Керенским, в необходимости борьбы за диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

Вот в этих условиях быстрого наростания революционного кризиса, последняя опора буржуазии — эсеры и меньшевики, безуспешно пытаются задержать бешеный бег революции и, прежде всего, стремятся совместно с буржуазией и помещиками подготовить вооруженное подавление революции.

Исключительный интерес представляет последняя XV глава рецензируемого тома «Расстановка боевых сил контр-революции накануне Великой пролетарской революции».

Эта глава показывает во весь рост врага, с которым боролась наша партия большевиков. Шаг за шагом авторы рецензируемого тома прослеживают расстановку боевых сил контр-революции, именно: формирование буржуазных ударных отрядов, офицерского корпуса, буржуазных национальных формирований — польских, чехо-словацких и др., казачьих частей и проч.

В рецензируемом томе мы найдем яркие факты подготовки правительством

сдачи Петрограда немецким войскам так же, как была сдана Рига. «Выступая на съезде «общественных деятелей» в Москве с предложением сдать Петроград, Родзянко так объяснял необходимость этой меры: «Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения. На это я возражал, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что кроме зла России они ничего не принесли... После сдачи Риги там (т. е. в Риге. *Ред.*), водворился такой порядок, какого никогда не видали: расстреляли десять человек главарей, вернули городовых, город в полной безопасности, освещен» (стр. 269).

Только сопротивление революционных рабочих и солдат вынудило правительство отказаться от переезда в Москву и от сдачи Петрограда немецким войскам.

Временное правительство для спасения от революции готово было пойти на сепаратный мир. «21 октября редактор бульварной газетки «Общее дело» Бурцев сообщил, что на заседании комиссии Предпарламента 20 октября обсуждался вопрос о заключении с немцами сепаратного мира. По распоряжению Керенского газета была немедленно закрыта, но не за клевету, а... за разглашение сведений о закрытом заседании комиссии» (стр. 289).

Таким образом, Временное правительство хотело окончанием войны развязать себе руки для борьбы с революцией.

Правительство усиленно стягивало войска к Петрограду и особенно к Москве, где в первую очередь ждали выступления большевиков.

Накануне Октябрьского восстания происходит одно заседание Временного правительства за другим, — на них разрабатываются конкретные меры подавления революции.

Временное правительство 19 октября вновь отдало приказ об аресте Ленина.

Временное правительство начинает громить Советы — казаки громят калужский Совет Рабочих и Солдатских депутатов. «Казаки, громившие совет, говорили, что им дано задание разогнать еще двенадцать советов, стоящих на большевистской точке зрения, и в том числе Московский совет» (стр. 293).

В Петрограде на улицы были выведены усиленные отряды юнкеров и казаков, по городу размещены скрытые резервы, готовые выступить в любой момент. Вся милиция была приведена в боевую готовность. Войсками были заняты наиболее важные здания, — Зимний Дворец, Мариинский дворец, Таврический дворец, Штаб округа, Государственный Банк, здание почты и телеграфа, Центральная телефонная станция и т. д. Правительство усиленно вооружало белогвардейские студенческие отряды, а также организовало белогвардейские отряды из наиболее квалифицированных служащих — например, банковских служащих. Правительство подтягивало к Зимнему Дворцу орудия, бронемашины и пулеметы. «Враг копил силы, выискивая только удобный момент для начала выступления». Керенский знал о том, что Ленин предлагал московским большевикам начать выступление раньше петроградцев. Поэтому Керенский срочно заполнил Москву войсками. Но контр-революция не знала, «насколько далеко подвинулась подготовка восстания большевиками. Но тут на помощь Керенскому пришли предатели Зиновьев и Каменев. 18 октября утром они выдали тайну врагу, выступив в небольшевистской печати против ленинского плана восстания. Вечером уже собралось заседание правительства, на котором были приняты срочные меры против восстания: в город введены казаки и две школы юнкеров, в милицию влито несколько сот солдат, преданных правительству, с фронта вызваны новые пополнения. Правительство спешило взять в свои руки инициативу». («Правда» от 6 ноября 1935 г. № 307).

За день до открытия съезда Советов, именно — 24 октября, было намечено нанести последний решающий удар, атаковать и занять Смольный. «Сейчас же после окончания заседания правительства, — рассказывает Керенский о заседании в Зимнем дворце в 23 часа 24 октября, — ко мне явился командующий войсками со своим начальником штаба. Они предложили мне организовать силами всех оставшихся верными Временному правительству войск, в том числе и казаков, экспедицию для захвата Смольного института — штаб-квартиры большевиков. Этот план получил сейчас же мое утверждение, и я настаивал на его немедленном осуществлении» (стр. 295).

Как видно, контр-революция деятельно готовилась к подавлению Великой октябрьской революции.

Все эти факты на-голову разбивают схему меньшевика Троцкого о ходе Октябрьской революции. Как мы читаем в рецензируемом томе: «В свете этих фактов представляется совершенно беспочвенной и ребячески-наивной известная «теория» Троцкого о том, что отказом в выводе войск из Петрограда был уже будто бы предрешен исход октябрьского восстания». «Если бы большевистская партия хоть на минуту поверила, что отказ вывести гарнизон и есть «по существу вооруженное восстание», победа которого уже обеспечена этим отказом, она попала бы в ловушку контрреволюции: «легальное», «мирное восстание» Троцкого повело бы к тому, что, подтянув все свои силы, контрреволюция раздавила бы «мирных» победителей» (стр. 292).

Первый том заканчивается на 24 октября 1917 г.

Таково в самых общих чертах исключительно богатое содержание первого тома «Истории гражданской войны в СССР».

Нужно подчеркнуть, что богатству и исключительному значению содержания тома соответствует и его прекрасное внешнее оформление. Том прекрасно иллюстрирован как специально сделанными для данной темы зарисовками, карикатурами на врагов революции, так и копиями картин выдающихся художников.

К тому приложены библиографический именной, а также предметно-географический указатели и в заключение — краткая хронология важнейших событий.

Рецензируемый том должен быть тщательно изучен не только специалистами — историками, но и широкими кругами наших советских читателей.

С. Дубровский.

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б). «АРХИВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА», ПОД РЕД. В. АДОРАТСКОГО, Т. III (VIII), ПАРТИЗДАТ, 1934, СТР. 463. Ц. 6 РУБ. И ПЕР. 1 Р.

В беседе с первой американской рабочей делегацией в сентябре 1927 г. тов. Сталин, говоря о том новом, что внес Ленин в вопрос о диктатуре пролетариата, заявил, что Ленин «*. . . открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, использовав для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции. . .*».[1]

Свое величайшее открытие Ленин смог сделать в беспощадной борьбе против ревизионистов и оппортунистов в международной и российской социал-демократии, которые в течение ряда десятилетий после Коммуны игнорировали и извращали ее революционный опыт. Чтобы вскрыть оппортунистические извращения уроков Парижской Коммуны, Ленину пришлось «точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм».[2]

Ленин проделал гигантскую работу, изучая марксово наследство в вопросе о государстве и революции. Особое внимание Ленин обращает на работу «Гражданская война во Франции», в которой Парижскую Коммуну «глубоко, метко, блестяще и *действенно*, революционно оценил Маркс».[2]

«Гражданская война во Франции», широко известная работа Маркса, является обращением Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала). Но прежде чем дать этот окончательный текст, где каждая фраза, каждая характеристика, каждое слово продуманы до конца, Маркс проделал огромную, почти нечеловеческую работу. Об этом можно судить по опубликованному недавно Институтом Маркса-Энгельса-Ленина тому III (VIII) «Архива», содержащему все подготовительные материалы Маркса к «Гражданской войне во Франции» и два первых варианта этой работы. Достаточно просмотреть выписки из свыше чем двух десятков газет и различные записи Маркса, составляющие большую часть тома, чтобы убедиться в той особой тщательности,

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10 изд., стр. 170. Курсив мой. — *С. Б.*
[2] В. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 7.

с какой он подбирает факты, замечания, меткие характеристики, направленные против отдельных исторических персонажей: против «злобного гнома» Тьера, «человека без идей, без убеждений, без мужества», против «скрывшихся от суда преступников», вроде Жюля Фавра, Жюля Симона, и других жуликов и мошенников, методом борьбы которых были «резня, измена, поджог, убийство, клевета, ложь».

Маркс, конечно, черпает свою информацию о Коммуне не только из газет, а и из других, более верных и непосредственных источников. По поручению Маркса был послан в Париж от имени Генерального Совета I Интернационала Огюст Серайе для руководства парижской организацией интернационалистов, и на юг Франции зять Маркса, французский социалист, Поль Лафарг, для того, чтобы поднять восстание крестьян в помощь Коммуне.

Маркс в дни Коммуны получал письма от таких видных деятелей Коммуны, как Варлен и Франкель. Сидя в Лондоне в изгнании, Маркс был непосредственным участником «массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью» (Ленин). Маркс так детально знал все военные действия, происходившие между версальцами и коммунарами, как будто эти действия происходили не во Франции, а под Лондоном.

Именно эта теснейшая связь с революционным движением и дала возможность Марксу раскрыть тайну Коммуны.

Маркс в своем письме к Бизли от 12 июня 1871 г. писал, что материал объемом в 4—5 листов он должен уместить всего в 2 листа. Совершенно понятно, что в своих подготовительных работах, не будучи ограничен размером, он имел возможность значительно полнее и подробнее остановиться на целом ряде основных вопросов и оставить нам большое количество замечаний, которые не вошли в окончательный текст обращения. Особенно ценным в этом отношении является первый вариант.

Что же нового дают нам опубликованные материалы?

Как в первом, так и во втором варианте Маркс неоднократно и очень подробно останавливается на вопросе о государстве и революции и на вопросе о диктатуре пролетариата.

Маркс прослеживает формирование централизованной государственной машины, которая «... с ее вездесущими и сложными военными, бюрократическими, церковными и судебными органами опутывает (своими петлями), как удав, живое гражданское общество» (стр. 319). Созданная как оружие нарождавшегося нового буржуазного общества против феодализма, — государственная машина в период французской буржуазной революции получает свое полное развитие и в период первой империи строится «... по плану систематического и иерархического разделения труда» (стр. 417).

Маркс показывает, как на протяжении всей истории Франции XIX в. вплоть до Парижской Коммуны государственная власть все больше и больше развивалась, имея характер «инструмента классового деспотизма», политической машины, насильственно увековечивающей социальное порабощение производителей богатства его присвоителями», «орудия экономического господства капитала над трудом» (стр. 419).

И Маркс на вопрос о том, что же нового внесла Коммуна — «этот сфинкс, задавший такую трудную задачу буржуазным мозгам», — отвечает: «Новое заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что *учредив Коммуну, он взял в собственные руки действительное руководство своей революцией... заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление!*» (стр. 347—349).[1] Новое было в том, что рабочий класс впервые в мировой истории совершил революцию «с целью разбить всю эту страшную машину классового господства», уничтожить эту государственную власть, которая хотела быть «независимой от самой нации и стоящей над ней» (стр. 325). Коммуна — это «политическая форма социального раскрепощения». Вот как Маркс определяет то *новое*, что внесла Коммуна.

[1] Курсив мой. — *С. Б.*

Коммуна — это «народ, действующий сам для самого себя». Он поставил у власти рабочих и создал в Парижской Коммуне первый в мире прообраз советской власти.

Развивая учение Маркса и Ленина о вопросах диктатуры пролетариата. тов. Сталин дает классическую формулировку взаимозависимости между Парижской Коммуной и советской властью: «Республика Советов является, таким образом, той искомой и найденной, наконец, политической формой в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма.

Парижская Коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением». [1]

Новые материалы Маркса не менее ясно, чем окончательный вариант, вскрывают авангардную и организующую роль пролетариата в Коммуне и срывают с правительственных функций ту тайну, которой их окружила буржуазия. «Исчезла, — пишет Маркс, — иллюзия, будто административное и политическое управление — это какие-то тайны, какие-то потусторонние функции, которые могут быть доверены только обученной касте — государственным паразитам...» (стр. 329). Маркс показывает, что простые рабочие, из которых состояла Коммуна, действовали как государственные мужи и «...организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием огромный город, выполняли все функции, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой...» (стр. 331). При этом все эти государственные функции рабочие выполняли «.. за очень скромное вознаграждение, действуя на глазах у всех, не претендуя на непогрешимость, не скрываясь за канцелярской канителью, не стыдясь сознаваться в своих ошибках и исправлять их. Они сразу превратили общественные функции — военные, административные, политические — из тайных атрибутов особой касты *в функции действительных рабочих;* (поддерживали порядок в бурях гражданской войны и революции), (предприняли меры для возрождения страны)» (стр. 331).

Растлевающие социальные и политические условия, породившие вторую империю, под властью Наполеона III развились до своего предела. Господствующая кучка, находившаяся у власти, составила открытый заговор «...с целью умертвить Францию, чтобы спасти привилегии, монополии и роскошь выродившихся, истощенных и прогнивших классов, приведших Францию на край пропасти». В дальнейшем эти растлевающие условия «...превратили бы Францию в труп, если бы они не были заменены *возрождающей силой пролетарской революции*» (стр. 267). [2] Несколько ниже Маркс пишет, что «только геркулесова рука подлинной, социальной революции» (стр. 267), по существу, вытащила Францию из той пропасти, куда ее толкали господствующие классы. Особое место среди них Маркс уделяет легитимистам и орлеанистам, посвящая ряд страниц во втором варианте вопросу о «помещичьей палате», заседавшей в Бордо. Маркс прослеживает, как еще во времена первой империи многие из экспроприированных французских помещиков «вернули себе свои имения тем, что поступили в лакейскую Наполеона I». Другим это удалось сделать во время реставрации «благодаря миллиарду возмещения и личным дарениям» (стр. 395).

Крупные землевладельцы, вчерашние французские сеньоры, стали «участниками акционерной компании современных рабовладельцев» и собирали «золотые яблоки, падавшие в их замки с древа современной промышленности» (стр. 395).

И в Бордо в начале 1871 г. собрались «худшие люди Франции», образовавшие помещичью палату, которая скрывала свою «буржуазную действительность под феодальным нарядом» (стр. 397). Совершенно понятно, что французский народ, руководимый и возглавляемый рабочим классом, «...пораженный и возмущенный возвращением всех этих высокородных Пурсоньяков, которых он считал давно похороненными, убедился, что ему нужно не только сделать революцию XIX века, но и доделать революцию 1789 г....» (стр. 399).

Маркс имеет в виду пролетарскую революцию, когда говорит о революции XIX в.

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 33.

[2] Курсив мой. — С. Б.

Разве не поразительно совпадают эти слова Маркса с неоднократно повторенным указанием Ленина, что пролетарской революции необходимо будет походя завершить то, что остается незавершенным и что неспособна завершить буржуазная революция? Ленин, развивая дальше идею Маркса, неоднократно подчеркивал, что только Парижская Коммуна, установившая диктатуру пролетариата, доканчивает во Франции развитие буржуазных преобразований, начатых и не законченных в революции 1789 г., продолженных и не законченных в революциях 1830 и 1848 гг.: «... только геройству пролетариата обязана своим упрочением республика, т. е. та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме». [1]

И недаром современные французские пролетарии, потомки геройских парижских коммунаров, под руководством компартии установили единый фронт, чтобы отстаивать от покушений фашистских банд демократические свободы, во имя дальнейшей борьбы за диктатуру пролетариата. Только рабочий класс оказался способным сейчас во Франции объединить все ее живые силы в борьбе против реакции, фашизма, войны и интервенции. Только СССР, продолжающий дело Коммуны, и международный рабочий класс выступают единственными подлинными поборниками защиты человечества и культуры от гниения и смерти. И это знамя борьбы во имя человечества было поднято еще пролетариатом Франции в дни Коммуны.

«... Париж, верный своему историческому прошлому, — пишет Маркс, — стремится возродить французский народ, делая его борцом за возрождение общества, превращая социальное возрождение человечества в национальное дело Франции! Это есть освобождение производящего класса от эксплоататорских классов, от их челяди и их государственных паразитов... Париж поднял знамя человечества!» (стр. 283).

Маркс неоднократно подчеркивает, что основным условием возрождения человечества является освобождение пролетариата. В своем первом варианте «Гражданской войны во Франции» Маркс указывает, что «... правительство рабочего класса сможет спасти Францию и совершить национальное дело только в том случае, если оно будет работать *для освобождения рабочего класса*, ибо условия этого освобождения являются вместе с тем и условиями возрождения Франции» (стр. 353).

Исходя из всего этого, совершенно понятно, что Маркс показывает, как французский рабочий класс, который начал «... это движение в своих собственных интересах и в *интересах человечества*» (стр. 335), [2] стремится привлечь на свою сторону все живые силы общества и в первую очередь трудящихся города и деревни.

Вопросу о гегемонии пролетариата, как руководителя трудящегося крестьянства в его борьбе за освобождение, Маркс уделяет в подготовительных материалах очень много места.

Маркс неоднократно подчеркивал, что пролетариат может привлечь на свою сторону крестьянство, и в частности французское, только показав ему те практические выгоды, какие оно непосредственно получит от революции. И первый вопрос, какой выдвигает Маркс, это — вопрос об оплате военных издержек за время франко-прусской войны и контрибуции, какую Тьер обязался выплатить Бисмарку. «Если победит Коммуна, контрибуцию должны будут платить виновники войны; если победит Версаль, тогда производящие массы, уже заплатившие своею кровью, разореньем и налогами, должны будут платить снова, а финансовые магнаты сумеют даже извлечь барыши из этого дела. Вопрос о ликвидации военных издержек должен был быть решен гражданской войной» (стр. 335).

И Маркс показывает, что Коммуна в этом вопросе представляет жизненные интересы не только рабочего класса, выступающего в авангарде, но и мелкой буржуазии города и в особенности деревни. Коммуна «представляет прежде всего интересы *французского крестьянства*. На его плечи будет переложена большая часть военных налогов, если победит Тьер со своими помещичьими депутатами» (стр. 335).

---

[1] Ленин, Соч., т. XVI, стр. 332.

[2] Курсив мой. — *С. Б.*

Маркс показывает, как Коммуна вернула бы крестьянство «к самостоятельной общественной и политической жизни», просветила бы его, освободила от жандармов и попов, дала бы самое дешевое правительство в мире, избавила от суеверия и предрассудков. «Империя, — пишет Маркс, — опиралась на искусственно питаемые иллюзии и традиционные предрассудки крестьянина, Коммуна опиралась бы на его живые интересы и действительные нужды!» (стр. 339).

Коммуна, которая, как пишет Ленин, пробивала себе дорогу к союзу с крестьянством, не имела времени для того, чтобы распространить свои идеи среди него. Господствующие классы прекрасно понимали, какое огромное революционизирующее влияние имела Коммуна на крестьянство. Маркс с полным основанием мог писать: французские «Помещики» знают, что три месяца господства республики во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата... они боятся освобождения крестьян. *Крестьяне очень скоро провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и старшим братом»* (стр. 339).[1]

Коммуна, как известно, не смогла все же пробиться к крестьянству и установить с ним тесный союз. Этим Коммуна отличается от Октябрьской революции, которая «сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы». Коммуна, как и революция 1848 г., как пишет тов. Сталин, «... погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии».[2]

Чтобы вбить клин в намечавшийся уже в дни Коммуны союз рабочего класса и крестьянства, правительство Тьера при помощи Бисмарка не только изолировало Париж от остальной Франции, но, как показывает Маркс, установило *«идейную и полицейскую блокаду провинции»*. «Провинциям разрешается смотреть на Париж только сквозь версальскую *камеру-обскуру* (искажающее стекло)» (стр. 295).

Вследствие этих обстоятельств, и главное — из-за недостатка времени, парижские рабочие *не успели* установить союза с крестьянством. Совсем иное положение было в самом Париже. «Впервые в истории, — пишет Маркс, — мелкая и *средняя* буржуазия открыто объединилась вокруг рабочей революции и провозгласила ее единственным средством своего собственного спасения и спасения Франции!» (стр. 343).

Под влиянием гнусностей войны, при виде финансового разорения Франции, находясь на краю своей собственной гибели, мелкая буржуазия города убеждается, что «... не растленный класс тех, кто желает быть рабовладельцами Франции, а единственно лишь отважные устремления и геркулесова сила рабочего класса могут принести спасение!» (стр. 343—345).

И Маркс мимоходом бросает чрезвычайно ценную мысль о роли пролетариата в освобождении и раскрепощении от пут капитала людей науки.

Мелкая буржуазная и трудящаяся интеллигенция «... чувствует, — пишет Маркс, — что лишь рабочий класс может освободить ее от господства попов, превратить науку из орудия классового господства в народную силу, превратить самих ученых из прислужников классовых предрассудков, из корыстолюбивых государственных паразитов и союзников капитала в свободных работников мысли! *Наука может выполнять свою истинную роль только в республике труда»* (стр. 345).[3]

Эти мысли Маркса нашли полное подтверждение в СССР — республике труда, где мы имеем блестящий расцвет не только науки, превратившейся в народную силу, но и искусства, литературы, техники, отважных и смелых открытий, — всего того, о чем и не могут мечтать лучшие люди науки в странах капитализма. И не случайно в наши дни писатель Том Манн заявил: «Если выбирать между коммунизмом и фашизмом, я выбираю коммунизм».

Если в дни Коммуны нашлись десятки людей науки, искусства и литературы, отдавших свои силы и энергию в защиту дела рабочей революции, то теперь, не говоря об СССР, на сторону коммунизма становятся тысячи из среды

---

[1] Курсив мой. — *С. Б.*

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 78.

[3] Курсив мой. — *С. Б.*

трудящейся интеллигенции, ибо они понимают, что только в республике труда наука, литература и искусство могут выполнить свою истинную роль.

Новые материалы Маркса, как мы видим, показывают, какое огромное внимание уделяли основоположники научного коммунизма вопросу о гегемонии пролетариата в революции.

Немало места в своих подготовительных материалах уделяет Маркс вопросам классовой борьбы, ее формам и методам после захвата власти пролетариатом, уничтожению классов и отмиранию государства.

«Коммуна, — пишет Маркс, — не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс стремится уничтожить классы, и следовательно всякое классовое [господство]...» (стр. 333).

Маркс показывает, что Коммуна была «чрезмерно гуманна» (стр. 311), бичует коммунаров за излишнюю мягкость и ненужное великодушие по отношению к классовым врагам, которые, будучи однажды освобождены, снова принимались за свою подлую и грязную работу. Маркс ясно отдает себе отчет в том, что ликвидация классов будет происходить не путем плавного развития, что поверженные капиталистические классы будут пытаться нарушить ход мирного строительства и будут восставать против пролетариата.

«Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может быть только последовательным делом времени, что экономическое преобразование, которого он требует, является не только изменением распределения, но и новой организацией производства... Он знает, что *эта работа возрождения будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением старых интересов и классовых эгоизмов*» (стр. 333—335).[1]

Разве эта марксова теория об уничтожении классов, развитая и поднятая на новую ступень Лениным и Сталиным, не отличается, как день от ночи, от оппортунистических утверждений о мирном врастании в социализм? В другом месте, останавливаясь на этом же вопросе, Маркс пишет: если бы Коммуна была «...твердо установлена в национальном масштабе, то катастрофы, которым она могла бы еще подвергнуться, были бы спорадические восстания рабовладельцев, восстания, которые, прерывая на мгновение работу мирного прогресса, только ускорили бы движение, вложив меч в руки социальной революции» (стр. 333).

Эти высказывания Маркса имеют сугубо актуальное политическое значение. Разве мы не были свидетелями того, как фашистские выродки типа Николаева и других, воспитанные Зиновьевым и Каменевым, по их прямым указаниям пытались ударом в сердце задержать на мгновение дело мирного социалистического строительства? Партия, рабочий класс и колхозники нашей страны потребовали, чтобы меч пролетарской революции отсек самым беспощадным образом прямых врагов партии и советской власти.

Линия нашей партии на самую беспощадную непримиримую борьбу против прямых и скрытых классовых врагов, против двурушников и оппортунистов всех мастей, является прямым продолжением тех указаний, какие Маркс и Энгельс давали коммунарам. Они критиковали их «чрезмерную гуманность» и считали, что на выступление классовых врагов против диктатуры пролетариата нужно отвечать мечом социальной революции, т. е. карающими органами пролетарской власти.

В новых материалах Маркса наряду с очень ценными историческими материалами, наряду с новыми вариантами, показывающими марксово понимание ряда крупнейших вопросов, наряду с меткими характеристиками исторических деятелей и образным описанием Парижа времен второй империи и времен Коммуны, имеется много важнейших мыслей, брошенных им мимоходом. Достаточно указать на мысль Маркса о всеобщем избирательном праве. В своем первом наброске «Гражданской войны во Франции» Маркс пишет: «Всеобщее избирательное право, которым до сих пор либо злоупотребляли как средством парламентского санкционирования священной государственной власти, либо бывшее игрушкой в руках господствующих классов и служившее народу только для того,

[1] Курсив мой. — *С. Б.*

чтобы раз в несколько лет санкционировать парламентское классовое господство (выбирать орудия этого господства), — *всеобщее избирательное право приспособлено теперь для своего подлинного назначения*, для избрания коммунами своих собственных чиновников в области управления и законодательного почина» (стр. 329). [1]

Эта вскользь брошенная мысль об использовании рабочей революцией всеобщего избирательного права для своего подлинного назначения нашла под руководством т. Сталина в Советской России полное развитие в известном решении VII Съезда Советов СССР о внесении изменений и дополнений в советскую конституцию, открывшем новую эпоху советской демократии.

Новые материалы о Коммуне показывают нам также методы работы Маркса. Они вводят нас в его научную лабораторию, и мы видим, с какой тщательностью и скрупулезностью собирает Маркс подготовительные материалы, как он выясняет для себя все вопросы, составляет первые наброски, затем вторые, проверяет каждый факт, каждое имя, каждую дату.

Но это была относительно легкая часть работы. Известен обычай Маркса не отсылать ни одной строчки прежде чем не будет закончено все произведение. В одном из своих писем к Энгельсу в июле 1865 г. Маркс писал: «Каковы бы ни были недостатки моих сочинений — их преимущество состоит в том, что они представляют из себя художественное целое, а этого можно достичь лишь с помощью моего обычая никогда не сдавать в печать, прежде чем произведение не закончено вполне». [2]

Новые материалы Маркса о Коммуне и являются лучшим свидетельством того, какую огромную, нечеловеческую работу пришлось проделать Марксу прежде чем создать окончательный вариант «Гражданской войны во Франции», — величайший памятник Коммуне, образец страстного разоблачения ее врагов, полный пролетарской ненависти к «волкам и свиньям капиталистического общества», пример наилучшего научного анализа причин, породивших Коммуну, и ее уроков.

Когда Маркс 23 мая прочел опубликованные ныне первые варианты «Гражданской войны во Франции», то он в своей речи заявил: «*Принципы Коммуны вечны и не могут быть сокрушены: они будут выдвигаться снова и снова, пока рабочий класс не добьется своего освобождения*». Это гениальное предвидение К. Маркса целиком оправдалось. Российский рабочий класс, к которому уже в начале XX в. перешла авангардная роль в международном рабочем движении, благодаря большевистской партии и гениальному руководству Ленина и Сталина, сумел в октябре 1917 г. совершить свою Великую пролетарскую революцию.

Российский рабочий класс, который, как говорил Ленин, «стоял на плечах Коммуны», сумел избежать тех ошибок, какие были ею допущены.

Парижские коммунары боролись за дело всего международного пролетариата и с полным основанием могли заявить в одном из своих заседаний, что «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики». Красное знамя развевалось в течение 73 дней над мировой столицей — Парижем, — «головой и сердцем Франции» (Маркс), и это «было невиданным в истории событием» (Ленин).

Партия Ленина и Сталина, продолжающая дело Парижской Коммуны, водрузила это знамя в 1917 г. над одной шестой земного шара, как знамя освобождения не только пролетариата и трудящихся бывшей царской империи, но как знамя освобождения всего трудящегося человечества.

Мы совершили Октябрьскую революцию для того, чтобы провести «... максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*». [3] И если в 1871 г. Париж явился школой борьбы для пролетариев всего мира, то «... теперь Москва, — как пишет т. Сталин, — является убежищем и школой для революционных представителей подымающегося *пролетариата*». [4]

С. Бантке.

[1] Курсив мой. — С. Б.

[2] К. Маркс — Ф. Энгельс, Письма. под ред. В. Адоратского, 1931, стр. 194.

[3] В. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 385.

[4] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 208.

POLITISCHE GESCHICHTE DES NEUEN DEUTSCHEN KAISERREICHES. DAS ZEITALTER WILHELMS II. VON JOHANNES ZIEKURSCH. FRANKFURT AM MAIN 1930. S. 488.

Иоганнес Цикурш. Политическая история новой германской империи. Эпоха Вильгельма II. Франкфурт-на-Майне 1930, стр. 488.

Цикурш начинает свою работу с того периода истории Германии (1890 г.), когда запоздавший к «столу капиталистических яств» (Ленин) молодой сильный разбойник стал освобождать себе бронированным кулаком место на империалистическом пиру. Работа заканчивается 1918 годом, периодом разгрома центральных держав и начала революции в Германии. Короче, книга Цикурша дает как историю Германии с 90-х гг. по 1918 г., так и историю подготовки, хода и исхода империалистической войны 1914—1918 гг.

Германские буржуазные историки послевоенного периода заняты разрешением одной проблемы: в чем причины краха германской империи Вильгельма II и как обеспечить победу Германии в надвигающейся войне?

На протяжении 448 страниц автор подводит читателя к ответу на первый вопрос. Роковой для империалистической Германии оказалась, по его мнению, бездарность Вильгельма II. Страну, бывшую на пути к тому, чтобы стать мировой державой, возглавлял «недостаточно духовно созревший», «трусливый, неуверенный, нервный человек» (стр. 6). «Кайзеру недоставало глубокого знания сил и стремлений великих держав, а отсюда — и четко очерченной цели для собственной внешней политики» (стр. 8).

Характеристика, данная автором Вильгельму, не нова и не оригинальна. Бисмарк в своих «Воспоминаниях» сделал это, пожалуй, более метко.

Заодно с Вильгельмом II автор критикует и его помощников — канцлеров, начиная с Каприви и кончая Бетман-Гольвегом. Особенную ненависть автора заслужил Тирпиц. Человека, в руках которого находились все пружины тайной дипломатии Германии, который при Вильгельме долгие годы руководил всей внешней политикой Германии, — Гольштейна, Цикурш изображает ненормальным. Таким образом, борьбой Германии за «место под солнцем» с сильными, но старыми уже хищниками руководил неумелый, неуравновешенный кайзер, бездарные канцлеры и министры и сумасшедший дипломат.

За *неумелую* политику грабежа обрушивается автор на кайзера и его министров. Грабить нужно умеючи — вот основная мораль почтенного историка.

В чем заключались, по мнению автора, те роковые ошибки Вильгельма II и его помощников, которые довели империю до разгрома? В том, что Вильгельм II и его дипломаты не сумели не только не вовлечь в союзники Англию, но по крайней мере ее нейтрализовать, не умели направить основные удары против России и Франции. Раз произошел разрыв с Россией и сближение ее с Францией, Германии нужно было теснее сблизиться с Англией. Между тем, за небольшими исключениями, вся внешняя политика Вильгельма II, в противовес политике Бисмарка, заключалась в провоцировании разрыва с Англией, что в конце концов привело ко вступлению Англии в мировую войну против Германии.

«Тщетно пытался Бисмарк в 1889 г. привлечь англичан в союз против Франции; теперь для его наследников представилась возможность войти в соглашение с Англией против Франции» (стр. 39). Речь идет о заключении франко-русского союза.

Каприви испортил все дело. Он не сумел привлечь англичан. Но этот промах Германии на дипломатическом поприще не был последним.

С возмущением пишет автор дальше о том, как Вильгельм II раздражал Англию своими выступлениями и по турецкому вопросу и англо-бурской войной. Хуже всего то, что за Вильгельмом II шли определенные круги Германии.

Но худшее было впереди. Германия строит крейсера и дредноуты, направленные против могущества Англии.

Может быть, по автору, Германии нужно было разоружиться? Нет, о разоружении Цикурш не ставит вопроса. Наоборот, по его мнению, нужно было сильнее вооружаться, но не на море, не против Англии, а на суше, направив основной удар против России и Франции. Автор предоставляет Англии созерцать,

как германский империализм справляется со своими противниками на континенте, чтобы затем обрушиться на островную страну.

За фигурой Вильгельма II и его министров автор пытается скрыть империалистические противоречия, породившие войну. Никто не станет оспаривать мнения Цикурша и вообще германских буржуазных историков последних лет о бездарности и подлости Гогенцоллернов. Об этом в свое время по адресу предков Вильгельма II блестяще писали Маркс и Энгельс. Но хотя, без сомнения, личные качества Вильгельма II сыграли свою отрицательную роль, причины войны надо искать глубже, в столкновении интересов империалистических Англии и Германии. Это противоречие было *решающим*, вокруг этих главных противников группировались другие капиталистические державы. Весь описываемый автором период характеризуется усиленной подготовкой войны как со стороны Тройственного союза, так и со стороны Англии. «Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделенного мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма...».[1]

Борьба шла за *передел* мира, за «право» запоздалого хищника на грабеж.

Этот решающий, основной факт автор отрицает. Он утверждает, что ни Германия, ни Англия войны, собственно, не хотели. Сказкой для детей младшего возраста звучит описание автором постройки Багдадской железной дороги. Оказывается, не кто иной, как турецкий султан Абдул-Гамид, был инициатором этого дела, и «германские банкиры лишь с колебаниями пошли навстречу желанию султана» (стр. 42). Германская наивная Гретхен попала в лапы восточного преклонных лет султана.

Не раз была «обманута» германская Гретхен, втягиваясь в чужие дела. Еще более дряхлый, чем Абдул-Гамид, Франц-Иосиф, оказывается, обвел вокруг пальца Германию, заставляя ее выступать в интересах австрийской политики.

Ни кайзер, ни Бетман-Гольвег войны не хотели. Как утверждает автор, последний ставил целью своей жизни борьбу с опасностью европейской войны. И не его вина, что на этом поприще он потерпел полную неудачу.

Пацифистскую маскировку Ллойд-Джорджа и сэра Грея автор выдает за чистую монету. Иначе нечем поддержать тезис о миролюбии Англии.

Кто же, по автору, были виновниками войны?

В первую очередь — Россия, за нею — Франция, обе они затеяли ссору. Что же делала Германия? Германия, оказывается, изо всех сил спасала мир. За что же воевала Россия? За «идею панславизма», за проливы, за разгром Германии и Дунайской монархии. Как же было не защищаться Германии совместно с Австро-Венгрией против нашествия варваров? Так автор подводит читателя к излюбленному тезису буржуазных историков о «защите отечества».

Рабочие массы и их борьба — вне поля зрения автора. На исторической арене действуют лишь весьма добродушные, честные, любящие отечество социал-демократы. Но о великой массовой борьбе рабочего класса против военной опасности и против империализма в целом под руководством левого крыла социал-демократии, борьбе, которая заставила германский империализм *ускорить* начало войны, — у автора нет ни слова.

Ход и исход войны кажутся Цикуршу предрешенными с того момента, как Германия нарушила нейтралитет Бельгии и этим заставила Англию вступить в войну. План Шлиффена он считает в корне ошибочным. Нужно было ударить по слабому противнику — России, а затем по Франции. Конечно, Гинденбург — национальный герой, но он неспособен был уже спасти положение, создавшееся по вине Вильгельма II. Последний отвечает и за начало революции. Он не пошел в достаточной мере навстречу социал-демократам.

Автор пророчествует словами Бисмарка о наступлении такого времени, когда Германия, лишь без кайзера, снова воспрянет и пойдет в бой за «былое величие, блеск и славу». Что это не мечты далекого будущего, а лозунг германских империалистов сегодняшнего дня, — свидетельствует вся книга автора. Тезис о

[1] Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум ИККИ, стенографический отчет, т. II, стр. 318. Заключительное слово тов. Сталина.

невиновности Германии в мировой войне — это антитезис Версаля, это протест против версальского мира. Германская буржуазия восстала против версальской системы и готовит войну против СССР в первую очередь. Отсюда поиски виновника войны в лице России.

Противоречия империализма, породившие войну, не были разрешены, а в послевоенный период еще усилились. Мир идет навстречу новому туру пролетарских революций и империалистических войн.

Книга Цикурша сугубо *политическая* книга. Грубая фальсификация исторических фактов представителем исторической науки подчеркивает целеустремленность книги. Автор принадлежит к тем кругам финансового капитала, которые ищут безоговорочного союза с Англией и сближения с Польшей для войны против СССР в первую очередь. Разгромить Советский Союз, Францию, раздвинуть свои границы в первую очередь за счет движения на восток Европы, т. е. за счет СССР, захват Советской Украины, захват прибалтийских стран, чтобы превратить их в плацдарм для нападения на СССР, — вот планы германского фашизма. Отсюда — идеализация Бисмарка, как англофила, как носителя европейской политики, в противовес Вильгельму II, представителю *мировой* политики, которая привела к столкновению с Англией. Критика действий Вильгельма II, недостаточно укрепившего сухопутную армию, направлена к мобилизации всевозможных ресурсов для современного вооружения Германии. Но если автор упрекает Вильгельма в усилении морских вооружений, в повороте от европейской политики Бисмарка к мировой политике, это не означает, что германские фашисты отказываются от борьбы за передел мира. Сближение с Англией — вот цель этих заверений, что германские вожделения ограничиваются лишь европейским континентом. Похвалы по адресу социал-предателей, извращение истории классовой борьбы, направлены к обеспечению «классового мира во время надвигающейся войны» (надо иметь в виду, что книга была выпущена до фашистского переворота).

Но автор не учел, что за двадцать лет обстоятельства изменились.

Не против царской России, отсталой, которую все били, кому не лень, готовит войну Германия, а против страны Советов, страны социализма, страны передовой техники, с могучей Красной армией, которая играет все бо́льшую роль в борьбе за мир.

Поучая немцев искусству грабежа, почтенный профессор не учитывает краха II Интернационала, наличия мощных коммунистических партий, и в первую очередь — славной Красной Коммунистической партии Германии. Не учитывает он и уроков Октябрьской революции и не хочет видеть действительного будущего Германии — Советской социалистической Германии.

Книга была написана до фашистского переворота. Автор горько упрекает Вильгельма II и Гинденбурга за недостаточную гибкость в применении метода пряника наряду с методом кнута. Несостоятельны и его другие ставки. Обанкротившаяся буржуазная наука не в состоянии быть руководством к действию.

Книга Цикурша не является исследовательской работой даже с точки зрения буржуазной исторической науки. Это компилятивная работа, выполняющая социальный заказ германской финансовой буржуазии: путем применения оружия истории мобилизовать общественное мнение на новую империалистическую бойню, и в первую очередь — против страны Советов.

Тов. Эрколи в своем докладе на VII Конгрессе Коминтерна напомнил слова тов. Сталина о том, что «фашистская диктатура есть одна из форм организации тыла буржуазии для новой войны». Германскому фашизму удалось победить, и он громогласно заявляет о своей цели — контр-революционной войне против СССР, против коммунизма и национально-освободительного движения. Если до победы фашизма финансовая буржуазия до некоторой степени маскировала свои воинственные стремления, то сейчас она заявляет об этом во всеуслышание, прикрываясь только фиговым листком защиты германской нации. Германский фашизм есть главный враг мира и национальной независимости ряда стран.

VII Конгресс Коминтерна дал основной центральный лозунг: б о р ь б а з а м и р, указал методы борьбы трудящихся — тактику единого фронта. Основная задача — защита Советского Союза, борьба за мир, борьба за свержение фашизма, за диктатуру пролетариата.

З. Арро.

Mis DE ROUX. LA RESTAURATION. PARIS, FAYARD [1930], 20-ème édition, 466 p.

Книга маркиза Ру вышла в 1930 г., но до сих пор не отмечена в нашей литературе, в наших исторических журналах. А отметить ее следует — как яркий показатель тех сдвигов *вправо*, которые характеризуют буржуазную историографию нашего времени. Так же, как и большинство других выпусков научно-популярной серии парижского издательства Файяр «Les grandes études historiques» (в эту серию входят, между прочим, белоэмигрантская «История России» Бриана-Шанинова и нашумевший «труд» Гаксотта о первой французской революции), рецензируемая книга принадлежит перу реакционера, написана в откровенно аристократически-монархическом духе. Автор поставил своей задачей «реабилитировать» самый мрачный период в истории Франции первой половины XIX в. — период реставрации Бурбонов (1814—1830 гг.) — в глазах широкого читателя, привыкшего относиться к этой эпохе так, как она того и заслуживает, т. е. отрицательно. Легитимистский историк решительно восстает против этой столетней либерально-демократической традиции и пытается представить изучаемую им эпоху как эпоху не упадка, а «подъема» и «восстановления» Франции, едва не погубленной, по его мнению, «ужасами» революции и неудачами Наполеона.

Работа Ру состоит из трех частей: 1) «Реставрация Бурбонов», 2) «Их царствование» 3) «Их дело и их время».

Первые же страницы книги полностью раскрывают ее монархический «профиль». Вопреки совершенно неоспоримым фактам, Ру решается утверждать, что своим возвращением к власти в 1814 г. Бурбоны обязаны были не столько победам неприятельских армий, сколько усилиям своих сторонников и агентов во Франции. Подробно, опираясь на новый документальный материал (неизданные воспоминания графа Бертье де-Совиньи), описывает автор деятельность тайной легитимистской организации «Рыцарей веры» (Chevaliers de la Foi), подкапывавшей в последние годы империи существование бонапартистского режима. Но несмотря на все свое легитимистское усердие, Ру не в состоянии скрыть от читателя слабости и изолированности этой группы, не сумевшей поднять ни одного сколько-нибудь серьезного восстания в пользу Бурбонов даже после разгрома Наполеона под Лейпцигом и вторжения союзников во Францию. Попытка доказать, что реставрация старой династии не была навязана французскому народу неприятельскими штыками, рушится, таким образом, сама собой. Колебания Александра I в вопросе о том, кем заменить Наполеона, Ру явно преувеличивает. Ру недооценивает руководящей роли Англии, совершенно умалчивает о том, что последняя устами Питта еще в 1800 г. открыто выставила условием прекращения войны с Францией восстановление в ней Бурбонов, а также то, что в 1814 г. Людовик XVIII сам публично признал решающую роль поддержки, оказанной ему английским правительством (он заявил, что после бога обязан своей короной больше всего Англии). Этим мы отнюдь не хотим сказать, что реставрация Бурбонов не имела никаких *внутренних* причин, — они были и заключались в сужении социальной базы наполеоновского режима, вызванном целым рядом обстоятельств (неудачи континентальной блокады, промышленный кризис 1811 г., тяготы рекрутчины, усиление налогов, создание нового дворянства и пр.). Но, понимая взаимодействие обоих факторов, внутреннего и внешнего, и стремясь доказать свой недоказуемый «тезис», Ру оказывается не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение причин Реставрации.

Верный своей роли апологета Реставрации, Ру не находит слов, чтобы выразить свое одобрение «мудрой» политике Людовика XVIII. Даже исключительно тяжелые для Франции условия мира — обоих парижских трактатов, 1814 и 1815 гг. — автор стремится представить как довольно удачный для нее исход 23-летней войны, хотя вынужден все же признать, что общественное мнение французской буржуазии никогда не простит Бурбонам потери левого берега Рейна (р. 132). «Сто дней» — для Ру только незначительный эпизод, вызванный единственно недовольством армии; что на стороне Наполеона оказались в этот момент не только солдаты, но и значительные слои крестьянства и городского плебса, раздраженные реакционной политикой Бурбонов, этого Ру не видит, вернее — не

хочет видеть. Не отрицая ужасов белого террора 1815 г., автор явно преуменьшает его размеры и всячески старается доказать, что он не носил сколько-нибудь широкого характера. И сожалеет Ру, конечно, не о жертвах этого террора, а о его виновниках; так, по поводу расстрела Нея он меланхолически замечает: «Образ маршала, павшего утром 7 декабря под французскими пулями, окажется одним из тех, от которых погибнет Реставрация» (р. 139).

Роспуск черносотенной «бесподобной палаты», эксцессов которой Ру не одобряет, представляется ему ошибкой, так как этот акт «отделял короля от массы роялистов» и якобы усиливал врагов монархии (р. 158). Впрочем, несколькими страницами ниже автор объявляет себя горячим сторонником «либеральной» политики Людовика XVIII в 1817—1819 гг. «Остановимся, — говорит Ру, — на этой весне 1819 г. Нет более ни исключительных законов, ни исключительных трибуналов, ни превотальных судов, ни цензуры, ни административных арестов». Суд присяжных, нормальная работа парламентских учреждений, «независимых (?! — *А. М.*) до последней степени», бблышая сумма свобод, чем где бы то ни было, «чем даже в Англии» (?! — *А. М.*), финансовое благополучие — таким рисует автор внутреннее положение Франции в этот момент, накануне убийства герцога Беррийского и так называемой «третьей реставрации». У неискушенного читателя создается впечатление, что перед 13 февраля 1820 г. Франция «процветала» и что, не будь этого террористического акта революционного происхождения, она продолжала бы «процветать» под скипетром Бурбонов и дальше.

Описывая революционное движение во Франции и в ряде других стран в 1820—22 гг., Ру не скрывает своего удовлетворения по поводу того, что оно закончилось торжеством легитимизма. Неаполитанская революция для него — «трагикомедия» (р 194), либеральная конституция 1791 г. — «абсурд» (р. 195). Он открыто солидаризируется с клеветнической речью прокурора на процессе ларошельских сержантов, направленной против карбонариев (р. 200). Виллель, глава реакционного министерства 1821—1828 гг., изображается автором как «самый совершенный администратор», какого когда-либо имела Франция (р. 206). Военная интервенция Франции против революционной Испании находит полное одобрение у Ру. Отмечая, что Людовик XVIII умер королем в своем дворце, автор с горечью добавляет, что этого не дано было больше ни одному монарху Франции в XIX в. (р. 227). Переходя к Карлу X, Ру порицает его только за чрезмерную «принципиальность», за недостаток чувства реальности. Одним из первых шагов нового короля, указывает Ру, было увольнение в отставку 250 генералов империи, что вызвало сильнейшее недовольство в армии. Анализируя закон 1825 г. о вознаграждении эмигрантов, автор приходит к неожиданному заключению, что он лишь в очень слабой степени компенсировал людей, «пострадавших» от революции (р. 234). Подробностей прохождения этого знаменитого закона, изложенных в монографии Cain'a («Le Milliard des émigrés», Paris 1929), Ру не приводит. Останавливаясь на либеральной политике Мартиньяка, преемника Виллеля, автор с удовлетворением отмечает, что, несмотря на антиклерикальные тенденции нового министра, иезуиты и их школы фактически потревожены не были (р. 256). С большой теплотой отзывается Ру о Полиньяке, пытаясь доказать, будто этот последний министр Карла X не был крайним реакционером, сторонником абсолютизма, и что если бы он ушел в отставку *до* 25 июля 1830 г., *до* ордонансов, — его министерство было бы «одним из самых славных» в истории Франции (р. 263).

Особую главу посвящает Ру характеристике внешней политики Карла X. Он стремится доказать, что у Полиньяка был большой план реваншистской политики (борьбы за возвращение Франции левого берега Рейна), осуществлению которого помешала будто бы только июльская революция. Специальная глава посвящена колониальной политике Реставрации. Несмотря на все его старания, Ру не удается скрыть от читателя, насколько Франция отставала тогда от Англии как морская держава (280 судов против 500 судов британского флота) (р. 284). Ход завоевания Алжира рассказан довольно подробно, завоевание это представлено как «одно из самых крупных дел Реставрации» (р. 311), тем более крупных, что оно, по утверждению Ру, было проведено якобы наперекор общественному мнению буржуазии. Что закрепление всего Алжира за Францией произошло только *после* июльской революции, в длительной борьбе, закончившейся лишь в 1847 г.,

об этом автор не считает нужным упомянуть. Никаких новых фактов читатель, знакомый с литературой предмета (весьма обширной), в главе об Алжире не найдет.

Июльская революция, хотя и названа так, как она обычно называется в либерально-буржуазной историографии — «три славных дня» (les trois journées glorieuses), рассказана тоном человека, не скрывающего своего отрицательного отношения к этому событию. Жалкое впечатление производит попытка Ру доказать, будто ордонансы Полиньяка *не* покушались на «сущность представительного режима» (р. 318). Успех июльского восстания автор объясняет только нераспорядительностью главы министерства и других властей, а также мнимым мягкосердечием главнокомандующего, маршала Мармона, избегавшего будто бы стрельбы по революционным колоннам, среди которых имелись женщины (р. 330). Ни описания хода борьбы, ни имен хотя бы наиболее видных руководителей восстания, ни анализа социального состава восставших мы не найдем в этой главе, одной из самых слабых в книге Ру. Заканчивается эта глава цитатой из Бальзака, с уважением и сочувствием отзывающегося о свергнутом короле, который унес будто бы с собою в изгнание «счастье Франции» (р. 343).

Три специальных главы дополняют у Ру очерк истории Франции в эпоху Реставрации, и в них особенно ясно выступает реакционный дух всей книги. В этом смысле особенно показательна глава «Реставрация и революция». Опираясь в оценке великой буржуазной революции конца XVIII в. на «авторитет» Тэна (р. 345), автор пытается доказать, будто политика Реставрации подняла Францию на такую высоту, которая была немыслима раньше. «Революция, — заявляет он, отождествляя последнюю с режимом Наполеона, — привела к Трафальгару (поражение французского флота в 1805 г. — *А. М.*) и обеспечила окончательное преобладание Англии» (р. 349). Реставрация же улучшила международное положение Франции. Переходя к области внутренних отношений, Ру заявляет, что многие из тех свобод, которые революция провозгласила лишь для того, чтобы их тотчас же отменить (?! — *А. М.*), закреплены были только в период Реставрации» (р. 349). Конкретизируя свою мысль и продолжая отождествлять революцию с империей, автор противопоставляет деспотизму Наполеона мнимый либерализм Бурбонов и приходит к парадоксальному выводу, что «ни одно правительство не обставляло личную свободу лучшими гарантиями», нежели правительство Реставрации (р. 350). В согласии с Левассером и в противоречии с фактами Ру утверждает, что революция принесла с собой «экономический упадок» страны (р. 356) и что подъем наступил лишь в период Реставрации, — капиталистический прогресс Франции при Наполеоне сознательно затушевывается. Не будучи в состоянии поставить проблему истории промышленного переворота во Франции, Ру ограничивается беглыми замечаниями о начатках железнодорожного строительства и не приводит даже того конкретного материала, который уже собран историками, как например Анри Сэ. Это почти полное игнорирование экономической истории составляет вообще один из крупнейших недостатков книги Ру.

Много усилий тратит автор на то, чтобы доказать, будто реставрированные Бурбоны не оказывали никакого особого предпочтения дворянству перед буржуазией (р. 362). Действительно хартия 1814 г. *должна была* признать такое завоевание революции, как гражданское равенство, но фактическое преобладание землевладельческого дворянства давало себя знать на всем протяжении эпохи. Сам Ру вынужден признать, что молодой человек демократического происхождения, без капитала, не мог, при всех своих талантах, рассчитывать в эту эпоху на быстрое продвижение вперед, столь легкое в годы революции (р. 369).

Рабочему классу и рабочему движению Ру не уделяет почти никакого внимания; не чувствуется даже, чтобы он использовал печатные источники, как например сборник документов братьев Ж. и Ю. Буржен «Le Régime de l'industrie en France de 1814 à 1830», — сборник, содержащий большой фактический материал. Ни стачки, ни политические выступления рабочих не интересуют Ру. Зато он с теплотой отзывается об отживающих формах организации, о так называемых «компаньонажах» (союзы ремесленных рабочих), и с сожалением отмечает неудачу попыток восстановления цехов (р. 371). Ни одним словом не упоминая о жестоком законодательстве против стачек и профсоюзов, унаследованном от Наполеона, Ру подробно расписывает жалкие меры государ-

ственной помощи бедным, которые применялись правительством Реставрации; этой системе государственной благотворительности Ру придает, по его собственным словам, немалое актуальное значение (р. 376).

Монархист Ру не чужд и фашистских настроений: это видно из того, что он не скрывает своей тоски по «корпоративному государству», не знающему парламентской борьбы партий и стоящему якобы над ними (р. 384 и сл.). Наконец, он — убежденный клерикал. С удовлетворением отмечает он, что «закоренелое неверие XVIII в.» уступило в эпоху Реставрации место иным умонастроениям (р. 393). В главе «Трон и алтарь» (она занимает 52 страницы) Ру всячески расхваливает религиозную политику Людовика XVIII и Карла X, характерной особенностью которой считает защиту католицизма, соединенную с широкой веротерпимостью (одно из «доказательств» последней он усматривает в том, что... еврейский банкир Ротшильд получил от правительства орден). В действительности, союз между правительством и католической церковью во Франции никогда за весь XIX в. не был так крепок, как в период Реставрации, особенно в последние ее годы, когда боевое полурелигиозное братство Конгрегация играло роль, почти равную правительственной (отголоски влияния, которым пользовалась Конгрегация, находим в знаменитом романе Стендаля «Красное и черное»). С глубоким удовлетворением перечисляет Ру благодетельные для церкви мероприятия правительства Реставрации: увеличение бюджета культов (с 18 до 49 млн. фр.), числа епископских кафедр, церковных и монашеских школ (р. 412, 435); с восхищением рассказывает он об активности миссионеров (р. 414), о росте духовных орденов (р. 424 и сл.) и т. п.

Последняя глава книги озаглавлена «Нравы и романтизм». Последними штрихами обрисовывает здесь маркиз де-Ру дорогой его сердцу портрет аристократического общества времен Реставрации.

Никогда еще, — уверяет он читателя, — высшее общество не блистало такой чистотой нравов, такими добродетелями, как в эти годы. Запрещение развода, — утверждает он, одобряя варварский закон 1816 г., — «укрепило» семью, «расшатанную» в годы революции (р. 445—446). Если верить Ру, то нравственность лиц духовного звания никогда не была более безупречной, чем в годы Реставрации. Достаточно перелистать «Gazette des tribunaux» хотя бы за один 1829 г., чтобы убедиться в противоположном: никогда, кажется, не было столько судебных дел, в которых фигурировало бы столько развратных попов, обольстителей своих служанок. «Никогда еще, — утверждает Ру, — деньги не имели так мало значения в обществе, как в эту эпоху» (р. 448); никогда еще образ жизни и аристократии и буржуазии не отличался такой простотой, как в годы Реставрации. Достаточно обратиться хотя бы к романам Бальзака, чтобы убедиться в том, что дело было совсем не так.

Либеральная публицистика, с П. Л. Курье во главе, Стендаль, патриотические песенки Беранже, оппозиционные драмы Гюго, антифеодальные исторические работы Тьерри, Минье — все эти идейные явления эпохи, свидетельствовавшие о растущем подъеме буржуазии и предвещавшие близкий конец легитимной монархии, воспринимаются автором так, как если бы он был их современником и стоял в рядах крайней правой группы роялистов. Книга заканчивается откровенным сожалением о гибели монархии реставрированных Бурбонов и по меньшей мере смелым утверждением, будто после 1830 г. все во Франции изменилось к худшему, измельчало, поблекло.

Таково содержание, таков дух книги Ру. Что же нового дает она по сравнению со старой литературой предмета? Из приложенной к книге библиографической справки видно, что автор использовал ряд неизданных документов государственных и частных архивов, но сообщаемый им *новый* материал невелик, что должен был признать даже благожелательный рецензент из «Revue des études historiques» (sept. — oct. 1931). С другой стороны, в книге столько пробелов, — некоторые из этих пробелов указаны нами выше, — что она не дает сколько-нибудь полного очерка истории Франции в изучаемый автором период. Но основной порок книги не в ее структуре, и не в ее материальной ткани, а в ее методологии, в ее открыто реакционной, насквозь фальсификаторской установке. Появление в республиканской Франции такого откровенно монархического труда и выпавший на его долю успех (20 изданий) глубоко знаменательны, чрезвычайно характерны для

нашего времени. Не случайно выход в свет книги Ру совпадает с основанием фашистской организации «Боевые кресты» (1930 г.). VII Конгресс Коминтерна характеризовал «Боевые кресты» как самую сильную фашистскую организацию Франции в настоящее время, возглавляемую графом Де ля Рок, прадед которого сражался в армии Конде и прусского короля против французского народа. Крупные помещики-дворяне с громкими аристократическими именами, 60 тыс. офицеров запаса — дворян — возглавляют вооруженные фашистские силы. Крупный финансовый капитал неограниченно поддерживает их, они хорошо вооружены. В то время как растет во Франции революционый подъем и расширяется коммунистическое влияние, растут и силы фашизма.

Тов. Димитров указал на недооценку борьбы с фашистской идеологией со стороны компартий. Примером такого «идеологического отброса гниения капитализма» (Димитров) является книга Ру, где автор-монархист поднимает знамя борьбы против славных традиций французского народа, добившегося ценой собственной крови буржуазно-демократических свобод. Десятки тысяч французских рабочих отдали свою жизнь, чтобы добиться элементарных прав. В руках французской компартии, возглавляющей народный фронт против фашизма, находится мощное оружие революционных традиций, о силе которых говорил еще Энгельс.

Книга Ру — книга врага французского народа, книга, которая возвеличивает реакцию в прошлом. Своей книгой Ру стремится воодушевить фашистских молодчиков на борьбу за установление во Франции фашистской диктатуры с ее самой зверской, самой разнузданной реакцией. Но фашисты глубоко просчитаются. Коммунистическая партия Франции, уже однажды (в феврале 1934 г.) сумевшая дать внушительный отпор фашистам, добившаяся установления единого рабочего фронта и на его базе народного фронта против фашизма и войны, сумеет не только отстоять буржуазно-демократические свободы, завоеванные пролетариатом Франции в революциях 1830, 1848 и 1871 гг., но и повести пролетариат Франции на установление советской власти.

Последняя выбросит в мусорный ящик истории вместе с отживающей французской буржуазией маркизов Ру и прочие остатки монархической Франции.

А. Молок.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От президиума Ленинградского отделения Коммунистической академии . . .	V
От редакции	VI
М. Илюкович. Революционное просветительство и народничество 60 — 70-х годов	1
Ф. Головачев. Германская социал-демократия и Брестский мир	33
Н. Попов. Дворянский либерализм первой четверти XIX века (Аграрно-крестьянский вопрос в Вольном экономическом обществе)	89
С. Бантке. Революционное движение во французской армии в 1917 году . .	160

МАТЕРИАЛЫ:

Дневник управляющего Невской ниточной фабрикой К. И. Монкера за 1905 — 1907 годы	197

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. Дубровский. История гражданской войны в СССР, том I.	257
С. Бантке. Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII)	265
З. Арро. J. Ziekursch. Das Zeitalter Wilhelms II	272
А. Молок. M-is de Roux. La Restauration	275

Ответственный редактор С. Бантке. Технический редактор Л. Вакуленко

Книга сдана в набор 25/VIII 1935 г. Подписана к печати 20/XII 1935 г.
Индекс С-43. Соцэкиз № 1080. Тираж 7250 экз. Ленгорлит № 23160. Заказ № 2939.
Форм. бум. 62 × 94 см., 21,76 авт. л. 18 п. л. (161920 тип. зн. в 1 бум. л.). 9 бум. л.

Цена 4 руб. 25 коп., переплет 1 руб.

2-я тип. „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига". Лнгр., Гатчинская 26.